

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

**РАЗВИТИЕ
СЛАВЯНО-РУССКОЙ
ПАЛЕОГРАФИИ
(В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
И В СССР)**

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

Москва

2020

УДК
ББК
Ж

Составление и подготовка текста

*Г. С. Баранковой, Е. И. Державиной,
М. С. Крутовой, А. М. Молдована*

Жуковская Л. П.

Ж Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР). Избранные работы / Л. П. Жуковская. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. — 440 с.

ISBN 978-5-

Сборник избранных работ Л. П. Жуковской включает стереотипное издание ее основополагающего труда «Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР)» (1963) и некоторые из опубликованных ранее статей по вопросам палеографии, языка и текстологии древних славянских рукописных памятников.

ISBN 978-5-

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Г. С. Баранкова. Лидия Петровна Жуковская
(к 100-летию со дня рождения)..... 7

Развитие славяно-русской палеографии
(В дореволюционной России и в СССР)..... 23

Предисловие 23

Вводные замечания..... 24

§ 1. Палеография и ее метод 24

§ 2. Предмет палеографии 27

Глава I. Первое палеографическое исследование
в России..... 34

Глава II. Зарождение и становление палеографии
в России..... 40

§ 1. Время и причины появления палеографии
как науки..... 40

§ 2. Ученые XVIII в. и палеография..... 43

§ 3. Археографическая работа
в конце XVIII — начале XIX в. 44

§ 4. Первое палеографическое исследование XIX в. —
письмо А. Н. Оленина «о камне тмутараканском» 47

§ 5. Палеография у Н. М. Карамзина..... 51

§ 6. Палеограф А. И. Ермолаев 54

§ 7. Подделки древних рукописей в начале XIX в..... 56

§ 8. Румянцевский кружок 57

§ 9. Палеографическое исследование
Евгения Болховитинова 58

§ 10. Палеография в трудах К. Ф. Калайдовича..... 60

§ 11. Палеографические данные у П. И. Кеппена 63

§ 12. Вклад в русскую палеографию П. М. Строева..... 64

§ 13. Первые работы по водяным знакам на бумаге.
И. П. Лаптев и К. Я. Тромонин..... 66

§ 14. Вклад в русскую палеографию А. Х. Востокова	68
§ 15. Первые систематические курсы и пособия по палеографии	72
§ 16. «Описание» А. В. Горского и К. И. Невоструева	88
§ 17. Частные палеографические исследования в 50-х годах	90
§ 18. Заключение.....	91
Глава III. Славяно-русская палеография в конце XIX и первой четверти XX века	92
§ 1. Общая характеристика периода	92
§ 2. Палеографические труды И. И. Срезневского.....	92
§ 3. Альбомы и исследования древнерусского орнамента	97
§ 4. Работы Н. П. Лихачева о водяных знаках на бумаге.....	98
§ 5. Пособия по изучению скорописи	99
§ 6. Курсы палеографии Н. С. Тихонравова и Д. И. Прозоровского	102
§ 7. Палеографические труды И. В. Ягича.....	103
§ 8. А. И. Соболевский.....	105
§ 9. Е. Ф. Карский.....	109
§ 10. Курс палеографии Р. Ф. Брандта.....	113
§ 11. Свод образцов кириллицы Я. И. Трусевича.....	114
§ 12. Издание Архангельского евангелия 1092 года.....	115
§ 13. «Вещевая палеография» И. А. Шляпкина и альбом М. И. Михайлова	116
§ 14. Н. М. Каринский	118
§ 15. П. А. Лавров.....	123
§ 16. В. Н. Щепкин	125
§ 17. Работа в области палеографии М. Н. Сперанского.....	131
Глава IV. Палеография в 30–40-е годы.....	134
§ 1. Общая характеристика периода	134
§ 2. Курс русской палеографии М. Д. Приселкова.....	139
§ 3. Работа по палеографии Н. В. Степанова.....	142
§ 4. Учебный альбом снимков А. М. Селищева	144
§ 5. Вклад в палеографию И. Ф. Колесникова	144
§ 6. Учебник палеографии Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина.....	149

§ 7. Работы по частным или смежным с палеографией рукописей вопросам	151
§ 8. Указатели и описания архивов и отделов древних рукописей.....	152
Глава V. Оживление палеографической работы в 1950–1961 гг.....	154
§ 1. Общая характеристика периода	154
§ 2. Ученые, работавшие в области палеографии берестяных грамот	155
§ 3. Работы лингвистов в области палеографии рукописей.....	168
§ 4. «Русская палеография» Л. В. Черепнина.....	171
§ 5. Применение новых методов исследования в палеографии	177
§ 6. Исследования по водяным знакам бумаги.....	182
§ 7. Палеографические работы отдельных исследователей	185
Указатель имен	192
Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.)	195
Экслиттеральные способы определения разных почерков	328
Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника.....	349
Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние»)	371
<i>Хронологический список трудов Л. П. Жуковской за 1951–1993 гг. ....</i>	<i>415</i>
<i>Литература о Л. П. Жуковской и ее трудах .....</i>	<i>438</i>

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА ЖУКОВСКАЯ (к 100-летию со дня рождения)

В истории отечественной славистики Лидия Петровна Жуковская (1920–1994) известна как выдающийся ученый, внесший значительный вклад в изучение вопросов языка и текстологии древних славянских памятников письменности и прежде всего Евангелия, а также палеографии, диалектологии и истории старославянского и русского литературного языка.

Начальный этап научной деятельности Л.П. Жуковской был связан с диалектологическими исследованиями. Работая в секторе диалектологии Института русского языка АН СССР с 1947 по 1962 г., она вошла в число составителей «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957. Ч. 1); собирала и готовила материалы для Диалектологического атласа русского языка; была участником многочисленных диалектологических экспедиций, автором методического пособия по сборанию лексики, составителем карт и комментариев к ним. В этот период ею была написана важная в методическом отношении статья «Типы лексических различий в диалектах» (№ 7)¹.

В эти годы Лидия Петровна обратилась к палеографическим исследованиям. В 1953 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое исследование рукописи ГИМ Патр. 67» (научный руководитель Р. И. Аванесов). Это было исследование Галичского евангелия 1357 г., написанного в восточной части Ростово-Суздальской земли. В работе подчеркивалось:

---

¹ Здесь и далее ссылки на работы Л. П. Жуковской даются по порядковым номерам в хронологическом списке ее трудов, приведенном в конце настоящего издания.

«Палеографическое описание является составной частью описания любого древнего памятника письменности. Основная задача его — определить время и место написания памятника. Палеографическое описание памятников датированных имеет целью дать материал, который может быть использован для определения времени и места написания памятников недатированных, так как датированных памятников немного» (№ 8, с. 6).

На основании тщательного анализа почерков рукописи Л. П. Жуковской удалось установить число ее писцов и границы работы каждого из них. Однако задачи палеографического исследования были сформулированы более широко: предстояло проверить свидетельство записи о времени и месте написания рукописи, а также черты, свойственные всем писцам данного списка, для определения в будущем особенностей палеографии и графики рукописей середины XIV в., написанных на территории, примыкающей к Галичу. Скрупулезному исследованию в работе были подвергнуты количество и состав тетрадей и их нумерация, разлиновка рукописи, чернила, которыми она написана, использование краски, художественные особенности рукописи (миниатюры, заставка, инициалы). Учитывались особенности буквенных начертаний, употребление букв, имеющих графические варианты, особенности применения точек, надстрочных и разделительных знаков, употребление лигатур, характер киноварных инициалов. Тщательное исследование палеографии Галичского евангелия 1357 г. и анализ орфографических норм, имевших фонетическое значение, — все это позволило Л. П. Жуковской сделать вывод о высоком уровне книжного дела в Ростово-Суздальской земле XIV в., включая ее окраину, какой был тогда Галич.

Приобретенный опыт палеографического исследования рукописей Л. П. Жуковская смогла применить к новому для палеографии материалу — берестяным грамотам, значение которых для истории письменности она оценила одной из первых. Сначала появились ее статьи, посвященные палеографии берестяных грамот (см. № 5, 6), а в 1959 г. вышла работа «Новгородские берестяные грамоты» (№ 45), в которой исследовательница показала большую ценность этого нового исторического и лингвистического источника. В небольшой книжке, адресованной массовому чи-

тателю, Жуковская рассмотрела содержание грамот, привела отдельные их образцы с переводом на современный русский язык, в ряде случаев уточнила первоначальные чтения, предложенные А. В. Арциховским и другими учеными, устранила ряд ошибок в словоделении, проанализировала социальный состав, пол и возраст авторов и адресатов грамот, отметив при этом, что они являются бесценным свидетельством широкого распространения грамотности в Новгороде.

Проведенное Л. П. Жуковской палеографическое исследование берестяных грамот позволило выявить то общее и различное, что имеется в начертании букв на бересте и в написаниях на пергамене, отметить своеобразие датировки берестяных грамот. Отдельная глава посвящена языку новгородских берестяных грамот, которые исследовательница рассматривала «как одно из лучших свидетельств именно о живом языке жителей древнего Новгорода». В этой главе рассмотрена новгородская система письма, сделаны наблюдения над употреблением редуцированных гласных, цоканьем, процессами ассимиляции и диссимиляции согласных, рассмотрены некоторые морфологические особенности живого языка, отразившиеся в грамотах, в частности, сделан вывод о том, что «в живом языке новгородцев <...> формы аориста, имперфекта и давнопрошедшего времени отсутствовали, а причастия перестали склоняться» (№ 45, с. 123). В настоящее время лингвистическое исследование берестяных грамот переживает подлинный расцвет и вызывает неизменный интерес ученых-лингвистов.

Углубленное изучение палеографии отдельных памятников письменности привело Л. П. Жуковскую к мысли о необходимости обобщить накопленные знания в специальном историко-теоретическом исследовании. Так появилась работа «Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР)», вышедшая в издательстве Академии наук в 1963 году (№ 58). Эта книга до сих пор остается замечательным обобщающим трудом, не утратившим своего научного значения. В ней излагаются основные положения палеографии как науки, изучающей древнее письмо, обсуждается вопрос о связи палеографии с историей, литературоведением и языкознанием. Отмечается, что палеографический анализ в трудах историков и литературоведов, стремящих-

ся определить происхождение изучаемого текста, не всегда удовлетворяет лингвистов, для которых рукопись важна для уяснения написаний слов и изучения языка текста. Уже к концу XIX века специалистами по истории славянских языков была осознана важность палеографического анализа рукописей, и палеографическое исследование, позволяющее определить время и место создания рукописи, стало необходимой частью работы по датировке языковых явлений и процессов. Вследствие этого, как подчеркивает автор книги, лингвисты имеют большие заслуги в развитии палеографии, чем историки и литературоведы.

В отличие от других исследователей, расширительно представлявших предмет и задачи палеографии, Л. П. Жуковская ограничивает палеографию изучением эволюции письма древних рукописных памятников. По ее мнению, в сферу палеографии не должна входить судебно-правовая оценка современного документа и экспертиза почерка, не относятся к ней многочисленные старорусские пособия по обучению грамоте, и она не должна подменять собой историю языка.

В связи с этим Лидия Петровна формулирует основное теоретическое положение: «Палеография, хотя бы и практическая, начинается только тогда, когда производится изучение памятника письменности, создание которого отделено от времени исследования значительным промежутком, в течение которого более или менее существенно изменились приемы начертания знаков письма, конфигурация этих знаков, а также материалы, служащие для письма, и сами орудия письма» (№ 58, с. 11).

В книге затронуты важные методологические проблемы. Автор считает, что общей палеографии не существует. В зависимости от системы знаков палеография может быть латинская, арабская, греческая, грузинская, славянская и т. п. Жуковская подчеркивает, что эволюция западноевропейского письма и пути развития славянского письма изначально были различными и в отношении алфавитов, и в отношении почерков. Поэтому закономерности славянского письма требуют отдельного изучения.

В работе намечены основные этапы развития русской палеографии. Л. П. Жуковская вскрывает потребности возникновения и развития палеографии как науки в России, относя ее зарождение

к первой четверти XVIII века и считая, что впервые палеографический анализ был проведен в России старообрядцами А. Денисовым, М. Петровым и Л. Федосеевым, авторами знаменитых «Поморских ответов», которые доказали подложность рукописей, выдаваемых их противниками за памятники XII и XIV веков.

В работе показано, как от накопления первоначальных палеографических знаний совершился переход к палеографии как науке. Основания русской палеографии были заложены членами Румянцевского кружка, а первым научным палеографическим исследованием — письмо А. Н. Оленина графу А. И. Мусину-Пушкину «о камне Тмутараканском». Признавая большое значение филиграноведения для развития палеографии, Жуковская отметила вклад К. Я. Тромонина, альбом которого, вышедший в 1844 году, предвосхитил приемы каталогизации водяных знаков первого западноевропейского свода филигранных, изданного Ш. Брике лишь в 1907 году.

Новый этап развития палеографии в России был связан с именами крупнейших филологов последней трети XIX начала XX в. — И. И. Срезневского, И. В. Ягича, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, В. Н. Щепкина и П. А. Лаврова. В книге подробно рассматривается вклад каждого из них в развитие палеографии. Из многочисленных трудов по палеографии этого периода выделены три: «Учебник русской палеографии» В. Н. Щепкина, «Славяно-русская палеография» А. И. Соболевского и «Славянская кирилловская палеография» Е. Ф. Карского. Эти труды, по словам Л. П. Жуковской, составили золотой фонд русской палеографической науки.

30–40-е годы характеризуются в книге как время упадка палеографии. Лишь в 50-е — 1961 гг. произошло оживление деятельности палеографов, в немалой степени стимулированное находками берестяных грамот. Особое внимание автор уделила в работе описанию перспектив в развитии палеографических исследований с применением новых методов (лаборатория Д. П. Эрастова).

В этой книге Л. П. Жуковской были намечены и основные задачи и направления развития русской палеографии, в числе которых: 1) составление и издание альбомов с факсимильным воспроизведением начертаний букв из основных датированных рукописей; 2) создание палеографии берестяных грамот; 3) создание учебни-

ка по русской палеографии, который был бы основан на изучении всего 150-летнего теоретического и практического опыта отечественной и зарубежной славяно-кирилловской палеографии. Вторая из этих задач в конце прошлого века была успешно реализована А. А. Зализняком, представившим систематическое описание существенных палеографических признаков букв в берестяных грамотах, разработавшим модели их начертаний и создавшим на этой основе датирующие матрицы². Две другие задачи осуществлены лишь частично.

Также во многом нереализованным оказался проект, направленный на описание Реймского евангелия, которое Лидия Петровна успела бегло изучить во время его выставки в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в 1975 г. По ее словам, она испытала «трепетную радость и огромное счастье, держа в руках эту драгоценную рукопись». Навыки палеографического анализа были применены ею при анализе этой рукописи в полном объеме. Она писала: «Мы изучали только первую — кириллическую — часть книги (далее называем ее РЕ). Она оформлена скромнее глаголической. Но знакомство с нею в натуре, во всей ее первозданной красе, изучение ее прекрасного устойчивого почерка, начертаний отдельных букв, наконец, выверка текста имевшегося в нашем распоряжении недоброкачественного литографированного издания Сильвестра по подлинной рукописи РЕ, попутные лингвистические наблюдения над письмом и языком РЕ привели нас к заключению, что первая часть РЕ — очень древняя рукопись, более древняя, чем четыре датированные рукописные книги второй половины XI в. — Остромирово евангелие 1056–1057 гг., Изборник Святослава 1073 г., безымянный Изборник 1076 г. и Архангельское евангелие 1092 г. (они же — древнейшие датированные и среди сохранившихся инославянских книг)» (№ 143, с. 1).

В настоящее время это мнение закрепилось в науке. Предпринятая Жуковской предварительная публикация кириллического текста, основанная на изучении рукописи в подлиннике, несмотря

² Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. В кн.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000.

на плохое полиграфическое качество издания, возродила интерес к этому памятнику. В XIX и начале XX века существовали разные мнения о времени и месте написания кириллической части Реймского евангелия — высказывались предположения о ее сербском, русском, среднеболгарском и даже румынском происхождении. А. И. Соболевский, изучавший рукопись по изданию Сильвестра, довольно сдержанно высказался о ней: «Кирилловская часть Р<еймского> Ев<ангелия> есть памятник русской письменности XI–XII в., сохранивший много особенностей южнославянского оригинала»³.

Предполагая посвятить отдельную работу анализу письма и языка Реймского евангелия, Л. П. Жуковская оставила немало ценных замечаний палеографического и графико-орфографического характера, позволившего датировать РЕ первой половиной XI в. Она считала, что РЕ написано до Остромирова евангелия и слабее отражает восточнославянскую редакцию письма и языка. Одноеровое правописание РЕ она связала с одноеровой новгородской берестяной грамотой № 109, смешение юса большого, ю и диграфа оу, исключительное употребление юса малого (при отсутствии ю), редкое употребление ю в начале слова и после букв гласных, а также многочисленные случаи окончания строк на букву согласного она считает признаками неупорядоченности орфографии раннего периода, существенными для датировки рукописи.

Признанием заслуг Жуковской как опытного палеографа явилось обращение к ней в 1960 году редакции журнала «Вопросы языкознания» с просьбой высказать свое мнение по поводу так называемой Влесовой книги (переписанной Ю. П. Миролюбовым с якобы утраченных дощечек Ф. А. Изенбека). С. Лесной прислал фотографию одной такой «дощки», на которую Л. П. Жуковская дала уничтожающий отзыв. Так появилась знаменитая статья «Поддельная докириллическая рукопись (к вопросу о методе определения подделок)» (№ 47), опубликованная еще в 1960 году. Жуковская тщательно и непредвзято исследовала палеографические особенности ряда букв и пришла к выводу об имитации

³ Соболевский А. И. Кирилловская часть Реймского евангелия // Русский филологический вестник. 1887. Т. 17. С. 150.

букв (*ль*, *р*) при наличии древних начертаний для *ж* и *м*. Особенно интересно ее наблюдение о том, что о древности памятника могло бы свидетельствовать так называемое подвешенное письмо, при котором буквы как бы подвешиваются к линии строки, а не размещаются на ней, но для кириллицы эта черта неспецифична, она, по мнению ученого, «свойственна восточным образцам письма». В своем заключении Л. П. Жуковская также указала, что фото сделано не с «дощки», а представляет собой фотографию прориси. Совокупный анализ ее орфографии и языка привел автора статьи к выводу о том, что присланная фотография является подделкой. К вопросу о поддельном характере Влесовой книги Лидия Петровна потом еще не раз возвращалась в своей деятельности, о чем свидетельствуют ее статьи «Мнимая древнейшая летопись» (совместно с В. И. Бугановым и Б. А. Рыбаковым 1977 г., см. № 137), ««Влесова книга». Почему не Велесова?» (в соавторстве с Ф. П. Филиным 1980 г., см. № 153). ««Влесова книга» Что же она такое?» (1988, № 220).

В 60-е годы Археографическая комиссия АН СССР, возглавляемая акад. М. Н. Тихомировым, выступила с инициативой создания «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв., хранящихся в СССР», в котором участвовали специалисты из разных областей знаний. Методическая и исследовательская работа, проделанная участниками проекта на протяжении 20 лет, была грандиозной. Поначалу был составлен «Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв.», опубликованный в Археографическом ежегоднике в 1966 г., позже был создан Предварительный список славяно-русских книг XV в. Для составления Каталога вырабатывались принципы каталогизации, разрабатывались вопросы методики описания рукописей. На протяжении всего времени Л. П. Жуковская принимала деятельное участие в реализации проекта. Ход этой работы отражен в ее многочисленных статьях на эту тему: «Памятники русской и славянской письменности XI–XIV вв. в книгохранилищах СССР» (№ 78); «Замечания о “Предварительном списке” и “Сводном каталоге” славянских древних рукописей» (№ 79); «Пергаменные рукописи Пушкинского дома» (№ 81); «Сербские пергаменные Евангелия в книгохранилищах

СССР и их связи с южнославянскими рукописями» (№ 98); «Работа над «Сводным каталогом славяно-русских рукописей» и некоторые вопросы методики их описания» (№ 116); «Работа по подготовке славяно-русского выпуска “Сводного каталога рукописей” и “Инструкции” по его составлению» (№ 128) и др.

В 1973 г. Л. П. Жуковская совместно с Н. Б. Шеламановой написала «Инструкцию по описанию славяно-русских рукописей XI–XIV веков для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР”» (№ 110, 129). При ее непосредственном участии было составлено «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР”» (№ 109). Л. П. Жуковская стала ответственным редактором вышедшего в 1984 г. «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв., хранящихся в СССР» (№ 192), в котором были описаны 494 рукописи XI–XIII вв.

Работа над Каталогом стимулировала ее дальнейшие занятия палеографией и вызвала к жизни такие работы, как: «О правомерности «широких дат» для пергаменных рукописей» (№ 115), «Рекомендации для выявления водяных знаков (филиграней) в рукописях форматом 4° и датировки рукописей по филиграням» (№ 132), «О значении исследования понтюзо и некоторых других вопросов филиграноведения» (№ 164), «Инициалы в древнерусских рукописных книгах» (№ 112) и др. статьи. Ряд статей, особенно по филиграноведению, имеет практический обучающий характер.

В круг интересов Лидии Петровны входили не только вопросы палеографии, графики и орфографии, она обращалась и к изучению истории славянских алфавитов. Представляет интерес ее статья «К истории буквенной цифири и алфавитов у славян» (№ 65), в которой она убедительно показала, что «буквенная цифирь кириллицы отразила какую-то раннюю традицию обозначения чисел славянами, существовавшую до глаголицы», т. е. до изобретения алфавита славяне использовали буквы греческого алфавита для обозначения цифр, а также применяли для своего письма буквы греческого алфавита, что подтверждает правоту Черноризца Храбра о существовании славянского письма «без устройства» до создания Кириллом глаголицы.

Л. П. Жуковская внесла большой вклад в изучение текстологии славянских памятников. Ею были проанализировано около 600 списков Евангелия и 400 списков Пролога. Учитывая большой объем и значительное число списков этих памятников, Л. П. Жуковская предложила различать типологическое и собственно текстологическое исследования. Типологическое исследование, которое «охватывает лишь элементы структуры изучаемых списков одного и того же по происхождению памятника», она рассматривала как часть текстологического исследования (№ 127, с. 19). Она дала четкие определения таких основных понятий текстологии, как *памятник* (произведение), *список* (рукопись), *редакция* (текстологическая и языковая), *извод* (относящийся к языку списка и являющийся, в отличие от редакции, следствием его бытования в той или иной среде). Кульминацией текстологического исследования Жуковская считала определение генеалогического соотношения списков, которое невозможно без анализа разночтений, в том числе лингвистических.

Уже в 1969 г. ею был поставлен вопрос о роли языковых разночтений в текстологических исследованиях (статья «Лингвистические данные в текстологических исследованиях», № 82), связанный с проблемой текстологической значимости разночтений. По ее мнению, наибольшую весомость имеют те из них, которые относятся к содержанию, тогда как различия, которые являются отражением исторических изменений в языке, имеют меньшую ценность. Наименее показательны те из разночтений, которые отражают фонетические и морфологические особенности говора писца, не говоря уже о графико-орфографических особенностях его письма. Наибольшую трудность для текстологической группировки представляет анализ лексических разночтений, когда перед исследователем неизбежно встает вопрос, находились ли лексические варианты в отношениях взаимозаменяемости.

В дальнейшем Л. П. Жуковской был сформулирован и разработан метод лингвотекстологического анализа для изучения памятников, которые сохранились в большом числе списков. Собственно текстологическое исследование списков является первым этапом такого анализа, за ним следует лингвистическое, заключающееся

в выявлении языковых различий (лексических, словообразовательных, синтаксических, фонетических) с целью определения наслоений, появившихся в рукописях в результате редактирования, переписывания и бытования памятника, которое, с одной стороны, подтверждает текстологическую группировку списков, а с другой, — позволяет в ряде случаев локализовать их хронологическую и территориальную принадлежность. Этот метод был применен Л. П. Жуковской при анализе многочисленных списков Евангелия-апракос. Результатом работы явилась ее докторская диссертация «Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник (Археографическое, текстологическое и лингвистическое исследование)», защищенная в Ленинградском государственном университете в 1970 г. (АДД 1969), а также такие капитальные работы как «Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их» (№ 76) и «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (№ 127). В ходе исследования Жуковской были выделены три типа Евангелия-апракос: краткий, воскресный (праздничный) и полный, позднее она нашла еще одну разновидность евангельского текста, неизвестного в науке, — сверхкраткий апракос, в котором были соединены чтения из Евангелия и Апостола. Особое внимание исследовательница уделила полному апракосу, который сохранился во множестве восточнославянских списков и возникновение которого она относила к XII в. Лидия Петровна считала, что именно этот тип служебного Евангелия возник в древнерусской письменности. Жуковская впервые обратила внимание на повторяющиеся чтения в Евангелии-апракос, представляющие один и тот же текст в составе одной рукописи, и отметила их особый интерес для истории языка.

Не все выводы Л. П. Жуковской, касающиеся истории евангельских текстов, были единодушно приняты учеными. Так, высказанное ею предположение о том, что сверхкраткий апракос является древнейшим типом евангельского текста, переведенного Кириллом и Мефодием (см. № 62), не нашло широкой поддержки у специалистов. Однако составленный ею каталог славянских списков Евангелия и «сегодня... является единственным и незаменимым

пособием по изучению славянского Евангелия в его рукописной форме»⁴.

Несмотря на трудности, которые приходилось преодолевать Л. П. Жуковской, когда она доказывала необходимость занятия «памятниками традиционного содержания», как завуалировано, по условиям своего времени, ею были названы евангельские тексты, она мужественно отстаивала право на их научное исследование.

Палеографические наблюдения над рукописями и интерес к истории русского литературного языка сыграли немаловажную роль в разработке Л. П. Жуковской идеи грецизации и архаизации русского письма 2-й половины XV — 1-й половины XVI в., которую она выдвинула в противовес понятию «второе южнославянское влияние», предложенному А. И. Соболевским⁵. Эту идею она высказала в ходе исследования 400 списков Пролога, к которому обратилась в конце своей жизни. Жуковская считала, что «Новые особенности русской письменной культуры, в том числе «графико-орфографические нормы», которые называют О. А. Князевская и Е. В. Чешко, складывались веком позднее, т. е. во 2-й половине не XIV, а XV в. и захватывали XVI в., а не завершались в 1-й половине XV, как полагал А. И. Соболевский» (№ 207, с. 145). Анализ палеографических и орфографических особенностей, появившаяся в XX в. возможность более точной датировки рукописей по филиграммам (которой не располагал Соболевский) привели исследовательницу к выводу о том, что «явления, которые по традиции принято называть «вторым южнославянским влиянием» на русскую письменность, в действительности не связаны с каким-либо воздействием южнославянских (болгарских и / или сербских) особенностей письма, поскольку появились, по крайней мере, на целый век позднее, когда сами южные славяне почти целое столетие находились под османским игмом, и должно было смениться несколько поколений книжников после тех, которые могли бы эмигрировать на Русь со своими книгами после завоевания Бал-

⁴ Алексеев А. А. Чистая душа // Душа и слово. М., 2006. С. 7.

⁵ Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894.

кан турками» (№ 207, с. 145). Этот вывод Жуковской получил неоднозначную оценку у специалистов и вызвал дискуссию. Мнения разделились: одни слависты (в том числе Д. Ворт, О. Н. Трубачев, Т. М. Николаева) поддержали его, считая что «лингвокультурные явления данного периода в истории русского литературного языка следует считать по происхождению не столько иноязычными (южнославянскими), сколько автохтонными (архаизирующими или псевдо-классическими)»⁶.

Однако, по-видимому, более взвешенным является подход к явлению архаизации лишь как к одному из процессов, имевших место в восточнославянской книжной культуре, которое было связано с обращением к репертуару древнерусской книжности домонгольского периода. Другим же, несомненно, стало направление, вызванное распространением в восточнославянской книжности значительного числа новых южнославянских переводных и оригинальных текстов и новой среднеболгарской орфографии⁷.

Работы над текстологией Пролога, длившиеся более 10 лет, не были закончены, Лидия Петровна пыталась выяснить историю этого памятника, провести классификацию его многочисленных списков, делая это на примере отдельных входящих в него текстов, однако в полном объеме она не успела осуществить свои замыслы, оставив ряд ценных наблюдений и выводов (см., например, № 191, 196, 201, 209, 237 и др.). Ряд ее статей по Прологу вышли посмертно (№ 265, 268, 269).

Значительная часть научной деятельности Л. П. Жуковской была посвящена подготовке лингвистических изданий памятников древнерусской письменности раннего периода, которой она

⁶ Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. С. 222–223; см. также: Николаева Т. М. Нерешенные проблемы истории русского литературного языка // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Т. 150, кн. 6. 2008. С. 272.

⁷ Турилов А. А. Второе южнославянское влияние и русская культура XIV–XV вв. // Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. М., 2012. С. 521, 522, 532.

занималась, перейдя из сектора диалектологии ИРЯ РАН в сектор лингвистического источниковедения и исследования памятников языка в 1963 г. Помимо упоминавшегося издания Реймского евангелия ею были подготовлены «Апракос Мстислава Великого» (Мстиславово евангелие) XII в. (совместно с Н. П. Панкратовой и Л. А. Владимировой) (№ 170), «Архангельское евангелие 1092 г.» (совместно с Т. Л. Мироновой), вышедшее в 1997 г. посмертно (№ 262).

Важными и перспективными для науки Л. П. Жуковская считала факсимильные издания. Непременным условием научного факсимильного издания, по ее мнению, должен быть справочный аппарат, в который входили бы комментарии во всех случаях, когда текст был наведен. «Отметить все поздние исправления — обязанность редактора-издателя, готовящего рукопись к печати», — отмечала она в статье «Научное факсимильное издание древних рукописей» (№ 154, с. 56). Другие статьи справочного аппарата могут быть самыми разнообразными: они могут содержать палеографическое описание рукописи, комментарии к тексту, указатели или сопровождаться наборным текстом рукописи. Свои идеи по факсимильному изданию рукописей Лидия Петровна осуществила при издании Изборника Святослава 1073 года (№ 187), научным редактором которого она была.

Л. П. Жуковская воспитала десятки научных работников, под ее руководством были защищены 11 кандидатских диссертаций. Труд Л. П. Жуковской по исследованию и изданию древнерусских памятников и пропаганде научного филологического наследия был отмечен правительственными наградами. В 1988 г. она стала лауреатом Государственной премии РСФСР по науке и технике, в разные годы была награждена медалями «В память 800-летия Москвы», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда».

Многогранная научная деятельность Л. П. Жуковской, ее новаторство и тонкое умение определять проблемы и тенденции, наиболее актуальные и перспективные для современной славистики, делают ее труды важной и значимой частью отечественной филологической науки. Особой заслугой Л. П. Жуковской является возрождение прерванной в советский период традиции исследования библейских текстов.

Основные этапы жизни и деятельности Л. П. Жуковской

5 апреля 1920 г. — родилась в г. Мещовске Калужской области в семье служащих.

1929 г. — переехала с родителями в Москву.

1937 г. — окончила среднюю школу № 376 в г. Москве и в том же году поступила на факультет русского языка и литературы Московского городского педагогического института.

Июнь 1941 г. — окончила с отличием Московский городской педагогический институт.

Октябрь 1941 г. — эвакуировалась с мужем в г. Свердловск, где работала на разных работах (в швейной артели, школе, детском саду).

Декабрь 1943 г. — поступила в аспирантуру Московского городского педагогического института.

Май 1947 г. — ноябрь 1988 г. работала в Институте русского языка АН СССР в должности младшего (1947–1958), старшего научного сотрудника (1959–1986), главного научного сотрудника (1987–1988) сначала в секторе диалектологии (до 1963 г.), затем в секторе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка.

Март 1953 г. — защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в.».

Февраль 1959 г. — присвоено звание старшего научного сотрудника.

Май 1960 г. — научная командировка в Болгарию.

Сентябрь 1963 г. — участие в V Международном съезде славистов (София).

Август 1968 г. — участие в VI Международном съезде славистов (Прага).

Май 1969 г. — научная командировка в Болгарию.

Сентябрь 1969 г. — научная командировка в Югославию.

Февраль 1970 г. — защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук «Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник (Археографическое, текстологическое и лингвистическое исследование)».

Октябрь 1973 г. — участие в VII съезде славистов (Варшава).

1977 г. — научная командировка в Югославию.

1978 г. — участие в VIII Международном съезде славистов (Загреб).

1979 г. — научная командировка в Грецию.

1982 г. — научная командировка в Австрию.

1984 г. — научная командировка в Югославию.

Август, октябрь 1985 г. — научные командировки в Болгарию.

Ноябрь 1988 г. — январь 1994 г. — работала в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне РГБ) старшим, а позднее главным научным сотрудником ОР ГБЛ.

7 января 1994 г. — умерла в г. Москве, похоронена на Николо-Хованском кладбище.

Предлагаемый читателю сборник статей Л. П. Жуковской охватывает лишь небольшую часть написанных и опубликованных ею работ. Он включает повторное издание основополагающего труда Л. П. Жуковской «Развитие славяно-русской палеографии» и некоторые из опубликованных ранее работ, представляющие разные направления ее деятельности, которые в настоящее время стали библиографической редкостью⁸.

⁸ Помимо прижизненных изданий, некоторые из работ Л. П. Жуковской переиздавались посмертно. В частности, статьи Л. П. Жуковской «Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок)» и «Мнимая “древнейшая летопись”» (в соавт. с В. И. Бугановым и Б. А. Рыбаковым) были переизданы в сборнике «Что думают ученые о “Велесовой книге”?» / Сост. А. А. Алексеев. СПб., 2004). К 85-летию Л. П. Жуковской была издана книга «Душа и слово» / Сост. Г. В. Сорокина. М., 2006, в которую вошли преимущественно научно-популярные статьи Л. П. Жуковской, опубликованные в журнале «Русская речь». В предлагаемый сборник не включены многочисленные публикации Л. П. Жуковской в тематических сборниках серии «Лингвистическое источниковедение и исследование памятников языка», которые в настоящее время в полном объеме представлены на сайте Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена прежде всего русской палеографии, т. е. истории изучения палеографии рукописных памятников древней Руси, причем не только и не столько собственно русских (точнее: старорусских), но и памятников древнерусских, общих для всех восточнославянских народов — русского, украинского, и белорусского. Однако многие исследования по русской палеографии касались и старославянских памятников, так как известная нам древняя славянская письменность появилась сначала у юго-западных и южных славян. Поэтому и изучение русскими и советскими учеными палеографии старославянских рукописей не могло не быть отражено в данной работе. В то же время вопрос о возникновении славянской письменности, о первенстве одного из славянских алфавитов (кириллицы или глаголицы) здесь не освещается, поскольку в книге рассматривается только история развития палеографии как таковой.

Автор приносит глубокую благодарность М. В. Щепкиной и Н. Н. Розову за ценные замечания, сделанные при обсуждении настоящей работы.

Автор

* Впервые опубликовано: Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР) / АН СССР. Ин-т рус. языка. Отв. ред. Б. В. Горнунг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 142 с.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Палеография и ее метод

Палеография — наука, изучающая древнее письмо. Ее название происходит от двух греческих слов: *παλαιός* — «древний» и *γράφω* — «пишу». Посредством наблюдения, сопоставления и последующего обобщения наблюдаемых фактов палеография устанавливает закономерности изменения буквенных начертаний во времени и территориально. Материалом для такого палеографического исследования служат древние рукописи, время и место написания которых (или хотя бы только время) известны благодаря поставленной дате, указанию на место написания или благодаря упоминанию известных исторических событий и лиц в записи-послесловии писца рукописи или в самом тексте. В более широком плане палеографию можно понимать как историю письма (но не историю письменности; под последней подразумевается письменное наследие какого-либо народа вообще, и изучают ее отдельные самостоятельные науки, главные из которых история, языковедение и литературоведение). Под письмом в этом случае понимают графическое (буквенное или иное знаковое) изображение звуков или сочетаний звуков человеческой речи. В палеографии изучаются не только сами буквенные знаки и их эволюция, но и материалы и орудия письма, которые также не оставались неизменными. Палеография не рассматривает буквенные знаки независимо от алфавитов и языков. Наоборот, установление языка, на котором написан исследуемый текст, и использованного алфавита является предварительным условием всякого палеографического исследования. Некоторые ученые за самостоятельную задачу принимают установление подлинности изучаемого древнего текста. Это необоснованно, так как подлинность и подложность рукописи выявляется в результате определения времени ее написания, что составляет основную задачу палеографии. Некоторые ученые относят к палеографии само умение читать древние рукописи. Это

не совсем правильно, так как под чтением нельзя понимать только узнавание буквы, но непременно нужно включать и фактор понимания текста. Последнее же невозможно без знания основных явлений истории того языка, на котором написан исследуемый текст. Таким образом, поскольку палеография не может без помощи лингвистики выполнить задачу обучения чтению древних текстов, эту задачу нельзя считать специфической и тем более основной в палеографии. Известны и другие попытки расширения объема задач палеографии. Они рассматриваются ниже в соответствующих разделах настоящей работы.

Практическое применение палеография находит прежде всего для определения времени и места написания рукописей, дата написания и место происхождения которых неизвестны. Таких рукописей подавляющее большинство.

Особое значение собственно палеографический метод исследования имеет для датировки древнерусских рукописей, написанных на специально обработанной для этой цели коже — пергамене и на бересте. Определение времени происхождения рукописей, написанных на бумаге, более точно производится по водяным знакам бумажных фабрик, имеющимся на старой бумаге, с учетом времени, которое она могла пролежать до момента использования ее для письма. Древность же пергамена и бересты пока не определяется точно никакими способами. Между тем все древнейшие русские и славянские рукописи, за исключением надписей на предметах материальной культуры, и даже подавляющее большинство рукописей XIV в. написаны именно на пергамене или бересте. Установление времени написания их может производиться только путем анализа начертаний букв и другими дополнительными средствами палеографического исследования. Так же дело обстоит и с определением рукописей XV и последующих веков, написанных на листах бумаги, на которых по каким-либо причинам не сохранились водяные знаки фабрик.

Все науки, материал для которых может быть извлечен из памятников письменности, используют палеографию как средство установления времени и места возникновения изучаемого источника. Но преимущественно палеография обслуживает потребности историков, литературоведов и языковедов. Для этих ученых

палеографическое исследование составляет первый этап изучения древней рукописи, материал которой привлекается в качестве источника для последующего собственно исторического, историко-литературного или лингвистического исследования. Именно этим положением и объясняется, что в области разработки самой палеографии в России главные успехи достигнуты в первой половине XIX в. историками и филологами, а позднее — крупными лингвистами (И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, В. Н. Щепкин и др.). Последнее связано с огромными достижениями языкознания во второй половине XIX в. и позднее.

Связь палеографии с историей и литературоведением, с одной стороны, и с историческим языкознанием, с другой, взаимна, но неодинакова. Для истории, так же как и для литературоведения и других областей знания, для которых важно содержание рукописи, главным искомым является время происхождения изучаемого текста. Иными словами, этих ученых интересует в подавляющем большинстве случаев памятник письменности как таковой, а не сама рукопись, которая может представлять собой список, отделенный от оригинала несколькими столетиями и многими промежуточными списками. Для языковеда, наоборот, важна сама исследуемая рукопись, поскольку его, как правило, интересует в первую очередь не содержание, а написания слов, анализируя которые лингвист и вскрывает факты языка, отраженные в тех или иных написаниях изучаемой им рукописи. Из этого вытекает большая требовательность лингвистов к датировке каждой отдельной рукописи.

Специфика связи палеографии и лингвистики по сравнению с другими названными выше науками состоит в том, что уже к концу XIX в. историческая грамматика русского языка стала владеть фактами, позволяющими для некоторых веков и территорий довольно точно локализовать древние рукописи по данным языка, отраженным в каждой из них. С этого времени стало невозможным палеографическое изучение рукописи без привлечения фактов ее языка для проверки и уточнения полученных данных палеографии. Так исследование языка стало необходимой параллелью к палеографическому анализу при установлении времени и места написания

недатированных рукописей. В противоположность данным языка, факты истории — исторические события и лица, упоминаемые в записях (обычно послесловиях) писцов, — позволяют датировать (хотя и более точно) лишь весьма небольшое число рукописей.

Эти обстоятельства объясняют причины особых заслуг лингвистов в области развития русской палеографии, поскольку подавляющее большинство древних рукописей не имеет ни прямо, ни косвенно датирующих их записей.

§ 2. Предмет палеографии

История развития способов фиксации звучащей речи — письма — распадается на два неравных по длительности периода: 1) рукописный — со времени появления письменности на данном языке и до начала книгопечатания и 2) период книгопечатания. Славянское книгопечатание начинается с конца XV в.; на Руси оно появляется в середине XVI в., в царствование Ивана Грозного. Характерной особенностью истории русской книги является то, что размножение книг от руки не прекращается и после начала книгопечатания. Оно продолжается до начала XIX в., а в некоторых кругах, в частности у старообрядцев, которые были лишены возможности печатать открыто, задерживается вплоть до XX в. Важно отметить, что рукописная книжность XVII–XVIII вв. обслуживала более широкие и демократические круги русского читателя, чем книга печатная; последняя служила почти исключительно нуждам церкви, а после петровских реформ — правящим классам¹. Поэтому изучение рукописного периода русской письменности имеет огромное значение для всех наук, включающих исторический аспект исследования. Отсюда вытекает большая роль той отрасли знания, которая изучает письмо древних рукописных текстов, т. е. палеографии.

Общей палеографии не существует. В зависимости от системы буквенных знаков (алфавитов) и языка, на котором написаны

¹ См.: Н. Н. Розов. Светская рукописная книга XVIII–XIX вв. в собраниях А. А. Титова. — В кн.: «Сборник Гос. публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. II. Л., 1954, стр. 127–146.

изучаемые рукописи, палеография подразделяется на греческую, латинскую, арабскую, китайскую, индийскую, армянскую, грузинскую и др. Древние славянские рукописи в зависимости от алфавитов, какими они написаны, изучает глаголическая (по названию алфавита «глаголица»), кирилловская (или кириллическая, от названия «кириллица») или латинская палеография. В зависимости от языка славянская палеография делится на русскую, южнославянскую (правильнее различать сербскую и болгарскую) и западнославянскую (последняя разработана мало из-за незначительного количества сохранившихся до нашего времени древних рукописей и относительно раннего распространения книгопечатания у западных славян).

Специфическими славянскими системами буквенных знаков — алфавитами — являются глаголица и кириллица, существующие по крайней мере с конца IX в. нашей эры. Особенно широкое распространение получила кириллица, большинство знаков которой было создано на основе греческого торжественного, красивого и четкого почерка — унциала, употреблявшегося в то время в Византии для написания богослужебных книг, надписей и наиболее важных документов. Кириллицей написано подавляющее большинство древних памятников славянской письменности. На основе кириллицы в новое время, уже в период книгопечатания, сложились современные славянские алфавиты: русский гражданский, введенный Петром I в 1703 г., современный русский, введенный в 1917 г., украинский, белорусский, болгарский, сербский и македонский. Кроме того, на основе русского алфавита созданы алфавиты для большинства языков народов СССР, не имевших своей собственной письменности до 1917 г.

Все древнерусские рукописи написаны кириллицей. Известны лишь некоторые глаголические надписи и отдельные глаголические буквы в текстах, написанных кириллицей². Большая часть памятников первого литературного языка славян — старославянского языка — также написана кириллицей. Поэтому в России исклю-

² Перечень кириллических рукописей, в которых встречаются отдельные слова или буквы, написанные глаголицей, дает Е. Ф. Карский в книге «Славянская кирилловская палеография» (Л., 1928, стр. 211–212).

чительное развитие получила палеография памятников древней славянской письменности, написанных кириллицей на старославянском, древнерусском³, старорусском, староукраинском, старо-сербском и среднеболгарском⁴ языках.

Так как изменения в начертании букв происходили крайне медленно, палеографу приходится датировать рукописи, не имеющие года написания, сравнительно большими отрезками времени (от четверти века до целого столетия) и определять место написания очень широко — страной или частью страны, тяготеющей к тому или иному культурному центру.

Палеограф локализует памятники письменности во времени и территориально, сопоставляя анализируемую рукопись с датированными рукописями не только по начертаниям отдельных букв, но и по чисто внешним признакам: внешнему виду, материалу, на котором написан исследуемый памятник, средствам и приемам письма, оформлению рукописи в целом, художественным украшениям в ней и т. п. Палеограф изучает также в известной степени содержание памятника и особенности его языка. Только совокупность данных о всех этих сторонах позволяет давать относительно точную палеографическую характеристику той или иной рукописи.

Палеография не исследует все древние написания без исключения, нанесенные любым способом и на любом материале. Крупнейший русский палеограф В. Н. Щепкин, определяя предмет палеографии, писал: «Обыкновенно палеографию ограничивают исследованием знаков человеческого языка, наносимых на поверх-

³ Древнерусский язык — это общий язык славянских народов восточной Европы до XIV в. В отличие от древнерусского языка старорусский, староукраинский и старобелорусский — это соответственно языки собственно русской, украинской и белорусской народностей XV–XVII вв.

⁴ Определение «среднеболгарский», а не «староболгарский» уже давно закрепилось в славянском языкознании, так как «древнеболгарским» некоторые ученые называли раньше, а в Болгарии называют и теперь старославянский язык, от которого необходимо отличать собственно болгарский язык и рукописи, написанные в XII–XVI вв., когда болгарский язык претерпел большие изменения в фонетике и в области грамматических форм.

ность каким-нибудь красящим веществом»⁵. В настоящее время, когда стали известны берестяные грамоты⁶ — памятники письменности, знаки которых нанесены не посредством скольжения по поверхности писчего материала предметом, оставляющим след красящим веществом, а путем давления на поверхность острым орудием без применения красящих веществ, стало необходимым пересмотреть это определение предмета палеографии. Предметом палеографии является изучение рукописных памятников письменности как таковой, т. е. таких, назначением которых было служить средством передачи человеческой мысли, но не предметов материальной культуры, имеющих какие-либо написания. Таким образом, надписи на бытовых предметах (чашах, кубках, крестах и т. п.), вышивки текстов на предметах из ткани и т. д., начертания знаков письменности на памятниках архитектуры, скульптуры и живописи, буквенные и цифровые знаки на монетах и печатях не являются предметом изучения палеографии⁷. Однако вследствие недостаточности письменных источников для древнейшего периода (до XIII в. включительно) русская палеография использует частично и данные изучения надписей, а в настоящее время должна включать и изучение берестяных грамот.

Само название науки показывает, что памятники, исследуемые палеографом, должны быть древними или по крайней мере должны иметь соответствующий внешний вид и другие приметы древности. Исходя из значения слова «палеография», свойственных ей методов исследования и основной цели — определения времени и места происхождения нелокализованных во времени и террито-

⁵ См.: В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 1.

⁶ Берестяные грамоты, написанные указанным способом, открыты в большом количестве в 1951 и последующих годах при археологических раскопках древнего Новгорода. В настоящее время отдельные грамоты обнаружены также в Смоленске, Витебске и Пскове.

⁷ Изучение надписей и клейм, вырезанных на камне, металле и дереве (не бересте!), является предметом эпиграфики. Изучение граффити, т. е. надписей, сделанных красящим веществом, а также начерпанных на штукатурке, глиняных или деревянных изделиях, занимает промежуточное место между эпиграфикой и палеографией, но ближе к последней.

риально рукописей, — никак нельзя отнести к палеографии умение читать и писать современные исследователю тексты. Не относится к палеографии и проведение экспертизы (в частности, судебной) современного для эксперта почерка, хотя в методе исследования эксперта и палеографа есть известная общность. Таким образом, для настоящего времени к палеографии будет относиться изучение соответствующими методами рукописей, например, XVII в., но для человека XVII в. какое бы то ни было изучение рукописей своего времени не могло называться палеографическим. Также и рукописи X–XII вв. для людей, живших в то время, были современными, а никак не древними. Это само собой разумеющееся положение нарушается в последнее время в некоторых учебных пособиях по палеографии. Так, стремясь отнести зарождение этой науки к глубокой древности, Л. В. Черепнин пишет: «Первоначальные приемы палеографического анализа зародились, вероятно, в чисто практических целях еще в раннефеодальный период русской истории, в X–XII вв. Совокупность сведений и приемов, необходимых для написания и оформления рукописи, можно условно назвать “практической палеографией”»⁸.

Нельзя признать также палеографическим анализом судебную экспертизу документов XV–XVII вв., производимую в то время. Между тем Л. В. Черепнин считает возможным утверждать: «Приемы палеографического анализа вырабатывались в Русском централизованном государстве XV–XVII вв. в практических целях, главным образом в целях экспертизы документов, фигурировавших в судебных процессах»⁹. Пример, который приводит Л. В. Черепнин, свидетельствует об экспертизе в XVII в. современного разбору дела документа, а именно: «Один из участников тяжбы, князь Долгорукий, представил в суд в качестве документа, удостоверявшего его владельческие права, “раздельную запись” (акт раздела имущества между ним и другими феодалами)»¹⁰. В другом учебном пособии говорится, что научным обобщением XIX в. «предшествовало длительное, многовековое развитие “пак-

⁸ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 27.

⁹ Там же, стр. 29.

¹⁰ Там же (разрядка моя. — Л. Ж.).

тической” палеографии, накопившей огромный опыт по критическому изучению внешних особенностей документов в практических целях. Так, например, при судебных разбирательствах для установления подлинности документов, представленных спорящими сторонами, производилась их экспертиза»¹¹. С подобным толкованием предмета палеографии нельзя согласиться. Судебно-правовая оценка современного документа и экспертиза современного почерка не имеют отношения к палеографии. Следовательно, и развитие палеографии относить к столь раннему периоду, как это делают Л. В. Черепнин и А. Т. Николаева, нет оснований.

Ни в коей мере нельзя признать также «начальной палеографией», хотя бы и «практической», древнерусские и старорусские пособия по обучению грамоте, хотя в названной выше книге Л. В. Черепнин признает и их относящимися к палеографии. «Разработке начал “практической палеографии”, — пишет он, — способствовало появление в XVI–XVII вв. азбук-прописей, задачей которых являлось наглядное обучение письму»¹². И далее: «Говоря о развитии “практической палеографии” в XVI–XVII вв., следует указать на появление в это время специальных руководств для писцов, посвященных художественным принципам и техническим приемам оформления рукописных книг. Известно, например, практическое руководство XVII в. для живописцев, работающих над заставками (“Учение в заставничном письме”). В нем содержатся указания, как накладывать золотой грунт и разделять золотыми перегородками разноцветные поля внутри заставки; как составлять, подбирать и размещать краски; какими пользоваться инструментами (кисть, “правило” — линейка, “кружало” — циркуль, “графья” — острый инструмент для черчения, лощильный “зуб”, “железцо” — для очистки и глажения бумаги) и т. д.»¹³. Нет сомнения, для палеографа XX в., изучающего рукописи XVI–XVII вв., очень полезно описанное Л. В. Черепниным пособие, но оно не является пособием XVII в. по «практической палеографии».

¹¹ А. Т. Николаева. Русская палеография (конспект курса). М., 1956, стр. 8.

¹² Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 30 (разрядка моя. — Л. Ж.).

¹³ Там же, стр. 32.

Автор, правда, признает, что «от такого рода практических навыков в описании документального материала и в выявлении поддельных и подложных документов, в составлении азбук-прописей и руководств для писцов и рисовальщиков было еще далеко до построения основ палеографии как научной дисциплины»¹⁴. В действительности же приведенные выше факты вообще не имеют отношения к палеографии и потому напрасно помещены Л. В. Черепниным в параграф «История русской палеографии в связи с развитием исторической науки и источниковедения»¹⁵. Ни к развитию палеографии, ни к развитию исторической науки и источниковедения рассмотренные факты отношения не имеют.

Палеография, хотя бы и практическая, начинается только тогда, когда производится изучение памятника письменности, создание которого отделено от времени исследования значительным промежутком, в течение которого более или менее существенно изменились приемы начертания знаков письма, конфигурация этих знаков, а также материалы, служащие для письма, и сами орудия письма.

В настоящее время разработка истории развития палеографии в России позволяет относить ее зарождение к первой четверти XVIII в. Впервые палеографический анализ был применен в России в ходе доказательства подложности рукописей, выдаваемых за памятники XII и XIV вв.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 27.

Глава I

ПЕРВОЕ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
В РОССИИ

Первое дошедшее до нас палеографическое исследование рукописей, имевших вид древностей, относится к 1717 г. и принадлежит старообрядцам Андрею Денисову, возглавлявшему Выгорецкую пустынь, и его ученикам и сподвижникам — Мануилу Петрову и Леонтию Федосееву. Появление их труда было вызвано следующими обстоятельствами. В конце XVII — начале XVIII в. в России велась ожесточенная полемика между старообрядцами и сторонниками церковной реформы патриарха Никона. Старообрядцы в защиту своих положений опирались на памятники древней письменности и иконописи. Их противники тоже пытались использовать рукописи и с этой целью пошли на подлог. Так, было объявлено, что в библиотеке Николаевского Пустынного монастыря в Киеве найдена рукопись XII в., содержащая «Деяние соборное на еретика Мартина арменина на мниха». Эта рукопись имела внешние признаки древности: была написана на пергамене, во многих местах изъеденном насекомыми, покрыта плесенью. В «Деянии» описывался вымышленный собор 1157 г. в Царьграде и якобы последовавшее за ним решение. Монах Мартин в этом сочинении был представлен как защитник христианских обрядов, аналогичных тем, которые в XVII в. защищали старообрядцы. За свои убеждения Мартин будто бы по постановлению Царьградского собора был сожжен. Вместе с «Деянием» сторонники православия предъявили также другую рукопись — «Требник митрополита Феогноста», якобы исправленный Феогностом по приказанию Ивана Калиты в 1329 г. В этом сочинении также осуждаются те особенности церковных обрядов и написания текстов, которые отстаивались старообрядцами. Обе рукописи были выставлены для убеждения верующих на Печатном дворе в Москве. Они лежали на столе, прикованные цепью к стене. Здесь и познакомились с ними старообрядцы, причем Мануил Петров специально рассматривал

их не один раз и снял копию. Его учитель Андрей Денисов, известный также под именем диакона Александра, при участии Леонтия Федосеева и, возможно, других членов своей общины, написали большое исследование, опровергающее подлинность «Деяния» и «Требника».

Исследование известно в двух редакциях: «Диаконовские ответы» (1719) и «Поморские ответы» (1723). В этих сочинениях старообрядцы доказали, что указанные рукописи представляют собой грубую подделку. В ходе доказательства авторы рассматривают не только содержание рукописи и дают исторический анализ его, но и впервые в России проводят чисто палеографический анализ внешних данных (переплет, пергамен, чернила), анализ почерка в совокупности с особенностями языка. Так, в главе «О новообъявленном деянии соборном» приводятся данные о том, что в древних рукописях нет упоминаний о соборе 1157 г., и указывается большое число памятников письменности, в которых должно было бы упоминаться это событие. Подробно рассматриваются хронологические несоответствия, допущенные составителями подложных рукописей. Подвергается критике подпись, приписываемая автору сочинения: «Господи́нь Константинъ митрополитъ». Подпись стоит как бы в третьем лице, тогда как в древних рукописях о себе скромно писали: «смиреныи митрополитъ». В языке анализируемого текста составители ответов отмечают несоответствие языку рукописей XII в. и, наоборот, совпадение с написаниями, современными для XVII в.: *роскии* вместо старого *роускии*, *латіни* вместо *латыни*, *даде* вместо старого *дасть* и т. п. Критики-старообрядцы указывают, что «Деяние» приписывается митрополиту Константину, который, приехав на Русь, прожил здесь менее двух лет. Он был грек, а, как известно, греки и за много лет не овладевают русским языком. Авторы «Ответов» недоумевают, как Константин за столь короткое время смог не только прекрасно усвоить русский язык, но и писать с особенностями, которые появились в языке 500 лет спустя.

Затем в «Ответях» дается блестящий собственно палеографический разбор рукописей. Обращено внимание на «дивное смешение новости з древностию, простым очесам почти и непонятное», в том числе на новый западнорусский прием оформления рукописей: повторное написание последнего слова предыдущей

страницы в начале следующей. Отмечается новый способ написания имени *Исус*, не принятый в древних памятниках. Авторы критикуют внешний вид пергаменных листов, которые при разворачивании рукописи ложатся не так, как листы, пролежавшие в составе одной книги в течение 500 лет, а как листы, собранные вместе недавно из разных рукописей. Отмечается также, что многие листы рукописей являются палимпсестами. Чернила, которыми написаны эти рукописи, своей чернотой не соответствуют цвету чернил на древнем пергамене. Переплет рукописи также вызывает сомнение составителей «Ответов»: серая бумага, обтянутая кожей, вместо досок, как в древних переплетах; они отмечают необычный обрез рукописи и др. Анализируя начертания букв, авторы обращают внимание на отсутствие подобных им в других действительно древних рукописях. Указывается на несоответствие особенностей языка — московских — и особенностей письма — белорусских. Как указывают критики, подобного несоответствия им не приходилось видеть в древних книгах.

Авторы «Ответов» разбирают и «Требник Феогноста». В частности, критикуется дата, которая исчисляется не от сотворения мира, как в древних памятниках, а от рождества Христова (т. е. имеется расхождение в 5508 л.). С точки зрения исследователей, при написании этих подделок выявилась полная неграмотность составителя «Требника»: он отделяет существительное от прилагательного, тогда как между существительным и прилагательным нигде в древнем письме разделения не полагается: ни точки, ни запятой, ни какого-либо другого знака. Указывается, что «речи и глаголы» не соответствуют древним книгам, а подобны новопечатным. Отмечается, что слово *Ѡеопемтъ* написано вместо старого *Ѡеопентъ* и т. д.

Уничтожающая критика, данная учеными старообрядцами «Соборному деянию» и «Требнику Феогноста», привела к тому, что рукописи эти были запечатаны Синодом в кожаную сумку и не были выданы даже президенту Академии наук Д. Н. Блудову, когда производилось собиранье рукописей для государственного хранилища древностей: митрополит Филарет — богослов-ортодокс, но человек просвещенный, сделавший много для того, чтобы в 1843 г. состоялось издание Остромирова евангелия, подготовленного А. Х. Востоковым, — отказал в выдаче подделок, которые compro-

метировали православную церковь. Они стали доступны только после Октябрьской революции, когда поступили в Государственный Исторический музей, где и хранятся теперь в составе Синодального собрания Отдела рукописей («Деяние» — № 640, «Требник» — № 674).

Желанием сохранить в тайне эту крупную фальсификацию, произведенную, вероятно, по повелению или уж по крайней мере с ведома крупнейших представителей православной церкви в эпоху Петра, и объясняется то обстоятельство, что начало научной палеографии в России обычно относилось к началу XIX в., т. е. на целое столетие позже. Только после Октябрьской революции стало возможно опубликование большого исследования В. Г. Дружинина об указанных работах старообрядцев. В его работах «Поморские палеографы начала XVIII столетия»¹⁶ и «Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века»¹⁷ первые русские палеографы получили заслуженно высокую оценку. В. Г. Дружинин так характеризует автора «Диаконовских ответов» Андрея Денисова: «Это был не простой начетчик в писании, но... он обладал большой эрудицией. Ему хорошо знакомы харатейные (т. е. написанные на пергамене. — Л. Ж.) рукописи — Изборник Святослава, древние уставы; он знаком с почерками — отмечает белорусское письмо “Деяния”, — с цветом древних чернил, манерой письма; он обладает обширным материалом, добытым при помощи изучения древних икон, с которых срисовал изображения перстосложения. По слогу изложения заметно, что он искушен в словесных науках того времени, грамматике и риторике; он начитан... проявляет знание алфавитов других языков. По тому времени это был человек широко образованный»¹⁸.

Первый научный обзор труда старообрядцев сделал Н. С. Тихонравов в своих литографированных лекциях по палеографии («Русская палеография. Курс читан в 1887–8 г. Издан в 1889 г.», М.). Этому была посвящена почти полностью лекция пятая (стр. 29–

¹⁶ В кн.: «Летопись занятий Археографической комиссии на 1918 год», вып. XXXI. Пг., 1923, стр. 1–66.

¹⁷ Там же, вып. XXXIII. Л., 1926, стр. 100–102.

¹⁸ В. Г. Дружинин и н. Поморские палеографы..., стр. 56–57.

35). Тихонравов отмечал: «Старообрядцы, которые дорожили допетровской стариной, первые обратили внимание не только на собирание, но и на изучение древних русских рукописей. В то время, когда русские люди, уже тронутые петровской реформой, обращали свои взоры больше к западу, нежели к своему родному, в это самое время раскольники занимались с необыкновенным усердием изучением рукописей всевозможных родов и притом даже с палеографической точки зрения. Это различное отношение русских людей в начале XVIII-го века к русской старине блистательным образом сказалось в известной истории отыскания и напечатания так называемого “Соборного деяния на еретика Мартина”» (стр. 29). Подробно остановившись на этой «забытой истории», Тихонравов критикует «тогдашнего историографа» Миллера за то, что указания Денисовых о языке и палеографии были для него вопросом недоступным, и автора первого церковнославянского словаря Алексея за то, что этот «ученейший из русских священников прошлого века не мог состязаться в деле знания древних рукописей со старообрядцами. Он представил лишь на 5 пунктов “Ответов” некоторые мелкие и пустые замечания» (стр. 34).

Оценивая работу Андрея Денисова и помогавших ему лиц, В. Г. Дружинин пишет: «Правда, обследование это было произведено не ради научных целей, а ради практических, но тем не менее эта первая серьезная, научными приемами критики обставленная разработка двух памятников заслуживает полного внимания и тем более, что она была произведена на целое столетие раньше возникновения научной палеографии в России»¹⁹. К этой высокой оценке труда первых русских палеографов нельзя не присоединиться²⁰.

¹⁹ В. Г. Дружинин. Поморские палеографы..., стр. 1.

²⁰ В Западной Европе палеография также рождалась в борьбе представителей разных религиозных направлений. Так, зарождение латинской палеографии связывают с именем Жана Мабильона (1632–1707), французского монаха из ордена бенедиктинцев. Его «Трактат о дипломатике» (Париж, 1681) появился в борьбе с иезуитами-болландистами. Последние издавали жития и объявляли поддельным собрание дипломов (т. е. древних королевских грамот), закреплявших имущественные и юридические права одного из важных бенедиктинских монастырей. Мабильон выступил на защиту бенедиктинских архивов и доказал подлинность находящихся в них

древних дипломов. Палеография в его капитальном труде была лишь одной из глав. Мабильон дал здесь прекрасные образцы почерков, воспроизведя их способом гравировки на меди. В теоретической части он установил деление на книжное письмо и дипломатическое, выделяя в первом уникальное письмо. Мабильон ввел разделение типов средневекового латинского письма на готское, лангобардское (итальянское), франко-галльское, или меровингское, саксонское и романское. Позднее ученики Мабильона назвали эти типы национальными, но сам он их так не называл. Эти типы письма облегчили в дальнейшем датировку и локализацию рукописей. Ошибка Мабильона состояла, однако, в том, что, правильно выделив эти типы письма, он не понял истории их развития из поздних римских типов, и считал, что выявленные им пять типов зародились самостоятельно наряду с римским письмом, бывшим в действительности их источником. История буквенных начертаний не была для Мабильона самостоятельной задачей. Он лишь дал материал для будущей палеографии.

В 20–40-е годы XVIII в. теорию Мабильона критиковал итальянец маркиз Франческо Сципионе Маффеи (1675–1755), драматург и реформатор итальянской сцены. Он открыл в Вероне библиотеку VI–IX вв., выявил эволюцию без какого бы то ни было влияния извне позднего римского курсива в средневековое итальянское (лангобардское) письмо и установил генеалогию и предысторию провинциальных почерков средневековой Западной Европы.

В области греческой палеографии исследования начал другой бенедиктинский монах, Бернард Монфоко (1655–1741). В отличие от Мабильона, он считал палеографию самостоятельной задачей изучения текста, одной из отраслей истории искусства, а не частью дипломатики. Составляя греческую палеографию, Монфоко думал, что она будет параллельна латинской Мабильона, но сделал гораздо больше. Опираясь на датированные памятники письменности, Монфоко составил наглядные таблицы, показывающие историю изменения начертаний отдельных букв. Пользуясь этими таблицами для определения рукописей, он в 1715 г. составил первое научное описание собрания рукописей. В своих работах Монфоко касался и латинской палеографии, дав первый опыт сравнительного изучения обеих палеографий. Его по справедливости можно назвать отцом палеографии.

После выхода в свет работ названных ученых теоретическое развитие палеографии в Западной Европе надолго задерживается. Можно отметить лишь выходящий в 1750–1765 гг. эклектический в своих основах шеститомный труд бенедиктинцев же Рене Проспера Тассена (1697–1777) и Тустана «Новый трактат по дипломатике», ценный описанием и воспроизведением образцов почти всех известных в то время важных рукописей. (Подробнее см.: О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. М.—Л., 1936.)

Глава II

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПАЛЕОГРАФИИ В РОССИИ

§ 1. Время и причины появления палеографии как науки

Становление и развитие палеографии России не находится в непосредственной связи с развитием палеографической мысли в Западной Европе, так как сама эволюция западноевропейского письма и пути развития славянского письма изначально были различными. Западноевропейское письмо датируется более ранним временем, чем славянское, однако оно не представляло собой самостоятельного письма. Это касается как алфавита, так и самих почерков. Народы Западной и Центральной Европы долгое время пользовались письмом латинским по языку, по алфавиту и по самим почеркам²¹. Славянское же письмо изначально было самостоятельным по языку и по алфавиту. Не говоря уже о глаголице, происхождение которой (если говорить о начертаниях букв) до сих пор остается неясным, даже восходящая в своей основе к греческому унциальному письму кириллица, представленная в древнейших дошедших до нас памятниках, не совпадает в деталях с греческим унциалом того же времени. Даже наиболее крупные этапы развития западноевропейского и славянского письма не имеют общих закономерностей. Так, в первом изначально сосуществовали книжное письмо — унциал, соответствующее славянскому уставу, и дипломатическое письмо — разновидность курсивного письма, соответствующее по своему характеру и назначению славянской скорописи. В славянском же письме скоропись представляет собой следующий после устава этап развития письма.

²¹ См.: О. А. Добиаш-Рождественская. Указ. соч., стр. 111–112.

Все это вместе взятое привело к тому, что исследователи древних славянских и русских рукописей должны были совершенно самостоятельно устанавливать и определять закономерности развития славянского письма. Лишь методика исследования, в частности достижения Монфокона, могла представить практический интерес для лиц, которые стали родоначальниками славяно-русской отечественной палеографии.

Содержащий палеографическое исследование трактат старообрядцев, рассмотренный в предыдущей главе, остался известным лишь в сравнительно узком кругу старообрядцев и руководителей православного духовенства. Последние, естественно, не были заинтересованы в распространении этого исследования. Поэтому трактат старообрядцев не был использован при создании последующих работ русских палеографов и остался одиноком.

Последовательное развитие палеографии началось в России позднее, чем в Западной Европе. Молодое дворянское общество в эпоху своего расцвета (от Петра I до Екатерины II) нуждалось в первую очередь в развитии точных наук, необходимых для градостроительства, развития морского судоходства и навигации, для ведения войн, для развития промышленности и поисков сырья для нее. Историко-филологические знания не представлялись в этот период первой необходимостью. Каждая область знания развивается в науку лишь тогда, когда в ней появляется общественная потребность: только тогда усиливается активное накопление фактов, начинается их систематизация и изучение закономерностей. (Не случайно первой наукой считается математика, само название которой происходит от слова μάθημα — наука, знание). Поэтому потребность в палеографических исследованиях в России возникла только тогда, когда в результате деятельности В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и других историков XVIII в. появилась необходимость точной оценки исторических источников, стремление отличить более древнее от менее древнего, определить время и место появления той или иной рукописи в отличие от других памятников сходного содержания и письма или независимо от них.

Для того, чтобы уяснить время и причины появления в России палеографии как науки, целесообразно хотя бы в общих чертах

представить себе, кому и для чего она вообще нужна. В настоящее время знание палеографии необходимо прежде всего лингвисту, имеющему дело с памятниками письменности, для того, чтобы распределить во времени и территориально факты языка, которые лингвист выявляет по той или иной древней рукописи. В меньшей степени палеография нужна литературоведу, так как последнего прежде всего интересует содержание рукописи, то есть текст памятника, а не каждая данная рукопись сама по себе. Для литературоведа часто не так существенно, как для языковеда, список какого времени находится в его руках. Так, например, для литературоведа «Слово о полку Игореве» является памятником литературы XII в., а для лингвиста это произведение не является памятником XII в., так как основные лингвистические вопросы — фонетика и грамматика — по нему не могут изучаться применительно к XII в. Даже если бы сохранился список XVI в., в котором «Слово о полку Игореве» стало известно ученому миру (этот список сгорел во время московского пожара в 1812 г.), по нему можно было бы изучать лишь лексику XII в., да и то с большими ограничениями. Палеография очень нужна историку, если он не довольствуется знаниями о прошлом, полученными из чужих рук, а сам пытается среди параллельных или родственных источников выделить наиболее древний, то есть самый близкий ко времени описываемых в данном тексте событий (или содержащихся в нем фактов). Палеография нужна коллекционеру, а в наше время музейному или архивному работнику, чтобы отличить подлинный памятник письменности прошлого от подделки и дать этому памятнику должную оценку, так как ценность рукописей музея или архива возрастает в зависимости от древности и редкости. Палеография нужна архивисту и для того, чтобы правильно определить и описать рукопись в каталоге, чтобы рукопись могла войти в научный оборот и попала в руки исследователей именно тех отраслей знания, для которых в данной рукописи содержится наиболее ценный материал. Палеография нужна представителю любой науки, имеющей свои корни в древности или средневековье, если исследователя интересует, в какое время засвидетельствован в письменности тот или иной факт, относящийся к изучаемой им области.

Учитывая состояние тех отраслей знания, которые обслуживает палеография в первую очередь, можно легко понять, что палеографические знания не были необходимы в России вплоть, до конца XVIII в. Так, научное языкознание и литературоведение начали развиваться лишь в XIX в. Только история как наука стала складываться несколько раньше, в XVIII в. Она-то в значительной степени и вызвала к жизни новую отрасль знания — палеографию.

§ 2. Ученые XVIII в. и палеография

На необходимость изучения языка древних памятников письменности неоднократно указывал Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). В своих исторических сочинениях он уже привлекал известные в то время списки русских летописей. Исследовавшая методы работы Ломоносова над древними рукописями Г. Н. Моисеева отмечает: «Ломоносова как историка отличает критическое отношение к источникам. Он стремится проверить каждый факт и за ним увидеть историческую основу той или иной интерпретации событий в летописях и других исторических сочинениях. Ломоносов внимательно сличал различные версии рассказа об одном и том же событии в разных летописях. Результатом его текстологической работы... явилась подготовленная им к печати Радзивилловская летопись с вариантами из других источников»²². Однако о собственно палеографическом анализе Ломоносовым древних текстов вряд ли можно говорить.

Еще до выхода в свет исторических работ Ломоносова писал свою «Историю России от самых древнейших времен» Василий Никитич Татищев (1686–1750), но опубликована она была значительно позднее (в 1768–1784 гг. вышли первые четыре тома, а пятый — лишь в середине XIX в.). В этом труде также нет палеографического анализа используемых древних текстов. Но само открытие Татищевым новых, ранее неизвестных рукописей (например, ему принадлежит открытие краткой редакции «Русской

²² Г. Моисеева. Ломоносов в работе над древними рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний). «Русская литература», 1962, № 1, стр. 193.

Правды» и «Судебника Ивана Грозного»), привлечение архивного материала XVI и начала XVII в. оказалось впоследствии полезным для разработки ряда наук, в том числе и для палеографии.

В работах другого русского историка Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790) было продолжено накопление исторического материала по древним рукописям и источникам его времени. Но Щербатов послушно следовал за выбранным им источником и, как и его предшественники, даже не отделял своих заключений от фактов, почерпнутых им из летописей и других древних рукописей. Поэтому, естественно, Щербатов не нуждался в разграничении исторических источников по их древности и территориальной приуроченности.

Полезной для будущего развития палеографии оказалась критическая деятельность историка Ивана Никитича Болтина (1735–1792), который в своих двух томах «Примечаний на историю древняя и нынешняя России» и в «Критических примечаниях на первый и второй том “Истории кн. Щербатова”» показал необходимость самого тщательного критического рассмотрения источников, в том числе и древних рукописей.

§ 3. Археографическая работа в конце XVIII — начале XIX в.

Большое значение для будущего развития палеографии имело накопление и публикация древних памятников письменности в качестве исторических источников. С 60-х годов XVIII в. начинаются многочисленные публикации древних русских летописей. Как правило, эти издания не преследовали задачи точной передачи текста. Наиболее удовлетворяло научным требованиям в то время издание Никоновской летописи, осуществлявшееся в 1762–1792 гг. В предисловии к нему описана сама рукопись, но палеографическим это описание не является.

Значительное место в деле публикации древних памятников письменности принадлежит, безусловно, Николаю Ивановичу Новикову (1744–1818). В 1773–1775 гг. и повторно в расширенном виде в 1788–1791 гг. Новиков издавал сборник «Древняя Российская вивлиофика или Собрание разных древних сочине-

ний...», в котором публиковались разные исторические памятники XIII–XVII вв., находящиеся в государственных, церковных и частных хранилищах. «Древняя Российская вивлиофика» выходила как научно-художественное чтение два раза в месяц и была рассчитана на широкий круг читателей. Поэтому при печатании тех или иных рукописей в ней не соблюдалось точное следование букве оригинала, хотя сам Новиков уже понимал важность точной передачи текста памятника. Материал для публикации в «Древней Российской вивлиофике» Новикову давали в ряде случаев крупнейшие специалисты того времени, в том числе упоминавшийся выше М. М. Щербатов и самый выдающийся ученый-археограф того времени Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737–1814), работавший необыкновенно плодотворно в Московском архиве Коллегии иностранных дел.

На рубеже XVIII–XIX вв. выдающуюся роль в развернувшейся огромной работе по собиранию памятников древней письменности играет Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817). Он сам не был ученым, но был президентом Академии художеств и обер-прокурором синода. Последняя должность давала ему возможность приобретать рукописи не только у частных лиц, но и в монастырских и церковных собраниях. Известно, что он имел комиссионеров для покупки рукописей в разных городах страны. Особенно много ценного вывез он из Ярославля, где у него имелось поместье. В Ярославле — старом культурном центре древнерусского государства — было в то время значительное количество разных памятников старины, в том числе и древних рукописей. Так, именно в Ярославле был найден важнейший памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Мусину-Пушкину удалось приобрести также древнейший список Лаврентьевской летописи, Завещание Владимира Мономаха, ранее неизвестные списки «Русской Правды» и другие древнерусские и старорусские памятники письменности. Библиотека Мусина-Пушкина в Москве была богатейшим собранием древних памятников письменности. Он разрешал работать в своей библиотеке ученым и любителям старины. Так, этим собранием пользовались члены Московского общества истории и древностей российских, в том числе Н. М. Карамзин, поместивший в своей «Истории государства Российского»

большое число выписок из рукописей этой библиотеки. Огромной, непоправимой потерей для русской науки явилась гибель библиотеки Мусина-Пушкина во время пожара Москвы при захвате ее французами в 1812 году. После пожара сохранилась лишь небольшая часть рукописей, бывших на руках у разных лиц или в деревне в имении Мусина-Пушкина.

Мусин-Пушкин развернул большую издательскую деятельность. В числе изданных им памятников было и «Слово о полку Игореве» — «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие» (М., 1800).

В своих изданиях «Русской Правды» и «Поучения» Владимира Мономаха Мусин-Пушкин и его сотрудники не сохраняли орфографию оригинала, а, печатая церковнославянским шрифтом, «довольно решительно приравнивали текст “Поучения” к орфографической системе церковно-славянской печати второй половины XVIII в. Решительность этого приравнивания не была, впрочем, одинаково последовательной во всех случаях»²³. Что касается «Слова о полку Игореве», то система передачи оригинала, представлявшего собой рукопись конца XV — начала XVI в., написанную полууставом, принадлежит одному из трех редакторов издания — А. Ф. Малиновскому. Она является попыткой точно передать самую рукопись, но система транслитерации нигде не оговорена и не сразу угадывается²⁴.

Собирательская и издательская деятельность Мусина-Пушкина, его собственные работы по истории древней Руси, а главное, его выдающаяся организаторская деятельность пробудили значительный интерес к изучению древностей, способствовали появлению важных трудов группировавшихся вокруг него ученых.

²³ См.: Д. С. Л и х а ч е в. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. «Труды ОДРЛ», т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 68 и далее.

²⁴ См.: М. В. Щ е п к и н а. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». «Труды ОДРЛ», т. XIII, стр. 90–101; е е же. К вопросу о различиях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве». Там же, т. XIV, 1958, стр. 71–76.

В их числе были уже упоминавшиеся Н. М. Карамзин, Н. Н. Бантыш-Каменский, а также Алексей Федорович М а л и н о в с к и й (1762–1840), начальник Московского архива Коллегии иностранных дел и будущий председатель Общества истории и древностей российских, А. И. Ермолаев, А. Н. Оленин и др.

§ 4. Первое палеографическое исследование XIX в. — письмо А. Н. Оленина «о камне тмутараканском»

Первое палеографическое исследование XIX в. принадлежало Алексею Николаевичу О л е н и н у (1763–1843). Оно было опубликовано в сочинении «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 г., с описанием картин к письму приложенных» (СПб., 1806). Непосредственной причиной появления этого труда явилось открытие древнейшей русской датированной надписи — Тмутараканского камня, имеющего весьма важное историческое содержание (не менее важное и для истории русского языка, но последнее в то время, естественно, оценено не было). Этот камень, представлявший собой мраморную плиту, заменял порог у входа в солдатскую казарму около Тамани. Капитан флота Пустошкин обратил на него внимание и перевез в Николаев, где с камнем ознакомился путешествовавший в то время по России П.-С. Паллас. А. И. Мусин-Пушкин в 1794 г. дал первую публикацию текста камня. Некоторые склонны были считать этот камень подделкой. Сам Паллас неправильно читал буквы, обозначавшие в этой надписи числа. Поскольку надпись позволяла определить местонахождение древнерусского города Тмутаракани, Тмутараканского княжества, имя его князя — Глеба и время княжения последнего, а также меры длины того времени и некоторые другие факты, уточнить содержание надписи, а главное, установить ее подлинность в то время было очень важно²⁵. А. Н. Оленин критикует опубли-

²⁵ В настоящее время сведения Тмутараканской надписи подтверждены данными раскопок советских археологов.

ликованное в 1801 г. Палласом в его «Путешествии по России»²⁶ определение летосчисления по индиктам и чтение надписи, дает свое чтение, основанное на тщательном палеографическом анализе знаков надписи, приводит исторические доказательства в подкрепление своего мнения о подлинности камня. Он пишет: «Г[осподин] Паллас читает Тмутороканскую надпись следующим образом: въ лето 6576 (1065) индикта 6, Глеб князь, мерил море по леду, от Тмутороканя до Керчи 30.054 сажени. — В этом переводе, по моему мнению, две ошибки: первая — в годе от рождества Христова, поставленном против года от сотворения мира, ибо по исчислению индиктов должно быть 1068, а не 1065. Вторая — в толковании последних числительных букв, означающих, по мнению г. Палласа, 30.054 сажени, или 60 верст 54 сажени»²⁷. В своем исследовании А. Н. Оленин поставил наряду с историческими задачами задачу палеографическую: «убедить достопочтенных, неутомимых и осторожных разбирателей наших летописей в несумненной древности Тмутороканского камня»²⁸. Анализ начертаний «букв, составляющих сию надпись, и во всех частях сходных с буквами древнейших наших рукописей»²⁹ (видимо, хорошо известных автору разбора), также внешний вид слепка с камня (Оленин пользовался слепком с камня), «который несумненно доказывает, что не искусством, а временем поверхность оного состарелась»³⁰, отсутствие политических причин, какие могли бы вызвать подделку этого камня, — все это, с точки зрения автора «Письма», доказывает подлинность Тмутараканского камня. Оленин совместно с А. И. Ермолаевым тщательно исследовал начертание буквы, неверно прочитанной Мусиным-Пушкиным и Палласом, и дал свое чтение Тмутараканской надписи, а именно: «Въ лѣто 6576 (1068) Индикта 6 Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Кърчева 10.000 и 4.000 сяженъ (то есть 14.000 сажен)»³¹.

²⁶ P a l l a s. Reise in die S.S. des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801.

²⁷ А. Н. О л е н и н. Указ. соч., стр. 11.

²⁸ Там же, стр. 2.

²⁹ Там же, стр. 3.

³⁰ Там же, стр. 3.

³¹ Там же, стр. 6.

Заслуга А. Н. Оленина заключается не только в том, что он правильно прочитал надпись на Тмутараканском камне и сделал из этого правильные исторические выводы, но и в том, что он доказал ее подлинность и, следовательно, древность. Для этой цели Оленин использует не только исторические факты, почерпнутые из древних рукописей или их изданий (рассматривать которые в настоящей работе нет основания), но и производит сравнение букв надписи с буквами древних памятников, время происхождения которых не вызывает сомнения или попутно устанавливается самим А. Н. Олениным. На таблицах, приложенных к «Письму», воспроизведены начертания букв в виде азбуки и строчки слитного текста из отдельных рукописей. Так, приведен материал из Изборника 1076 г. (считавшийся во времена А. Н. Оленина Изборником 1046 г.), материал псалтыри из собрания рукописей Мусина-Пушкина, выписки из рукописи 1414 г. — «Слово о законе и благодати», из Лаврентьевской и Кенигсбергской летописей. Характерно при этом, что Оленин уже понимает возможность датировки бумажной рукописи по водяным знакам. Он пишет: «Картина мною здесь в примере приведенная и знак бумаги показывают, что сей список в поздних уже временах писан, уповательно в конце XV века. Ибо в первом изображении представлены пушка и ядро, убивающее лошадь. К сему предположению доказательством может послужить один из знаков в бумаге, находящихся во многих листах Кенигсбергского списка, который весьма большое сходство имеет с таковым же знаком, отысканным в немецкой книге, печатанной в Бамберге, 1462 года»³². Оленин подробно рассматривает три разновидности знаков бумаги Кенигсбергской летописи и сравнивает их с аналогичными же в указанной немецкой книге. Оленин различает почерки Лаврентьевской летописи — первых 40 листов и остальных. В почерках он указывает устав и полуустав. Оленин умеет определить подделку. Так, в упомянутом «Слове о законе и благодати» он изобличает переделку буквы **Ц**, обозначающей 900, на несимметричное «пси», написанное сходно с буквой **Щ** и обозначающее 700. Этой поправкой текст получил более раннюю дату: 6722, т. е. 1214 от рождества Христова, вместо действитель-

³² Там же, стр. 44–45.

ной 6922, т. е. 1414. Однако указанную выше подделку даты в записи Изборника 1076 г. Оленин еще не смог определить, это было сделано значительно позже.

В отдельных случаях Оленин дает внешнее описание памятника близко к тому, как это и теперь принято в палеографии. Он обращает внимание на дальнейшую судьбу рукописи после появления ее на свет.

Так он делает, например, для Кенигсбергской летописи. Ценные замечания сделаны А. Н. Олениным и о подлинности миниатюр в одних случаях, и о новом наведении их чернилами в других.

А. Н. Оленин считал, что «скучно будет читать несколько страниц, наполненных рассуждением: две ли косые ноги, или одна из них, перпендикулярная, принадлежит литере Л; а без того мне нельзя и в речь вступить»³³. В это время Оленин был уже страстным палеографом и мечтал о написании труда по палеографии: «Мне кажется, что при описании последней картины я слишком долго заговорился, от избытка сердца уста глаголют. — Мне казалось, что я уже пишу славено-русскую палеографию: но как к тому ни времени, ни способов не имею, то и принужден отложить мое намерение»³⁴. Оленин придавал большое значение роли палеографии и заключил свое письмо следующим положением: «доколе русская словесность не будет иметь... палеографии славянороссийской, то до времени, пока все это изготвится — историю русскую трудно писать»³⁵.

Став впоследствии президентом Академии художеств и директором Публичной библиотеки (1814–1843), А. Н. Оленин вел большую практическую работу по русской палеографии и накоплению материалов для этой цели. Так, в частности, изучая надписи на миниатюрах, он собирал материал для составления хронологических таблиц почерков. Своими наблюдениями и материалами Оленин охотно делился со специалистами, знакомил их со своими неопубликованными трудами.

Оленина можно считать родоначальником русской научной палеографии. Со времени выхода в свет «Письма о камне тмугара-

³³ А. Н. О л е н и н. Указ. соч., стр. 1.

³⁴ Там же, стр. 45.

³⁵ Там же, стр. 46.

канском» интерес к палеографическим исследованиям у русских ученых оставался непрерывным в течение более чем столетия. Таким образом, начало развития палеографии как науки, систематически исследующей свой предмет, относится к первым годам XIX в. Оно было вызвано тем, что наиболее передовые представители историко-филологической науки, тогда еще мало расчлененной и дифференцированной, и археографы, собиравшие древние памятники, осознали необходимость накопления и научного обобщения палеографических знаний.

§ 5. Палеография у Н. М. Карамзина

Некоторые заслуги в области развития палеографии в России имеет известный русский историк Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Однако оценить их невозможно без рассмотрения в общих чертах развития палеографии в течение XIX в.

Высокую оценку Карамзина как палеографа дал И. И. Срезневский. Он писал, что Карамзин «как палеограф-критик сделал более, чем сколько можно было ожидать. Из примечаний к “Истории государства Российского” можно выделить большую книгу записок о древних памятниках русской письменности: ее одной было бы достаточно для ученой деятельности и славы другого писателя — не только того, но и нашего времени»³⁶. Е. Ф. Карский добавил к этой оценке следующее: «В этих примечаниях (речь идет о примечаниях к «Истории государства Российского». — Л. Ж.) дается место всем областям археологии: палеографии, дипломатике, нумизматике, сфрагистике и т. п. Здесь же Карамзин дал едва ли не лучший образец изобличения подделок Льва Галицкого»³⁷.

Действительно, замечания Карамзина о памятниках, содержание которых он излагает в основном тексте или в примечаниях к своей «Истории государства Российского», содержат много ценного. Значение этих замечаний и публикаций Карамзина особен-

³⁶ И. И. С р е з н е в с к и й. Обзор материалов для изучения славяно-русской палеографии. — ЖМНП, 1867, январь; отд. отт., стр. 11.

³⁷ Е. Ф. К а р с к и й. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 67.

но велико в настоящее время, так как многие памятники, которые видел и использовал Карамзин, позднее погибли или были утрачены (так, погибла, например, библиотека Мусина-Пушкина, рукописями которой пользовался Карамзин). Но замечания эти мало относятся к собственно палеографии, как она стала пониматься в конце XIX в. Весьма характерным для Карамзина-палеографа является то обстоятельство, что он не понимал даже разницы между подлинным древним уставом и поздним искусственным полууставом как палеографическими приметами, позволяющими датировать древние рукописи. Так, Карамзин долго не соглашался с К. Ф. Калайдовичем, который доказывал подложность «Требника Феогноста» на основании почерка рукописи.

Рассматривая примечания Н. М. Карамзина к «Истории государства Российского», нельзя не обратить внимания на то, что собственно палеографическое исследование занимает в них весьма малое место. Гораздо шире в них представлены сведения по дипломатике и сфрагистике. Поэтому приведенную выше оценку Карамзина-палеографа, данную И. И. Срезневским и в основном повторенную Е. Ф. Карским, нужно принимать лишь с учетом развития палеографии в течение XIX в. в целом.

Карамзин был в значительной степени занят популяризацией исторических знаний. В основном тексте «Истории» Карамзин создавал нечто в роде книги для чтения по истории, излагая содержание имеющихся в его распоряжении памятников. «Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках, — писал он о своем методе; — искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную строгим изображением частей»³⁸. Основную цель своего двенадцатилетнего и двенадцатитомного труда Карамзин видел в том, чтобы «быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих»³⁹. Блестящий исторический писатель, М. Н. Карамзин не мог создать научной истории не только в силу ограниченности своего мировоз-

³⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Изд. 5. СПб., 1842, кн. I (т. I, II, III, IV), Предисловие, стр. XIII.

³⁹ Там же, стр. XIV.

зрения, но прежде всего потому, что он еще не владел научным методом. Именно поэтому и его «Примечания» не отличаются научной строгостью, приводимые в них факты не могут послужить даже материалом для дальнейших палеографических исследований, но только лишь побуждают к ним. Отношение Карамзина к подаче научного материала можно видеть даже в его «Предисловии», где он писал: «Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая достоверности, однако ж необходимая»⁴⁰. Но и ради достоверности Карамзин, публикуя содержание очень многих памятников, не соблюдает точности, не следует ни за буквой, ни за выражением оригинала. Все это было данью времени. Шага вперед в деле публикации древних текстов Карамзин не сделал.

Заслуживший весьма высокую оценку Е. Ф. Карского разбор Карамзиным поддельных грамот Льва Галицкого представляет собой следующее: «В городе Львове показывают две харатейные (т. е. пергаменные. — Л. Ж.) грамоты, будто бы данные сим князем тамошнему храму св. Николая и Крылосскому (близь Галича) Успения богоматери на имение и на исключительное право суда епископского; но та и другая кажутся изобретением позднейших времен. Слог обеих есть новое, неискусное смешение языка русского с польским; в обеих именуется особенные митрополиты галицкие, коих не бывало, и в одной назван тогдашний киевский митрополит Киприаном: а Киприан пас церковь уже во времена Димитрия Донского и сына его»⁴¹. В «Примечаниях» Карамзин передает текст грамот современной ему орфографией и доказывает подложность их главным образом путем анализа исторических фактов. Никакого палеографического анализа, как видим, нет.

Так, одну из грамот он признает подложной на основании того, что «в 1292 году 8 октября было не шестым, а четвертым днем недели»⁴². Подлинность другой грамоты Карамзин опровергает на

⁴⁰ Там же, стр. XIII (разрядка моя. — Л. Ж.).

⁴¹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IV, стр. 103–104.

⁴² Там же, примечания к т. IV, стр. 85.

основании того, что в ней: 1) имеются слова, которые «или не употреблялись в древнем языке русском, или написаны не по русскому выговору»⁴³, причем критерий, на основании которого определялись эти слова (они выделены курсивом и переданы современной Карамзину орфографией), не вполне ясен; «2) в 6809 (1301) году вруцелето (т. е. день недели на 1 сентября. — Л. Ж.) было S (т. е. 6. — Л. Ж.), и 8 марта не в четверток, а в среду; 3) В 1301 году был киевским и всея Руси митрополитом не Киприан, а Максим... 4) чтобы в Галиче была особенная митрополия в XIII или XIV веке, на сие нет никаких исторических свидетельств»⁴⁴. Далее следует разбор истории западнорусских митрополий. В заключение Карамзин выявляет причину подлога: «Нужно ли изъяснять намерение подлога? Читатель вспомнит наш мнимый церковный устав Владимиров или Ярославов, изобретенный с таким же намерением: т. е. для мирской пользы духовенства»⁴⁵. Как видим, никакого собственно палеографического анализа начертаний букв грамоты в рассуждении Карамзина не содержится.

Типичным для Карамзина является следующее описание документа: «Нет ни года, ни числа; видно только, что сей договор заключен еще при жизни Иоанна Димитриевича Переславского. Печать серебряная, вызолоченная, с изображением арх[ангела] Михаила и св[ятого] Николая, висит на шелковом зеленом шнурке; надпись ее стерлась. Обе грамоты писаны не на бумаге, как думал кн[язь] Щербатов, а на тонком пергаменте»⁴⁶. Таким образом, Карамзин не давал собственно палеографического анализа даже и в тех случаях, когда имел в своих руках тот или иной памятник, но ограничивался сведениями по истории, дипломатике и сфрагистике.

§ 6. Палеограф А. И. Ермолаев

Большим знатоком древних рукописей, тонким наблюдателем и, видимо, подлинным палеографом во времена Карамзина был Александр Иванович Ермолаев (1780–1828). А. Х. Востоков

⁴³ Там же, стр. 86.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 81.

в письме к митрополиту Евгению Болховитинову характеризовал Ермолаева как «человека, который может быть всех способнее был бы издать Палеографию русскую... Но обстоятельства службы, неприязненные для ученых занятий, давно уже отвлекают его от любимых сих трудов его к величайшей потере для науки отечественных древностей»⁴⁷.

А. И. Ермолаев в 1800 г. окончил архитектурное отделение Академии художеств, президентом которой был А. Н. Оленин. С этого времени этот разносторонний и весьма одаренный человек был постоянно связан с Олениным: жил у него, был служащим в нескольких учреждениях, которыми руководил Оленин (в канцелярии сената, в канцелярии Государственного совета, был также управляющим письмоводством и секретарем конференции в Академии художеств). Среди различных обязанностей должность помощника (с 1806 г.), а затем хранителя рукописей в Публичной библиотеке ни в один из периодов жизни Ермолаева не была единственной. Наряду со многими официальными обязанностями он постоянно выполнял разные частные поручения Оленина и Румянцева. Так, Ермолаев снимал с подлинников и гравировал рисунки к изданию Оленина «Письмо... о камне тмутараканском». В ходе этой работы Ермолаевым сделаны первые наблюдения над этой надписью, в частности, о том, что вместо Л в ней следует читать другую букву, обозначающую число. Ермолаев сравнивал Кенигсбергский список летописи и печатное издание летописи, установил границы работы Нестора и Сильвестра (1110 и 1111 гг.). Ермолаев был учителем и руководителем Карамзина по чтению древних рукописей, собирал для Карамзина различные исторические сведения по рукописям. В 1809 г. Ермолаев с художником Д. И. Ивановым путешествовал по России и выполнил для историка и археографа К. М. Бороздина четыре тома рисунков. Позднее, вместе с Олениным, Ермолаев разработал план точного полного издания русских летописей. Ермолаеву принадлежит первая копия с Остромирова евангелия, более точная и тщательная, чем позднейшие факсимильные издания

⁴⁷ «Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского». — «Сборник ОРЯС», т. V, вып. 2. СПб., 1873, стр. 22.

этого памятника⁴⁸, осуществленные на средства купца Савинкова. А. И. Ермолаев и собиратель памятников древней письменности горный инженер П. К. Фролов были помощниками Оленина в деле изучения древних рукописей и помогали ему даже в прочтении отдельных непонятно написанных слов. Много помогал Ермолаев также Евгению Болховитинову.

§ 7. Подделки древних рукописей в начале XIX в.

Романтическое направление в литературе и искусстве на рубеже XVIII–XIX вв. породило и закрепило интерес к прошлому своей страны, своего народа. В Западной и Центральной Европе романтический псевдоисторизм привел к подделке древних памятников письменности (поэмы Оссиана у Макферсона, Краледворская и Зеленоградская рукописи у В. Ганки). В России в начале XIX в. собирание древних рукописей стало в какой-то степени модой. Богатые сановники (например, А. И. Мусин-Пушкин, Н. П. Румянцев, Ф. А. Толстой и др.) концентрируют в своих руках ценнейшие собрания древних славянских и русских рукописей. Патриотизм одних, тщеславие других способствовали появлению большого спроса на древние рукописи. Это привело к тому, что в продажу стали поступать подделки. В большинстве случаев поддельвались даты написания той или иной рукописи с целью представить ее древнее, чем она есть на самом деле, и тем самым поднять ее ценность. Но в отдельных случаях производились поддельные целые рукописи, писался текст целого древнего произведения, иногда даже на пергамене. Особенно «прославились» этим А. И. Бардин в Москве и А. И. Сулакадзев в Петербурге⁴⁹. Последний кроме полных подделок делал добавления и исправле-

⁴⁸ См.: Н. Н. Р о з о в. Остромирово евангелие в Публичной библиотеке. «Труды Гос. публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. V (8). Л., 1958, стр. 19.

⁴⁹ См.: М. Н. С п е р а н с к и й. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — В кн.: «Проблемы источниковедения», V. М., 1956, стр. 44–101.

ния в рукописях своего собрания для придания им вида древностей и в других целях⁵⁰.

Появление среди подлинных памятников древней письменности подделок не могло не сказаться положительным образом на развитии палеографических знаний⁵¹: оно заставило критически подходить к древним памятникам, сделало необходимым в случае нахождения любой рукописи определять действительное время происхождения ее, доказывать ее подлинность и проверять запись в тех случаях, когда она имела в рукописи.

Но надо отметить и гиперкритицизм М. Т. Каченовского и его скептической школы, представители которой стали отрицать даже подлинные древние памятники, написанные до XIII в.

§ 8. Румянцевский кружок

Начиная со второго десятилетия XIX в. разворачивается деятельность круга лиц, группировавшихся около мецената и любителя древностей графа Николая Петровича Р у м я н ц е в а (1754–1826),

⁵⁰ Сулакадзев так подправлял отдельные слова и фразы, что появились на свет даже новые «исторические» лица и новые слова. Так, например, возник «нерехтинец Крякутной», которого Сулакадзев сделал из «немца крещеного», и его воздушный шар «фурвин», переделанный из имени «Фурцель». Эта подделка была некритически использована советскими историками отечественной авиации, незнакомыми с основами палеографического исследования рукописи. В результате никогда не существовавший Крякутной попал в книгу для чтения школьников младших классов, в экспозиции историко-технических и антирелигиозных музеев и даже в Большую Советскую Энциклопедию (т. 23, стр. 567). Все это пример того, к чему приводит исследователей пренебрежение палеографией. Подробнее об этом см.: В. Ф. П о к р о в с к а я. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева (К вопросу о поправках в рукописных текстах). «Труды ОДРЛ», т. XIV. Л., 1958, стр. 634–636. — О подделках Сулакадзева см. также: Л. П. Ж у к о в с к а я. Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок). «Вопросы языкознания». 1960, № 2, стр. 142–144.

⁵¹ О значении подделок Бардина и Сулакадзева для истории книжной торговли, истории литературы и истории народа см.: Д. С. Л и х а ч е в. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников. «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 149.

богатейшее собрание рукописей которого составило впоследствии основу Румянцевского музея. Румянцев поддерживал материально Н. М. Карамзина, К. Ф. Калайдовича, П. И. Кеппена, П. М. Строева, митрополита Евгения Болховитинова, А. Х. Востокова и др. На средства Румянцева печатался целый ряд изданий древних памятников, в том числе «Собрание государственных грамот и договоров» (1813–1828). Участники так называемого кружка Румянцева (или румянцевского кружка) занимались собиранием разного рода материалов, относящихся к древней России, и прежде всего памятников письменности. Так, в 1817–1820 гг. К. Ф. Калайдович и П. М. Строев на средства Н. П. Румянцева произвели специальные объезды подмосковных монастырей с целью отыскания древних рукописей. Ими был открыт один из древнейших датированных памятников — Изборник Святослава 1073 г. и ряд важных более поздних, среди них сборник законов эпохи Грозного — Судебник 1497 г., постановления московских соборов 1503, 1547 и 1554 гг., множество актов XV и XVI вв.

Участники румянцевского кружка подготавливали первые научные издания древних памятников, публиковали результаты их исследования. В этих работах содержится не только ценный материал, но и выводы, которые послужили твердым фундаментом для будущей подлинно научной палеографии.

§ 9. Палеографическое исследование Евгения Болховитинова

К числу таких работ относится прежде всего исследование митрополита Евгения Болховитинова (1767–1837) о грамоте великого князя Мстислава, так называемой Мстиславовой грамоте, написанной около 1130 г. Евфимий Алексеевич Болховитинов был более известен под именем митрополита Евгения (это имя он принял уже в 1799 г. при пострижении в монашество). В 1818 г. он опубликовал исследование «Примечания на грамматику великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, пожалованную новгородскому

Юрьеву монастырю»⁵². Исследование это уже вполне может быть признано палеографическим, несмотря на то, что значительное место в нем занимают исторический и лингвистический комментарии к тексту грамоты. Правда, текст Болховитинов прочитывал часто с помощью А. И. Ермолаева, но анализ производил самостоятельно и в ходе его показал великолепную осведомленность в области древних рукописей. На основании исторических данных Болховитинов определяет дату написания грамоты Мстислава Володимировича, так как она, как и многие другие древние грамоты, даже более поздние, даты не имеет. С точки зрения автора исследования, грамота написана между 1128 г. (т. е. после смерти игумена Юрьевского монастыря Кириака) и 1132 г. (1132 г. — дата смерти Мстислава Володимировича). Болховитинов освещает вопрос о материале, на котором писались древние тексты вообще и в том числе на Руси. Характерно, что любой материал для письма он еще называет «бумагой», и лишь в качестве определения приводит названия материала письма: «пергаменная бумага», «папирусовая бумага» и различные виды уже действительно бумаги: «хлопчатая», «шелковая» и «холстинная» (т. е. льняная). Болховитинов разбирает также вопрос о том, чем написана данная грамота, и сравнивает краску, послужившую для написания этой грамоты, с чернилами и другими красками, серебром и золотом, какими писались древние тексты. Далее рассматривается вопрос о древнейших и о сменивших их в памятниках XIV в. новых типичных начертаниях букв ю, ч, начертании и вместо н, начертании н вместо н, ы вместо чы, употреблении ѱ вместо оу, буквы з с хвостом, отсутствии і десятиричного. Имеется сравнительно большое рассуждение о «юсе» как о букве древних рукописей и как о звуке речи (хотя дойти до понимания носового характера звука в южнославянских рукописях Болховитинов при современном ему состоянии языкознания еще не мог). Болховитинов разбирает также надстрочные знаки, знаки препинания, отмечает отсутствие в рас-

⁵² «Вестник Европы», 1818, ч. 100, № 15–16, стр. 201–255; ч. 101, № 20, стр. 313 и приложение — отпечаток выгравированной копии грамоты (подписи Болховитинова под статьей нет).

смаатриваемой грамоте знаков, обозначающих ударение. Причем важно отметить, что во всех случаях он обнаруживает большую осведомленность в материале древней письменности. В исследовании дается далее очень важное и сравнительно подробное описание в хронологическом порядке великокняжеских печатей, а также печатей архиепископов и митрополитов.

Исследование Болховитинова о Мстиславовой грамоте показывает огромный запас сведений, накопленный автором работы в процессе изучения обширного материала древних памятников. Это дает ему возможность материал исследуемой грамоты все время сопоставлять с данными других рукописных памятников древнейшей эпохи. Тем самым значение рассматриваемого труда Болховитинова выходит далеко за рамки монографического описания одной рукописи. «Примечания на грамматику великого князя Мстислава Володимировича... новгородскому Юрьеву монастырю» Болховитинова являются ценнейшим и выдающимся для своего времени сводом палеографических наблюдений, уже позволяющим датировать древнейшие русские памятники письменности.

§ 10. Палеография в трудах К. Ф. Калайдовича

Другим крупным исследователем памятников письменности в кружке Румянцева был талантливый ученый, необыкновенно трудолюбивый и добросовестный исследователь Константин Федорович Калайдович (1792–1832). Он начал свою деятельность в Московском университете, но затем, по настойчивой рекомендации начальника Московского архива коллегии иностранных дел, выдающегося русского археографа Николая Николаевича Бантыш-Каменского канцлеру Н. П. Румянцеву, Калайдович поступил в этот архив, бывший передовым археографическим учреждением своего времени. Главное же, Калайдовича привлекала возможность свободного доступа и работы над Древними русскими памятниками письменности. В архиве Калайдович занял должность главного смотрителя Комиссии печатания государственных грамот и договоров, основанной Болховитиновым. Кроме этой работы, Калайдович был деятельным членом Общества истории и древностей

русских, Общества любителей российской словесности и др. Он вел оживленную переписку с рядом ученых и любителей старины. В этих письмах встречаются весьма тщательные описания отдельных рукописей, имеются интересные соображения в пользу подлинности «Слова о полку Игореве» и ценные наблюдения над другими древними памятниками.

В 1821 г. Калайдович сделал достоянием научной общности древнейшие русские памятники письменности, издав, хотя и со значительными упрощениями, «Памятники российской словесности XII века» (М., 1821). Книга содержит образцы почерков XII в. Еще более важен его труд «Иоанн, экзарх болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий» (М., 1824). Здесь дано не утратившее до сих пор значения описание нескольких памятников. Палеографические наблюдения, опубликованные в этом труде Калайдовичем, вошли впоследствии в золотой фонд русской палеографии. Таковы его указания о хронологии различных типов размещения перекалдин у букв **к**, **и**, **л**, **ю**; замечания о времени смены начертания буквы **ы** с **ъ** в первой части начертанием **ы** с буквой **ь** в первой части; описания разных типов начертания буквы **ч**; замечания об употреблении юсов и двух типах начертания буквы **ѣ**. Калайдович в этом исследовании последовательно различает основные почерки древних рукописей: устав, полуустав и скоропись. Он обнаруживает умение различать (правда, еще не столько по начертаниям отдельных букв, сколько по употреблению тех, а не других букв) почерки отдельных писцов в одной и той же рукописи. Калайдович, как и Болховитинов, обращает внимание на надстрочные знаки и более подробно, чем Болховитинов, рассматривает сокращенные написания древних рукописей. Его интересуют также внешние данные изучаемых рукописей: качество пергамента, чернил, красок. Калайдович дает датировку бумажных рукописей на основании водяных знаков бумаги.

В одном из примечаний к книге «Иоанн, экзарх болгарский...» Калайдович анализирует кирилловскую азбуку и обнаруживает в ней не только соответствия греческому алфавиту, но и отдельные совпадения с начертаниями древнееврейских и армянских букв, что впоследствии не подтвердилось.

Калайдович не был простым археографом. Он является уже и историком языка, и сопровождает свои публикации многочисленными комментариями чисто лингвистического характера. Калайдович делает это совершенно сознательно, считая, что «при совершенном недостатке словенской палеографии, посредством коей могло бы верно означаться время письменных памятников по почерку рукописей, должны мы руководствоваться замечаниями относительно языка, грамматической перемены слов и правописания, и на сих существенных признаках основывать свои заключения»⁵³.

В лице Калайдовича, таким образом, можно видеть первого палеографа-языковеда, предшественника блестящей плеяды русских палеографов-лингвистов второй половины XIX и начала XX в., которым русская палеография обязана своими главными достижениями.

Публикации Калайдовича характерны также тем, что он не ограничивается палеографическими и лингвистическими замечаниями в исследовательской части и в комментариях к этим публикациям, но с целью накопления палеографических данных приводит факсимильные изображения отдельных листов древних рукописей, инициалов и заставок, приводит составленные им азбуки типичных начертаний букв.

В 1813 г. Калайдович составил краткий каталог рукописей Синодальной библиотеки — лучшего книгохранилища того времени. В 1816 г. он писал Румянцеву о необходимости сделать описание рукописей этой библиотеки. Румянцев отнесся к этой идее сочувственно, но только через семь лет (в 1824 г.) сумел добиться от синода разрешения на допуск Калайдовича к этой работе. В 1825 г. Калайдович описал уже около 60 рукописей. Но его болезнь и непрекращающиеся препятствия со стороны хранителей рукописей Синодальной библиотеки сильно мешали Калайдовичу. После смерти Румянцева в 1826 г. работа совсем прекратилась. Всего Калайдович описал 101 рукопись, немногим более 10 процентов всех книг. При жизни Калайдовича его описание так и не вышло в свет. Лишь в 1844 г. В. М. Ундольский начал печатать его. В архиве Ун-

⁵³ К. Ф. К а л а й д о в и ч. Иоанн, экзарх болгарский..., стр. 21.

дольского сохранились листы с пятью корректурами, которые он вел очень добросовестно⁵⁴. Он же довел описание до 192 номера, но печатание работы завершено не было: всего было напечатано 4 листа и пятый остался в наборе. Эти листы показывают, что Калайдович готовил свое описание очень тщательно. Он указывал материал рукописи, почерк, орнамент, водяные знаки бумаги, век, объем и содержание (для сборников даже слишком подробно), а также приводил имеющиеся в рукописях записи различного содержания.

§ 11. Палеографические данные у П. И. Кеппена

Из того же румянцевского кружка вышла работа Петра Ивановича Кеппена (1793–1864) «Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии» (М., 1822). Этот труд является весьма важным перечнем памятников древней письменности, известных в то время. Имеют некоторое значение для последующего развития палеографии и описания древних рукописей, публиковавшиеся в издаваемом Кеппеном в 1825–1826 гг. журнале «Библиографические листы». В 1827 г. Кеппен выпускает новый труд: «Собрание словенских памятников, находящихся вне России». В предисловии к этой книге впервые были напечатаны отрывки из Остромирова евангелия, в том числе полностью запись дьякона Григория, одного из писцов этого памятника, и присланная Кеппену А. Х. Востоковым таблица «Начертания букв и разных знаков Остромирова евангелия, писанного в Новгороде в 1056 и 1057 годах». Важно отметить при этом, что Кеппен при издании наборного текста Остромирова евангелия не считал возможным пользоваться ни современным гражданским шрифтом, ни широко использовавшимся в то время церковнославянским. Для набора текста был впервые отлит специальный шрифт, который, сильно отличаясь от шрифта церковных книг, давал конфигурацию букв, близкую к начертаниям их в древних рукописях, написанных кириллицей. В 1843 г. А. Х. Вос-

⁵⁴ Гос. б-ка им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 310, № 1412.

токов в своем издании Остромирова евангелия повторно издал таблицу начертаний букв этого памятника, а для набора самого текста использовал несколько усовершенствованный кириллический шрифт Кеппена.

§ 12. Вклад в русскую палеографию П. М. Строева

Павел Михайлович Строев (1796–1876) в 1817 г. выполнил первое научное описание целого собрания рукописей. Это было «Описание славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке Волоколамского монастыря». Работа была впервые опубликована В. Г. Анастасевичем в «Отечественных записках» за 1823 г. (кн. 33, 35, 39), а в 1891 г. в значительно переработанном виде она вошла в большой труд Строева «Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского» (СПб.). Описание это довольно лаконично и представляет собой скорее развернутый каталог книг; собственно палеографические данные в нем не приводятся. Но значение его все же велико, как первого научного описания древних рукописей в нашей стране (если не считать составленное еще в XV в. «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря»⁵⁵ и известные нам более поздние каталоги книг монастырских и царской библиотек).

В 1825 г. совместно с Калайдовичем Строев выпускает в свет «Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника... графа Ф. А. Толстова» с двумя дополнениями (1825 и 1827 гг.), подготовленными одним Строевым. Описание это было очень кратким главным образом потому, что Толстой не хотел тратить много средств на подготовку и издание книги. Однако его важно отметить как первое в России описание крупнейшего частного собрания рукописей. Тогда же вышли в свет подготовленные Строевым «Палеографи-

⁵⁵ См.: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897, а также Н. С. Тихонов в «Русская палеография», стр. 122–124.

ческие таблицы почерков с XI по XVIII век (числом 12), принадлежащие к обстоятельному описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Федора Андреевича Толстова» (М., 1825). Большое место среди работ Строева занимали также описания собраний старопечатных книг и подготовка таблиц их орнамента и шрифтов.

Участие Строева в румянцевском кружке (1816–1826 гг.), поездки вместе с Калайдовичем в 1817–1820 гг. в подмосковные монастырские книгохранилища привели Строева к твердому убеждению, что в монастырях России находится еще множество ценных памятников письменности и исторических документов, которые гибнут в руках невежественных хранителей. Это заставило Строева в 1823 г. обратиться в Общество истории и древностей российских с развернутой программой систематического собирания, описания и издания рукописей. В результате в 1828 г. Академия наук организовала под руководством Строева археографическую экспедицию, которая за шесть лет своей деятельности осмотрела около 200 монастырских и других местных книгохранилищ в северной и центральной России. В них был собран огромный по количеству и важнейший по своей научной ценности материал, который явился позднее источником для многих работ самого Строева и других ученых. Было собрано около 3000 документов XIV–XVII вв., много списков летописей и памятников древней русской литературы. Так была создана основа для издания полного собрания русских летописей.

Деятельность археографической экспедиции не ограничилась собиранием рукописей. Была произведена также большая работа по составлению каталогов рукописей и старопечатных книг с научной оценкой их и с выпиской из них некоторых материалов. В 1834 г. для издания некоторых рукописей была создана постоянная Археографическая комиссия Академии наук. Ею были изданы «Акты археографической экспедиции» (4 тома), «Акты исторические» (5 томов), «Дополнения» к ним (15 томов) и другие издания. С 1846 г. комиссия приступила к изданию Полного собрания русских летописей, продолжающемуся до настоящего времени. К сожалению, многие издания этой комиссии не преследовали цели буквально передавать текст и потому не удовлетворяют исследо-

вателя в палеографическом и лингвистическом отношении. Но сама по себе публикация различных источников способствовала повышению интереса к ним, а потому, в известной степени, содействовала развитию палеографических знаний. В дальнейшем работой по собиранию и даже публикации некоторых материалов из древних рукописей стали руководить организованные в 30–40-е гг. губернские архивные комиссии.

§ 13. Первые работы по водяным знакам на бумаге.

И. П. Лаптев и К. Я. Тромонин

Огромная деятельность по собиранию памятников письменности, развернувшаяся в России в первой половине XIX в., вызвала потребность в хронологической классификации найденных рукописей, а также необходимость отделения подлинного материала от подделок. Разрешить эти вопросы могло только дальнейшее уточнение палеографических примет. Важнейшее значение для этого имели первые не только в России, но и в мировой практике публикации указателей водяных знаков, имеющих в древней бумаге. Сопоставление водяных знаков из недатированных бумажных рукописей с очертаниями знаков, выявленных по рукописям датированным, позволяло установить дату написания исследуемых рукописей.

Первым пособием этого рода явилась публикация палеографо-практика, вологодского купца Ивана Петровича Лаптева (1774–1838) «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи» (СПб., 1824). Здесь дано 28 таблиц водяных знаков на бумаге со 150 образцами знаков. Очертания водяных знаков в «Опыте» Лаптева воспроизведены еще не вполне точно.

Через двадцать лет вышел в свет второй русский труд — «Знаки писчей бумаги. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамматы, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов» (М., 1844), принадлежащий «литографу-археологу» Московского общества истории и древностей российских Корнилию Яковлевичу

Тромонину (ум. в 1847 г.). Этот альбом значительно полнее, чем публикация Лаптева: в нем содержится около 2000 бумажных водяных знаков, и, что важнее, воспроизведены они точнее. Предисловие к этому альбому показывает, что представления Тромонина об издании водяных знаков предвосхищают приемы первого западноевропейского научного свода водяных знаков XIII–XVI вв., осуществленного лишь в 1907 г. Брике. Сам Тромонин не смог выполнить всего того, что хотел, в отношении расположения знаков, различных указателей и т. п., так как не имел в то время технических и материальных возможностей. Так, в частности, помимо первого указателя знаков в порядке их номеров и с обозначением при них года, под которым найден соответствующий знак в рукописи или в старопечатной книге, Тромонин предполагал дать еще два указателя, а именно: «второй, хронологический, под годами коего можно в совокупности видеть все современные и приблизительные знаки и их взаимные отношения между собою. Третий указатель азбучный, составленный по предметам знаков для скорого их приискания»⁵⁶. Два последних указателя так и не были составлены.

Тромонин понимал, что расположение материала в его издании в порядке номеров выявленных знаков, по мере того, как тот или иной знак попадал в его поле зрения, не является лучшим. Лучшим способом он признавал порядок расположения знаков в соответствии с определенной системой. Однако он считал, что при современных ему условиях это выполнить невозможно, что систематический порядок издания подобного рода можно осуществить лишь в будущем. Тромонин с горечью замечал в своем предисловии, что огромный труд, затраченный на создание подобного альбома, «никогда не может быть вознагражден, потому, что печатание, по малому требованию в публике, такого рода книг, ограничилось только числом 150 экземпляров; — из коих, вероятно, большая часть останется для потомства»⁵⁷.

Труд Тромонина, а в известной степени и работа Лаптева, не устарели и до нашего времени. Они являются огромным вкладом в развитие палеографии в России. Тромонин и инициатор этой ра-

⁵⁶ К. Я. Тромонин. Указ. соч., стр. 6.

⁵⁷ Там же.

боты в России Лаптев дали не только русским, но и зарубежным ученым весьма ценное пособие как для научной практики, так и для дальнейшего палеографического исследования рукописных материалов.

§ 14. Вклад в русскую палеографию А. Х. Востокова

Значительный шаг вперед в развитии русской палеографии и, к частности, в области описания древних рукописей, принадлежит А. Х. Востокову.

Александр Христофорович Востоков (1781–1864), известный в молодости своей как поэт, переводчик и стиховед, был прежде всего выдающимся русским языковедом, основоположником сравнительно-исторического изучения славянских языков. С 1815 г. Востоков начал работать в только что открытой (с 1814 г.) Публичной библиотеке в Петербурге — сначала старшим помощником хранителя, а потом хранителем Отдела рукописей и служил там до 1844 г. Но еще до этого Востоков усиленно изучал в библиотеке древние рукописи, в частности Остромирово евангелие. Работа над рукописями Публичной библиотеки протекала первоначально под руководством и при содействии хранителя отдела рукописей А. И. Ермолаева, с которым Востоков учился вместе еще в Академии художеств. В результате этих занятий в 1820 г. появилось важнейшее не только в биографии Востокова, но и в истории славянского языкознания, исследование Востокова «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам»⁵⁸. За этот труд Востоков был избран членом Российской академии, а также членом ряда зарубежных академий и научных обществ. Уже в этой работе имеются некоторые палеографические наблюдения (например, о начертаниях **ѣ** и **ы** в Евангелии 1393 г. и др.). Затем Востоков описывает рукописи митрополита Евгения Болховитинова, пишет исследование о Супрасльской рукописи и ряд других. С 1824 г. он

⁵⁸ См.: «Труды Об-ва любителей российской словесности при Московском ун-те», ч. 17. М., 1820, стр. 5–61.

несколько лет занимается исключительно изучением и описанием огромного и важнейшего собрания рукописей, принадлежащих Н. П. Румянцеву. В 1828 г. Востоков занимает место умершего Ермолаева в Отделе рукописей Публичной библиотеки в Петербурге. С 1831 г. он, не оставляя службы в Публичной библиотеке, становится старшим библиотекарем Румянцевского музея, переданного в 1828 г. наследниками Н. П. Румянцева в собственность государства и до 1861 г. находившегося в Петербурге. Востоков вновь обращается к описанию рукописей этого хранилища и завершает его в 1837 г. Так, в результате многолетней работы Востоков, будучи уже ординарным членом Академии наук, выпускает в свет «Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума» (СПб., 1842). Этот труд не утратил своего значения до нашего времени и в основном является классическим образцом определения и описания рукописных памятников. В своем «Описании» Востоков выступает и как палеограф и как лингвист. Он раскрывает содержание рукописей, делает значительное количество палеографических замечаний: указывает формат рукописи, материал, на котором она написана, устанавливает век написания или помечает год, если на то имелись указания в записи или приписках; он также характеризовал почерк и извод рукописи (по терминологии того времени — «правописание» рукописи). Особым достоинством «Описания» Востокова является точность всех приводимых в нем отрывков текстов, приписок и записей писцов. Востоков как языковед обращал особое внимание на необходимость точной передачи текста и специально оговаривал это в предисловии: «Читатель усмотрит, — писал он, — что в выписках, сделанных мною из рукописей, соблюдены в точности все старинные формы языка, особенности правописания, словосокращения и титлы, и даже ошибки безграмотных писцов, которые знающий легко поправит... Главное здесь точность. Палеограф должен передавать описываемую им старину в подлинном ее виде, без всяких прикрас или поновлений»⁵⁹.

Недостатком «Описания» Востокова является отсутствие систематизации рукописей по разделам в зависимости от их содержания. Все рукописи приведены им в алфавитном порядке, при

⁵⁹ А. Х. Востоков. Описание..., Предисловие, стр. II.

этом богослужебная литература, исторические документы и любые другие памятники оказываются расположенными вперемежку в зависимости от их названия по алфавиту. Рукописи тождественного содержания Востоков располагал в порядке уменьшающейся древности.

В кратком предисловии к «Описанию» Востоков дает сжатую характеристику основных почерков древних рукописей: устава, полуустава и скорописи, определяя хронологические рамки бытования на Руси каждого из них. Там же указываются три вида «правописания» древних славянских книг: русское, болгарское и сербское, с различием внутри болгарского и русского раннего и позднего письма. Основные различия изводов установлены Востоковым в этом разделе правильно. Следует, однако, отметить, что Востоков еще не делал различия между буквой и обозначаемым ею звуком, что нашло отражение и в терминологии и в описании существа явлений.

Палеографические замечания, имеющиеся в «Описании» Востокова, оказались столь обильными и существенными, что А. Н. Пыпин (1833–1904) смог сделать из него особую выборку палеографических данных и опубликовать отдельно как «Материалы для славянской палеографии из “Описания Румянцевского музея”»⁶⁰.

В 1843 г. Востоков вносит еще один существенный вклад в дело изучения памятников письменности: он издает Остромирово евангелие 1056–1057 гг. Весь текст его напечатан точно строка в строку, знак в знак в соответствии с подлинником. Издание это, однако, как наборное, имеет не столько палеографическое, сколько лингвистическое значение, прежде всего благодаря приложенному к нему очерку грамматики («Грамматические правила словенского языка, извлеченные из Остромирова евангелия»), словоуказателю, в котором приведены все случаи употребления какого-либо слова или его формы, имеющиеся в рукописи, и греческому подстрочнику. Очерку грамматики предшествуют замечания о графике памятника. На особой таблице приведены образцы начертаний букв

⁶⁰ «Ученые записки II Отделения АН», кн. II, вып. II. СПб., 1856, Отд. III, стр. 3–58.

Остромирова евангелия. Имеющееся воспроизведение миниатюр и текста лицевой стороны 89 листа рукописи передает величину и форму букв, указывает на формат оригинала. Это издание Востокова до сих пор может считаться образцовым изданием памятника древней письменности, несмотря на то, что в нем имеются некоторые неточности⁶¹.

Позднее Востоков издал свою «Грамматику церковнославянского языка, изложенную по древнейшим оного письменным памятникам» (СПб., 1863). В ней содержатся некоторые данные палеографического характера, в том числе указания на особенности начертаний букв и числовое значение их.

Не только исторический и филологический, но и палеографический интерес имеет переписка Востокова, опубликованная И. И. Срезневским. Из нее ясно видно, что уже в начале 20-х годов Востоков выступает как опытный палеограф. Так, в письме Н. П. Румянцеву 20 декабря 1824 г. он писал: «Думаю на опыте, что по одному правописанию нельзя судить о веке какой-либо рукописи: иной позднейший писец рабски передает нам все формы склонений и спряжений, найденные им в древнем подлиннике; но к букве или к почерку никто не считал за нужное поддельваться, всякий держался того почерка, который в его время был употребителен, и к коему он приучен был с молодости, хотя бы и хотел удалиться от оного, привычка заставила бы его сбиваться на старое. Следовательно, почерк или форма букв составляет вернейшую палеографическую примету»⁶².

Для Востокова характерно, что он всегда охотно устно и письменно делился своими знаниями и наблюдениями над рукописями со всеми, интересующимися древней письменностью. Как хранитель двух крупнейших собраний того времени, он делал выписки из отдельных рукописей для разных лиц, сообщал им многочисленные сведения об интересующих их памятниках.

⁶¹ См.: М. М. Козловский. Исследование о языке Остромирова евангелия. — В кн.: «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885–1895, стр. 119–127.

⁶² См.: «Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского». — «Сборник ОРЯС», т. V, вып. 2. СПб., 1873, стр. 158.

§ 15. Первые систематические курсы и пособия по палеографии

В. М. Ундольский

К началу 40-х годов относятся первые известные нам попытки систематического изложения накопленных к тому времени сведений в области славяно-русской палеографии. К их числу принадлежит сохранившийся в рукописи «Опыт славяно-русской палеографии или науки определять время написания рукописей, правильно и бегло читать оные»⁶³, написать который намеревался Вукол Михайлович Ундольский (1815–1864). Автор задуманного труда, известный впоследствии как составитель превосходного собрания древних рукописей (теперь хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина), служил в свое время в архиве министерства юстиции и был библиотекарем в Обществе истории и древностей российских. Ундольскому принадлежит ряд работ о памятниках письменности и первая часть описания указанного выше собственного собрания рукописей. Среди его наследия осталось много ненапечатанных и незаконченных работ, в том числе и в области палеографии. Для нас особый интерес представляет, естественно, названный «Опыт славяно-русской палеографии...» Можно полагать, что Ундольский весьма тщательно продумал содержание задуманного труда, от которого сохранились незначительные отрывки о чернилах и красках древних рукописей (с приведением рецептов из древних книг), о разведении киновари, о криптографии, переплетении книг и т. д. и, что самое главное, проспект всей работы. Поскольку он является первым известным нам опытом систематического изложения палеографии, ниже проспект помещается полностью.

«Вступление. Палеографии определение, необходимость, цель — избежание крайностей. Разделение. Пособия. Глава I. Об орудиях, коими писали — трости, перо... II. О чернилах и других жидкостях — киновари, хризографии (златописании), о заставках и изображениях в книгах. III. О писчих материалах: пергамене, папирусе, бу-

⁶³ Гос. б-ка им. В. И. Ленина. Отдел рукоп. ф. 310 (собр. Ундольского), № 1422.

маге: а) шелковой, б) бомбицине, тряпичной (льняной) и о знаках в ней. О палимпсестах... IV. О названии и форме книг внутренней и внешней: о фолиантах, квартантах, октавах... V. О способе переплетания книг в разные времена (интролигаторство), о переплетах: а) дощатом, б) в затылок, в) в кору, г) в материи и металл. VI. О происхождении славянского алфавита. VII. О разных родах письма: 1) по почерку: а) ус-ном (т. е., уставном. — Л. Ж.), б) полууставном, в) скорописном, 2) по местности: а) греческом, б) южном, γ) белорусском, и δ) великорусском почерке. О буквах заглавных, прописных, титульных и строчных. VIII. О делении книг: на главы, стихи, периоды, перикопы. О знаках строчных и надстрочных, вносных и интерпунктации. IX. О сокращениях (врахиграфии): а) слов, б) слогов, в) букв — с переменою начертания оных. О сокращениях в надписях, монетах, музыке (крюках) и пасхалии — летосчислительные термины (слич. XIV о печатях при грамматах). О криптографии, или тайнописании, литорее мудрой, тарабарской азбуке и т. д. X. О изменениях букв с течением времени вообще и в частности с XI по XVIII век, с приложением алфавитов. XI. Приписки (летописцы) рукописей и имена писцов в хронологическом и алфавитном порядках. XII. О местах, где процветала славянская письменность. XIII. Перечень замечательнейших славяно-русских библиотек. XIV. Дипломатика славяно-русская — как, где и когда писались грамоты и вообще официальные акты — разбор по методу Монфокона, Мабильона, Гаттерера, Евгения и других дипломатов»⁶⁴.

В указанном «Опыте» Ундольского представляет интерес в настоящее время не только план построения этого пособия и содержание отдельных его частей, но и само определение палеографии. Последнее включает «искусство распознавать рукописи и правильно читать их». Под «искусством распознавать рукописи» Ундольский понимал, по-видимому, то же, что и все последующие палеографы, а именно: умение определять время и место написания рукописей. Что касается умения читать рукописи, то последующие палеографы, как правило, уже не относили его к области палеографии. Лишь в последнее время на него вновь обратил вни-

⁶⁴ Там же, л. 22 и 24.

мание Л. В. Черепнин, считающий безошибочное чтение рукописных текстов первой задачей палеографии⁶⁵.

Ундольский предполагал издать не только самый «Опыт», но и большое количество образцов письма и оформления древней книги. В его архиве сохранилось около 200 пробных отпечатков с различных рукописей XI–XVIII вв., подготовленных для будущей хрестоматии. Однако эти палеографические работы так и не были завершены.

Ундольскому принадлежит ценное, огромное по затраченному труду «Описание рукописей Синодальной библиотеки». Выше было отмечено, что Ундольский издавал описание этого ценнейшего собрания, составленное К. Ф. Калайдовичем. Но Ундольский не ограничился этим и сам составил полное описание всех славянских рукописей Синодальной библиотеки. Обращает на себя внимание огромная подготовительная работа Ундольского по построению своего описания как описания систематического. Большую ценность имеют также различные указатели: библиография, хронологический указатель, алфавитный и др. Начало этого описания было набрано для «Чтений Общества истории и древностей российских при Московском университете» в 1848 г. Но в связи с революцией на Западе выход в свет «Чтений ОИДР» в октябре 1848 г. был прекращен. Лишь через двадцать лет, когда «Чтения ОИДР» были возобновлены, набранные листы труда Ундольского увидели свет⁶⁶. Были напечатаны описания рукописей, относящихся к разделам: I. Священное писание; II. Толкование священного писания; III. Каноническое право. В последнем разделе весьма подробно описаны три книги Кормчих. На этом публикация «Описания» Ундольского прервалась.

Труд Ундольского, посвященный описанию самого ценного в то время собрания древнейших русских и славянских рукописей, не вышел в свет не только потому, что прерывалось печатание «Чтений ОИДР», и что из-за смерти Ундольского некому стало вести сложнейшую корректуру «Описания». Более важным обстоя-

⁶⁵ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 1, 10 и др.

⁶⁶ «Чтения ОИДР при Московском ун-те», 1867, кн. II, стр. 1–56; то же отдельной книгой (М., 1891).

тельством было решение синода о том, что составлять описание рукописей Синодальной библиотеки должны духовные лица. Так осталась в рукописи огромная работа Ундольского, в появлении которой была весьма заинтересована отечественная наука — филология и история в первую очередь. В настоящее время два тома этой рукописи объемом около 1400 листов хранятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина⁶⁷. Существование этого труда оказалось полезным лишь тем, что способствовало скорейшему проведению аналогичной работы А. В. Горским и К. И. Невостревым.

П. И. Иванов

В середине XIX в. появляются первые учебные пособия по палеографии, так как этот предмет начинают преподавать в качестве отдельной дисциплины в некоторых учебных заведениях, в том числе в Александровском лицее, где этот курс читал И. П. Сахаров, и в учебных заведениях, готовивших чиновников судебных органов и работников, ведающих размежеванием земель.

Именно учебным пособием является труд Петра Ивановича Иванова (1794–1864) «Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма, разных периодов времени, изданный для воспитанников Межевого ведомства» (М., 1844).

Иванов был выдающимся историком-архивистом и крупным организатором архивного дела. В период создания указанного пособия он был инспектором московских сенатских архивов, впоследствии был директором Государственного архива старых дел министерства юстиции. Человек весьма трудолюбивый, Иванов явился составителем и редактором многих указателей и путеводителей по различным архивам, а также описаний архивов. Среди них были «Описание первой степени архива вотчинного департамента» (М., 1839), «Обозрение писцовых книг по Московской губернии» (М., 1840), «Описание писцовых книг по Новгороду и Пскову» (М., 1841), «Описание государственного разрядного архива с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном

⁶⁷ Отдел рукоп., ф. 310, № 1391а и 1391б.

любопытных документов» (М., 1842), «Путеводитель по государственным архивам, состоящим при правительствующем сенате в Москве» (М., 1845), «Описание государственного архива старых дел» (М., 1850) и др. Эти труды позволили Иванову выступить квалифицированным составителем указанного выше «Сборника палеографических снимков». В нем Иванов дает воспроизведение текстов главным образом грамот и подписей, сопровождая их чтением текста и комментариями исторического и лингвистического характера (с объяснением непонятных слов). Палеографические замечания скудны, не обращают внимания читателя на приметы времени, характерные в тех или иных начертаниях букв. В книге дается описание печатей, имеющих на каждой грамоте, текст которой воспроизводится. К альбому приложена большая статья под названием: «Исторический взгляд на развитие славянорусской письменности и словесности». Статья должна была не только содействовать общему образованию читателей, но и помочь им в чтении и понимании текстов древних грамот. Иванов останавливается на вопросе соотношения кириллицы и глаголицы, считая последнюю, вслед за западными учеными своей эпохи, изобретением святого Иеронима (начало V в.). Автор разбирает далее некоторые особенности живых западнославянских и южнославянских языков, отмечая большую близость всех славянских диалектов в древности. Он указывает на древние черты языка, отраженные в грамотах: наличие особых звуков **ъ** и **ь**. наличие сочетаний **кы**, **гы**, **хы**, отсутствие **о**, **ы**, **ъ** после **ж**, **ц**, **ч**, **ш**, **щ** и другие языковые черты, знание которых поможет при чтении грамот.

П. П. Сахаров

Современником Иванова был создатель первого учебного курса палеографии Иван Петрович Сахаров (1807–1863). Он долгое время служил врачом почтового ведомства. Все свободное время Сахаров отдавал изысканиям в области древней русской письменности и народного творчества. В настоящее время он более известен как фольклорист («Сказания русского народа»), этнограф и библиограф. Испытывая постоянные материальные лишения, Сахаров не мог довести до конца многие из задуманных работ. Он

преподавал палеографию в Александровском лицее и в училище правоведения.

В 1839 г. Сахаров публикует описание своего собрания рукописей в работе «Славяно-русские рукописи» (СПб.). Описание очень краткое, хотя в нем и раскрывается состав сборников. В 1842 г. вышли в свет «Русские древние памятники» (СПб.). Они состояли из трех выпусков разного содержания. В первом выпуске две части: 1) хронологическая роспись русской библиографии с 1491 по 1700 г.; 2) описание памятников письменности («литературных произведенных» — по терминологии самого Сахарова) XI–XVIII вв. Во втором выпуске дается краткое описание книг, «изданных на славяно-русском языке в России и за границею, по типографиям». В третьем выпуске намечалось дать описание рукописей, находящихся в государственных и частных библиотеках, но была описана лишь библиотека Воскресенского монастыря. Рукописи в описании разделены на группы в зависимости от материала, на котором они написаны, и от содержания их. Первую группу составили пергаменные рукописи, вторую — рукописи на хлопчатой бумаге, третью — рукописи «на простой бумаге». Последние поделены на такие группы: богослужебные книги, богословские, толкование на священное писание, поучения отцов церкви, синодики, полемические сочинения, канонические, исторические, географические, философские, сборники. В дальнейшем Сахаров задумал по этому же плану более обширное издание и в 1849 г. начал публиковать «Обозрение славянорусской библиографии» (СПб.). Поскольку Сахаров понимал под библиографией и обозрение памятников письменности до XVIII в., а не только описание печатных книг, этот грандиозный труд Сахарова должен был представлять известный вклад и в палеографию. Вся работа в целом Сахаров представлял себе так: «Том первый назначен для древней русской литературы. По обширности предмета он разделен на две книги. В первой из них поместится обозрение славяно-русской литературы до XVIII века, известной не в печати, а в рукописях. Во второй описаны будут славяно-русские древние издания с 1491 до 1731 года, напечатанные в России и за границею, кирилловскими и русскими буквами. В общем обозрении древней рукописной и печатной литературы мы будем видеть умственную жизнь наших отцов,

начавшуюся прежде, в X столетии, под влиянием византийского просвещения, потом сроднившуюся с славянскими племенами и, наконец, образовавшуюся в XIV столетии своими произведениями в литературу самобытную, русскую. Богатства наших библиотек изумительны и русскими сочинениями и византийскими переводами. У нас хранятся такие памятники в переводах, которых греческие тексты или не изданы, или считаются потерянными. Том второй назначен для древней славяно-русской палеографии. На основании исторических актов и снимков с подлинников объяснено славяно-русское книжное письмо с XI, судебное с XII, книгопечатание древних типографий с XV века. 150 листов снимков, разработанных аналитически, составят вместе с текстом основание нашей палеографии. Том третий назначен для новой русской литературы... В полном составе славяно-русской библиографии осмотрены 18 000 сочинений и переводов, находящихся в рукописях, и 24 000 печатных изданий»⁶⁸.

Для нас наибольшее значение имеет том второй труда Сахарова. Этот том не был окончательно напечатан и официально, видимо, не был выпущен в свет. Однако до сих пор сохранилось несколько экземпляров его без титульного листа, без конца и без снимков с рукописей. В настоящее время книга является библиографической редкостью⁶⁹. Она представляет собой первое в России систематическое изложение палеографии. Содержание и построение «Славяно-русской палеографии» Сахарова весьма своеобразны и не нашли продолжения ни в работах последующих специалистов, ни у самого Сахарова. Тем не менее книга содержит очень ценные сведения по ряду разделов палеографии и по смежным вопросам. Все это вместе взятое делает целесообразным более подробное ознакомление читателя с названным трудом Сахарова.

Книга начинается неозаглавленными замечаниями автора, содержащими краткий проспект задуманного тома, свидетель-

⁶⁸ Цит. по отдельному листу, приплетенному в экземпляре Гос. б-ки им. В. И. Ленина к т. I, кн. 2, вып. 4 названного труда; внизу на листе выходные данные: СПб., 1849, тип. Академии наук (шифр этого экземпляра W²⁶⁵/₂).

⁶⁹ Отсутствует даже в Гос. б-ке им. В. И. Ленина.

ствующий о грандиозности замысла Сахарова. В этих замечаниях Сахаров говорит следующее:

«Предназначая второй том библиографии исключительно для славяно-русской палеографии, столь тесно связанной с изучением нашей древней литературы, я решился изложить свои наблюдения в разных видах.

1. Славяно-русская палеография рассматривается мною как учение самостоятельное, образовавшееся в полном развитии русской грамотности, на основании исторических актов и сохранившихся памятников.

2. Предметами изучения славяно-русской палеографии я избираю: 1) письмо книжное, 2) письмо судебное и 3) книгопечатание.

3. Для изучения книжного письма я предлагаю читателям 50 листов снимков с древних рукописей, начиная с XI века, и собственные наблюдения о способах изучения этого письма.

4. Для изучения судебного письма я предлагаю 50 листов снимков с древних актов, начиная с XII века, и наблюдения о видовых отличиях этого письма.

5. Для изучения книгопечатания предлагаю 100 листов снимков из книг, печатанных в XX славяно-русских типографиях, и истории самых типографий с 1491 года.

В отдельном обозрении каждого из этих предметов палеографии будут рассмотрены: все видимые признаки наших древностей, способы изучения истинных подлинников от подложных, значение наших древностей в общей русской литературе, влияние письма книжного и книгопечатания на ход умственного образования наших отцов и участие русских людей в книгописании и книгопечатании.

При печатании снимков я избрал способ аналитический: представлять сначала читателю снимок вполне, с целого листа, потом целую азбуку письма, или печати, знаки строчные, украшения и сокращения. В этой аналитической разработке можно видеть вполне как характер книгопечатания, так и разные виды книжного письма. Печатать снимки просто, без разложения, я не находил не только никакой пользы, но даже и надобности. Верен ли мой взгляд на этот предмет, предоставляю судить другим; я убежден

в нем и буду следовать ему дотоле, пока другие не представят лучшего способа изучения.

Да не подумают читатели, чтобы я, представляя разные свои способы изучения славяно-русской палеографии, желал скрыть участие русских писателей на этом поприще. Нет. Все, что было сделано другими, будет указано. Только таким путем могу доказать, что было сделано до меня и что мною»⁷⁰.

За этим текстом следует без выходных данных лист, на котором имеется только заглавие работы: «Палеография славяно-русская. I. Письмо книжное». Текст книги начинается с рассмотрения «причин, по которым палеография не могла приблизиться к правильному изучению»⁷¹. Порицая «старинарей» (термин Сахарова. — Л. Ж.), Сахаров одних из них критикует за то, что они довольствовались определениями «устав», «полуустав», «скоропись», не различая при этом устав киевский и новгородский, полуустав московский, владимирский или рязанский, скоропись книжную и судебную, и тем более скорописи книжную русскую, литовско-русскую и молдавскую; других — за то, что они «ограничивались одними бумажными внутренними знаками и на таких данных основывали свои заключения, отбрасывая все другие условия»⁷². Сахаров осуждает и тех, которые «считали всю важность нашей палеографии в одних снимках с текста рукописей»⁷³, за то, что «круг их действия был очень ограничен. Работы производились без всякого порядка, отрывками, клочками, при случае»⁷⁴. Не признает он правоты и за теми, кто подменяет палеографию грамматическим разбором текстов.

Далее Сахаров кратко раскрывает свое понимание палеографии. «Славяно-русская палеография, возведенная на степень систематического учения, должна состоять из отдельных знаний для точного познания наших древностей: 1) из учения топографиче-

⁷⁰ [И. П. Сахаров. Обзорение славяно-русской библиографии. Т. II. «Палеография славяно-русская», кн. I: «Письмо книжное»], стр. 1–2.

⁷¹ Там же, стр. 5.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

ского славяно-русского книжного письма — уставного, полууставного и скорописного; 2) из учения бумажных внутренних знаков в хронологическом порядке, основанного на известных списках; 3) из учения графического, основанного на систематическом разложении почерков по местностям, на снимках с рукописей, определенных с достоверностью; 4) из учения филологического, основанного на обзоре правописания рукописей по местностям и столетиям, в отличиях письма киевского от новгородского, русского от болгарского, московского от литовско-русского»⁷⁵.

Своей обязанностью Сахаров считал «изложить одно топографическое учение славяно-русского книжного письма, оставляя все другие отделы палеографии до будущего времени»⁷⁶.

Материалом для «Палеографии» Сахарова послужили 400 датированных русских и южнославянских рукописей, часть из которых имела также указания на место написания и имя писца или писцов книги. Эти рукописи Сахаров делит по месту их происхождения на русские, цареградские, афонские, молдавские и синайские, отмечая при этом, в какое время и в каких местах писались каждые из них. Далее Сахаров, также очень кратко, рассматривает материал, на котором писались древние рукописи, и основные почерки. Автор различает книжное письмо и судебное, понимая под последним письмо различных актов. Бегло говорится о вязи, тайнописании, мудрой литорее и выражении счета в древних рукописях. Все указанные вопросы, начиная с указания на материал, озаглавлены: «Топографическое учение славяно-русского книжного письма» (стр. 6–8; книга имеет большой формат, текст в ней расположен в два столбца). Затем следует раздел «Русское книжное письмо»⁷⁷ (стр. 9–16). Здесь в алфавитном порядке названий современных Сахарову губерний России рассматриваются время написания памятников письменности, почерк их, указывается место написания отдельных из них, перечисляются писцы и указывается «происхождение» письменности в данной губернии, т. е. куль-

⁷⁵ Там же, стр. 6.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Шрифтовка заголовков в рассматриваемой книге одинакова и, по видимому, не отражает соподчинения отдельных частей.

турный центр или область, влиявшие на письменность в период ее становления. В таком плане последовательно рассматривается книжное письмо Архангельской, Виленской, Владимирской, Вологодской, Вольнской, Казанской, Киевской, Костромской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской губерний. Естественно, что материал, освещенный для каждой из губерний, далеко неравномерен и в количественном отношении, и по степени глубины рассматриваемых вопросов. Следующий раздел — «Хронологическая роспись славянорусских рукописей» (стр. 17–52) — является основным в книге Сахарова. Здесь по векам, от XI до XVII в. включительно, описано 400 рукописей. В их числе под № 30 на стр. 23 помещен упоминавшийся выше при разборе работы палеографов-старообрядцев «Требник Феогоста», подложности которого Сахаров не заметил и датировал его 1329 г. Собственно описательная часть указанного раздела очень кратка: она содержит название и дату рукописи, материал, на котором написана книга, местонахождение ее, шифр в хранилище, размер (в долях листа), листаж и почерк. Значительную ценность представляют здесь развернутые библиографические данные с краткими аннотациями а также сведения о записях, имеющих в той или иной рукописи.

Рассматриваемая книга Сахарова снабжена полезными указателями. Таковы: I. Хронологическая таблица; II. Топографическая таблица (обозначение города, монастыря или других мест, где была написана рукопись); III. Названия рукописей; IV. Библиотеки; V. Переписчики рукописей.

В «Приложении» Сахаров дал подробное, но не содержащее описания и анализа самих начертаний букв палеографическое описание Изборника 1076 г. Здесь же имеется подробная библиография с большими цитатами из работ разных ученых об «Изборнике» или отдельные высказывания о нем. Сахаров составил оглавление этой рукописи и указал ряд древнерусских памятников, в которых имеются параллели к той или иной статье «Изборника». В заключение он привел запись-послесловие писца, а также часть текста «Изборника». Книга Сахарова не имеет конца. По-видимому, набор ее вообще не был закончен.

«Обозрение славяно-русской библиографии», частью которой является рассмотренная нами «Славяно-русская палеография», печаталось в типографии Академии наук. Задуманная большая работа не была завершена и напечатана до конца. Ряд других трудов Сахарова издавался на личные средства члена Археологического общества Ивана Тарасовича Яковлева и рассылался бесплатно.

Сахаров был первым русским палеографом, читавшим систематический курс палеографии и оставившим свои лекции в литографированном виде. Литографированное издание лекций под названием «Чтения из русской палеографии» вышло в свет не позже 1854 г., так как на экземпляре Государственной библиотеки им. В. И. Ленина с шифром W $\frac{299}{69}$ имеется авторская дарственная запись на имя И. Т. Яковлева от 20 июня 1854 г. Поскольку этот труд является одним из первых систематических обзоров основ палеографии и отражает изменившиеся взгляды на палеографию самого Сахарова, остановимся на его содержании несколько подробнее, тем более что книга эта стала библиографической редкостью.

Сахаров считал, что палеография должна занимать видное место у народа, имевшего богатую историю, сложное законодательство, развитые науки и искусства. «Палеография есть достояние образованного народа, прожившего самостоятельную жизнь несколько эпох, — писал он. — У народа, едва возникающего из неизвестности, этой науки не может существовать, единственно по неимению данных, из которых слагается палеография. В образованном государстве без этой науки не может обходиться ни историк, ни юрист, ни археолог, ни критик. Историк она разрешает трудные вопросы, юристу определяет достоверность законов и актов, археологу объясняет существование искусств и художеств, критику доставляет данные для определения истины или подлога»⁷⁸.

Объект изучения палеографии Сахаров понимал весьма широко. Это видно уже из самого определения палеографии: «Палеография, в обширном своем значении, есть наука древностей, имеющих на себе отпечаток письмен народа, ознаменован-

⁷⁸ И. П. Сахаров. Чтения из русской палеографии. Изд. литографированное, [М., 1854], стр. 1–2.

ного в истории событиями, законами, науками, искусствами и художествами»⁷⁹. Справедливо возражая против того, чтобы подменять палеографию одной дипломатикой, как это делалось в XVIII в. (а некоторые ученые имеют к этому склонность и теперь, спустя более чем сто лет после опубликования курса Сахарова), Сахаров правильно отмечает необходимость для палеографа овладения самыми разнообразными знаниями, особенно филологическими. «В наше время, — писал он, — одна дипломатика не может выполнять собою всех требований, нужных для палеографии. Без критики, истории, географии и археологии невозможно палеографу объяснить достоверность акта и определить его историческое значение. Без филологического взгляда можно ли безошибочно определить время написания акта? А этого-то именно и недостает в дипломатике»⁸⁰. Сахаров уже осознал, что единой палеографии, занимающейся изучением древнего письма на любых предметах, быть не может. Поэтому он хотя и определяет предмет палеографии весьма широко, как «науку древностей, имеющих на себе отпечаток письмен», но уже считает необходимым разделить палеографию на четыре раздела. Так, согласно Сахарову, «русская палеография в приложении к древностям разделяется на разные виды. Главные из них: 1. Палеография литературная для изучения древних письменных и печатных памятников русской словесности. 2. Палеография юридическая для изучения исторических и юридических актов русского законовещения. 3. Палеография археологическая для изучения надписей на русских памятниках разных художеств — металлических, каменных, живописных и резных на дереве. 4. Палеография нумизматическая для изучения надписей на русских монетах»⁸¹.

Объектом изучения Сахарова в «Чтениях из русской палеографии» является «юридическая палеография». «Русская юридическая палеография как наука занимается изучением правильного чтения древних актов и определением из (их — ? Л. Ж.) историче-

⁷⁹ И. П. Сахаров. Указ. соч., стр. 1.

⁸⁰ Там же, стр. 2–3 (разрядка моя. — Л. Ж.).

⁸¹ Там же, стр. 3.

ской достоверности»⁸². «Полный состав русской юридической палеографии состоит из четырех отдельных учений: 1) из исторического, 2) графического, 3) дипломатического, 4) юридического»⁸³. Сахаров сначала кратко рассматривает каждое из этих «учений». Так, с его точки зрения, «историческое учение занимается исследованием древнего русского письма и обзором его быта в судебных местах по сохранившимся юридическим памятникам с XII до конца XVII века»⁸⁴. Этот раздел в кратком изложении занимает стр. 7–14. Здесь Сахаров указывает, что «судебное русское письмо, известное нам по сохранившимся памятникам с XII столетия, образовалось из письма книжного»⁸⁵, от которого оно удалилось при Иоане III. Под этим удалением Сахаров понимал скорописное письмо, заменившее устав древних книг (с XII до середины XIV в.) и полуустав (со второй половины XIV и до конца XV в.). Сахаров различал письмо русское, литовско-русское и малорусское и рассматривал историю каждого из них в отдельности.

В «графическом учении» (стр. 14–27) Сахаров выявляет два рода письма: 1) всем известное, «обрисованное славянскими буквами», и 2) письмо условное, «обрисованное или буквами, или знаками». В первом роде письма он описывает четыре вида его: устав, полуустав, скоропись и вязь (последняя, с его точки зрения, появляется в XVI в.). О втором роде письма Сахаров сообщает: «Из письма условного, скрытного, обрисованного или буквами, или знаками, русская палеография представляет: 1) письмо тарабарское, 2) тайнопись, 3) литорейное, 4) цифирное, 5) досчатое по костям и 6) по метам и резам»⁸⁶, и кратко характеризует каждое из них. Здесь же Сахаров описывает сокращения слов под титлами, типичные выносные буквы (**з, м, р, т, л, ж, д, и, н**), знаки ударения, разделительные знаки (исключительно точка в XII–XIV вв., запятая — в актах XVI и XVII столетий, двоеточие и точка с запятой — очень редко, только в актах, писцовых и родословных книгах

⁸² Там же, стр. 4.

⁸³ Там же, стр. 7.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, стр. 6.

⁸⁶ Там же, стр. 17–18.

XVII в.), надстрочные знаки (особо выделяя по их употреблению смоленских писцов XIII в.).

Переходя затем к «дипломатическому учению» (стр. 27–44), Сахаров так раскрывает его содержание: «дипломатическое учение древнего русского письма занимается определением достоверности или подлога рукописей, актов и археологических памятников по вещественным видам их исполнения на основании исторических данных наблюдений и опытов. В состав сего учения входят: 1) обозрение веществ, употреблявшихся книжными и судебными писцами при написании актов и рукописей; 2) описание разных чернил и исполнение письма тростником, пером и кистью; 3) обозрение печатей, сохранившихся на актах государственных и частных людей; 4) исследование форм, существовавших в старом канцелярском порядке; 5) дипломатические знаки, выставлявшиеся писцами при написании актов; 6) подписи на разных актах; 7) летосчисление»⁸⁷.

Далее следует раздел IV — «юридическое учение» (стр. 44–47). Здесь Сахаров писал: «Юридическое учение древнего русского письма занимается критическим обозрением актов и книг древнего русского судопроизводства на основании исторических, графических и дипломатических данных русской палеографии. Главными предметами сего изучения будут: 1. практическое обозрение древних актов: русских, литовско-русских и малорусских; 2. изучение судебных книг, сохранивших историческое значение прав о лицах и собственности»⁸⁸.

Затем подробно рассматриваются некоторые разделы, кратко освещенные Сахаровым выше. Так, имеется отдел, названный «Историческое учение». Он состоит из таких частей: «I. О происхождении русской азбуки» (стр. 1–29), «II. О кирилловской азбуке, составленной для славян святым Константином» (стр. 29–91), «III. О славянской глаголической азбуке» (стр. 91–118). Затем снова с новой нумерацией страниц следуют: «Раздел второй. О письменах русского народа» (стр. 1–35). Далее, не только с новой нуме-

⁸⁷ И. П. Сахаров. Указ. соч., стр. 27–28.

⁸⁸ Там же, стр. 44.

рацией страниц, но и разделов, начинается: «Отделение I. Палеографическое обозрение юридических актов». В нем приводится список грамот XII в., а затем, по-видимому в качестве примера, дается подробный анализ Мстиславовой грамоты. Этот анализ в соответствии с новым пониманием Сахаровым задач палеографии распадается на историческую часть (стр. 7–16), юридическую часть (стр. 16–20), графическую (стр. 20–27), снабженную словоуказателем (стр. 28–30), имеющим грамматические пометы, и на дипломатическую часть (стр. 31–35).

Рассмотренные выше два систематических пособия по палеографии являются, по-видимому, единственными, притом малодоступными общими трудами Сахарова по палеографии. В библиографии трудов Сахарова указывается еще одна его печатная работа по палеографии: лекции для правоведов, но достоверность сообщения о ней вызывает сомнение. В нем говорится: «1852 год... 93. Лекции русской юридической палеографии. Для лица эти лекции были литографированы, под названием: *Чтения их* (так. — Л. Ж.) *русской палеографии*. Напечатана была одна только первая часть. В газете «Северная пчела» из третьей части была напечатана статья: *Русская монетная система*. В Училище правоведения лекции не были печатаны, и чтение было предложено обширнее лицейского. Для правоведов было напечатано особою книгою»⁸⁹. Это библиографическое указание не подтверждается, однако, другими библиографическими данными.

Судьба многих замыслов Сахарова, так же как и начатых изданий, была весьма неблагоприятной. На свои небольшие личные средства он рассчитывать особенно не мог. Академия наук не всегда могла осуществлять издание его работ. Например, печатание грандиозного «Обозрения славяно-русской библиографии» Сахарова было прекращено несмотря на огромный труд, затраченный автором на его подготовку. После смерти Яковлева некоторые работы Сахарова остались в кладовых наследников Яковлева и так и не попали к читателям. Такова, в частности, была судьба

⁸⁹ [Петр Бартенев]. Для биографии И. П. Сахарова. IV. Записка о сочинениях и изданиях И. П. Сахарова, напечатанных с 1830 года. «Русский архив», 1873, год одиннадцатый, кн. 1, № 6, стр. 940–941.

напечатанных 104 снимков к рассмотренному выше первому тому (кн. 2, вып. 4) «Обозрения славяно-русской библиографии», текст которого печатался в типографии Академии наук; такова же судьба «40 снимков с судебного письма русского, литовско-русского и малорусского» и других работ. Тем не менее, заслуги Сахарова в области развития русской палеографии, так же как и в области развития интереса к древности в широких кругах общества, очень велики и не должны быть забыты.

§ 16. «Описание» А. В. Горского и К. И. Невоструева

В 50-е годы вышли первые тома выдающегося труда в области описания хранилищ древних рукописей — «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» Александра Васильевича Горского (1812–1875) и Капитона Ивановича Невоструева (1815–1872). В «Описании» первоначально было пять томов⁹⁰. Первый том вышел в Москве в 1855 г., составлен он Горским и Невоструевым (последний был специально вызван для этой цели из Симбирска, где он был профессором семинарии). Второй том вышел в 1857 г., он составлен преимущественно Невоструевым, последующие тома⁹¹ — одним Невоструевым, известным также своими трудами в области археологии и древней литературы. Методы «Описания», по-видимому, вырабатывались преимущественно Горским. «Описание» Горского и Невоструева до сих пор является непревзойденным по своей тщательности и глубине. Составлено оно по строго продуманному плану. Исходные данные о рукописях даются лапидарно и содержат: шифр (новый и старый), название памятника, указание на материал, на котором он написан, указание на формат или размер рукописи, на характер расположения текста, краткие указания на характер почерка, на количество почерков (правда, последнее обычно дается

как сообщение о том, одним или несколькими почерками написана рукопись, без уточнения числа писцов) и дату. Затем приводятся более подробные замечания о сохранности, качестве пергамента, о характере почерков инициалов, об орнаменте и миниатюре. Важным достоинством описания является подробное Указание на состав рукописей, причем не только сборников различного содержания, но даже таких памятников письменности, содержание и состав которых более или менее стабильны: и в них перечисляются отклонения от традиционной последовательности частей и глав, указываются случаи отсутствия отдельных из них. Горский и Невоструев приводят с большой тщательностью все приписки к основному тексту и различные записи, имеющиеся в рукописи, причем не только те, которые позволяют определить или уточнить дату рукописи, но и все другие, заслуживающие внимания по своему содержанию. В конце каждой статьи делаются замечания о графике и орфографии рукописи, иногда даже с приведением особенностей в употреблении тех или иных форм и отдельных слов. Все рукописи в «Описании» Горского и Невоструева, в отличие от рассмотренного выше труда А. Х. Востокова «Описание рукописей Румянцевского музеума», четко сгруппированы по содержанию.

Труд Горского и Невоструева в 1867 г. был удостоен Ломоносовской премии, впервые присужденной в Академии наук. В своей рецензии на него И. И. Срезневский писал: «Припоминая все, что останавливает на себе внимание в этом произведении, не знаем, чему более удивляться — внимательности ли ко всему замечательному, даже мелочному, силе ли и ловкости соображений и строгости выводов, или глубокой учености, не многознанию, плоду начитанности, а именно учености, знающей то, что нужно знать как достояние науки, и требующей от научного труженика добросовестных изысканий. Подобными трудами не богата ни одна из европейских литератур...»⁹². Но при этом отмечается, что «описание рукописей Синодальной библиотеки в отношении палеографиче-

⁹⁰ Шестой том по черновым текстам Горского и Невоструева был позднее издан под ред. Н. П. Попова, заведующего Синодальной библиотекой в Москве (М., 1917).

⁹¹ Т. III — М., 1859; т. IV — М., 1862; т. V — М., 1869.

⁹² И. Срезневский. Отчет о первом присуждении Ломоносовской премии, читанный в торжественном заседании Академии наук 29-го декабря 1867 г. «Записки имп. Академии наук», т. XIII. СПб., 1868, стр. 207–208.

ском не отличается подробностью⁹³. «Несравненно более данных, особенно в первых четырех томах, дает “Описание” в отношении филологическом — также преимущественно о рукописях древних и о списках с древних; очень важны извлечения из таких рукописей и относительно строя языка и относительно выбора и подбора слов. С этой стороны “Описание” представляет важный шаг вперед в сравнении с однородными трудами прежнего времени»⁹⁴. Другой рецензент, А. Ф. Бычков, весьма высоко оценивая значение «Описания» Горского и Невоструева, также отмечал недостаточность палеографической стороны «Описания». Бычков писал: «Можно было бы пожелать встретить в Описании более подробные палеографические сведения как о почерке рукописей, так и о изображениях к ним приложенных, о заставицах и заглавных буквах, по рисунку которых можно довольно верно определять век рукописей; иметь снимки с некоторых наиболее важных рукописей...»⁹⁵.

§ 17. Частные палеографические исследования в 50-х годах

В 1855 г. вышли в свет «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских, изготовлены к столетнему юбилею императорского Московского университета трудами профессоров и преподавателей Петрова, Клина, Менщикова и Буслаева» (М.). Славяно-русская часть под названием «Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV-ти рукописей Московской Синодальной библиотеки», была подготовлена выдающимся филологом, работавшим в области истории русского языка, историком литературы и искусства, основоположником изучения древнерусской миниатюры и орнамента, Федором Ивановичем Буслевым (1818–1897). Палеографическую ценность представляют лишь сами

⁹³ «Записки, поданные во второе отделение Академии наук о труде г.г. Горского и Невоструева “Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки”. 1. Записка академика И. И. Срезневского». «Записки имп. Академии наук», т. XIII, стр. 234.

⁹⁴ Там же стр. 235.

⁹⁵ Там же, 2. Записка академика А. Ф. Бычкова, стр. 299.

снимки, поскольку в авторском изложении вопросы палеографии не освещаются, но внимание уделяется языку.

К середине XIX в. относится деятельность в области славяноведения и отчасти палеографии Осипа Максимовича Бодянского (1808–1877). С 1845 г. он был секретарем Общества истории и древностей российских при Московском университете. Под его руководством выходили «Чтения ОИДР», в которых были изданы многие памятники письменности. Перу Бодянского принадлежит труд «О времени происхождения славянских письмен» (М., 1855), в приложении к которому приведены палеографические снимки с некоторых рукописей.

§ 18. Заключение

Открытие в первой половине и середине XIX в. большого числа памятников письменности, издание многих из них в снимках и с палеографическими комментариями, обобщение большого палеографического материала в различных описаниях книгохранилищ и архивов создали условия для перехода от первоначального накопления палеографического материала к его систематизации, от описания палеографической стороны отдельных рукописей к созданию общих основ русской палеографии, охватывающих различные этапы ее в их эволюции. Появляются общие курсы палеографии, необходимость в которых особенно возрастает с организацией в 1877 г. Петербургского Археологического института.

Глава III

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ В КОНЦЕ XIX И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

§ 1. Общая характеристика периода

Новый этап в развитии палеографии в России связан с именами крупнейших филологов последней трети XIX — начала XX в. И. И. Срезневским, И. В. Ягичем, А. И. Соболевским, Е. Ф. Карским, В. Н. Щепкиным и П. А. Лавровым. Каждый из них был прежде всего языковедом; работа над палеографическим материалом занимала у этих ученых второстепенное место. Несмотря на это, именно указанные лингвисты сделали более, чем кто-либо другой, для развития не только русской, но и вообще кирилловской палеографии.

Выделить столь длительный период в развитии палеографической мысли в России и в СССР, захватывающий не только два столетия, но и две разные исторические эпохи, позволяет и действительно требует научная деятельность таких русских ученых, как академики Е. Ф. Карский, А. И. Соболевский и П. А. Лавров, профессор В. Н. Щепкин и некоторые другие. Жизнь и деятельность их принадлежит к двум разным эпохам, но в развитии теории и практики палеографии у всех названных ученых после Великой Октябрьской социалистической революции особых изменений не наблюдается, наоборот, можно проследить единую линию развития.

§ 2. Палеографические труды И. И. Срезневского

Переход палеографии на строго научную почву имеет место уже в трудах И. И. Срезневского. Академик Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) был необычайно разносторонним ученым. В области палеографии он усиленно работал во второй период своей деятельности (с 1865 г. читал курс палеографии в Петербургском университете), постоянно собирая и систематизируя для него палеографические материалы памятников письменности.

сти. В своих трудах он затронул почти все вопросы палеографии, разработал теоретическую сторону ее.

С 1852 г. Срезневский стал ученым редактором «Известий императорской Академии наук» по Отделению русского языка и словесности, а затем и редактором «Ученых записок» Второго отделения Академии наук и «Сборника ОРЯС». С этого времени его научная деятельность сосредоточивается главным образом на памятниках древней письменности, как русских, так и старославянских, на строго научном в палеографическом отношении исследовании и издании их полностью или в отрывках. Основные его труды в этой области: «Древние памятники русского письма и языка (X–XIV в.). Общее повременное обозрение и дополнения с палеографическими указаниями, выписками и указателем»⁹⁶, «Древние славянские памятники юсового письма»⁹⁷, «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках»⁹⁸, «Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы» (СПб., 1866). Все эти работы содержат палеографическое описание, часто весьма детальное, анализ состава, замечания о графике и орфографии рукописей, библиографию, кроме того в них иногда приводятся с соблюдением орфографии оригинала отрывки из крупных рукописей, а некоторые рукописи напечатаны даже целиком. В качестве приложения к «Древним памятникам русского языка и письма...» И. И. Срезневский издал «Снимки с памятников» (СПб., 1866) — альбом, содержащий 40 листов снимков.

Важное значение для понимания взгляда Срезневского на роль палеографии имеют высказывания его в различных статьях, и в том числе в уже упоминавшемся разборе труда Горского и Невоструева. В последнем он четко сформулировал задачи и круг вопросов, который, по его мнению, должен быть освещен при описании рукописей, в частности, вопросов палеографических. Он писал: «Имея в виду разнообразные потребности тех, которые нуждаются в описаниях рукописей, составитель их чем более полезным захочет сделать свой труд, тем более разнообразные подробности

⁹⁶ «Известия имп. Академии наук по ОРЯС», т. X. СПб., 1863.

⁹⁷ «Сборник ОРЯС», т. III. СПб., 1868.

⁹⁸ В разных томах «Сборника ОРЯС».

внесет в него. В ряду их он даст место следующим: 1) В описании палеографическом он отметит: на чем, чем, как написана рукопись и в каком виде выпущена из рук мастеров для употребления; во внешности: — материю, на которой написана рукопись (пергамин, бомбицина, бумага), и ее относительное достоинство; величину рукописи: формат, величину страницы, ее расположение, число листов и тетрадей, полна ли она или не сохранилась вся вполне; переплет — в отношении к связке тетрадей и их порядку, в отношении к обрезке и в отношении к украшениям, если он сколько-нибудь приближается по времени к написанию рукописи; в н у т р и : почерк — общий характер письма, частные особенности, чернило; украшения: рисованные буквы, заставки, особые изображения и т. п.; правописание: общий характер, частные особенности, особенности языка, по крайней мере наиболее важные для определения относительного значения рукописи как памятника письма своего времени; данные, по которым следует отнести рукопись к тому или другому времени, между прочим записи, если они есть, указывающие на время и место написания. 2) В описании филологическом: правописание, сколько оно выражает особенности языка в отношении к произношению букв и слогов; язык в отношении к особенностям его строя; язык в отношении к выбору и подбору слов. 3) В описании литературном: содержание с теми подробностями, которые могут указать, что в ней важно в отношении к словесности, истории, археологии и т. п., и чем она отличается от других подобных; приписки, не относящиеся к главному содержанию рукописи, но почему-нибудь замечательные. Чтобы описание было вполне удовлетворительно, следует прибавить к нему: выписки из разных мест рукописи с соблюдением правописания; снимки с почерков, сколько возможно верные. Собирая данные для описания рукописи из нее самой, следует не ограничиваться тем, что в ней видно простым глазом, но если возможно, отчищать от грязи, если она покрывает страницы, и восстанавливать чернило, стершееся с поверхности. Само собою разумеется, что все этого рода подробности тем более уместны и желательны в описании рукописи, чем она важнее по древности, по редкости, по важности содержания и т. п.»⁹⁹. Таким образом, со-

⁹⁹ Записка академика Срезневского, стр. 214–215.

ставитель описания древних памятников письменности, находящийся в том или ином хранилище, должен обладать известным энциклопедизмом в области общественных и филологических наук, знать хорошо состояние древней письменности по сохранившимся памятникам вообще (чтобы определить место описываемой рукописи среди других), быть лингвистически и литературоведчески образованным, а не только знать палеографию и историю.

Уже после смерти Срезневского вышел в свет полностью изданный отдельной книгой его обобщающий труд в области палеографии: «Славяно-русская палеография XI–XIV вв. Лекции, читанные в имп. С.-Петербургском университете в 1865–1880 гг.» (СПб., 1885). Эта книга явилась результатом пятнадцатилетнего чтения Срезневским курса палеографии в Петербургском университете. Некоторые части ее были напечатаны раньше, главным образом в «Журнале Министерства народного просвещения», но как целое книга готовилась уже после смерти Срезневского, по-видимому, его сыном — В. И. Срезневским. Тем не менее она является трудом И. И. Срезневского, характерным именно для 60–70-х годов, так как многие поколения студентов слушали его лекции по палеографии именно в эти годы.

Срезневский рассматривает в «Лекциях» палеографию «в общем смысле» как «знание происхождения, видоизменений и распространения письмен; в смысле частном она есть знание повременных видоизменений письмен какой-нибудь азбуки и их употребления с определением признаков, по которым можно распределять памятники письменности в повременном порядке, назначая каждому, не носящему на себе явных указаний о времени, его действительное место по степени древности, его век» (стр. 1). Срезневский различает прямые и «непрямые» палеографические признаки. «Прямые палеографические выводы касаются: 1) постепенного изменения начертания письмен, каждого отдельно и в их взаимной связи, а равно и разных принадлежностей написания; 2) постепенного изменения правописания. Непрямые палеографические выводы могут быть лингвистические, археологические, литературные и т. п.» (стр. 4).

В своей «Славяно-русской палеографии» Срезневский дал обстоятельный обзор работ в области палеографии и публикации

древних памятников и их описаний. В самостоятельный раздел выделены палеографические работы у западных славян, поскольку они связаны с анализом письма другого алфавита и языков. Очень подробно, с изложением разных точек зрения рассматривается проблема начала письменности у славян и отношения кириллицы и глаголицы. Основная часть работы посвящена подробному обозрению датированных памятников русской письменности по векам от XI до XIV в. включительно. При этом воспроизводятся отдельные буквы, сопровождаемые замечаниями об их употреблении, начертании и иногда приемах написания, изредка делаются ссылки на другие рукописи, в которых отмечены те или иные начертания тех же самых букв. Имеется небольшой лингвистический комментарий и толкование непонятного текста. Кроме рукописей, для каждого века рассматриваются основные памятники материальной культуры, имеющие какие-либо тексты. Последние освещаются очень кратко и совершенно отдельно от рукописей соответствующего века. В конце обозрения памятников одного века приводится сводная таблица типичных начертаний. Кончается книга обзором и сводной таблицей XIV в. Как сообщают издатели книги, «Измаил Иванович имел в виду продолжать этот труд: описание памятников доведено в нем только до конца XIV в.; между тем и памятники XV века постоянно входили в круг его исследований и наблюдений, что доказывает, между прочим, и собранная им коллекция палеографических снимков, где памятники XV столетия также приведены в полный систематический порядок» (стр. VII). Смерть Срезневского прервала эту работу.

Рассмотренный труд И. И. Срезневского содержит много лингвистического материала из различных памятников письменности. Тесная связь анализа палеографического и анализа языка помогла Срезневскому внести большой вклад как в изучение русской палеографии, так и в изучение истории русского языка.

Работы Срезневского в области палеографии не ограничиваются изданными трудами. В оставленных им бумагах оказалось огромное собрание палеографических снимков со многих старославянских и древнерусских рукописей, а также более 700 калек, сделанных им вручную. Все это богатое наследие хранится в составе архива И. И. Срезневского в Библиотеке Академии наук СССР.

§ 3. Альбомы и исследования древнерусского орнамента

В последней трети XIX в. появился ряд альбомов по орнаменту древних рукописей. Так, В. Бутовский издал атлас под названием «История славянского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям» (М., 1870). Атлас издан хорошо, но ни в коей мере не соответствует своему названию и историей орнамента служить не может. Бутовский преследовал цели промышленного применения своего труда, и потому наряду с приведенными вне исторической последовательности документальными снимками в его атласе имеются «исправленные» оригиналы и даже орнаменты, сочиненные в том или ином стиле самим Бутовским. Для научной работы «История славянского орнамента» Бутовского непригодна. В 1874–1877 гг. вышел в трех выпусках «Сборник орнаментных украшений, почерпнутых из греческих и древнерусских рукописных книг с X по XVI век включительно. Материал для промышленного рисовальщика». «Сборник» издан художественно-промышленным музеем в Москве и так же, как и «История» Бутовского, должен был служить не научным, а прикладным целям.

Для научной работы имеет значение атлас, изданный выдающимся историком искусства Владимиром Васильевичем Стасовым (1824–1906): «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» (СПб., 1887). Стасов собирал сам и с помощью других лиц материал для этого труда в течение 25 лет. Альбом его явился важнейшим вкладом в историю русского и славянского орнамента. Он отличался от рассмотренных выше богатством и новизной материалов и, что главное, научной, принадлежащей самому Стасову систематизацией собранных орнаментов. Важным дополнением к этому труду Стасова явилась рецензия на него Ф. И. Буслаева¹⁰⁰. Буслаев не только разбирает образцы, представленные в рецензируемой работе, но пополняет их описанием собственных материалов по славянскому, латинскому, ирландскому орнаментам и анализом орнаментов, опубликованных ранее в других работах. Буслаев обозревает только первые 40 таблиц, во-

¹⁰⁰ ЖМНП, 1884, май, ч. ССXXXIII. СПб., 1884, стр. 54–104.

шедшие в первый выпуск труда Стасова, но и это позволяет ему в ходе анализа орнамента южнославянских, румынских и молдавских рукописей XI–XVIII вв. дать историю болгарского и сербского орнаментов, показать связь русского орнамента с византийским и южнославянским. В этой своей рецензии, как и в других своих трудах по орнаменту, Буслаев дал мастерское описание деталей самых разнообразных орнаментов, используя для этого образную и в то же время четкую терминологию, вошедшую затем в золотой фонд русской палеографии. Для Буслаева характерно умение заметить общее в редких для тех или иных рукописей образцах. Но при этом он, как, впрочем, сам Стасов и вслед за ним многие исследователи вплоть до настоящего времени¹⁰¹, уделял недостаточно внимания действительно типичным и широко представленным в определенных рукописях орнаментам. Буслаев признавал, что славяне не пассивно, но творчески использовали византийские культурные ценности.

§ 4. Работы Н. П. Лихачева о водяных знаках на бумаге

К 90-м годам рассмотренные выше труды И. Лаптева и К. Тромонина по водяным знакам оказались явно недостаточными. К тому же они стали уже библиографической редкостью. Появилась нужда в новом, более полном пособии этого рода. Обстоятельные труды академика Николая Петровича Лихачева (1862–1935) «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (СПб., 1891) и «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (последнее в трех томах; СПб., 1899) восполнили этот пробел.

В названных работах Н. П. Лихачев рассмотрел 5041 филигрань преимущественно русской бумаги. Водяные знаки в его альбомах воспроизведены в натуральную величину. Объяснению знаков предшествуют сведения о материалах письма, о появлении бумаги

¹⁰¹ См., например: А. Н. С в и р и н. Остромирово евангелие как памятник искусства. «Труды Публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», V (8). Л., 1958, стр. 47–55.

в Европе и на Руси, о бомбицине и бумаге. Лихачев привел новые материалы свыше 50 не описанных ранее рукописей, произвел проверку датировки многих памятников. Указатели, составившие два тома, позволяют легко пользоваться названными изданиями, находя в них те или иные знаки.

§ 5. Пособия по изучению скорописи

Особенно долго оставалась вне поля зрения ученых скоропись — почерк рукописей преимущественно делового содержания XV–XVIII вв. Основные типы скорописи были известны уже Ундольскому и Сахарову. Однако в трудах последующих специалистов по русской палеографии, в частности и у Срезневского, научный анализ скорописных почерков не имел места. Издавались лишь практические руководства по чтению скорописи. Такой была «Азбука и скоропись XVII века для наглядного изучения» (М., 1875) — первое пособие по чтению скорописи. Она вышла без имени автора-составителя и была подготовлена, видимо, известным своей деятельностью по популяризации исторических знаний историком Григорием Васильевичем Есиповым. Впоследствии это пособие было переиздано под новым названием: «Самоучитель чтения рукописей XVII столетия» (М., 1892). В предисловии к самоучителю содержится общая характеристика устава, полуустава и скорописи. В основной части отдельно рассматриваются начертания букв в скорописи, обозначения чисел, написания отдельных букв; далее приводятся снимки с рукописей, написанных скорописью, и объяснения к ним. Этот «Самоучитель» служил длительное время, до тех пор, пока не появился более обстоятельный «Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий» И. С. Беляева¹⁰², охвативший гораздо более широкий материал. Образцы и таблицы начертаний воспроизведены в книге Беляева хорошо. Основная часть образцов относится к скорописи, но имеются также единичные снимки с рукописей, написанных уставом и полууставом. Труд Беляева не

¹⁰² Изд. 1 — М., 1907; изд. 2, имеющее небольшие дополнения по сравнению с первым, — М., 1911.

был научным исследованием скорописи, так как автора занимали только практические задачи — быстрее научить читать скоропись лиц, не имеющих филологической подготовки. При этом вопросы происхождения и эволюции начертаний отдельных букв в течение веков не рассматривались. Мало того, даже сама последовательность приведения материала в книге Беляева не служила показу исторического развития скорописи, поскольку автор в первых главах анализировал образцы скорописных начертаний вне времени, а заключительная (десятая) глава, в которой даны сопровождаемые транскрипцией таблицы образцов скорописи и снимки с рукописей, изложена в обратной исторической последовательности: здесь сначала приводится поздняя скоропись XVIII в., затем автор обращается ко все более древним образцам, заключая главу образцами полуустава и устава.

Филологическая сторона книги Беляева «Практический курс изучения древней русской скорописи...» в высшей степени слаба. Тем не менее книга Беляева явилась в свое время и является до сих пор ценнейшим пособием для первых шагов по изучению скорописи XV–XVIII вв.

Специально скорописи XVII в. был посвящен труд преподавателя Петербургского археологического института В. В. Майкова «Памятники скорописи 1600–1699 гг.» (СПб., [1906]). В этом альбоме приведены образцы 56 датированных рукописей. К ним была приложена расшифровка скорописных текстов, написанная от руки на листах совершенно иного формата, и тоже литографированная. Книга Майкова также была полезным пособием по изучению скорописи. Недостатком этого издания является не всегда четкая пропечатка отдельных начертаний букв и даже целых слов, что затрудняет пользование этим учебным пособием.

Южнорусской скорописи посвящен вышедший ранее «Палеографический сборник. Материалы по истории южнорусского письма в XV–XVIII вв.» (вып. 1. Киев, 1899)¹⁰³. Альбом снабжен ценной статьей Ивана Михайловича Каманина: «Главные моменты в истории развития южнорусского письма в XV–XVIII вв.» Вы-

шел «Изборник» без фамилии составителя, но был подготовлен, по-видимому, самим же Каманиным.

В названной статье Каманин дает характеристику не только южнорусской (т. е. украинской) скорописи, определяя в ней четыре периода развития (период самостоятельного развития, периоды влияния готического, латинского, а затем севернорусского письма), но и характеристику севернорусского (т. е. собственно русского) письма как такового. Именно в сопоставлении с севернорусским письмом излагает Каманин особенности почерков первого периода развития южнорусской скорописи.

Каманин распределил южнорусские скорописные почерки не только по времени, но и по месту, уделяя территориальным особенностям скорописи очень много внимания.

В этой статье Каманин раскрывает также свое понимание общих задач палеографии «как науки, помогающей, во-1-х, более быстрому теоретическому ознакомлению с письменами того или другого места и времени и скорейшему навыку в чтении и разборе этих писем, во-2-х, более точному определению времени написания памятника, если другие данные для того отсутствуют, и в-3-х, более верному разрешению вопроса о подлинности или подложности документа»¹⁰⁴.

Позднее Каманин явился инициатором создания альбома филиграней¹⁰⁵, основным автором которого явилась, по-видимому, Александра Ильинична Витвицкая. Она около 20 лет проработала в Киевском центральном архиве древних актов и выявила около 4000 водяных знаков на бумаге. В названный альбом включены 1336 знаков на древнейшей для данного архива бумаге 1566–1651 гг. Знаки расположены систематически по основным типам начертаний. В указателе, построенном очень компактно, сообщаются сведения о годе, под которым зафиксирован тот или иной знак, и дается ссылка на архивный документ или книгу собрания Киевского центрального архива древних актов, с точным указанием листов этого документа или книги.

¹⁰⁴ «Палеографический сборник...», стр. 1.

¹⁰⁵ І. Каманин, О. Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566–1651). Київ, 1923.

¹⁰³ Издан Киевской комиссией для разбора древних актов.

§ 6. Курсы палеографии Н. С. Тихонравова и Д. И. Прозоровского

В 80-е годы курс палеографии в Московском университете читал крупный историк русской литературы и театра Николай Саввич Тихонравов (1832–1893). В 1889 г. вышла его литографированная «Русская палеография». Курс этот весьма своеобразен: в нем рассматривается возникновение западноевропейского письма, и факты русской палеографии излагаются в связи с обширным греческим, латинским и западноевропейским материалом. Подробно рассматривается здесь письмо XVI в. и в связи с ним рукописные грамматики XVI в. (стр. 126–142). В заключение выявленные особенности письма XVI в. применяются для восстановления палеографии и графики мусин-пушкинского списка «Слова о полку Игореве» (стр. 142–144). Тихонравов дал в своих лекциях первый научный разбор палеографической работы старообрядцев (см. выше, стр. 37–38).

В Петербургском Археологическом институте палеографию в это же время читал известный специалист в области древнерусской метрологии (науки о мерах и весах) и в области нумизматики Дмитрий Иванович Прозоровский. Курс палеографии, читанный им в 1886/87 учебном году, был литографирован. Программу славяно-русской палеографии Прозоровский изложил в позднее напечатанной статье «Чтения по истории славяно-русской палеографии»¹⁰⁶. Он относил сюда: «1) Введение, или общий очерк данных, на основании которых зиждется понятие о происхождении славянского письма. 2) Учение о буквах, т. е. об устройстве азбуки (названия букв, их число, расстановка, соединения букв). 3) Определение палеографических памятников. 4) Учение о видах письма: а) письмо уставное, б) письмо полууставное, в) письмо скорописное, г) вязь, д) криптография, е) письмо бытовое. 5) Глаголица, ее происхождение и степень ее значения в славянской письменности. 6) Очерк дипломатики, т. е. обзор письменного материала (харатья, бомбицина, бумага, ткани, перья, чернила, киноварь, золото), све-

¹⁰⁶ В кн. «Вестник археологии и истории, изд. Археологическим ин-том, 1892 год», вып. VIII. СПб., 1892, стр. 71–97.

дения о переписчиках, о стоимости переписочной работы, о продажных ценах рукописей и проч. 7) Письмена резные и чеканные (на металле, на камне, на кости, на дереве), письма вышивные на тканях. 8) Древний русский счёт»¹⁰⁷. Как видим, рамки палеографии у Прозоровского весьма зыбки, содержание нечетко. Программа эта не была выполнена Прозоровским, но даже если бы он и смог ее осуществить, вряд ли можно говорить о ней, как о шаге вперед по сравнению с курсом И. И. Срезневского.

§ 7. Палеографические труды И. В. Ягича

После смерти И. И. Срезневского изданием памятников, главным образом глаголических, но также и написанных кириллицей, во Втором отделении Академии наук стал руководить академик Ватрослав (в России — Игнатий Викентьевич) Ягич (1838–1923). Ягич заменил Срезневского также и на кафедре Петербургского университета. Им изданы такие большие и важные памятники славянской письменности XI в., как Зографское евангелие¹⁰⁸, Мариинское евангелие¹⁰⁹, Болонская псалтырь¹¹⁰, «Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 годов» (СПб., 1886). Для палеографии особенно важны изданные Ягичем капитальные труды «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке»¹¹¹, исследование «Глаголическое письмо»¹¹², а также «Четыре критико-палеографические статьи»¹¹³. В первом из названных трудов, одно печатание которого заняло 10 лет, сведены

¹⁰⁷ Д. И. Прозоровский. Указ. соч., стр. 77.

¹⁰⁸ Зографское евангелие, изд. В. Ягичем. Quattuor evangeliorum Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.

¹⁰⁹ Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Памятник глаголической письменности. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883.

¹¹⁰ Словѣнская псалтырь. Psalterium Bononiense. Vindobonae, Bero-lini, Petropoli, 1907.

¹¹¹ «Исследования по русскому языку», т. I, вып. III. СПб., 1885–1895.

¹¹² В кн.: «Энциклопедия славянской филологии», вып. 3. СПб., 1911.

¹¹³ «Отчет о присуждении Ломоносовской награды за 1883 г.», СПб., 1884.

древнейшие из числа сохранившихся в различных сборниках или других рукописях высказывания исторических лиц и анонимных деятелей славянской культуры и письменности по вопросам создания славянской азбуки у славян и особенностей славянской и древнерусской графики и орфографии. Так, в первой главе помещены отрывки из житий Кирилла и Мефодия и отрывок из «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи. В этих отрывках содержится изложенная древними авторами история создания славянской письменности. В следующей главе по рукописям сербским, болгарским и русским XIII–XVII вв. приводится известное сказание Черноризца Храбра «О письменах». Далее помещено «Рассуждение Иоанна экзарха болгарского о славянском языке» по списку XII в. В четвертой главе содержится сказание «О восьми частях слова», представляющее собой популярную средневековую грамматику. В следующей главе приводится «Книга Константина Философа и Грамматика о письменах» — сочинение известного деятеля просвещения Сербии XV в., подвергнутое сокращению и редактированию под пером последующих переписчиков. В этой книге Константин Костенчский предлагал, подобно болгарскому патриарху Евфимию Тырновскому, упорядочившему болгарскую орфографию в XIV в., реформировать правописание сербских книг. Основная часть «Книги о письменах» посвящена разбору употребления букв, надстрочных и разделительных знаков, что имеет особенное значение для понимания изменений графики, изучаемых палеографией. В книге Константина Философа содержатся также замечания о методике обучения грамоте, о переводческой работе, разбираются некоторые грамматические и лексические вопросы и др. Далее в «Рассуждениях старины...» опубликованы сочинения Максима Грека и другие грамматические статьи. Этот капитальный труд Ягича позволяет понять многие приемы письма, искусственные или вытекающие из особенностей истории орфографии, которые применялись в разных школах письма с древнейшего времени и особенно начиная с XV в.

Другой названный выше труд Ягича — «Глаголическое письмо» — до сих пор является самым капитальным исследованием глаголицы. Ягич считал, что глаголическая азбука составлена Кириллом, и отвергал все предполагавшиеся ранее гипотезы о вос-

точных источниках глаголицы: он выводил ее целиком из греческого курсивного письма VIII–IX вв. Ягич привел подробную историю вопроса, дал обзор сохранившихся памятников глаголического письма, включающий анализ начертаний отдельных букв по памятникам. Третья часть работы — «Итоги палеографического развития глаголицы» — представляет собой как бы результат исследования и содержит обзор отдельных букв глаголицы в алфавитном порядке и анализ эволюции их начертаний.

§ 8. А. И. Соболевский

В области кирилловской палеографии работу И. И. Срезневского продолжил ученик Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонравова академик Алексей Иванович С о б о л е в с к и й (1856–1929). В течение ряда лет А. И. Соболевский читал лекции по палеографии в Петербургском университете и Петербургском археологическом институте. Лекции Соболевского были изданы в 1893 г. в литографированном виде. Затем они были пополнены, переработаны и снабжены снимками с рукописей (20 таблиц), представляющих образцы почерков разного времени и разных территорий. Так возникла классическая «Славяно-русская палеография» А. И. Соболевского (СПб., 1901; изд. 2, СПб., 1908) — для своего времени незаменимое пособие, во многом не потерявшее своего значения и до наших дней.

Несмотря на серьезность предмета рассмотрения, книга Соболевского написана необычайно легким языком и успешно сочетает в себе научность и в то же время популярность. Этот труд представлял значительный шаг вперед по сравнению с рассмотренным выше курсом И. И. Срезневского. Большой знаток рукописей, не оставивший вне поля зрения почти ни одного крупного памятника (см. выписки из различных рукописей в лингвистическом труде Соболевского «Лекции по истории языка», СПб., 1908), Соболевский в своей палеографии не описывает отдельных рукописей, хотя бы и необычайно важных в палеографическом отношении, как это делал Срезневский, но излагает материал по различным палеографическим вопросам систематически и обобщенно. Например, наиболее важный раздел палеографии — эволюция начертаний букв — Соболевским подается так: из рукописей отобраны

отдельные типичные начертания, которые затем выстраиваются в ряд по убывающей степени древности. Для каждого примера имеется указание, из какой рукописи (без приведения листа и строки) он взят. Это обстоятельство является ценной стороной «Славяно-русской палеографии» А. И. Соболевского. Не менее важно отметить расширение объема курса за счет привлечения материалов рукописных памятников XV–XVII вв., благодаря чему в научный обиход были включены не только древнейшие почерки — устав и полуустав, но также и скоропись. В отличие от курса И. И. Срезневского, «Славяно-русская палеография» А. И. Соболевского не содержит очерка развития палеографии. Но в другом отношении труд Соболевского полнее: в нем присутствует содержательный раздел, в котором на фоне общей истории просвещения характеризуются образованность и состояние книжного дела в разных частях Руси в разные исторические периоды. Характерно при этом, что Соболевский, как никто знавший древнерусскую литературу, на базе этого материала сумел правильно оценить высокий уровень грамотности и образованности в древней Руси, хотя в то время не были известны ценные, ни с чем не сравнимые по своей значимости для истории русской культуры новгородские берестяные грамоты XI–XV вв. «Старую Русь часто обвиняют в том, — начинает А. И. Соболевский свою книгу, — что она была малограмотна и не любила книги. И совершенно напрасно. Стоит заглянуть в первый попавшийся под руку старый русский сборник, и мы найдем какую-нибудь статью о пользе чтения книг или о том, как должно читать книги»¹¹⁴. Далее Соболевский приводит многочисленный ряд цитат из древних рукописей, подтверждающих это положение. Характеризуя Русь, он рассматривает те же вопросы и для южных славян. Таким образом, его палеография с полным основанием и более правильно (как это было сделано позднее академиком Е. Ф. Карским) могла бы называться славянской кирилловской палеографией вообще, а не славяно-русской, поскольку последнее определение позволяет предполагать, что в книге рассматриваются только старославянские и древнерусские факты.

¹¹⁴ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, стр. 1.

Курс палеографии А. И. Соболевского содержит указание задач палеографии, выяснение понятий и данных, которыми она оперирует. «Задача палеографии, — пишет Соболевский, — заключается в том, чтобы на основании данных рукописей датированных (в которых означено время и место, когда и где они написаны) определять время и место написания рукописей недатированных... Сверх того, палеография может давать указания на особенности оригинала, к которому восходит рукопись, и отвечать на вопрос о происхождении текста, находящегося в рукописи»¹¹⁵. Соболевский предостерегает против преувеличения возможностей палеографии: «Не следует думать, что палеография в состоянии давать более или менее точные определения и указывать на десятилетия или четверти столетий, как на время написания рукописей. При обилии данных она может говорить лишь о полустолетиях; при скудости данных ей приходится ограничиваться столетиями... Осторожность в определении времени написания необходима в виду одного уже того обстоятельства, что один и тот же писец свободно мог работать в течение целого полустолетия, сохраняя в общем одни и те же особенности письма»¹¹⁶.

Соболевский был прежде всего лингвистом и историком письменности, а потом уже палеографом. Владение языковым материалом древних рукописей позволило ему относить их орфографию к числу данных, которые использует палеография. Он писал: «Данные, которыми пользуется палеография, — писчий материал, письмо (или начертания букв), орнамент и орфография рукописей»¹¹⁷. Соболевский посвятил анализу орфографии и языка целую главу — седьмую. Эта глава содержит не только характерные черты рукописей болгарского, сербского и русского изводов, каждого в целом, что имело место уже у А. Х. Востокова, но и гораздо более детальное обозрение памятников разных областей и даже некоторых школ. Так, Соболевский выделяет евфимиевскую орфографию у болгар, ресавскую — у сербов; отдельно рассматривает для XI–XIV вв. восточнославянскую орфографию

¹¹⁵ Там же, стр. 19–20.

¹¹⁶ Там же, стр. 19–20.

¹¹⁷ Там же, стр. 20.

рукописей разных областей — новгородских, двинских, средне-русских, киевских, галицко-волинских; особо обзореваются черты орфографии, распространившиеся на Руси после так называемого «второго южнославянского влияния», а также особенности русских текстов более позднего времени (XV–XVII вв.), написанных в разных частях страны: новгородских, псковских, московских, западно-русских и украинских. На строго научной (в той степени, в какой это позволяла разработка истории языка в то время) основе анализа особенностей орфографии и языка рукописей отдельных территорий в тот или иной исторический период, а не только на основании чисто палеографических данных, Соболевский учил датировать и относить к соответствующей местности происхождение рукописей, время и место написания которых не известно из записи или других прямых данных. Так Соболевский значительно расширил предмет палеографии. Это не вполне правильно. Поскольку далеко не каждый палеограф является историком языка, использование данных орфографии рукописей для датировки последних не может быть доступно каждому палеографу в тех пределах, в каких мог использовать орфографию и графику рукописей сам Соболевский. В наше время, в условиях узкой специализации разных ученых, указанное положение А. И. Соболевского о роли и значении орфографии в системе палеографических данных вряд ли может быть принято. Весьма расширяет Соболевский объект палеографии также и восьмой главой, которая посвящена вопросам сознательного и несознательного изменения текста писцами, вопросам редакций и переводов древних текстов. Вместе с тем в книге весьма содержательно рассматриваются и собственно палеографические данные: описание материалов и орудий письма, характеристика различных кирилловских почерков от устава до скорописи включительно, характеристика орнамента рукописей и даже старопечатных книг. Две последние главы содержат указания относительно летосчисления и перевода мартовского и сентябрьского счета на январский, относительно нахождения индиктов, проверки ошибок в числах и т. п., здесь же разбираются образцы различного вида тайнописи.

Огромная работа была проделана А. И. Соболевским также и в области публикации палеографических снимков. Кроме 20 сним-

ков, являющихся приложением к рассмотренному курсу палеографии, Соболевским изданы отдельные альбомы снимков: «Палеографические снимки с рукописей XII–XVII веков» (СПб., 1901), «Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI–XVIII веков» (СПб., 1906), совместно с С. Пташицким «Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV века» (СПб., 1903). Большое значение для истории раннего периода развития кирилловского письма имеет публикация А. И. Соболевским совместно с Г. Ф. Церетели альбома «Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX–XI веков» (СПб., 1913). Полезен для русской палеографии также и ранее опубликованный «Сборник снимков с славянорусских печатных изданий» (т. I–II. СПб., 1895), изданный Соболевским совместно с С. Пташицким, поскольку создатели старопечатных шрифтов подражали буквам рукописей того времени.

А. И. Соболевский предполагал после совместной с Церетели публикации продолжать работу в области русской палеографии, для чего были заготовлены многочисленные снимки и клише. Однако в силу различных обстоятельств задуманные труды осуществлены не были.

§ 9. Е. Ф. Карский

Широко известен своей работой по палеографии основатель белорусского языкознания и, в частности, белорусской диалектологии, академик Евфимий Федорович Карский (1861–1931).

Жизнь и научная деятельность Карского принадлежат не только двум столетиям, но и двум качественно различным историческим эпохам. Начало его работы — это 80-е годы XIX в., Варшава, конец — 1931 год, Академия наук СССР. Около сорока лет он непрерывно работал над созданием и совершенствованием одного из основных своих трудов — славянской кирилловской палеографии. Карский читал курс палеографии в Варшавском университете и напечатал его впервые в 1896–1897 гг. в одном из лучших филологических журналов того времени — «Русском филологическом вестнике»¹¹⁸. По признанию самого автора, лекции явились под-

¹¹⁸ «Русский филологический вестник», т. XXXV–XXXVII. Варшава, 1896–1897.

ражением литографированным курсам Соболевского и греческой палеографии Гардтгаузена и носили первоначально «местный варшавский характер: ссылки делаются больше на разные пособия, снимки, описания рукописей и т. п., но не на самые рукописи, так как последних в Варшаве почти нет, и студентам показать нельзя; разные сведения больше берутся из вторых рук. Вследствие указанных обстоятельств напечатанный курс не отличается должной полнотой; да об этом автор и не заботился»¹¹⁹. В дальнейшем этот труд много раз переиздавался. Почти не перерабатывая своей «Палеографии» композиционно, Карский в течение всей своей жизни работал над пополнением своего труда новыми материалами на основании публикаций и исследований, появившихся в период между выходом в свет отдельных изданий его. Карский производил также и постепенную выверку материалов по оригиналам. Скрупулезную, неустанную собирательскую деятельность Карского в этих направлениях можно видеть, например, в разделе «Дополнения и поправки» в его «Очерке славянской кирилловской палеографии» издания 1901 г. Здесь к очень многим страницам текста имеются дополнения или изменения, причину появления которых автор объясняет так: «Книга печаталась в течение полутора года (с октября 1899 г. по март 1901 г.); вследствие этого, естественно, явилась необходимость в некоторых дополнениях»¹²⁰. Главы палеографии постепенно разрастаются. Из главы «Формат и переплет рукописей» в издании «Очерка славянской кирилловской палеографии» 1913 г. уже выделяется особая глава о грамотах, которая в последнем переработанном и значительно пополненном издании 1928 г. («Славянская кирилловская палеография», изд. АН СССР) получает название «Юридические документы».

От современных ему курсов палеографии труд Карского отличается необыкновенно подробными справочно-библиографическими разделами. Это относится прежде всего к главам: «Источники для палеографических наблюдений», «Пособия» и «Писцы

¹¹⁹ Е. Ф. Карский. Дополнения и поправки к «Лекциям по славянской кирилловской палеографии Е. Карского, помещенным в XXXV–XXXVII томах Р. Ф. Вестника». — РФВ, 1897, т. XXXVIII. стр. 1.

¹²⁰ Е. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901, стр. 461.

книг». В первой из названных глав даются перечисления главнейших общественных и частных библиотек, в которых имеются славянские кирилловские рукописи; перечисление главнейших печатных описаний собраний древних рукописей; перечисление древнейших рукописей, включая рукописные книги, грамоты и надписи, отдельно русских, болгарских и сербских. Глава «Пособия» по существу является полным очерком развития кирилловской палеографии с довольно подробной библиографией предмета, но, правда, как правило, без сопоставления и оценки рассматриваемых Карским работ разных ученых. В разделе «Писцы книг» ценным является перечень писцов книг, написанных кириллицей. Полнота в указанных отношениях труда Карского несколько загромождает книгу, делает ее не столько полезным учебником палеографии для студентов высших учебных заведений, сколько ценным справочным пособием для лиц, овладевших ранее основами палеографии. Е. Ф. Карским рассматриваются не только русские, но и юго-славянские рукописи, написанные кириллицей. В книге приведен огромный материал самых различных рукописей, содержится большое количество ссылок на рукописи, хранящиеся в различных собраниях. Своеобразием труда Карского является также наличие раздела о первопечатных книгах и первых типографиях в славянских странах. Причем, верный себе, Карский и здесь дает подробные перечни.

Остальные разделы книги были и остаются более или менее традиционными в курсах и пособиях по палеографии. Сюда относятся: предмет науки и ее методы, материалы, орудия и принадлежности письма, внешний вид рукописей и разные типы их в связи с этим, орнамент, история славянского кирилловского письма, криптография. Имеется, как и у Соболевского, большой раздел об орфографии рукописей, причем в издании 1901 г. приводятся как в хрестоматии к лингвистическому курсу тексты отдельных памятников, характеризующих, по терминологии автора, разные «редакции» рукописей. Названный выше раздел «История славянского кирилловского письма» содержит сведения об изобретении славянской кирилловской азбуки, типах письма, замечания о начертаниях и употреблении отдельных букв, употреблении глаголицы в рукописях, написанных кириллицей, обозначение чисел,

летосчисление, разделительные и надстрочные знаки, внешний вид записанного листа, вязь, заглавия, заключения, приписки, акростих и другие редкие формы письма. Из сделанного перечня подразделов этой основной для всякой палеографии главы видно, что содержание ее довольно пестро и нерасчлененно. Важно отметить, также, что хотя Карский и приводит много очень ценных образцов начертаний, каждый раз указывая, из какой рукописи или из какого исследования они приведены, эволюция этих начертаний не прослеживается им или прослеживается очень нечетко, без уточнения места и времени их появления или бытования. Это приводит к тому, что пользоваться указанным разделом книги Карского для самостоятельной датировки недатированных рукописей весьма затруднительно.

Не получили отражения в труде Е. Ф. Карского вопросы изучения вязи и орнамента. В книге опубликованы, правда, заставки и инициалы, заимствованные из отдельных древних рукописей, но не в системе и не с целью научного описания и тем более не как иллюстрации к систематическому описанию и анализу их, но лишь в качестве украшения самой книги.

Несмотря на эти недочеты, труд Е. Ф. Карского является одним из ценнейших пособий по палеографии не только русской, но и южно-славянской, отличается полнотой во многих других отношениях. Необходимо отметить также наличие в труде Е. Ф. Карского развернутой библиографии по всем разделам палеографии. Книга Е. Ф. Карского незаменима как справочное пособие по многим вопросам, связанным с изучением древних памятников, написанных кириллицей.

Дополнением к кирилловской палеографии Е. Ф. Карского явились «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век», вышедшие тремя изданиями¹²¹. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что эти снимки хорошо удовлетворяли требованиям университетского преподавания палеографии. Ценны замечания Е. Ф. Карского о различных западнорусских рукописях в его капитальном исследовании «Белорусы». Здесь в главе «Особенно-

¹²¹ Изд. 1 — Варшава, 1901; изд. 2 — Варшава, 1902; изд. 3 — Варшава, 1912.

сти письма западнорусских произведений, начиная с древнейших времен, (Палеографический очерк)»¹²² имеется значительный материал для будущей белорусской палеографии.

Велики заслуги Е. Ф. Карского как издателя древних памятников. Наиболее ценными являются «Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка»¹²³, «“Русская правда” по старейшему списку. Введение, текст, снимки, перевод, указатели авторов и словарного состава»¹²⁴, в которой издан текст «Русской Правды» по Новгородской кормчей 1282 г., и редактированная Карским Лаврентьевская летопись «Повесть временных лет»¹²⁵, «Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку»¹²⁶, «Дополнение. Продолжение Суздальской летописи по академическому списку. Указатели»¹²⁷. Эти издания являются образцовыми по точности передачи текста оригинала и могут служить материалом не только для исследований историков, которых интересует прежде всего содержание текста, но и для исследований лингвистических.

§ 10. Курс палеографии Р. Ф. Брандта

В то время, когда в Петербурге читал палеографию А. И. Соболевский, а в Варшаве успешно работал Е. Ф. Карский, в Московском археологическом институте несколько лет преподавал палеографию Роман Федорович Брандт (1853–1920). В молодости Брандт слушал лекции по палеографии И. И. Срезневского. На этом его подготовка в области палеографии и закончилась. Сам он над рукописями не работал, если не считать подготовленного им к печати среднеболгарского памятника «Паримейник Григоровича». В своих лекциях Брандт следовал курсам палеографии Соболевского и Карского. На основании этих лекций появилась книга

¹²² Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 1. М., 1955, стр. 49–89.

¹²³ Изд. ОРЯС. СПб., 1904.

¹²⁴ Изд. АН СССР. Л., 1930.

¹²⁵ Вып. 1. Л., 1926.

¹²⁶ Вып. 2. Л., 1927.

¹²⁷ Вып. 3. Л., 1928.

Брандта «Лекции по славяно-русской палеографии, читанные в Московском археологическом институте в 1908, 1909 и 1910 гг.» (М., 1910). Брандт определял палеографию как «науку о писальных приемах, т. е. о том, как, чем и на чем в прежние времена писали» (стр. 4). Он разделял сравнительно распространенную в то время точку зрения о том, что «палеография есть в известном смысле, скорее искусство, чем наука: уметь обращаться с рукописями плод не столько учения, сколько навыка» (стр. 3). Обе эти стороны знания — наука и навыки — у Брандта были слабы. В силу всего этого его «Лекции» ни самостоятельного научного, ни даже исторического значения не имеют.

§ 11. Свод образцов кириллицы Я. И. Трусевича

Последние десятилетия XIX в. и первое десятилетие XX в. ознаменовались публикацией разного рода практических пособий по палеографии, в большинстве случаев содержащих не исследования материала, а лишь разного рода таблицы, представляющие результат обобщения. Наибольший интерес для лиц, практически занимающихся палеографией, представляет публикация Я. И. Трусевича «Свод 260 азбук и образцов кириллицы из снимков рукописей X–XVIII веков русско- и юго-славянских. Изборник 1905 года»¹²⁸. Как показывает само название, «Изборник 1905 года» содержит приведенные в алфавитном порядке столбцы начертаний букв 260 рукописей, преимущественно датированных, и небольшие отрывки текста из них (по несколько строк из каждой). Выпуск первый «Изборника» охватывает рукописи X–XIV вв. включительно. Выпуск второй — рукописи XV–XVIII вв. Образцы азбук были скопированы собственноручно Трусевичем, по образованию врачом, имевшим, по его словам, «твердую руку». Но пользовался Трусевич не оригиналами рукописей, а различными фотокопиями, литографированными изданиями рукописей и другим подобным материалом, с разной степенью точности воспроизводящим начертания древних рукописей. Поэтому и точ-

¹²⁸ Вып. 1 содержит 140 азбук и образцов рукописей X–XIV вв. (СПб., 1905; вып. 2, СПб., 1905).

ность воспроизведения их в альбоме Трусевича также неодинакова для разных рукописей. Недостатком работы является также и то, что Трусевич, как правило, не учитывал наличия нескольких почерков в рукописях, из которых он брал образцы, не указывал, с какого листа рукописи приводятся примеры и насколько типичны для данной рукописи выбранные им образцы начертаний каждой буквы. Среди избранных памятников в значительной степени преобладают русские рукописи, но имеются также болгарские и сербские. Все они поставлены в один ряд, что тоже не является достоинством его работы. Никакой классификации рукописей по месту написания Трусевич не производил. Все датированные рукописи помещены в строго хронологическом порядке; недатированные, но отнесенные учеными по палеографическим приметам к тому или иному веку, помещаются после датированных рукописей того же века. К альбомам приложен порядковый и алфавитный указатели рукописей.

Сам по себе свод Трусевича не имеет большого научного значения. Но его идея и внешняя сторона ее осуществления — азбуки и образцы почерков огромного числа рукописей, поставленных в хронологический ряд, — заслуживают внимания. Такая подача материала дает наиболее наглядное представление об эволюции начертаний тех или иных букв в определенные исторические периоды. Если бы Трусевич воспользовался оригиналами рукописей и дал факсимильное воспроизведение образцов начертаний, предварительно выявив типичные и единичные, а также определив границы работы разных писцов (т. е. подвергнув источники предварительному палеографическому изучению), пособие Трусевича имело бы большую научную ценность.

§ 12. Издание Архангельского евангелия 1092 года

Большой интерес представляет предпринятое в 1912 г. Румянцевским музеем под руководством Г. П. Георгиевского издание одного из древнейших русских датированных памятников — Архангельского евангелия 1092 г.¹²⁹. Издание было выпу-

¹²⁹ Издание Румянцевского музея. М., 1912.

шено к пятидесятилетнему юбилею Московского Публичного и Румянцевского музеев. Выполненное способом трехцветного фотоцинкографического печатания, оно имело целью воспроизвести оригинал с такой точностью, чтобы по внешнему виду его было трудно отличить от оригинала. Поставленная цель была достигнута: цвета чернил, пергамена, досок переплета переданы очень удачно; бумага сделана двойной толщины и приближается к пергамену подлинника; точно воспроизведены обрез листов и все дыры на пергамене (не только естественные, получившиеся в результате обработки кожи, но и прожженные уже в пергамене и проточенные червями); воспроизведены помарки от чернил, грязи рук, пятна от воска и т. п.; книга сшита, как оригинал, переплет сделан из досок, оклеенных бумагой, на которой воспроизведен внешний вид досок; ременные и веревочные шивки и обрывки ременных застежек и т. п. такие же, как и в подлинной рукописи. Несмотря на то, что чернила текста в этом издании воспроизведены не вполне хорошо (местами по краям букв виден радужный перелив), точность этого издания не раз приводила к курьезам, когда его принимали за похищенную подлинную рукопись. Это уникальное издание в значительной степени заменяет подлинную рукопись Архангельского евангелия и позволяет осуществлять по нему лингвистическое, а в некоторой степени и палеографическое исследование памятника.

§ 13. «Вещевая палеография» И. А. Шляпкина и альбом М. И. Михайлова

Создателем курса палеографии надписей на предметах материальной культуры явился в России Илья Александрович Шляпкин (1858–1918). Он читал лекции по «вещевой палеографии» в Петербургском археологическом институте, сочетая их с практическими занятиями. Курсы лекций Шляпкина издавались студентами, но без редакции и даже без просмотра их автором. Вследствие этого лекции неоднородны и, что главное, в них содержится много ошибок и неточностей, обусловленных не всегда внимательной записью на слух. Последнее печатное издание относит-

ся к 1913 г.¹³⁰. Издана эта книга сотрудником того же института М. И. Михайловым.

Шляпкин расширил объект палеографии. Он относил к ней изучение надписей на «вещевых» памятниках и делил палеографию на три раздела: 1) палеография надписей на всевозможных предметах, 2) палеография исключительно рукописей, 3) палеография шрифтов. Последний раздел Шляпкин в своем курсе не читал, поэтому его нет и в названной выше книге. Наиболее ценным и сравнительно большим разделом «Русской палеографии» Шляпкина является «Обзор азбуки вещевых надписей в связи с азбукой письменных памятников» (§ 8, стр. 40–64). Важен также раздел «Перечень предметов русской вещевой палеографии с точной хронологией до 17 века» (§ 7). Но вследствие того, что в нем, как и вообще в рассматриваемой книге, не соблюдены элементарные библиографические требования в подаче материала, пользоваться сведениями, имеющимися в этом разделе, трудно. Этот недостаток сильно сказывается также и в § 15, в котором дается «краткий перечень памятников древнерусской письменности». Очень слабо и бегло освещены в книге вопросы об изводах и редакциях древних рукописей (§ 10, 11). Более ценными представляются специальные разделы этой книги, отсутствующие в рассмотренных ранее пособиях по палеографии. Сюда относятся: «Общий характер памятников вещевой палеографии» (§ 1), обзор литературы по русской вещевой палеографии (§ 6 — первая часть), а также лекции методического характера: «О чистке и снимках надписей вещевой палеографии» (§ 3), «Лекция проф. Шляпкина об отливке гипсовых оттисков и изготовлении эстампажа» (§ 4), по-видимому застенографированные кем-то из студентов института. В заключительном параграфе (16), названном «Правило научного описывания рукописей», перечислены 24 вопроса, ответ на которые должно дать лицо, описывающее древнюю рукопись. Любопытно заключение книги: «Закljučая свои лекции, профессор оставляет два главных завета: 1) палеогра-

¹³⁰ И. А. Шляпкин. Русская палеография. По лекциям, читанным в императорском С.-Петербургском археологическом институте. Перепечатано с изданий слушателей 1905–1907 гг. с разрешения, но без просмотра автора. СПб., 1913.

фу лучше ошибиться, отнеся рукопись к более позднему времени, чем к раннему, и 2) суждения надо строить не по одному, а по сумме признаков. Вообще же самое важное для палеографа — практика, навык, а не теория»¹³¹. Последнее положение полностью соответствует взглядам Брандта и других палеографов.

Из пособий по палеографии, подготовленных Шляпкиным, можно отметить также альбом «Образцы вязи»¹³². К сожалению, образцы (их 35) не сопровождаются никаким объяснительным текстом, что затрудняет использование альбома в научных и учебных целях.

Весьма ценным пособием по палеографии, изданным в дополнение к лекциям Шляпкина, является труд М. И. Михайлова «Памятники русской вещевой палеографии» (СПб., 1913). Задачи и содержание его раскрыл сам автор в предисловии: «Приступая к составлению этой книги, я не имел в виду дать гг. слушателям императорского С.-Петербургского археологического института что-нибудь новое, а преследовал только одну цель — объединить тот материал и отдельные статьи, которые имеются по интересующему нас вопросу и которые, к сожалению, благодаря своей библиографической редкости и разбросанности, мало доступны. Из всех имеющихся памятников русской вещевой палеографии, обнимающих период с XII по XVI вв., я поместил описания и снимки 23-х наиболее характерных, указанных проф. И. А. Шляпкиным, памятников, знание которых вполне удовлетворяет требованию, предъявляемому профессором на экзамене по русской палеографии» (стр. 3). Снимки в книге Михайлова выполнены очень хорошо. Разбор начертаний отдельных букв на вещах весьма полезен и для лиц, занимающихся палеографией рукописей, а не только палеографией надписей на предметах материальной культуры.

§ 14. Н. М. Каринский

В том же Петербургском археологическом институте, где работали Шляпкин и Михайлов, читал курс палеографии Николай Михайлович Каринский (1873–1935). Часть этих лекций была

¹³¹ И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 102.

¹³² И. А. Шляпкин. Образцы вязи, вып. 1. Изд. имп. Петроградского археологического ин-та, 1916.

опубликована в книге «Славянская палеография. II. Вопрос о происхождении славянских алфавитов. Лекции, читанные на 1 курсе в императорском Археологическом институте в 1904–1905 учебном году, издание гг. слушателей института, 1906–1907 учебн. г.». В ней рассматривается только вопрос о происхождении славянских алфавитов. Книга богато иллюстрирована и потому является ценным пособием. В издании «Славянской палеографии» 1915 г.¹³³ весь материал о происхождении славянских алфавитов был повторно напечатан почти без изменений. Но здесь ему предшествует глава о Кирилле и Мефодии и о начале славянской письменности. Далее дается характеристика болгарского, сербского и русского изводов старославянского языка (по терминологии того времени — древнецерковнославянского) с сравнительно большой библиографией работ языковедов по этим вопросам. За этим разделом должен был следовать раздел о характере письма древнейших славянских памятников, но рассмотрены только начертания надписи Самуила 993 г. По-видимому, Каринский строил свое обозрение подобно палеографии Срезневского, т. е. по отдельным памятникам. Публикация всех лекций Каринского завершена не была.

Каринский успешно занимался изучением палеографической стороны отдельных рукописей. Это можно видеть уже в его магистерской диссертации «Язык Пскова и его области в XV веке» (СПб., 1909). Сюда же относится его статья «Грамота короля Стефана Уроша 1265–66 года»¹³⁴, посвященная палеографическому и лингвистическому анализу сербской рукописи. Но наиболее ценной работой, важной для истории русского языка и палеографии древнейшего периода, является работа Каринского «Письмо Остромирова евангелия. (Палеографический очерк)»¹³⁵. До опубликования ее в русской науке установилась точка зрения, что Остромирово евангелие 1056–1057 г. написано от начала и до конца одним писцом — дьяконом Григорием, оставившим на 294 листе рукописи запись,

¹³³ Н. М. Каринский. Славянская палеография. Лекции, читанные в имп. Археологическом ин-те. Пг., 1915.

¹³⁴ В кн.: «Летопись занятий Археографической комиссии в 1917 г.», вып. 29. Пг., 1917, стр. 1–9.

¹³⁵ В кн.: «Сборник Российской Публичной б-ки», т. I, вып. 1. Пг., 1920, стр. 168–192.

в которой он увековечил свое имя. Крупные исследователи этой рукописи М. М. Козловский¹³⁶ и академик Ф. Ф. Фортунатов¹³⁷ отметили различия в языке двух неравных частей Остромирова евангелия, причем Ф. Ф. Фортунатов определил даже границы разных оригиналов, с которых будто бы было переписано Остромирово евангелие дьяконом Григорием. Каринский же на основании тщательного палеографического анализа рукописи опроверг установившееся в науке мнение и блестяще доказал, что первые 24 листа написаны не дьяконом Григорием и что золотые надписи заглавий на некоторых листах рукописи и надписи на миниатюрах написаны двумя другими писцами, но не первым писцом и не дьяконом Григорием¹³⁸. Так, опровергнув мнение Фортунатова, Каринский показал, что изучение языка памятника без тщательного предварительного или параллельного палеографического анализа самой рукописи может привести исследователя к ошибочным выводам.

Каринский внес свой вклад в успешно проводившееся в России Ягичем изучение глаголицы, издав очень ценное пособие «Образцы глаголицы» (СПб., 1908). Альбом этот до сих пор является уникальным пособием для изучения глаголицы. Наряду с глаголическими текстами Каринский издавал для палеографических целей и кирилловские рукописи. Первой его работой была славянская часть снимков в издании снимков с рукописей Публичной библиотеки «Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских рукописей императорской Публичной библиотеки» (СПб., 1914). После Октябрьской революции Каринский подготовил и издал более полный альбом только славянских рукописей «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги» (Л., 1925), где на 29 таблицах большого формата даны 68 снимков с рукописей преимущественно XI в. Особенно ценно

¹³⁶ М. М. К о з л о в с к и й. Исследование о языке Остромирова евангелия. — В кн.: «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885–1895, стр. 1–127.

¹³⁷ Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в. Состав Остромирова евангелия. — В кн.: «Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности», ч. II. СПб., 1908, стр. 1416–1479.

¹³⁸ М. Н. К а р и н с к и й. Указ. соч., стр. 170–171.

в этом альбоме то, что Каринский хорошо подобрал и представил в нем материал русских древнейших рукописей, каждая из которых написана двумя или несколькими писцами. Полнее других рукописей воспроизведен материал писцов Остромирова евангелия.

Материалы, включенные Каринским в «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги», в основной своей части (27 таблиц из 29) были подготовлены к печати по решению Петербургского археологического института еще в 1913 г. Сопроводительный текст альбома представляет собою часть большого исследования о древнерусских рукописях XI в., которое полностью так и не вышло в свет. Выбирая образцы текстов для их воспроизведения, Каринский «старался отметить типичное, просматривая от буквы до буквы памятники древнерусской письменности XI в. Все снимки исполнены с подлинных рукописей в натуральную величину»¹³⁹. Последнее обстоятельство, наряду с хорошей технической стороной воспроизведения образцов, является большим достоинством альбома Каринского. В теоретической части рассматриваются начертания букв отдельных рукописей XI в. Анализ производится здесь не по памятникам (как это было в палеографии Срезневского и как намечалось у самого Каринского в указанных выше изданиях «Славянской палеографии»), а по буквам. Это явилось шагом вперед для Каринского, который в этом случае следовал за Соболевским, Карским и Щепкиным (см. ниже). Однако недостатком по сравнению с «Русской палеографией» Щепкина является то, что Каринский не акцентирует внимание читателя на типичных для XI в. начертаниях букв и не выделяет приметы века, основываясь на которых палеограф-практик мог бы сам проводить датировку рукописей. Вызывает сомнение тенденция автора видеть в начертаниях букв русских рукописей XI в. подражание их писцов начертаниям оригиналов, а также желание Каринского использовать русский материал для восстановления восточно-болгарских типов письма (см., например, стр. 12 «Введения»). Вызывает возражение также принижение Каринским роли древнего Новгорода как важнейшего центра русской культуры, основанием

¹³⁹ М. Н. К а р и н с к и й. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, стр. 3.

для чего у Каринского служит то обстоятельство, что от Новгорода дошли сравнительно простые по материалу и оформлению минеи XI в., а от Киева — роскошное Остромирово евангелие; причем Каринский игнорирует то обстоятельство, что вопрос о месте написания Остромирова евангелия, несмотря на большую полемику по нему в научной литературе, остается все же нерешенным. Вместе с тем необходимо отметить, что материал по палеографии XI в., являющийся предметом рассмотрения Каринского во «Введении» к его «Образцам письма древнейшего периода русской книги», и анализ начертаний отдельных букв рукописей XI в. весьма ценны. Ни один исследователь палеографии древних славянских рукописей не может пройти мимо этого труда Н. М. Каринского.

Во «Введении» же Каринский дал свое определение палеографии: «Я отношу, — писал он, — палеографию к разряду исторических наук, давая следующее определение этой науке: предметом палеографии является исследование происхождения и эволюции рукописей, печатных произведений и надписей на вещевых памятниках с их внешней стороны, а именно со стороны: 1) материала, на котором писали (вырезывали, вышивали и проч. надписи), 2) характера самого письма (печати, резьбы и проч.), 3) орфографии (графики), и 4) орнамента. Данные о внешней стороне памятника (особенно о характере письма) позволяют судить о характере работы писцов, орнаментаторов, резчиков и т. п., об их отношении к заказчикам, об отношении писцов одного памятника друг к другу и проч. Социологический элемент палеографии с развитием этой молодой науки все более расширяется» (стр. 5).

Определение это отличается крайней неточностью. Неясно, например, что вкладывает Каринский в понятие «характер самого письма (печати, резьбы и проч.)», ставит ли он знак равенства между орфографией и графикой (скорее именно так). Приравнивание графики и орфографии было бы совершенно ошибочным, поскольку графика касается алфавитов и начертания буквенных и других знаков письменности, а орфография устанавливает систему употребления этих знаков и квалифицирует нарушения этой системы. Но если Каринский в своем определении палеографии различает графику и орфографию, то непонятно, в какие отношения между собой он ставит их. Представляется сомнительным

последнее положение автора о расширении социологического элемента палеографии, так как вопросы о взаимоотношениях писцов, орнаментаторов, заказчиков хотя и решаются в значительной степени посредством анализа самых древних памятников (причем не только на основании записей писцов и прочих лиц), но все же относятся к области собственно истории, а не к палеографии. Что касается первой части определения и включения в объект палеографии буквенных знаков на предметах материальной культуры и даже печатных произведений, то здесь Каринский следует за И. А. Шляпкиным, а в отношении печатных произведений вряд ли прав. Их если и нужно рассматривать в палеографии, то как явно дополнительный материал, в какой-то степени позволяющий судить о написаниях в рукописях того же времени.

§ 15. П. А. Лавров

В том же Петербургском археологическом институте, где преподавали Шляпкин и Каринский, читал палеографию Петр Алексеевич Лавров (1856–1929). Им была проделана огромная работа по изучению южнославянских — болгарских и сербских — памятников письменности, особенно рукописей. Он восполнил пробел, существовавший в этом отношении в русской и вообще славянской науке. Лавров был знаком со многими сотнями славянских рукописей, хранящихся в русских и иностранных библиотеках. Он совершал много поездок по южнославянским землям. Значительный палеографический материал был зафиксирован в фотографиях его женой, М. С. Лавровой. Собранные материалы и оригиналы были тщательно изучены П. А. Лавровым и использовались им в лекциях по южнославянской палеографии. Часть из них была издана отдельной книгой «Югославянская палеография. Курс, читанный в С.-Петербургском археологическом институте в 1903–1904 году. Издание слушателя СПб. арх. инст. инженера А. Ф. Папенгут» (СПб., 1904). Эта книжка невелика по объему, имеет ряд неточностей, но содержит описание основных южнославянских рукописей, начиная с древнейшей датированной надписи Самуила 993 г., и дает ряд указаний относительно эволюции начертаний букв во времени (X–XII вв.) и по месту (различные районы Болгарии и Сербии).

В конце книги приложено 19 образцов из различных южнославянских памятников письменности. В 1905 г. Лавров издал обширный альбом «Палеографические снимки с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Вып. 1, XI–XIV в.».

Позднее обе эти книги были значительно расширены и коренным образом переработаны для «Энциклопедии славянской филологии». Они составили капитальные труды: 1) «Палеографическое обозрение кирилловского письма»¹⁴⁰ и 2) «Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма»¹⁴¹. В первом дается анализ буквенных начертаний многих южнославянских памятников письменности, начиная с древнейших из числа дошедших до нас и кончая рукописями XVIII и даже XIX вв. В обобщающих главах вскрывается эволюция этих начертаний в разных областях и разных школах письма. Классификация южнославянских памятников по этим данным представила крупный шаг вперед по сравнению со сведениями, имевшимися в палеографии до того времени. Книга богато иллюстрирована. Представленные снимки характеризуют письмо разного времени и отдельных территорий в такой степени, в какой это возможно по сохранившимся памятникам письменности. Все иллюстрации расположены систематически, что дает возможность пользоваться названной книгой и без «Приложения», т. е. без альбома снимков (хотя в последнем снимки воспроизведены в натуральную величину, что не всегда было возможно в книге с наборным текстом). Недостатком работы является отсутствие в ряде случаев четкой палеографической терминологии при анализе начертаний букв. Необходимо отметить также несоответствие названия содержанию книги: материал восточнославянских древних рукописей, всегда написанных кириллицей, не включен, хотя книга называется «Палеографическое обозрение кирилловского письма» и, следовательно, должна была бы включать материал и по русской кириллице. Только в этом случае указанный труд Лаврова мог бы стоять в одном ряду с «Глаголическим письмом» И. В. Ягича (см. выше) в системе гран-

¹⁴⁰ «Энциклопедия славянской филологии», вып. 4. 1. Пг., 1915.

¹⁴¹ Там же. Приложение к вып. 4. 1–4. 2. Пг., 1916 (первые 97 таблиц этого альбома).

диозного предприятия Академии наук — «Энциклопедии славянской филологии».

Несмотря на то, что Лавров разрабатывал только вопросы южнославянской палеографии, его труды имеют значение и для русской палеографии. Роль его велика как в области накопления и систематизации конкретных фактов, имеющих значение для русской палеографии в силу связей, исконно существовавших между южнославянским и восточнославянским кирилловским письмом и древними литературами этих народов вообще, так и в отношении выработки метода исследования. Важным представляется, например, требование Лаврова «считаться с данными не только письма, но также языка и правописания, иногда орнамента»¹⁴².

П. А. Лавров вел значительную работу и по изданию древних памятников. Им издан ряд болгарских и сербских текстов. Из крупных работ Лаврова, имеющих значение для русской палеографии, необходимо отметить «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности»¹⁴³, в которых дается исследование и публикация текстов славянских памятников, относящихся к деятельности Кирилла и Мефодия, и книгу «Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві (Розвідка)» (Київ, 1928), в приложении к которой наряду с исследованием дана публикация материалов памятников письменности, имеющих значение при решении некоторых общих вопросов кирилловской палеографии.

§ 16. В. Н. Щепкин

Палеографом, занимающимся преимущественно вопросами русской палеографии, был выдающийся славист, представитель старшего поколения учеников Ф. Ф. Фортунатова и самого младшего поколения учеников Ф. И. Буслаева, Вячеслав Николаевич Щепкин (1863–1920). Он внес существенный вклад в разработку многих вопросов палеографии: о происхождении и развитии сла-

¹⁴² П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма..., стр. 44.

¹⁴³ «Труды Славянской комиссии», т. I. Л., 1930.

вянских азбук, вязи, орнамента и миниатюры, обосновал расчеты по водяным знакам на бумаге, уточнил признаки начертаний букв по векам. С 1887 г. В. Н. Щепкин начал работать в Московском Историческом музее и в 1912 г. стал заведующим Отделом рукописей. Сама организация Отдела древних рукописей музея связана с именем В. Н. Щепкина: им разработана система основного научного каталога рукописей музея, под его руководством создан весь научный аппарат Отдела рукописей. С непосредственной работой В. Н. Щепкина в Историческом музее связано опубликование им ряда описаний рукописей, хранящихся в музее, и многих памятников материальной культуры, имеющих надписи. Публиковались эти статьи в «Отчетах Исторического музея», в «Древностях Московского археологического общества», активным членом которого он был, и в других изданиях.

Как и другие выдающиеся палеографы конца XIX — начала XX в., В. Н. Щепкин был по специальности лингвист. Но в отличие, например, от А. И. Соболевского палеография была для него не вспомогательным предметом, необходимым каждому слависту, а предметом специальных исследований. Еще в 1899 г. В. Н. Щепкин издал большую, по-видимому древнейшую известную нам кирилловскую рукопись — Саввину книгу¹⁴⁴ и исследование ее языка «Рассуждение о языке Саввиной книги» (магистерская диссертация), напечатанное сначала в «Известиях ОРЯС» за 1888–1889 гг. и дважды изданное отдельной книгой¹⁴⁵. В этом труде содержится не только исследование орфографии и языка, но и анализ палеографической стороны Саввиной книги. Так же важно исследование В. Н. Щепкина о языке Болонской псалтыри — его докторская диссертация¹⁴⁶. В этой книге кроме анализа языка содержится палеографическое исследование почерков и орнамента и приложены снимки.

¹⁴⁴ Саввина книга. Изд. ОРЯС. «Памятники старославянского языка», т. I, вып. 2. СПб., 1903.

¹⁴⁵ В. Н. Щ е п к и н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899: «Сборник ОРЯС», т. LXVII, № 9. СПб., 1901.

¹⁴⁶ В. Н. Щ е п к и н. Болонская псалтырь. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 4. СПб., 1906.

Большой интерес в области древнерусской палеографии и, в частности, в вопросе об употреблении глаголицы на Руси в XI–XII вв. представляет работа В. Н. Щепкина «Новгородские надписи Graffiti»¹⁴⁷. В этом исследовании дается подробный разбор надписей на стенах Новгородского Софийского собора, относящихся к XII в., с анализом начертаний всех имеющихся в них букв. К статье приложены снимки надписей — девять фототипических таблиц. Эта работа не потеряла своего значения и до настоящего времени. Она ценна не только в теоретическом отношении, но и благодаря самому материалу новгородских граффити. После открытия новгородских берестяных грамот новгородские граффити оказались в центре внимания ученых, поскольку начертания на бересте оказываются по своему характеру ближе к начертаниям на штукатурке, чем на пергамене или бумаге.

Щепкин известен как лучший знаток и исследователь вязи, т. е. особого каллиграфического стиля письма, связывающего строку в непрерывный орнамент путем сокращения (лигатур) и украшения отдельных элементов буквенных начертаний. Первая статья Щепкина на эту тему была помещена в славистическом журнале, издаваемом И. В. Ягичем¹⁴⁸. В более поздней работе «Вязь»¹⁴⁹ Щепкин исследовал развитие вязи и установил приметы, позволяющие датировать древние рукописи по разным типам вязи. Кроме исследования в этой работе даны 16 таблиц с образцами византийской, болгарской, сербской, румынской и главным образом русской вязи. Образцы эти включают не только целые строки вязи, но также сочетания отдельных букв и отдельные элементы вязи вообще.

В. Н. Щепкин продолжил работу по исследованию орнамента и миниатюры древних рукописей, начатую в свое время Ф. И. Буслевым, и внес в эту область палеографии очень много ценного.

¹⁴⁷ В. Н. Щ е п к и н. Новгородские надписи Graffiti с 9 фототипическими таблицами. «Древности. Труды Московского археологического общества», т. XIX, вып. III (последний). М., 1902, стр. 26–46.

¹⁴⁸ Cyrillische Ligaturschrift. Archiv für slavische Philologie, Bd. 25. Ht I. Berlin, 1903. S. 109–129.

¹⁴⁹ В. Н. Щ е п к и н. Вязь. «Древности. Труды Московского археологического общества», т. XX. М., 1904, стр. 57–80.

Именно В. Н. Щепкиным разработано определение стилей древнерусского орнамента и установлены датирующие приметы века и территории в русском изобразительном искусстве (миниатюра, фрески и иконопись) и в разных типах орнамента (заставки, инициалы, концовки в рукописях).

Посмертно была опубликована ценная работа Щепкина по датировке старых рукописей, написанных на бумаге с помощью водяных знаков, имеющих на ней¹⁵⁰. В этой статье, доработанной и опубликованной ученицей и преемницей Щепкина — его дочерью М. В. Щепкиной, не только излагается теория водяных знаков, но, как это часто бывало в работах В. Н. Щепкина, даются практические указания палеографу. В заключение приводится следующее важное методическое указание: «Самостоятельная работа над сырым материалом может дать навыки точного распознавания и описания видимых в памятнике филигранных. Но без правильной палеографической школы поверхностные дилетантские справки в альбомах, во-первых, дают лишь очень неточные результаты, во-вторых, при кажущейся легкости они заставляют пренебрегать остальными палеографическими приметами (почерка, вязи, орнамента и пр.), а между тем точность датировки должна быть основана на совокупности палеографических примет»¹⁵¹.

Кроме работ по отдельным сторонам палеографии Щепкиным создан обобщающий курс русской палеографии. Щепкин читал палеографию в Московском университете и на Московских высших женских курсах. В свои лекции он вводил много нового, разработанного им самим на основании интенсивного исследования древних памятников письменности не только рукописных, но и вещевых. Так вышел в свет литографированный «Конспект курса славяно-русской палеографии. Курс, читанный в И. М. У. в 1910–11 ак. г.» (М., 1910); в 1915 г. был опубликован Издательским обществом при историко-философском факультете Московских высших женских

¹⁵⁰ В. Н. Щепкин и М. В. Щепкина. Палеографическое значение водяных знаков. «Проблемы источниковедения», VI. М., 1958, стр. 325–346.

¹⁵¹ Там же, стр. 346 (разрядка моя. — Л. Ж.).

курсов также литографированный «Конспект курса славяно-русской палеографии. (Пособие к лекциям и программа)»¹⁵². Итогом систематической работы над совершенствованием курса лекций явился «Учебник русской палеографии»¹⁵³. В этом «Учебнике» Щепкин применяет основной в его понимании метод палеографии¹⁵⁴ ко всем объектам палеографического исследования: начертаниям букв, миниатюре, орнаменту, краскам и другим материалам для письма. Разделы о вязи, орнаменте и миниатюре заново разработаны самим Щепкиным и по своей полноте не могут идти ни в какое сравнение с соответствующими незначительными по объему разделами в лучших из рассмотренных выше пособий А. И. Соболевского и Е. Ф. Карского. Щепкин уточнил особенности в начертаниях основных «контрольных» букв для каждого столетия. «Учебник» написан четко, лаконично, огромный материал вмещен в малом объеме книги. Щепкиным проведена здесь значительная работа по систематизации и упорядочению палеографического материала. Так, например, он дает сводные таблицы начертаний букв, позволяющих датировать рукописи. Эти таблицы наглядно показывают эволюцию почерков в течение веков. Некоторые ученые упрекали Щепкина за то, что он не указывал, из какого памятника взято то или иное начертание (подобно тому, как это было сделано в книгах Соболевского и Карского). Но целью Щепкина было неэмпирическое изложение фактов, а огромное обобщение материала, чтобы, с одной стороны, дать читателю понятие об эволюции почерков и, с другой стороны, позволить применить этот материал на практике для датировки недатированных рукописей. И действительно, каждый палеограф-практик, изучающий древнерусские рукописи, написанные уставом, полууставом и скорописью, не может обойтись без синтезирующих таблиц и положений «Учебника русской палеографии» Щепкина.

¹⁵² На обложке и титуле год издания не указан.

¹⁵³ М., 1920; на титуле: М., 1918.

¹⁵⁴ Метод этот состоит из индуктивных обобщающих наблюдений над письменными знаками рукописей датированных и из последующих дедуктивных применений установленных закономерностей к рукописям недатированным с целью установления времени и места происхождения последних (см. указ. соч., стр. 2).

«Учебник русской палеографии» В. Н. Щепкина, так же как «Славяно-русская палеография» А. И. Соболевского и «Славянская кирилловская палеография» Е. Ф. Карского, составляет золотой фонд русской палеографической науки. Если книга Соболевского своим почти художественным изложением прежде всего заинтересовывает и просвещает читателя, причем не только в области палеографии, но и в области древней письменности и культуры в целом, если обширный труд Е. Ф. Карского является своеобразным справочным пособием по ряду вопросов древней письменности (особенно это относится к последнему изданию книги — Л., 1928), то «Учебник русской палеографии» В. Н. Щепкина характерен своим лаконичным изложением материала, подвергнутого предварительному очень глубокому обобщению, и отточенной терминологией. Вместе с тем «Учебник» ориентирован в сторону практики, пронизан заботой дать лицам, занимающимся палеографией, материал и практические советы для повседневной работы, что можно видеть в каждом разделе книги. Эти стороны «Учебника» В. Н. Щепкина делают его незаменимым пособием для всех практически занимающихся палеографией.

А. С. Орлов писал об «Учебнике» Щепкина: «Несмотря на то, что В. Н. Щепкин имел в сфере руководства на данную тему таких предшественников, как П. А. Лавров и, особенно, А. И. Соболевский, ему удалось создать палеографическое руководство совершенно самостоятельное и оригинальное. Здесь он выявил себя во всей сложности своих научных интересов и как разносторонний славист, и как историк средневековых искусства и литературы. Основанное, по словам автора, на его университетских лекциях, руководство В. Н. по палеографии является учебником не только для учащихся, но и для учащихся, так как прежде всего здесь в область палеографии вошли впервые новые мотивы, а затем и новая формулировка, вплоть до терминологии, в общем чрезвычайно удачная»¹⁵⁵.

В своих палеографических работах В. Н. Щепкин уделял большое внимание точности языка изложения. В его «Учебнике русской палеографии» этой проблеме посвящен даже специальный раздел

¹⁵⁵ А. О р л о в. Проф. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920. «Задруга», декабрь 1921, № 1, стр. 15.

(§ 111), основная идея которого выражена так: «Все сообщаемые факты должны быть выражены в суждениях, которые ничего не оставляют недосказанным, а сами допускают только одно понимание, а не несколько»¹⁵⁶. Большую работу провел В. Н. Щепкин по уточнению и созданию четкой и выразительной терминологии, используемой при описании различных начертаний букв в памятниках письменности и вообще в палеографии.

Так, он применил термин «мачта» для прямой вертикальной черты в буквах; образно, но вместе с тем точно назвал «коромыслом» горизонталь в буквах **т**, **ѣ**. Щепкиным введены некоторые яркие выразительные определения для известных типов отдельных букв, например для обозначения широкого лежащего **є** с большим приподнятым язычком — **є** «якорное», определение буквы **в** «калачиком», одного вида начертания буквы «пси» — «цветок лилии» и др. Уже описание В. Н. Щепкиным начертаний новгородских граффити в относительно ранней его палеографической публикации¹⁵⁷ до сих пор может служить образцом точности и выразительности описания буквенных начертаний памятника письменности. Работу по созданию отточенной палеографической терминологии В. Н. Щепкин не прекращал до конца своей жизни.

§ 17. Работа в области палеографии М. Н. Сперанского

В развитие некоторых разделов палеографии сделал свой вклад историк древнерусской литературы академик Михаил Несторович С п е р а н с к и й (1863–1938). Работу в области палеографии он начал еще в Нежинском историко-филологическом институте, где был профессором с 1895 г. В это время им были описаны рукописи Нежинского института. Сперанскому принадлежит и описание рукописей Тверского музея. Он же дал одно из первых описаний рукописей Сербии и Болгарии¹⁵⁸. Описание это весьма своеобраз-

¹⁵⁶ В. Н. Щ е п к и н. Учебник русской палеографии..., стр. 167.

¹⁵⁷ В. Н. Щ е п к и н. Новгородские надписи Graffiti...

¹⁵⁸ М. С п е р а н с к и й. Заметки о рукописях Белградских и Софийской библиотек. «Известия Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине», т. XVI. Нежин, 1898, стр. 1–87.

но, насыщено огромным филологическим, а также ценным палеографическим материалом.

После смерти В. Н. Щепкина Сперанский длительное время заведовал Отделом древних рукописей Государственного Исторического музея. Здесь он проводил специальные занятия по палеографии с сотрудниками музея. Под его руководством и при его участии с 1920 по 1929 г. продолжалось описание рукописей ГИМ. Важной специально палеографической работой Сперанского является капитальный труд «Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма»¹⁵⁹. Непосредственное отношение к палеографии имеют также исследования о подделках рукописей в России. Сюда относятся работы: «К истории русских рукописных подделок»¹⁶⁰, где рассматриваются подделки Сулакадзева (см. выше), и «Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев)»¹⁶¹. Последняя подготовлена к печати ученицей Сперанского В. Д. Кузьминой и опубликована посмертно. Имеет значение для истории русской палеографии, а не только для истории литературы, исследование Сперанским вопроса о южнославянских и древнерусских культурных связях и взаимоотношении соответствующих письменностей. Работы на эту тему до 30-х гг. публиковались Сперанским неоднократно; не опубликованные при его жизни статьи на эту тему были изданы В. Д. Кузьминой недавно¹⁶².

Важное значение для изучения палеографии первых веков славянской письменности имеет статья Сперанского «Из славянской эпиграфики»¹⁶³. Статья посвящена двум древнейшим (из числа известных в то время) надписям на стенах церкви из второй болгарской столицы — Преслава. Надписи датируются первой половиной X в. Палеографический анализ надписей (одна из них — кирилловская, другая — глаголическая) Сперанский проводит с привлечением материала других древнейших надписей. Сперанский

¹⁵⁹ «Энциклопедия славянской филологии», вып. 4, 3. Л., 1929.

¹⁶⁰ «Доклады АН СССР». Серия «В». Л., 1928, № 9, стр. 181–184.

¹⁶¹ «Проблемы источниковедения», V. М., 1956, стр. 44–101.

¹⁶² М. Н. С п е р а н с к и й. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

¹⁶³ М. Н. С п е р а н с к и й. Из славянской эпиграфики. «Доклады АН СССР». Серия «В». 1930. Л., стр. 51–57.

не оставил стройного курса славяно-русской палеографии, но свое понимание некоторых основных вопросов теории палеографии он все же изложил в печати. Так, в обзоре палеографических трудов Лаврова¹⁶⁴ Сперанский дал определение места палеографии среди других наук, определение задач палеографии и ее объекта: «Палеография как вспомогательная дисциплина для историка, филолога, историка литературы и археолога, — писал он, — преследует прежде всего цели практические — определение времени и места возникновения письменного памятника»¹⁶⁵. И далее: «Палеография, более, чем какая-либо иная дисциплина, требует непосредственного пристального знакомства с самими рукописными материалами, привлекая к делу все, что может дать самый внешний вид рукописи: материал для письма, чернила, орнамент и его раскраска, расположение текста, язык, посторонние или тесно связанные с рукописью записи, не говоря уже о самой графике»¹⁶⁶.

¹⁶⁴ М. Н. С п е р а н с к и й. Палеографические труды П. А. Лаврова. — «Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук», VII серия. 1930, № 8, стр. 559–572.

¹⁶⁵ Там же, стр. 559.

¹⁶⁶ Там же, стр. 561–562.

Глава IV

ПАЛЕОГРАФИЯ в 30–40-е ГОДЫ

§ 1. Общая характеристика периода

Рассмотренная выше история русской палеографии, хотя и разбита нами на несколько этапов, все же с начала XIX в. представляет единый непрерывный путь. Развитие палеографии в это время характеризуется, во-первых, непрерывным расширением знакомства с памятниками письменности и включением в научный оборот все большего и большего материала, во-вторых, все большей глубиной исследовательского проникновения в эти материалы и, в-третьих, существованием непрерывно возобновлявшегося состава русских палеографов, что обеспечивало преемственность работы. Увеличение объема материала для палеографического исследования связано не только с открытием ранее неизвестных рукописей и других памятников письменности, но и с тем, что палеографы постепенно включали в орбиту своего исследования не только древнерусские, но и среднерусские тексты, написанные скорописью. Возрастающая глубина проникновения творческой мысли в палеографическую сторону памятников письменности связана со все большей тщательностью палеографического исследования и более существенными обобщениями, явившимися следствием совершенствования самого палеографического метода. Выше уже говорилось о том, что некоторые русские палеографы (прежде всего А. И. Соболевский и В. Н. Щепкин) овладение палеографией признавали в значительной степени результатом навыка, практики, а не только штудирования теории. Теорию они считали индуктивным обобщением опыта. В этом положении есть известная доля истины. Отсюда вытекает значение для развития палеографии непрерывно пополняющегося состава специалистов, владеющих методом палеографического исследования и обладающих необходимым опытом. Такие кадры специалистов на про-

тяжении рассмотренного периода развития палеографии были в России; некоторые крупные ученые дожили до конца 20-х годов XX в. (академики А. И. Соболевский и П. А. Лавров умерли в 1929 г., академик Е. Ф. Карский — в 1931 г.).

В первые годы после революции и в 20-е годы палеографические исследования в СССР еще продолжали появляться, так как в предшествовавшее время были накоплены значительные материалы, ждавшие своего опубликования. Существовали также и специалисты, обладавшие огромным запасом знаний в этой области и служившие в хранилищах, славных своими многолетними традициями изучения памятников древней письменности (такими были в Москве М. Н. Сперанский и Г. П. Георгиевский, в Ленинграде — И. А. Бычков и Н. М. Каринский и др.).

В предреволюционные годы палеографическое описание древних рукописей было необходимой частью почти каждого исследования о языке памятника. Количество таких описаний, хороших и слабых, было столь велико, что выше мы даже не останавливались на них, если эти палеографические описания не принадлежали крупным палеографам-специалистам. Со второй половины 20-х годов подобного рода работы стали редкостью. Последними публикациями историков русского языка, в которых производился палеографический анализ древних рукописей, были работы Н. Н. Дурново¹⁶⁷, М. А. Соколовой¹⁶⁸ и В. И. Борковского¹⁶⁹. Для славянорусской палеографии наибольшее значение имела статья Дурново «Мюнхенский абecedарий», так как в ней рассматривается важный для палеографии и графики вопрос о первоначальном составе славянского алфавита и привлекаются палеографические данные древнейших рукописей. Однако весь ход исторического

¹⁶⁷ Н. Н. Дурново. Мюнхенский абecedарий. «Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук», VII серия. 1930, № 3. Л., стр. 211–221.

¹⁶⁸ М. А. Соколова. К истории русского языка в XI веке. (Рукопись Московской б-ки им. Ленина, № 1666). «Известия по русскому языку и словесности, 1930», т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 75–135.

¹⁶⁹ В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. «Труды Комиссии по русскому языку, 1931», т. I, Л., 1931, стр. 1–91.

развития и развития науки не способствовал появлению новых исследований и материалов в области палеографии и древностей вообще. Причина заключалась в том, что, с одной стороны, сами люди в этот период активно творили новую невиданную в мире историю и прошлое меньше интересовало массы; с другой стороны, в том, что после первой империалистической, а затем гражданской войны в стране не было средств для дорогостоящей публикации палеографических материалов и исследований. К 30-м годам положение еще более осложнилось, так как умерли старые ученые, отдававшие значительную часть своих творческих возможностей палеографическим исследованиям. В годы первых пятилеток, когда все силы советского народа были направлены на индустриализацию страны, на создание материальной базы для построения социалистического общества и укрепление оборонной мощи, издание памятников письменности и особенно рукописей древнейшего периода не могло осуществляться в значительных размерах. Об изданиях фотомеханических и тем более факсимильных не было и речи, поскольку для этого требуются значительные средства. Даже выпуск наборных изданий кириллицей прекратился. Были переплавлены как ненужные не только церковнославянские, но и необходимые для научных публикаций кирилловские и другие специальные шрифты.

Кроме того, господство вульгарно-социологической школы М. Н. Покровского до середины 30-х годов не способствовало всестороннему изучению исторического прошлого. Потребовалось специальное постановление ЦК ВКП(б) о преподавании истории в средней школе, чтобы постепенно началось новое развитие исторических разделов советской науки. Академик А. С. Орлов писал об этом в 1937 г.: «Вспомогательные исторические дисциплины — палеография, дипломатика, сфарагистика, нумизматика и т. д., то есть те “малые” науки, задачей которых считается изучение некоторых специфических групп исторических источников, исследование памятников с материально-технической стороны и, в результате, обогащение историографического синтеза дополнительными фактами, эти науки представляют донныне один из отсталых участков исторического фронта... Зависимости от уста-

рельх историографических схем и концепций наши историки не могут избежать, не обращая непосредственно к первоисточнику, а это иногда невозможно и никогда полностью недостижимо без использования особых технических методов и специфических данных, какими обладают вспомогательные исторические дисциплины»¹⁷⁰.

Первый сборник «Вспомогательные исторические дисциплины» показал, что такая «вспомогательная историческая дисциплина», как палеография, была основательно забыта, о чем красноречиво свидетельствует публикация в сборнике статьи С. Н. Валка «Начальная история древнерусского частного акта». Валк утверждал здесь подложность нескольких частных грамот, относящихся ко времени до XIV в. и считавшихся в 30-е годы, т. е. до открытия новгородских берестяных грамот (см. ниже), древнейшими. Свои выводы Валк в то время считал возможным строить без палеографического анализа рассматриваемых им грамот, что является совершенно недопустимым для столь древних рукописей. Публикация такого не отвечающего научным требованиям исследования свидетельствует о том, что и редакторы и автор считали допустимым не только историческое исследование древнейших текстов, но и решение вопроса об их подлинности без проведения тщательного палеографического анализа. Лишь спустя несколько лет М. Н. Тихомиров на основании исторического, а для отдельных грамот и палеографического анализа¹⁷¹ доказал их подлинность и несостоятельность положений названной статьи С. Н. Валка.

В 30–40-е годы у лингвистов не было возможности заниматься палеографией, так как это был период господства в советском языкознании так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и его учеников, нигилистически отрицавших все традиции филологической науки прошлого. После смерти Н. Я. Марра в 1934 г., лица, называвшие себя его «учениками», провозгласили метод исследования Н. Я. Марра единственно марксистским и един-

¹⁷⁰ Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». [Под ред. А. С. Орлова]. М.—Л., 1937. (От редакции).

¹⁷¹ М. Н. Тихомиров. О частных актах в древней Руси. «Исторические записки», № 17, 1945, стр. 225–244.

ственно научным. Они преследовали сторонников сравнительно-исторического изучения языка, которые только и могли бы проводить лингвистические исследования древних рукописей (поскольку же эти исследования невозможны без применения палеографии, они привели бы к дальнейшему развитию палеографии в СССР). В 30–40-е годы публикация работ историков русского языка была исключительно редкой. Положительным явлением в эти годы стала «Хрестоматия по истории русского языка», составленная С. П. Обнорским и С. Г. Бархударовым для студентов педагогических институтов и университетов¹⁷². В этой «Хрестоматии» точно воспроизведены наборным текстом в отрывках или полностью важнейшие рукописи XI — начала XVIII в., использовавшиеся для изучения истории русского языка. Выдающимся фактом явилось опубликование после Великой Отечественной войны труда С. П. Обнорского «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.—Л., 1946). Выход в свет книги ученого, не бывшего сторонником «нового учения о языке», оказался возможным лишь вследствие явно патриотической направленности «Очерков». Палеографического исследования рассматриваемых памятников это исследование С. П. Обнорского не содержало. Так в 30–40-е годы прервалась в работах советских лингвистов вековая традиция русской палеографии.

Не публиковали палеографических исследований по рукописному материалу в этот период и историки древней русской литературы, но в практической работе по подготовке древнерусских памятников к публикации они не могли не прибегать к палеографическому изучению рукописей раньше, чем дать то или иное толкование текста. Прежде всего это имело место в работах В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева.

Только историки СССР в этот период публиковали исследования палеографического характера. Были подготовлены два учебника по палеографии.

¹⁷² С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. М.—Л., 1938 (Изд. 2. — М., 1952); ч. II, вып. 1, М., 1949; ч. II, вып. 2, М., 1948.

§ 2. Курс русской палеографии М. Д. Приселкова

М. Д. Приселкову принадлежал «Курс русской палеографии»¹⁷³, написанный для студентов-заочников. Книга была размножена Полиграфической лабораторией Ленинградского университета с машинописного оригинала с таблицами начертаний, воспроизведенными от руки. Этот курс совершенно элементарен и не содержит ни нового палеографического материала, ни более глубокой, чем в предшествующих пособиях, интерпретации его. В разделе I излагаются задачи палеографии, ее содержание, деление рукописей по отношению их к оригиналу на три группы и другие вопросы. Раздел II называется «Материал», в нем говорится о пергамене, разлиновке его, палимпсестах, бумаге, бомбицине, водяных знаках, об орудиях письма, чернилах, красках. В разделе III — «Украшения» — дается характеристика стилей орнамента, говорится о вязи и переплетах. Раздел IV (он же и V, так как раздел пятый не выделен в этой книге) называется «История письма». Приселков сознательно не касается вопросов возникновения славянской письменности и соотношения кириллицы и глаголицы. Раздел посвящен характеристике устава, полуустава (выделен северо-восточный) и скорописи (московская и юго-западная). Во всех случаях воспроизводятся типичные начертания, но о датировке посредством изучения изменения во времени начертаний отдельных букв в рамках каждого из названных типов почерка речь не идет. Здесь же, почему-то после полуустава, рассматривается орфография памятников письменности. В заключение автор довольно подробно освещает характер работы писцов древних рукописей. Разделы VI и VII посвящены соответственно криптографии и хронологии. Этот курс, предназначенный для студентов-заочников, вряд ли заслуживал бы внимания в настоящей работе, если бы не некоторые общетеоретические положения Приселкова, изложенные им в первом разделе. Так, в книге содержатся правильные указания о том, что «всякая рукопись, по м и м о ее содержания, по своим внешним данным (т. е. почерк, мате-

¹⁷³ М. Д. Приселков. Курс русской палеографии. Сектор заочного отделения ЛГУ. Л., 1938, стр. 1–38. [Было напечатано 430 экземпляров].

риал письма, формат, переплет, язык, украшения) представляет для палеографа важный объект наблюдения, превращающийся в драгоценный объект, если рукопись эта может быть датирована по прямым своим данным (приписке писца) или по несомненным косвенным данным (из содержания текста)¹⁷⁴. Не вызывает возражения и утверждение Приселкова, что «всякий рукописный текст представляет собою источник для изучения истории языка»¹⁷⁵.

Малоубедительным кажется определение Приселковым предмета палеографии и особенно ее задачи: «Под палеографией мы разумеем, — пишет он, — накопленную совокупность наблюдений над внешним видом рукописей (книг и грамот) как датированных, так и не датированных, но относимых более или менее вероятно к известному времени (по внешним данным, данным языка, данным источниковедения и истории искусства, и по содержанию текста); задачей этого накопления является разнообразная помощь изучающему рукописный текст в деле уяснения истории текста и его датировки»¹⁷⁶. Приселков критикует здесь палеографов-лингвистов за узость определения ими задач палеографии, несправедливо утверждая, что филологов в отличие от историков будто бы интересуют только вопросы, где и когда написана рукопись, в то время как историков интересует история текста. При этом он смешивает некоторые понятия и в значительной степени примитивизирует взгляды предшествовавших ему палеографов-языковедов. Можно привести следующие возражения Приселкову: 1) критическое изучение древнего текста, с точки зрения его содержания, не может быть предметом палеографии, так как относится к области исторического, либо литературоведческого анализа; 2) критическое изучение содержания рукописи в отношении к первооригиналу и родственным спискам принадлежит к текстологии, но не к палеографии; 3) если списки или оригинал и списки древнего произведения реально существуют, то палеография, отвечая на вопросы, когда и где написан каждый из них, дает любому специалисту материал для решения вопроса

¹⁷⁴ Там же, стр. 5.

¹⁷⁵ Там же, стр. 4.

¹⁷⁶ Там же.

о соотношении соответствующих рукописей между собой; если же по каким-либо обстоятельствам изучение истории текста проводится без сопоставления реально существующих списков (как при восстановлении палеографических черт сгоревшего мусин-пушкинского списка «Слова о полку Игореве», пример которого приводит Приселков), то привлечение в этих случаях палеографических данных может иметь только второстепенное значение и не может не быть гипотетичным; 4) Приселков в своих построениях искажает то обстоятельство, что филологов-лингвистов не в меньшей степени, чем историков, может интересовать история текста изучаемой рукописи, этапы, которые он прошел до того, как преобразовался в текст исследуемой рукописи. Причем это относится не только к историкам литературного языка, но и к специалистам по исторической грамматике. Например, даже такая вследствие традиционности неинтересная по содержанию рукопись, как древняя рукопись евангелия, требует критического изучения текста, поскольку она может дать лингвисту материал, относящийся к разным языковым системам¹⁷⁷. Из всего этого следует: во-первых, изучение истории текста не является привилегией одних историков; во-вторых, привлечение, с этой целью палеографии не может быть основным методом исследования.

На этих вопросах можно было бы не останавливаться так подробно, если бы приведенные выше положения Приселкова не нашли своих продолжателей в трудах некоторых последующих палеографов. В критике своих предшественников — крупнейших русских палеографов начала XX в. — эти палеографы не только следуют за Приселковым, но за самостоятельную задачу палеографии выдают даже решение вопроса о подлинности рукописи. Из желания во что бы то ни стало критиковать крупных ученых прошлого и 20-х г. некоторые современные палеографы сознательно закрывают глаза на то, что ответ на вопросы, когда и где написана рукопись, является в то же время ответом на вопрос, подлинник это или под-

¹⁷⁷ См. например, Г. К. Г о л о с к е в и ч. Евсевиево евангелие 1283 года. Опыт историко-филологического исследования. «Исследования по русскому языку», т. III, вып. 2. СПб., 1914. (Здесь автор нашел в тексте материал, позволивший ему выявить болгаризмы, русизмы и украинизмы в рукописи).

делка. Если, например, всю рукопись с древней датой изготовил Сулакадзев в начале XIX в. или если дата в записи рукописи не соответствует времени написания рукописи, определяемому путем палеографического исследования, то вопрос о подлинности или подделке всей рукописи или ее части решается сам собой. Особой задачей палеографии он быть не может.

В 1936–1942 гг. курс палеографии в Историко-архивном институте в Москве читал А. Н. С п е р а н с к и й. Курс не был завершен и опубликован вследствие преждевременной смерти Сперанского¹⁷⁸. Некоторые историки считали, что этот курс «был первым опытом постановки курса палеографии в соответствии с требованиями современной науки. Развитие письменности в курсе А. Н. Сперанского было органически связано с экономическим, социальным и политическим развитием Русского государства»¹⁷⁹.

§ 3. Работа по палеографии Н. В. Степанова

В 1940 г. вышел в свет альбом снимков, составленный Н. В. С т е п а н о в ы м¹⁸⁰. Снимкам предпослана статья, содержащая краткий конспект курса палеографии. Конспект очень лаконичен, но в то же время содержателен, что можно видеть из нижеследующего перечня рассматриваемых в нем вопросов: о предмете и задачах палеографии, пергамене, бумаге, о водяных знаках на ней, свитках, столбцах, азбуке, надстрочных знаках, знаках препинания, уставе, полууставе, скорописи, о датировке рукописей (по внешнему виду письма и начертаниям букв), числах, летосчислении, о тайнописи. В конспекте (он составлен для слушателей военной академии) доступно и в то же время научно изложено основное из каждого раздела русской палеографии. Здесь нет вопросов, заново разработанных

¹⁷⁸ Л. В. Ч е р е п н и н. Русская палеография. М., 1956, стр. 68.

¹⁷⁹ Н. В. У с т ю г о в. [Рец.] Чаев Н. С. и Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1947. «Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 111.

¹⁸⁰ «Учебный палеографический альбом. Снимки с русских рукописей XI–XIII вв.». Вводная статья и транскрипция Н. В. Степанова. Изд. [Военно-политической] академии [Красной Армии им. В. И. Ленина], 1940; Транскрипция текстов к Учебному палеографическому альбому Н. В. Степанова. М., 1941.

самим автором, но выявляется отношение автора к затрагиваемым проблемам и их понимание. Хорошо изложены предмет и задачи палеографии: «Палеография — одна из историко-филологических дисциплин, изучающая памятники письменности с внешней стороны: знаки письма, т. е. буквы, их происхождение, изменение и распространение; она также изучает и все, связанное с письмом: материал, на котором нанесены эти знаки, орудие и способы письма и т. д. Следовательно, в область палеографии войдут, кроме рукописей — книг и документов, все надписи на печатях, монетах, всевозможных вещах, стенной живописи, иконах. Но из палеографии уже выделились самостоятельные дисциплины: сфрагистика, которая изучает печати и надписи на них; нумизматика, изучающая монеты, дипломатика и др. Поэтому обычно под палеографией разумеют науку о рукописях — книгах и документах прошлых лет, написанных каким-нибудь красящим веществом, чаще всего чернилами на пергаменте, бумаге, реже на бересте, досках.

Основная задача палеографии — пишет Степанов, — на основании изучения датированных рукописей определить время и место написания рукописей без даты. Для этого в датированных рукописях изучаются буквы, их изменение во времени, материал, на котором написаны эти рукописи, водяные знаки на бумаге, орнамент, миниатюры, краски; добытые сведения систематизируются, и по ним неизвестная рукопись относится к той или иной эпохе»¹⁸¹.

В альбоме Степанова на 77 таблицах воспроизведено около ста образцов почерка, а также глаголическая и кирилловская азбука. Около $\frac{3}{4}$ снимков посвящены скорописи, так как составитель альбома преследовал практическую цель: научить слушателей-историков читать архивные тексты. Этой же задаче служила транскрипция текстов, изданная отдельной книгой. Снимки в альбоме Степанова имеют лишь учебное значение, так как они, как правило, представляют воспроизведение из разного рода публикаций и учебных пособий. Этому обстоятельству автор не скрывает и дает соответствующие библиографические указания. В целом пособие Степанова явилось полезным вкладом в преподавание палеографии в рассматриваемый период.

¹⁸¹ «Учебный палеографический альбом...», стр. 3.

§ 4. Учебный альбом снимков А. М. Селищева

Годом раньше вышел альбом снимков, подготовленный А. М. С е л и щ е в ы м¹⁸² для студентов Института истории, философии и литературы. Задачей Селищева было составить сборник «с образцами письма XI–XVII вв., по которым студент мог бы развить навыки в чтении рукописей и в датировке их»¹⁸³. Всего приведено 30 таблиц снимков. Фотографирование, видимо, производилось не с рукописей, а с других снимков и было невысокого качества. Размеры снимков не соответствуют размерам оригиналов. Библиографических указаний при этом нет, называются только сами памятники письменности и их дата. Палеографических пояснений также нет. Но для учебных целей альбом этот все же полезен. Он составлен продуманно, так, что последовательность снимков дает наглядное представление о смене типов письма и об изменении начертаний букв во времени. С целью показать зависимость кириллицы от греческого унциала в альбоме воспроизведен столбец текста из греческого евангелия 980 г. Для иллюстрации связей восточнославянского письма с южнославянским даны снимки с южнославянских рукописей, написанных уставом, полууставом и скорописью. Помимо снимков с листов отдельных датированных рукописей Селищев представил в своем альбоме (по убывающей древности) образцы начертаний одной и той же буквы в рукописях разного времени (материал этот подобран не самим Селищевым, а воспроизведен из «Славянорусской палеографии» А. И. Соболевского).

§ 5. Вклад в палеографию И. Ф. Колесникова

В 1939 г. крупнейшим советским специалистом-архивоведом И. Ф. Колесниковым (1872–1952) была опубликована ценная статья по вопросам документального архивного письма. Колесников преподавал палеографию и архивоведение в Московском археологическом институте с 1908 г. и до закрытия института

¹⁸² А. М. С е л и щ е в. Образцы древнерусского письма XI–XVII вв. М., 1939.

¹⁸³ Там же, стр. 3.

в 1922 г. С 1917 г. по 1945 Колесников работал в Государственном архиве феодально-крепостнической России (ныне Центральный государственный архив древних актов). Затем Колесников снова вернулся к преподаванию, поступив в Московский государственный историко-архивный институт. Результатом его преподавательской работы явился «Конспект лекций по палеографии (1 и 2 курсы) в Московском археологическом институте» (М., 1910–1911 гг.), изданный вторым дополнительным изданием в 1913–1914 гг. Сохранилась также его рукопись «Курс русской палеографии, читанный в Московском археологическом институте в 1921–22 гг.»¹⁸⁴. В своих лекциях и еще более в разных публикациях Колесников уделял внимание преимущественно деловой письменности. Так, еще в 1908 г. Колесников участвовал в составлении для Московского археологического института «Сборника снимков с русского письма XIII–XVIII вв.»¹⁸⁵, в котором первым снимком шла грамота 1265 г. В 1913 г. альбом вышел вторым изданием, но уже был пополнен памятниками XI–XII вв.¹⁸⁶. Снимки в альбомах фотолитографированы в натуральную величину. В 1916 г. Колесников осуществил фототипическое издание с комментариями «Русской Правды» по Синодальному списку Кормчей книги 1282 (1280) г.¹⁸⁷. В период работы в Архиве древних актов Колесников сосредоточил свое внимание преимущественно на документальных материалах, написанных скорописью. В результате этого появились его работы: «Столбцы»¹⁸⁸, в которой рассматриваются вопросы столбцового делопроизводства, изданная посмертно «Экспертиза подметного письма»¹⁸⁹, в которой на основании дипломатическо-

¹⁸⁴ См.: Список научных трудов профессора И. Ф. Колесникова. «Труды Московского гос. историко-архивного ин-та», 7, М., 1954, стр. 237.

¹⁸⁵ Сборник снимков с русского письма XIII–XVIII вв. Изд. Моск. археологич. ин-та. Под ред. Н. А. Маркса и И. Ф. Колесникова. М., 1908.

¹⁸⁶ Сборник снимков с русского письма XI–XVIII вв. Изд. 2. Ч. 1 — под ред. И. Ф. Колесникова. М., 1913; ч. 2 — под ред. И. Ф. Колесникова и В. К. Клейна. М., 1913.

¹⁸⁷ «Русская правда» по Синодальному списку: текст и комментарии.

¹⁸⁸ «Архивное дело». М., 1939, № 2/50, стр. 28–59.

¹⁸⁹ «Труды Московского гос. историко-архивного ин-та», 7, стр. 209–222.

го и палеографического анализа устанавливается автор письма, и др. Наибольшее значение для палеографии имеет упомянутая выше статья 1939 г. «Палеография документальной (архивной) письменности»¹⁹⁰. Статья содержит некоторые важные теоретические положения, а также представляющий существенный вклад в палеографию раздел «Графика скорописи». В нем Колесников дает определение скорописи, анализирует особенности начертаний букв древнейшей скорописи — московской XV, XVI и XVII вв., затем кратко останавливается на новой московской скорописи XVIII в., западной (белорусской с центром в литовской великокняжеской канцелярии) и юго-западной (украинской). Колесников признает, что указанные им «графические особенности скорописи являются только схемой, или канвою, для дальнейших наблюдений в этой области над возможно большим количеством архивных материалов эпохи»¹⁹¹. Далее он делает важное методическое заключение: «Только на основе собранного обильного и разносторонне освещенного материала можно будет делать обоснованные выводы о скорописи, как типовом письме документальной письменности XV–XIX вв., и строить палеографию документальной письменности, именно важнейший из ее отделов — отдел графики»¹⁹². В этой статье кроме анализа графики Колесников дал краткий, но содержательный обзор изучения скорописи в России и библиографию сравнительно многочисленных снимков с рукописей, написанных скорописью.

Практическая работа архивиста побудила Колесникова в своих теоретических построениях учесть архивную практику. Так возникла теория о перестановке задач палеографии при анализе архивного материала XV и последующих веков и мысль о передвижении границ применения палеографии вплоть до XX в. Оба эти положения были восприняты последующими палеографами-историками и в отдельных случаях пропагандировались в огрубленной форме и уже без ссылок на Колесникова. Так, рассматривая задачи

¹⁹⁰ «Архивное дело». М., 1939, № 4/52, стр. 15–35.

¹⁹¹ И. Ф. Колесников. Палеография документальной (архивной) письменности..., стр. 26–27.

¹⁹² Там же, стр. 27–28.

палеографии, Колесников писал: «В палеографии документальной письменности, в отличие ее от книжной, наблюдается перемещение задач палеографического исследования по степени их важности. Книжная палеография основную свою задачу видела в определении времени и места написания рукописей недатированных на основании примет, выведенных из наблюдения над особенностями письма, материала, орнамента и тому подобных датированных рукописей. Документальная письменность в огромном большинстве своем датирована и место изготовления ее также известно. Основной задачей ее является научиться правильно читать скоропись, как типовое письмо ее, во всем разнообразии скорописных почерков, бытовавших в разное время на протяжении от XV до XX века: почерки центральных учреждений и местных, беловое письмо и черновое, так называемые дьячьи и всякие другие пометы на рукописях, сокращения и условные знаки, все графические особенности русской, украинской и белорусской письменности, и наконец, индивидуальные почерки исторических лиц»¹⁹³.

Из приведенной цитаты следует, что Колесников признавал существенное различие между древними недатированными рукописями, датировать которые можно лишь применением палеографического метода исследования, и сравнительно поздними бумажными документами, как правило датированными (или такими, дата которых может быть сравнительно просто установлена по водяным знакам на их бумаге). Главной задачей изучения последних является их правильное прочтение. Таким образом, исходя из специфики старых русских рукописей разных эпох, Колесников лишь переменил местами по степени важности задачи палеографического исследования этих рукописей. Это важно отметить, так как в дальнейшем в некоторых палеографических работах наметится неправильная тенденция к принижению задачи определения времени и места написания древних рукописей, независимо от того, к древнейшей или более новой эпохе развития русской письменности они принадлежат.

Другим важным моментом в палеографической теории Колесникова является расширение им границ применения палеографии,

¹⁹³ Там же, стр. 19 (разрядка Колесникова. — Л. Ж.).

так как он отнес к палеографии изучение скорописи XX в. и индивидуальных почерков исторических лиц. С этими положениями вряд ли можно согласиться, поскольку палеография по самому существу своему (об этом свидетельствует ее название) ориентирована на изучение древнего письма. Из этого не вытекает, что историков-архивистов не следует специально готовить для изучения и описания документов XIX–XX вв., но эта дисциплина даже с натяжкой не может быть названа палеографией. Главным здесь становятся, поскольку речь идет о почерках деятелей недавнего прошлого, графологические исследования, не имеющие непосредственного отношения к изменениям начерков отдельных букв во времени. По-видимому, крайней границей палеографии можно признать первую четверть XIX в., так как примерно с этого времени в России прекращается рукописание на бумаге с водяными знаками. Тем самым отпадает для исследователя один из важных аспектов палеографического изучения бумажных рукописей. Но в настоящее время, когда в наших архивах должно обрабатываться огромное количество материалов последних двух-трех веков, правильнее было бы прежде всего в практических целях выделить в самостоятельную дисциплину историю документальной (архивной) письменности. Это диктуется не только материалом исследования (исторические документы вплоть до наших дней) и задачами (подготовка квалифицированных архивных работников), но и изменением метода исследования, в частности большой долей дипломатики. При такой постановке вопроса о границе палеографии он не был бы острым, и сама палеография так и осталась бы наукой о древнем письме, как ей и надлежит быть. В 1956 г. Л. В. Черепнин предложил термин *н е о г р а ф и я*. «Может быть, — писал он, — наряду с термином «палеография» закономерно ввести в научный оборот термин «неография», обозначая им вспомогательную дисциплину, изучающую внешние признаки рукописных памятников с XIX примерно века, когда письменность приобретает ряд новых черт»¹⁹⁴.

Пока это предложение Черепнина не получило право гражданства. Но все свидетельствует о том, что имеется материал, не

¹⁹⁴ Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 574.

укладывающийся в рамки палеографии. Изучение этого материала должно быть выделено из палеографии, как в свое время выделились из нее нумизматика, эпиграфика, дипломатика и др.

§ 6. Учебник палеографии Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина

В 1947 г. вышел в свет учебник Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина «Русская палеография»¹⁹⁵. Книга Чаева и Черепнина задумана как учебное пособие для студентов Историко-архивного института и в соответствии с программой курса. На содержании этой книги нет необходимости останавливаться, так как она вышла достаточным тиражом сравнительно недавно и имеется в научных библиотеках и у многих специалистов. В этом пособии в значительной степени изложены материалы вышедших ранее курсов палеографии, что вполне допустимо для учебника. Но вместе с тем «Русская палеография» Чаева и Черепнина существенно отличается от них: 1) авторы уделили большое внимание актовой письменности и довели изложение палеографии скорописи до XVIII в. включительно; 2) в книге имеется довольно пространный глава II: «Основные этапы развития русской письменности XI–XVIII вв.», объем которой несоразмерно велик и почти равен объему основной для учебного пособия по палеографии главы IV: «Графика русских рукописей». Уже в этом издании наметилась у Л. В. Черепнина, написавшего главу II, тенденция к подмене палеографии (истории письма) историей письменности, что наибольшее выражение найдет позднее в изданной им в 1956 г. «Русской палеографии»; 3) как учебное пособие для высшей школы «Русская палеография» имеет тот существенный недостаток, что в ней употребляется очень нечеткая терминология в применении к фактам палеографии и по отношению к явлениям языка и письменности. От непонимания четкой терминологии Щепкина или из желания скрыть свою зависимость от «Учебника русской палеографии» В. Н. Щепкина Чаев дает свои определения, которые представляют собой шаг назад в истории

¹⁹⁵ Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1946 (на обложке — 1947).

развития русской палеографии и искажают в отдельных случаях суть явления. Так, например, Щепкин, характеризуя почерк XIV в., писал: «Каждая буква имеет своего рода «сигнальную часть», ту, по которой она с первого взгляда отличается. И вот, вследствие сокращения верхов, подъема перекладин и набухания петель, в новом стильном почерке сигнальные части у значительного количества букв сосредоточились вверху и т[аким] о[бразом] образовалась как бы одна общая сигнальная линия, по которой легко и быстро скользит глаз»¹⁹⁶. В положении Щепкина даны два разных понятия: сигнальная часть — по отношению к букве независимо от ее конфигурации и сигнальная линия — по отношению к сочетанию букв в тексте как своеобразная примета времени. Здесь же Щепкин употребил очень выразительный и наглядный термин «набухание петель» для характеристики таких начертаний букв **ь, ъ, ы, ѣ, б, в**, при которых петли этих букв (для буквы **в** речь идет только о нижней петле) увеличиваются по сравнению с верхней частью букв («сокращение верхов», по Щепкину). Чаев (этот раздел книги написан им) дает свое определение, в котором спутаны понятия «сигнальная линия» и «сигнальная часть» (рассматриваются как синонимы), вследствие чего получилось, что у п о ч е р к а есть сигнальная часть. Далее Чаев использует щепкинский термин «набухание петель», но толкует его совершенно неверно. Он пишет: «Такой почерк перешел и в XIV в. Для палеографа он представляет очень важную, своего рода «сигнальную часть», или «линию». Ее создают отмеченные выше сокращения верхних частей букв, подъем перекладин и как бы набухание петель (т. е. н е р о в н о е выписывание и нажим отдельных деталей букв). Эти признаки позволяют исследователю легко и быстро ориентироваться в уставных почерках указанного времени»¹⁹⁷. Примером искажения мысли и терминологии Щепкина является и такое определение: «Буква омега в XI столетии имела высокую середину, а в XII столетии — разведенную»¹⁹⁸. У Щепкина эта мысль пред-

¹⁹⁶ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 104.

¹⁹⁷ Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 139 (разрядка моя. — Л. Ж.).

¹⁹⁸ Там же, стр. 137.

ставлена так: «В 11-м веке омега почти без исключений имеет высокую середину ... (следуют примеры из рукописей — Л. Ж.). В первой половине 12-го века омега с высокой серединой еще встречается (следуют названия — Л. Ж.) ..., но отчасти в тех же рукописях встречается новый тип омеги: с сокращенной серединой, причем одновременно обе петли этой буквы по б[ольшей] ч[асти] разведены, вследствие чего середина представляет не пониженную черту, а пониженный угол»¹⁹⁹ (следуют примеры — Л. Ж.). Примеров такого рода неудачного и подчас тенденциозного пересказа палеографии Щепкина в книге Чаева и Черепнина можно привести много. Помимо неудачной палеографической терминологии в рассматриваемом пособии имеются случаи неправильного употребления лингвистической терминологии вроде следующих формулировок: «Буквы, фонетически свойственные древнеболгарскому языку»²⁰⁰; «пси — дифтонг или двойная согласная: пс»²⁰¹; столбец, в котором всего лишь перечислены буквы современного алфавита, четыре раза назван «Н а з в а н и е букв»²⁰², и др. Иллюстрирована книга явно недостаточно, начертания отдельных букв в самом тексте приведены не всегда точно. В конце имеется библиография²⁰³, приведенная к отдельным главам. Библиография составлена Е. Н. Даниловой. Этот раздел явился ценным пособием для самостоятельных занятий палеографией.

§ 7. Работы по частным или смежным с палеографией рукописей вопросам

Из исследований по частным вопросам палеографии, вышедшим в 30-е годы, нужно назвать статью С. И. М а с л о в а «Из истории русской филигранографии (Неизданная часть работы К. Тромина «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге». М., 1848)»²⁰⁴.

¹⁹⁹ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 100.

²⁰⁰ Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 138.

²⁰¹ Там же, стр. 137.

²⁰² Там же, стр. 156–159.

²⁰³ Там же, стр. 205–213.

²⁰⁴ «Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук», VII серия, 1934, № 3, стр. 225–234.

В это же время были опубликованы очень ценные работы академика А. С. Орлова в области эпиграфики²⁰⁵ и сфрагистики²⁰⁶, полезные также и для палеографов, занимающихся изучением рукописей.

В 1949 г. вышли две важнейшие для истории палеографии в СССР работы М. В. Бражникова, в которых рассматривается новый раздел палеографии — палеография древних крюковых музыкальных рукописей. Это работы: «Русские певческие рукописи и русская палеография»²⁰⁷ и «Пути развития и задачи расшифровки знаменного распева XII–XVIII веков. Применение некоторых статистических методов к исследованию музыкальных явлений». (Л.—М., 1949). В последней книге также рассматриваются вопросы палеографии церковно-певческих рукописей. Значение этих исследований велико не только для той специальной области палеографии, которой они посвящены, но и для палеографии русских рукописей древнейшего периода вообще.

§ 8. Указатели и описания архивов и отделов древних рукописей

После Великой Октябрьской социалистической революции произошло значительное перемещение древних книг и различных рукописных исторических документов из одних мест хранения в другие. Собrania частных лиц, а также собrania монастырские, церковные и им подобные в большинстве случаев влились в более крупные государственные хранилища древних рукописей и архивных фондов. Лишь в отдельных редких случаях некоторые небольшие частные коллекции древних книг погибли или разошлись по разным рукам. В последующие годы государственные хранилища обогащались поступлениями от частных лиц. В связи с этим рукописи стали более доступны для исследователей.

²⁰⁵ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.—Л., 1936; переиздана в 1952 г.

²⁰⁶ А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей (XI–XV вв. до 1425 г.). — В кн.: «Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, стр. 245–283. — В 1952 г. работа переиздана в книге, указанной в предыдущем примечании.

²⁰⁷ «Труды ОДРЛ», т. VII. М.—Л., 1949, стр. 429–454.

В настоящее время имеется пять крупнейших центральных хранилищ славянских и древнерусских рукописей. Три из них находятся в Москве (Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Государственный Исторический музей, Центральный государственный архив древних актов), два — в Ленинграде (старейшее русское книгохранилище — Библиотека Академии наук СССР и Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Менее значительны отделы рукописей в библиотеках других городов, при некоторых университетах, областных краеведческих музеях и архивах.

В связи с перемещением древних рукописных материалов основной задачей работников книгохранилищ стало составление новых описаний и указателей рукописей, что имеет большое значение для всех лиц, изучающих палеографию и использующих рукописные источники в своей работе, так как в старых публикациях и пособиях ссылки на местонахождение рукописей в значительной степени устарели и не соответствуют действительности. Это очень трудоемкая работа. Она требует привлечения многих исполнителей, объединенных единым руководством, или работы небольшого числа лиц в течение длительного времени. В подавляющем большинстве своем создаваемые описания, указатели и путеводители не дают читателю непосредственных палеографических сведений, а представляют лишь конечный результат палеографического исследования с кратко изложенными внешними данными рукописи и пометой времени, а иногда и места написания. Исключением в этом отношении явилось вышедшее в 30-х годах описание рукописей Московского государственного университета, самарских и минских собраний, произведенное В. Н. Перетцем²⁰⁸. К описанию приложена статья «К вопросу о современном состоянии рукописных фондов для истории древней русской и украинской литературы». Особое значение этого описания для палеографии состоит в том, что в этой работе часто приводятся палеографические мотивировки при установлении даты описываемой рукописи.

²⁰⁸ В. Н. Перетц. Рукописи библиотеки Московского университета, самарских библиотек и музея и минских собраний. — В кн.: «Описания рукописных собраний», вып. 3. Л., Изд-во АН СССР, 1934.

Глава V

ОЖИВЛЕНИЕ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ в 1950–1961 гг.

§ 1. Общая характеристика периода

С 50-х годов началось новое оживление палеографических исследований в СССР. В первую очередь это связано с открытием в 1951 г. принципиально нового типа памятников письменности — берестяных грамот, написанных не чернилами или красками, а только посредством продавливания или процарапывания бересты. Эти грамоты, начиная с 1951 г., ежегодно находят новгородская археологическая экспедиция АН СССР под руководством А. В. Арциховского (к концу 1962 г. обнаружено 415 грамот). Содержание берестяных грамот свидетельствует о гораздо более широком распространении грамотности среди различных кругов населения древней Руси, чем это предполагалось ранее. Значение этого открытия для истории культуры древней Руси и для истории письменности трудно переоценить. Найденные археологами грамоты стали тотчас же предметом пристального внимания историков, лингвистов и палеографов. Они в значительной степени способствовали возникновению новой волны в исследовании палеографии памятников письменности древнейшего периода. Другим обстоятельством, содействовавшим дальнейшему развитию палеографии, явилось возобновление лингвистами палеографических исследований, это оказалось возможным благодаря тому, что «новое учение о языке» Н. Я. Марра перестало быть единственным направлением в советском языкознании и лингвисты, сторонники сравнительно-исторического изучения языка, смогли заниматься конкретным исследованием развития языка по памятникам письменности. А это требовало овладения палеографическим методом исследования. Так к изучению палеографии памятников письменности подключилась новая группа работников, владевшая не столько палеографическим (выше отмечалось о прекращении па-

леографических исследований лингвистов в 30-е годы), сколько лингвистическим методом исследования рукописей.

Имел значение благодаря своим достоинствам и благодаря недостаткам, вызвавшим полемику в среде палеографов разных направлений, большой труд Л. В. Черепнина, названный «Русская палеография»²⁰⁹, но представляющий скорее развернутую историю русской письменности.

Необходимо отметить также начало применения в палеографических исследованиях принципиально новых методов работы, а именно фотоанализа в инфракрасных, ультрафиолетовых лучах и с помощью иных достижений современной науки.

В 50-е годы развивается изучение истории бумаги и филиграней рукописей. Первое место в этой области занимают труды С. А. Клепикова.

Наконец, нельзя не отметить некоторое оживление работы по изданию памятников письменности, осуществляемых фотомеханическими способами. Главная заслуга в этом принадлежит академику М. Н. Тихомирову. Такие издания дают материал для палеографических работ в научных центрах, не имеющих своих фондов древних рукописей, а это в свою очередь ведет к пополнению рядов исследователей палеографов и палеографически грамотных специалистов смежных наук (аналогичную роль, хотя и неизмеримо меньшую, играет распространение микрофильмирования рукописей в эти годы).

Все эти обстоятельства свидетельствуют о несомненном оживлении палеографии в рассматриваемый период.

§ 2. Ученые, работавшие в области палеографии берестяных грамот

В 1951 г. при археологических раскопках в Новгороде экспедиция, возглавляемая А. В. Арциховским, обнаружила ранее неизвестный тип памятников письменности — берестяные грамоты. Найденные до сих пор грамоты относятся к XI–XV вв. Кроме Новгорода такие же по типу письма берестяные грамоты были най-

²⁰⁹ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 1–616.

дены в Смоленске (1952 г.), Пскове (1958 г.) и Витебске (1959 г.). Имевшиеся в наших хранилищах берестяные книги относятся к XVII–XVIII вв. Они написаны чернилами на тонкой, разделенной на несколько слоев бересте. Поэтому исторические сведения о берестяных ханских ярлыках (XIII в.), о писании даже книг на бересте в XIV в. в Троице-Сергиевском монастыре воспринимались как свидетельства об обычном письме чернилами на материале, вышедшем позднее из употребления. Но новгородские берестяные грамоты написаны на бересте посредством надавливания на нее острым орудием, приводящим к деформации коры, и без применения красящего вещества. Тем самым, с палеографической точки зрения, берестяные грамоты не являются рукописями в обычном смысле слова, но приближаются по способу нанесения письма к надписям. Однако незначительная степень деформации материала и, главное, содержание берестяных грамот — частная переписка, официальные документы, разного рода записи, подчас весьма пространные, — не позволяют отнести новгородские берестяные грамоты к области эпиграфики. Таким образом, новгородские берестяные грамоты должны были бы стать предметом исследования какой-то промежуточной науки, смежной и с палеографией рукописей и с эпиграфикой. Пока материал берестяных грамот невелик по объему, среди них обнаружена лишь одна грамота с датой (грамота № 206), и хотя многие в течение прошедших десяти лет писали о грамотах, круг лиц, занимавшихся изучением самих начертаний грамот, остался весьма незначительным.

Первым исследователем палеографии новгородских берестяных грамот был академик М. Н. Тихомиров — большой знаток древнерусской письменности и палеографии (еще в 1919 г. он читал курс палеографии в Самарском университете для студентов-историков). Тихомиров в своих работах пользуется палеографическим методом исследования для уточнения времени и места происхождения той или иной рукописи. В годы Отечественной войны он заведовал отделом рукописей Государственного Исторического музея. После открытия в 1951 г. А. В. Арциховским новгородских берестяных грамот Тихомиров изучил их письмо и опубликовал результаты исследования в изданной совместно с А. В. Арциховским книге «Новгородские грамоты на бересте (из

раскопок 1951 г.)»²¹⁰. Арциховский писал об этой книге: «В настоящем издании текст грамот подготовлен к печати и комментирован членом-корреспондентом М. Н. Тихомировым. Им же по форме букв установлены палеографические даты. Даты эти для грамот № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 совпали с предварительными датами, грамоты № 1 и 10 оказались моложе, чем предполагалось, впрочем, не намного»²¹¹. Поскольку грамоты на бересте представляют особый вид письменности, по своему характеру, может быть более близкий к граффити, чем к пергаменным или бумажным рукописям, написанным скользящим орудием письма (пером) и чернилами, Тихомиров при датировке грамот естественно обратился к материалам новгородских граффити, описанных В. Н. Щепкиным. «По способу начертания буквы в грамотах на бересте, — отмечает Тихомиров, — ближе всего стоят к надписям граффити, сделанным по раствору, которым обмазывали стены древних зданий при их отделке. Такие надписи довольно многочисленны в Новгороде, имеются они и в других русских городах. Надписи сохранились в Новгороде на стенах башен Софийского собора; их было множество и на стенах разрушенной фашистами Волотовской церкви (XIV в.) и др. ... Уникальность новгородских грамот на бересте создает некоторые дополнительные трудности для их прочтения, так как палеографические наблюдения, сделанные на основании известной нам пергаменной и бумажной письменности, применимы к ним только частично. Буквы на берестяных грамотах дольше сохраняют геометрический характер, что связано с материалом и орудиями письма, так как выдавливать округлые линии на коре более затруднительно, чем писать, прямые. Эта палеографическая особенность грамот на бересте затрудняет их датировку и при поверхностном изучении может создать неправильное представление о времени их написания»²¹².

Оценивая работу Тихомирова, М. В. Щепкина писала: «Палеографический разбор грамот проведен очень тщательно; провере-

²¹⁰ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., Изд-во АН СССР, 1953.

²¹¹ Там же, стр. 9.

²¹² Там же, стр. 13.

но количество пропущенных знаков, что дает основание для предположений относительно утраченного или неясного текста. Но что касается самой датировки грамот, то, может быть, следует больше считаться с тем, что ряд начертаний на бересте запаздывает по сравнению с рукописными»²¹³.

Следующим палеографом, изучавшим палеографию новгородских берестяных грамот, явилась М. В. Щепкина. В настоящее время она — самый эрудированный и опытный советский специалист по русской палеографии. Свыше сорока лет проработала она в отделе древних рукописей Государственного Исторического музея и прошла школу таких выдающихся палеографов, возглавлявших этот отдел, какими были М. Н. Сперанский и особенно В. Н. Щепкин. М. В. Щепкина разрабатывает новый раздел — палеографию миниатюры, продолжая и развивая начатое в этой области В. Н. Щепкиным. Этому в значительной степени посвящены ее кандидатская диссертация «Лицевые царские рукописи времени Федора Иоанновича и Бориса Годунова»²¹⁴ и ряд других работ, в которых она наряду с традиционными вопросами палеографии освещает палеографию миниатюры: «Лицевой синодик XVII в.», из собрания ГИМ № 3822, «Макарьевское лицевое евангелие 1530–33 гг. Боровского Пафнутьева монастыря», «Лицевая псалтырь XIII в.», № 3 из собрания Хлудова и др. Для работ Щепкиной по миниатюре характерно то, что она подходит к миниатюре не только как историк, но и как палеограф, отмечающий в каждом изображении приметы времени²¹⁵. Щепкина занимается также «вещевой палео-

²¹³ М. В. Щепкина. [Рец.] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). Ред. Б. Д. Греков. М., Изд-во АН СССР, 1953. — «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 160.

²¹⁴ Рукопись. Гос. Исторический музей. М., 1945.

²¹⁵ Чисто исторический подход к миниатюре можно видеть в исследованиях А. В. Арциховского. См.: А. В. Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи. «Известия Гос. академии истории материальной культуры», т. XVIII, вып. 2. Л., 1932, стр. 3–38; е г о ж е. Миниатюры Синодального списка Никоновской летописи. — В кн.: «Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова». М., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 117–125; е г о ж е. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Изд-во МГУ, 1944, и др.

графией»: ей принадлежит исследование «Изображение исторических лиц в шитье XV века»²¹⁶. Щепкина хорошо знает водяные знаки древних рукописей. Ею доработана статья В. Н. Щепкина о водяных знаках²¹⁷ — руководство по датировке рукописей на основании водяных знаков бумаги. В традиционном плане лучших палеографических описаний прошлого выполнено Щепкиной палеографическое описание древнейшего памятника деловой письменности «Духовной Климента Новгородца»²¹⁸. Значительное место в истории русской палеографии занимают исследования Щепкиной о палеографических особенностях сгоревшей рукописи «Слова о полку Игореве». Провести сложное палеографическое исследование при отсутствии оригинала Щепкина смогла лишь потому, что ей детально известна палеография русских рукописей XV–XVII вв., а не только более древних памятников письменности. Таковы ее работы «К вопросу о неясных местах “Слова о полку Игореве”»²¹⁹, «Рукопись “Слова о полку Игореве”»²²⁰, «Замечания о палеографических особенностях “Слова о полку Игореве” (К вопросу об исправлении текста памятника)»²²¹, «К вопросу о сгоревшей рукописи “Слова о полку Игореве”»²²², «К вопросу о правописании рукописи “Слова о полку Игореве”»²²³.

Ценные замечания по вопросам палеографии новгородских берестяных грамот сделала Щепкина в своей рецензии на книгу А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова. Именно она отметила, что

²¹⁶ «Труды Гос. Исторического музея». Памятники культуры, вып. XII, М., 1954.

²¹⁷ В. Н. Щепкин и М. В. Щепкина. Палеографическое значение водяных знаков. «Проблемы источниковедения», VI, 1959, стр. 325–346.

²¹⁸ М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. «Труды Гос. исторического музея. Памятники культуры», вып. VIII. М., 1952.

²¹⁹ «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 192–195.

²²⁰ «Слово о полку Игореве». Б-ка поэта, большая серия. Л., 1952, стр. 290–293.

²²¹ «Труды ОДРЛ», т. IX. М.—Л., 1953, стр. 371–379.

²²² Там же, т. XI, 1955, стр. 39–47.

²²³ Там же, т. XIII, 1957, стр. 90–101.

типы письма в берестяных грамотах запаздывают. «Материал и приемы письма также способствуют этому: желание дать четкие знаки порою несколько обезличивает начертания; они должны быть определенны и выразительны, а потому писцы продолжают употреблять архаичные типы букв, как, например древнее «н» с диагональю сверху до низу, древнее «и» с прямой перекладиной посередине, так как они обеспечивают четкость письма. Поэтому мы не встречаем в данных грамотах типичных для пергаменных рукописей XIV в. начертаний с поднятыми перекладинами и сокращенными верхушками букв²²⁴. Эта вынужденная архаичность типов создает четкое, но обезличенное, бесстильное письмо и при отсутствии других показателей древности затрудняет временами определение века»²²⁵.

Следующее указание Щепкиной относительно датировки берестяных грамот крайне важно. Она пишет: «Надо заметить, что вряд ли в этих грамотах можно давать решительную датировку, если она не подкрепляется указаниями на исторические события и лица. Если в пергаменных рукописях при определении допускается ошибка до полувека, то в берестяных грамотах при их краткости и фрагментарности, при запаздывании типов их начертаний колебания в определении времени их написания могут быть и больше. Поэтому вряд ли следует особенно уточнять даты без специальных на то показаний»²²⁶.

Замечания Щепкиной по палеографии берестяных грамот еще долгое время будут направлять палеографов, работающих в этой области. Но с одним частным указанием Щепкиной, именно с одной из причин запаздывания начертаний берестяных грамот, вряд ли можно безоговорочно согласиться. Так, Щепкина соглашается с Тихомировым, что палеография берестяных грамот «ближе

²²⁴ Это замечание не вполне верно, так как уже в грамоте № 3 (т. е. из раскопок 1951 г.) имеются начертания с сокращенными верхушками букв **ъ, ъ, ы, ѣ** вследствие удаления (набухания) петель (см.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 44).

²²⁵ М. В. Щепкина. [Рец.] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, стр. 159–160.

²²⁶ Там же, стр. 160.

к вещевой палеографии, чем к палеографии рукописей. Действительно, — пишет она, — в последнем случае писец имел перед глазами оригинал и невольно или сознательно следовал его начертаниям и правописанию. Даже для надписей на вещах часто имелся готовый образец или прорись с него. Между тем берестяные грамоты нарезались без всякого образца; в их начертаниях прежде всего сказывались те приемы, которым человек обучился в юности. Благодаря отсутствию образца в берестяных грамотах также полнее, чем в пергаменных рукописях, отразился живой язык древней Руси. Итак, в силу того, что письмо здесь более самостоятельное, типы его несколько запаздывают»²²⁷. М. В. Щепкина как бы исходит здесь из предположения, что все авторы берестяных грамот — пожилые или старые люди. Это неверно. Среди них выявлены дети²²⁸ и юноши²²⁹. Кроме того, и это особенно важно, нельзя непременно предполагать, что оригиналы, с которых переписывались в древности рукописи, должны были представлять более новые почерки, чем переписываемые с них списки-копии. Скорее можно думать, что было как раз наоборот: в более древних рукописях и типы начертаний были древнее (исключение составляет, видимо, период так называемого второго южнославянского влияния).

Первая стратиграфическая датировка берестяных грамот²³⁰ принадлежит А. В. Арциховскому — их первооткрывателю. В публикациях грамот из раскопок 1952–1955 годов²³¹ Арцихов-

²²⁷ Там же, стр. 159.

²²⁸ А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. «Советская археология», 1957, № 3, стр. 215–223.

²²⁹ Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 77–85.

²³⁰ Первые научные сообщения об открытии берестяных грамот: А. В. Арциховский. Археологические открытия в Новгороде. «Вестник АН СССР», 1951, № 12, стр. 60–69; е г о же. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77–87.

²³¹ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

ский делает также и замечания о палеографии грамот. Ими, как правило, подкрепляется стратиграфическая датировка соответствующих грамот. Иногда отмечаются своеобразные начертания букв, встретившиеся в грамоте. Академик Б. А. Рыбаков, редактор книг Арциховского о новгородских берестяных грамотах (из раскопок 1952–1955 гг.), дает такую оценку исследованию палеографии берестяных грамот, которое проводит Арциховский: «Сам издатель грамот, А. В. Арциховский, до сих пор не дал ни сводной азбуки, ни анализа специфики начертаний на бересте, ни обзора общей эволюции берестяного письма. В ряде случаев А. В. Арциховский обнаруживает некоторую неосведомленность в отношении элементарных палеографических форм»²³². Эта оценка авторитетного ученого никак не принижает исторической заслуги Арциховского перед советской наукой как первооткрывателя и первого исследователя нового типа памятников письменности — новгородских берестяных грамот.

Ценные замечания по палеографии берестяных грамот имеются у самого Б. А. Рыбакова. Рыбаков давно занимается всесторонним исследованием древнерусских надписей в том числе их начертаний. Одной из первых его публикаций по эпиграфике была статья «К библиографии русских надписей XI–XV вв.»²³³. Здесь он, высоко оценивая эпиграфический материал как исторический источник, дает дополнения к книге А. С. Орлова «Библиография русских надписей XI–XV вв.». Б. А. Рыбаков сам изучал отдельные древнерусские надписи. В результате его исследований появились работы: «Надпись киевского гончара XI в.»²³⁴, «Овручские пряслица»²³⁵, «Іменні написи XII ст. в Київському Софійському

²³² Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? «Советская археология», 1961, № 2 стр. 151.

²³³ «Исторические записки», 1938, № 4, стр. 250–257.

²³⁴ «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», вып. XII. М.—Л., 1946, стр. 134–138.

²³⁵ «Доклады и сообщения исторического факультета Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова», вып. 4. М., 1946, стр. 21–31.

соборі»²³⁶, «Запись о смерти Ярослава Мудрого»²³⁷, «Раскопки в Любече в 1957 году»²³⁸ и др.

В статье «По поводу так называемых открытий Н. В. Энговатова»²³⁹, написанной совместно с В. Л. Яниным, Рыбаков своевременно выступил с критикой лженаучных утверждений Н. В. Энговатова, якобы открывшего древний русский алфавит, предшествовавший глаголице и кириллице. Этой работой Рыбаков и Янин вносят свой вклад в развитие методов нумизматических исследований. Так, они не останавливаются на существовании «открытий» Энговатова, как не заслуживающих серьезной научной критики. Острие своих замечаний Рыбаков и Янин направили на специалиста-нумизмата, принявшего всерьез ненаучные построения неквалифицированного работника, каким является пока Н. В. Энговатов.

В работах Рыбакова в области эпиграфики содержится фактический материал не только для собственно эпиграфики, но и для палеографии рукописей, хотя здесь этот материал не может быть использован непосредственно. Большее значение эти статьи имеют для палеографии берестяных грамот, так как эта область близка и к палеографии рукописей, и к эпиграфике. Рыбаков также изучал берестяной палеографический материал. Результатом этой работы явилось подлинно научное (а не формальное, как это бывает в большинстве случаев) редактирование фундаментальных изданий А. В. Арциховского. В подстрочных примечаниях редактора к изданиям грамот из раскопок 1952–1954 гг. имеется значительное количество палеографических замечаний. Специально палеографии новгородских берестяных грамот посвящен раздел «4. Палеография и А. В. Арциховский»²⁴⁰ в указанной выше статье, посвященной критике статьи А. В. Арциховского «О новгородской хронологии».

²³⁶ «Археология», т. I. Київ, 1947, стр. 53–64.

²³⁷ «Советская археология», 1959, № 4, стр. 245–249.

²³⁸ «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР», вып. 79. М., 1960, стр. 27–34.

²³⁹ Б. А. Рыбаков и В. Л. Янин. По поводу так называемых «открытий» Н. В. Энговатова. «Советская археология», 1960, № 4, стр. 239–240.

²⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? стр. 150–157.

Б. А. Рыбаков опубликовал витебскую берестяную грамоту²⁴¹, найденную там случайно рабочими при строительных работах. Пока это — единственная берестяная грамота, найденная в Витебске и написанная тем же способом письма, что и новгородские берестяные грамоты.

Единственная берестяная грамота XII–XIII вв., найденная в 1952 г. в Смоленске, опубликована Д. А. Авдусиным в статье: «Смоленская берестяная грамота»²⁴². Здесь дается ее описание, мотивированная датировка, воспроизведен текст грамоты. Авдусину принадлежат также работы о древнерусских надписях, ценные и для палеографии рукописей. Это статьи: написанная совместно с М. Н. Тихомировым «Древнейшая русская надпись»²⁴³ и «Раскопки в Гнездове»²⁴⁴, в которых рассматривается древнейшая русская надпись на глиняном сосуде, датированная первой четвертью X в.

Берестяная грамота, найденная в 1958 г. в Пскове Г. П. Гроздиловым (экспедиция Государственного Эрмитажа), еще не опубликована.

О палеографии берестяных грамот, найденных вне Новгорода, вследствие их малочисленности пока говорить трудно. Но как материал для сопоставлений они имеют важное значение.

По вопросам палеографии новгородских берестяных грамот выступил в печати также крупнейший советский историк древней русской литературы чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев. Ему принадлежат две содержательные рецензии на книгу А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова²⁴⁵ и на книгу А. В. Арциховского²⁴⁶. В по-

²⁴¹ Н. Н. Д р о ч е н и н а, Б. А. Р ы б а к о в. Берестяная грамота из Витебска. «Советская археология», 1960, № 1, стр. 282–283.

²⁴² «Советская археология», 1957, № 1, стр. 248–249.

²⁴³ Д. А. А в д у с и н и М. Н. Т и х о м и р о в. Древнейшая русская надпись. «Вестник АН СССР», 1950, № 4, стр. 71–79.

²⁴⁴ «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР», т. XXXVIII. М.—Л., 1951, стр. 72–81.

²⁴⁵ Д. С. Л и х а ч е в. [Рец.] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). «Советская археология», т. XIX, 1954, стр. 318–327.

²⁴⁶ Д. С. Л и х а ч е в. [Рец.] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). «Советская археология», т. XXVII, 1957, стр. 324–332.

следней рецензии Лихачев касается также работы Л. П. Жуковской о палеографии берестяных грамот²⁴⁷.

Так, Д. С. Лихачев делает ряд замечаний относительно оценки специфики начертаний берестяных грамот, данной Тихомировым. «Вряд ли можно согласиться с М. Н. Тихомировым, — пишет он, — что некоторые архаические написания в берестяных грамотах (букв «и» и «н») зависят от особенностей самого материала (стр. 14). Материал может затруднять письмо, исказить начерки, но не создавать искусственную архаичность... Иное дело, что буквы на бересте имеют несколько более прямой характер, так как округлые линии выдавливать на бересте затруднительно, но округлых линий в уставных или полууставных буквах «н» и «и» не было, и, следовательно, их архаичность в берестяных грамотах отнюдь не зависит от материала. Архаичность написаний берестяных грамот могла явиться следствием того, что писцами их выступали более демократические слои населения, менее опытные и понаторелые в письме, чем писцы церковные, и менее, следовательно, приверженные моде...»²⁴⁸.

В рецензии на книгу Арциховского о берестяных грамотах, открытой в 1952 г., Лихачев иначе, нежели Рыбаков, оценивает палеографическую работу Арциховского: «Палеографические замечания, которые приводятся в книге А. В. Арциховского, вполне компетентны и в целом не вызывают возражений. Есть только одно общее замечание, которое необходимо сделать как в отношении палеографической части книги А. В. Арциховского, так и особенно в адрес наиболее значительной работы по палеографии берестяных грамот, принадлежащей Л. П. Жуковской: в палеографических исследованиях надо шире приводить сравнительный материал датированных памятников... Эти сопоставления нужно делать с возможно большей точностью и об этом не следует забывать нашим палеографам»²⁴⁹.

²⁴⁷ Л. П. Ж у к о в с к а я. Палеография. — В кн.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955.

²⁴⁸ Д. С. Л и х а ч е в. [Рец.] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров... (из раскопок 1951 г.), стр. 322.

²⁴⁹ Д. С. Л и х а ч е в. [Рец.] А. В. Арциховский... (из раскопок 1952 г.), стр. 325.

В указанных рецензиях Д. С. Лихачев не только делает конкретные замечания, связанные с критикой положений предшествовавших исследователей берестяных грамот, но и выступает с некоторыми важными теоретическими положениями. Так, он придерживается точки зрения, что палеографы в своих датировках должны опираться на буквы новейшего начертания: «При датировке рукописей уставных, а отчасти и полууставных, архаические написания отдельных букв мало характерны, — датирующее значение имеют по преимуществу буквы новейшего начертания. Это объясняется тем, что уставные почерки мало индивидуализированы, писцы подражают старым почеркам, и лишь по отдельным невольным отступлениям можно определить время рукописи»²⁵⁰. С этим положением вряд ли можно безоговорочно согласиться. Скорее нужно считать, что датировка должна строиться на основании анализа совокупности типичных для данной рукописи начертаний, а не на единичных новшествах.

В своих рецензиях Лихачев явно преувеличил возможности датирования рукописей на основании археологических методов. «Состояние палеографии таково, — пишет он, — что спорить с археологами о времени написания той или иной грамоты в пределах до 50 лет довольно трудно. Датировки археологов, несомненно, точнее. Датировки же палеографов не лишены субъективизма»²⁵¹. С этим высказыванием не специалисту можно было бы согласиться, если бы только в последнее время не выявилось, что именно датировки археологов «не лишены субъективизма». Об этом наглядно свидетельствует полемика между А. В. Арциховским и Б. А. Рыбаковым по вопросам новгородской хронологии²⁵². Поле-

²⁵⁰ Д. С. Лихачев. [Рец.] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров... (из раскопок 1951 г.), стр. 322.

²⁵¹ Д. С. Лихачев. [Рец.] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров... (из раскопок 1951 г.), стр. 323.

²⁵² См.: Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. «Советская археология», 1959, № 4, стр. 82–106; А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. «Советская археология», 1959, № 4, стр. 107–127; Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»?,

мика археологов представляет интерес не только для археологии, она важна и для русской палеографии, так как вопрос датировки новгородских берестяных грамот все еще очень и очень сложен.

Рецензии Д. С. Лихачева содержат также конкретные замечания о палеографии отдельных грамот и тем самым вносят вклад в дело становления палеографии берестяных грамот.

В 1955 г. под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского, первого исследователя языка новгородских берестяных грамот в среде лингвистов²⁵³, вышел в свет коллективный труд языковедов «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот»²⁵⁴. Палеографический раздел в этой книге написан Л. П. Жуковской²⁵⁵. Ей же принадлежит раздел «Тексты грамот и переводы с разночтениями». Всего здесь рассмотрено 24 грамоты, опубликованные к тому времени Арциховским. В палеографической части подробно изучены начертания букв трех грамот, относящихся к разным векам. Остальные грамоты рассмотрены более кратко, в них обращено внимание лишь на наиболее интересные начертания. Весь палеографический анализ построен на изучении подлинников грамот. В заключение даны выводы общего характера о письме на бересте, выявлены черты, свойственные как письму острым предметом на бересте, так и чернилами на пергамене, наибольшее внимание обращено на специфику начертаний берестяных грамот. Рецензенты отметили следующие два недостатка в работе Жуковской: неуверенность в палеографической датировке, когда ее показания не совпадают с лингвистической (Курашкевич), и преувеличение влияния начертаний глаголической письменности (Булаховский, Лихачев). Так,

стр. 141–163; А. В. Арциховский. Ответ Б. А. Рыбакову. «Советская археология», 1961, № 3, стр. 122–136; Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. «Советская археология», 1962, № 1, стр. 113–139.

²⁵³ В. И. Борковский. Драгоценные памятники древнерусской письменности. «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 131–136; кроме этого, в ряде работ В. И. Борковский рассматривает языковые явления новгородских берестяных грамот, преимущественно синтаксис.

²⁵⁴ М., Изд-во АН СССР, 1955.

²⁵⁵ См.: «Палеографический и лингвистический анализ...», раздел «Палеография».

В. П. Курашкевич писал: «Л. П. Жуковская произвела детальный палеографический анализ всех 25 грамот, сделала новую их транслитерацию и транскрипцию, перевод на современный русский язык и критически рассмотрела все существующие разночтения. Ее выводы почти всегда убедительны, но она как будто отступает от своих хронологических заключений, когда они не совпадают с лингвистическими»²⁵⁶. Л. А. Булаховский отмечал: «Последнее положение автора, с принципиальной стороны правдоподобное, шире того, на что уполномачивают сами факты грамот»²⁵⁷.

Вопросов палеографии берестяных грамот в общих чертах Жуковская касается также в своей книге «Новгородские берестяные грамоты» (М., 1959, гл. II). Здесь же предложено чтение даты в тексте грамоты № 206 — 1263 год.

§ 3. Работы лингвистов в области палеографии рукописей

В 40-е годы в исследование палеографических вопросов включились лингвисты, но лишь в 50-е годы ими был осуществлен ряд публикаций по палеографическому обозрению отдельных рукописей. В 1957 г. в Трудах Института языкознания АН СССР вышли три работы, в которых в центре внимания стояли вопросы истории языка. Эти вопросы решались на материале рукописей XIV в., поэтому было необходимо проделать предварительный палеографический анализ рукописей с целью проверки даты и определения количества писцов, переписавших исследуемые рукописи. Установление числа писцов было очень важно для характеристики самих языковых фактов, выявленных на материале этих рукописей. Так, Т. Н. Кандауровой был обследован Псковский пролог

²⁵⁶ В. П. Курашкевич. [Рец.] «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., Изд-во АН СССР, 1955. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 123.

²⁵⁷ Л. А. Булаховский. [Рец.] «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., Изд-во АН СССР, 1955. — «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1956, т. XV, вып. 1, стр. 76.

1383 г.²⁵⁸, — рукопись ЦГАДА, О. А. Князевской — Московское евангелие 1358 г.²⁵⁹ — рукопись Государственного Исторического музея, Л. П. Жуковской — Галичское евангелие 1357 г.²⁶⁰ — также рукопись ГИМ. Палеографические описания в указанных работах различны по объему. Это объясняется в известной степени самим характером палеографического материала рукописей, исследованных разными авторами. Оказалось, что начертания отдельных букв в Галичском евангелии 1357 г. не играют существенной роли в определении границ работы его писцов. Поэтому автор исследования должен был прибегнуть к более детальному палеографическому анализу и анализу графики рукописи. Работа Князевской более традиционна. В ней содержатся важные для установления примет времени описания начертаний некоторых букв, причем делаются замечания не только о результате написания (т. е. о конфигурации уже написанной буквы), но и о самом процессе письма. Существенным недостатком всех трех публикаций является отсутствие в книге снимков с образцами почерков.

В рецензии Л. Л. Гумецкой²⁶¹ на три указанные работы было уделено значительное внимание палеографическим частям в них.

Ценное палеографическое описание рукописи XVI в., написанной на бумаге, представила Т. А. Сумникова в работе «Чудовский сборник XVI века (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника)»²⁶². В палеографическом

²⁵⁸ Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке Псковского пролога 1383 г.). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VIII, стр. 178–286.

²⁵⁹ О. А. Князевская. К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.). Там же, стр. 107–177.

²⁶⁰ Л. П. Жуковская. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.). Там же, стр. 5–106.

²⁶¹ Л. Л. Гумецкая. [Рец.] «Труды Института языкознания [АН СССР], т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1957, 517 стр.» — «Вопросы языкознания», 1959, № 1, стр. 118–119.

²⁶² В кн.: «Материалы и исследования по истории русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 118–176.

разделе рассматриваются внешний вид рукописи, почерк, надстрочные знаки. Особенностью самого материала диктуется наличие раздела о водяных знаках, который не мог иметь места в указанных выше трех описаниях рукописей XIV в., написанных на пергамене. Палеографическое описание Сумниковой выполнено тщательно, со знанием дела.

Консультантом по палеографическим частям указанных работ О. А. Князевской, Л. П. Жуковской и Т. А. Сумниковой была М. В. Щепкина.

Палеографическое исследование деловых документов Красноярского острога XVII — начала XVIII в. произвела Н. Е. Попова²⁶³. Ею выявлен 51 писец этих документов, определены годы работы каждого из них. К сожалению, в напечатанной части работы палеографический анализ занимает совершенно незначительное место. Уделено внимание лишь филиграммам. Однако само по себе появление названной лингвистической работы весьма симптоматично и свидетельствует о том, что и материалы местных архивов в 50-е годы стали объектом палеографического и лингвистического изучения.

Обстоятельно написанный раздел «Палеография» представлен в книге В. Е. Ушакова «О языке Устюжской кормчей»²⁶⁴. Ушаков выявил шестерых писцов, участвовавших в создании этой Кормчей (рукопись хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина), дал тщательную характеристику начертаний каждого из писцов и по приметам почерков счел возможным отнести эту недатированную рукопись к концу XIII в. В книге Ушакова воспроизведены в фотографиях образцы каждого почерка, что является необходимым для подобного рода работ, но выполняется далеко не всегда.

В настоящем разделе можно отметить также небольшую главу «3. Значение Остромирова евангелия для русской палеографии и истории письменности» в работе Л. П. Жуковской «Значение

²⁶³ Н. Е. Попова. О языке деловых документов Красноярского острога XVII в. — начала XVIII в. «Ученые записки [Красноярского пед. ин-та]». Кафедра русского языка, т. 13, вып. 1. Красноярск, 1958, стр. 98–143.

²⁶⁴ В. Е. Ушаков. О языке Устюжской кормчей XIII–XIV вв. Киров, 1961.

и перспективы изучения Остромирова евангелия (В связи с девятистолетием памятника)»²⁶⁵.

Рассмотренные палеографические исследования лингвистов свидетельствуют о том, что после долгого перерыва у нас появились новые кадры филологов, овладевающие методами палеографического исследования.

§ 4. «Русская палеография» Л. В. Черепнина

В 1956 г. вышла «Русская палеография» Л. В. Черепнина. Книга стала предметом обсуждения в кругах историков и работников архивов. Появились рецензии на нее, а это само по себе также оказалось полезным вкладом в развитие палеографической мысли в стране. Книга богато иллюстрирована и снабжена ценными указателями и подробным библиографическим аппаратом, приводимым подстрочно. Библиография доведена до последних лет. На совещании, посвященном обсуждению книги, главными задачами своей книги Черепнин признал следующие: «дать в одном учебном пособии историю развития русской письменности за несколько столетий и подвести итоги изучения русской палеографии предшествующего периода»²⁶⁶. Построение пособия явилось результатом критических замечаний, сделанных в свое время рецензентом по адресу первого печатного курса Н. О. Чаева и Л. В. Черепнина. Рецензия на издание 1947 г. была напечатана в журнале «Вопросы истории», следовательно, редакция этого руководящего печатного органа советских историков разделяла основные положения рецензента. Критикуя книгу Чаева и Черепнина, рецензент писал: «Расположение материала носит в ней формальный характер. История письменности излагается в отрыве от экономического, социального, политического и культурного развития русского государства. Правда, встречаются отдельные намеки на такую связь, но они не развиты надлежащим образом, не приведены в систему, разброса-

²⁶⁵ В кн.: «Исследования по лексике и грамматике русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 14–44.

²⁶⁶ В. П. Назарова, Р. Г. Осипова. О книге Л. В. Черепнина «Русская палеография». — «Информационный бюллетень [Главного архивного управления МВД СССР]. М., 1957, № 6, стр. 73.

ны. Авторы не установили органической связи между общественным и государственным развитием и развитием письменности. Для Л. В. Черепнина исходным пунктом является эволюция письменности самой по себе в разные периоды истории... Этот методологический прием (! — Л. Ж.) изложения темы следует признать неправильным. Правильнее было бы, если бы авторы, рассказав о зарождении славянской письменности, перешли к краткой характеристике общественного и политического развития Киевской Руси и на этом фоне показали развитие русской письменности того периода. Следовало охарактеризовать материал для письма (пергамен), дать представление о внешней форме рукописей, об их почерке (устав), орнаменте (старовизантийский), миниатюрах, описать сохранившиеся памятники письменности этого периода. Тогда получилось бы четкое представление о характере письменности в это время. Это было бы и методологически правильно, так как письменность в этом случае рассматривалась бы в органической связи с общественным и государственным развитием. В то же время изложение выиграло бы в четкости и ясности. Аналогичную работу следовало проделать и по другим периодам»²⁶⁷. Некритично следуя предложениям рецензента, Л. В. Черепнин и построил свою новую книгу. В результате палеографии не получилось, а получилась история письменности с непропорционально большим довеском палеографических данных.

Черепнин выделяет здесь: 1) палеографию памятников письменности древней Руси (XI — начало XII в.), 2) палеографию памятников письменности периода феодальной раздробленности (начало XII — конец XV в.), 3) палеографию памятников письменности времени русского централизованного государства (конец XV в. — конец XVII в.), 4) палеографию памятников русской письменности (конец XVII — конец XVIII в.), 5) палеографию памятников русской письменности первой половины XIX в., рассматривая эти палеографии в отдельных главах (см. 2–6 главы книги). Натяжки этой периодизации русской палеографии очевидны: граница

²⁶⁷ Н. В. Устюгов. [Рец.] Чаев Н. С. и Черепнин Л. В. Русская палеография, стр. 110–111.

«начало XII в.» является искусственной, период «начало XII в. — конец XV в.» — период мнимого единства. Незакономерность периодизации выявляется даже самим материалом книги Черепнина, в которой представлены обобщающие таблицы «Устав XI–XIII вв.», «Полуустав XIV–XV вв.», «Скоропись XV в.», «Скоропись XVI в.», «Скоропись XVII в.»²⁶⁸, никак не соответствующие общей периодизации, представленной в этой книге. Так подчинение внутренней эволюции письма хронологическим граням общей истории привело к тому, что палеография у Черепнина утратила свою специфику, а основные периоды ее развития, характеризующиеся временем господства устава, полуустава или скорописи, утратили внутреннее единство. Забыв, что палеография по своему смыслу есть учение о древнем письме, Черепнин незаконно раздвинул рамки палеографии, рассматривая в ней почерки отдельных авторов, классиков литературы, общественных деятелей и т. п. до середины XIX в. Столь широкое понимание предмета изучения палеографии возникло, видимо, в процессе подготовки студентов-архивистов. Эта потребность, закономерная сама по себе, должна удовлетворяться специальным пособием, она никак не оправдывает включения в книгу по палеографии всего, что необходимо для студентов Историко-архивного института. Заголовок книги обязывал автора излагать предмет, но он отошел от этой обязанности. Вместе с тем Л. В. Черепнин не уделил должного внимания материалам XVII в., которые недостаточно освещались и в предшествующих пособиях по русской палеографии. На совещании архивистов, посвященном обсуждению данной книги, к ее «недостаткам З. В. Крайская отнесла слабое освещение делопроизводственной документации XVII–XVIII вв., которая составляет наибольшую массу общего комплекса древних документов»²⁶⁹. Н. В. Устюгов также отметил: «По палеографии, где совершенно не разработаны приемы палеографического анализа делопроизводственных документов XVI–XIX в., нужно учебное пособие, заполняющее этот пробел. К сожалению,

²⁶⁸ Л. В. Черепнин. Русская палеография..., стр. 154–155, 244–245, 249–250, 362–363, 365–366.

²⁶⁹ В. П. Назарова, Р. Г. Осипова. О книге Л. В. Черепнина..., стр. 74.

Л. В. Черепнин не пошел по этому второму пути, и его «Русская палеография» не восполнила этот пробел»²⁷⁰.

В своей книге Л. В. Черепнин ошибочно определил задачи палеографии, это также содействовало тому, что его книга стала историей письменности, а не историей русского письма. Так, основными задачами палеографии он считает: 1) безошибочное чтение рукописных текстов (стр. 10 книги), 2) установление времени и места возникновения письменных памятников (стр. 10), 3) определение по почеркам авторов, писцов, переписчиков изучаемых рукописей (стр. 13), 4) решение вопроса о подлинности изучаемых рукописных памятников (стр. 13), 5) выявление составных частей источников и выяснение процесса их сложения (стр. 17), 6) реконструкцию текста памятников, сохранившихся в поздних списках (стр. 17), 7) определение внешних данных утраченных памятников (стр. 17). «Необходимо при этом помнить, — пишет Черепнин, — что эти задачи решаются прежде всего на основе анализа содержания рукописей. Изучение же внешних признаков рукописей дает лишь дополнительный материал для решения поставленных вопросов»²⁷¹. Нет необходимости еще раз останавливаться на ошибочности включения в палеографию некоторых из указанных Черепниным задач, так как об этом говорилось выше. Но необходимо отметить, что утверждение Л. В. Черепнина о том, что палеография изучает прежде всего содержание рукописей и что изучение внешних признаков рукописи является дополнительной задачей, совершенно неверно. Самый смысл палеографического исследования заключается главным образом в анализе начертаний буквенных знаков в древних памятниках. Об этом свидетельствует уже само название «палеография». Л. В. Черепнин смешивает здесь палеографию и текстологию.

Рецензенты неоднократно отмечали вульгарно-социологический подход к некоторым вопросам в книге Черепнина. М. Я. Волков и Е. А. Швецова указывали, что «связь социально экономических явлений с изменениями в письменности дается иногда из-

²⁷⁰ Н. В. Устюгов. [Ред.] Л. В. Черепнин. Русская палеография. «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 242.

²⁷¹ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 18.

лишне упрощенно и прямолинейно»²⁷². То же отметила Е. Э. Гранстрем: «Правильно признаваемый автором метод изучения истории письма в тесной связи с историей общества применяется им подчас несколько упрощенно, вследствие чего работа страдает налетом социологизма. Те или иные явления в истории письма не должны ставиться в непосредственную прямую зависимость от каких-либо изменений в общественном строе. Связь между этими явлениями сложна, ее не легко обнаружить»²⁷³.

Нельзя причислить к достоинствам рецензируемой книги неумеренное и часто ненужное сопровождение имен различных ученых XIX и начала XX вв. постоянными эпитетами «дворянский» или «буржуазный». Это не вскрывает сути дела и является в какой-то степени лишь характеристикой господствовавшей социально-экономической формации того времени, когда жил тот или иной ученый. Особенно досадно видеть этот недостаток потому, что в ряде случаев Л. В. Черепнин не дает критической оценки работ тех или иных исследователей и не указывает, можно ли и нужно ли пользоваться ими в конкретной работе. Стирая особенности научной методики отдельных палеографов, автор говорит о «ряде буржуазных ученых периода империализма» (стр. 54). К ним он относит, например, В. Н. Щепкина и Е. Ф. Карского, которыми гордится русская наука. Эти определения являются по меньшей мере неудачными, так как в своих работах указанные ученые не отражали взгляды буржуазии эпохи империализма. Видимо, склонность к неумеренному социологизму породила на стр. 148 книги следующую надпись под одной из иллюстраций: «Миниатюра Остромирова евангелия, изображающая писца за работой». Изображен же здесь евангелист Лука (об этом свидетельствует даже надпись художника XI в. на самой миниатюре), в мольбе воздевший руки к теленку (известный сюжет о святом духе, явившемся Луке в образе тельца: о чем опять-таки имеется соответствующая надпись на самой миниатюре). Характерно, что в первой книге — книге Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина — миниатюра, на которой изображен

²⁷² В. П. Назарова, Р. Г. Осипова. Указ. соч., стр. 73.

²⁷³ Е. Э. Гранстрем. [Рец.] Л. В. Черепнин. Русская палеография. «История СССР», 1958, № 2 (март—апрель), стр. 160.

евангелист Матфей с чистым листом в руках, сидящий за столом с письменными принадлежностями и светильником, — т. е. Матфей в роли писца, — была названа в соответствии с изображением: «Миниатюра (евангелист Матфей) из евангелия XVI в.» (См. Приложение, стр. 15).

Неправомерно преувеличивает Л. В. Черепнин значение фактов палеографии среди данных других исторических исследований. По его мнению, «палеография... должна своими конкретными наблюдениями способствовать достижению конечной цели всякого исторического исследования — раскрытию на конкретном материале объективных закономерностей развития общества» (стр. 572).

Недостаточно и в отдельных случаях неточно освещены Л. В. Черепниным вопросы связи палеографии и языкознания, хотя этому посвящен специальный параграф. Вызывает недоумение и употребление лингвистической терминологии. Автор правильно утверждает, что «вопросы датировки источников, установления места их написания и их авторов, выявления их литературного состава — все это решается совокупными усилиями палеографов, языковедов и историков» (стр. 26). Но при этом он забывает о той стороне изучения рукописей, которая является, с его же собственной точки зрения, основной задачей палеографии: он забывает о безошибочном чтении рукописных текстов. Между тем, именно для этой цели прежде всего необходимы палеографу сведения по истории того языка, на котором написана исследуемая рукопись. В связи с этим следует признать недостаточно ясной формулировку: «прочтению документа очень помогает знание особенностей русского языка изучаемой эпохи: словарного фонда, грамматики, синтаксиса» (стр. 562). Нужно было бы говорить о том, что правильное прочтение документа не в о з м о ж н о без основательного знания особенностей русского языка изучаемой эпохи. Автор не вскрывает различия между графикой и орфографией, хотя сделать это было необходимо. Понятие «орфография» вообще отсутствует в книге, а в понятие «графика» автор вкладывает различное содержание. В книге содержатся неточные и подчас сбивчивые сведения по истории письма вообще. Автор неверно говорит о следующих

типах письма (стр. 25): отдельно — о пиктограмме и идеограмме и вместе — о слоговом и звуковом письме. На стр. 79 говорится уже о двух типах письма: фонетическом и фигурном. Подобная нечеткость определений не может способствовать усвоению сведений о типах письма студентами. В работе нет различения буквы и звука, что в отдельных случаях вызывает досадные недоразумения. Так, автор пишет: «Константин, встретившись с русом, быстро начал понимать его и беседовать с ним, приноравливая его язык к своему по гласным и согласным буквам» (стр. 78). Досадным недосмотром является употребление прописной буквы *j* вместо *i* десятиричного (стр. 366). Иногда непоследовательно употребляются названия букв. Например, обычно «омега», но на стр. 486 та же буква названа «от», хотя в данном случае не идет речь специально о славянском названии буквы.

Значительно пополнена (но сравнению с «Русской палеографией» Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина) библиография. Привлечен материал последних публикаций, но имеются и пропуски, например, почему-то пропущены работы 1949 г. по палеографии певческих рукописей, принадлежащие М. В. Бражникову.

§ 5. Применение новых методов исследования в палеографии

В последние годы изучение палеографии древних рукописей, в частности изучение палимпсестов (новых текстов, наведенных позднее на соскобленный или смытый старый текст), а также угасших, подмоченных и заплесневевших рукописей, обогатилось в нашей стране применением новых методов, использующих достижения современной физики. Так, научный сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР в Ленинграде Д. П. Э р а с т о в разработал методы восстановления недоступных для обычного визуального изучения текстов при помощи фотографирования их в отраженных ультрафиолетовых или инфракрасных лучах, а также фотографирования видимой люминесценции документов, возбужденной средним ультрафиолетом, или при помощи фотографирования инфракрасной люминесценции

их²⁷⁴. В настоящее время в той же лаборатории ведется работа по выявлению слабых следов письма при помощи использования электронно-оптических преобразований, радиографии и др.²⁷⁵.

В процессе подготовки к изданию Институтом русского языка АН СССР текста Изборника 1076 года сотрудник этого института В. С. Голышенко и Д. П. Эрастов применили различные физические методы для восстановления первоначальных написаний этой важнейшей древнерусской рукописи и многочисленных стертых позднее надписей на ее полях. Текст был написан в XI в. бледными чернилами и сильно пострадал от многочисленных подновлений древнего письма: от химического оживления выцветшего письма, перепечатки чернил на соседние страницы и от размазывания контуров букв и др. Авторы так описывают свою работу по восстановлению исчезнувшего или неразборчивого текста: «Фотоанализ Изборника Святослава 1076 г. проводился в течение 1959 года. В процессе работы были использованы всевозможные средства, которые не были противопоказаны для рукописи. Фотоанализ такого памятника, как Изборник Святослава 1076 г., очень, трудоемкая работа. Обилие в этой рукописи разнородных дефектов требовало разграничения методов работы в зависимости от характера дефекта. Чтобы достичь наилучшего эффекта, дающего наиболее четкое чтение трудночитаемого текста, приходилось делать съемки одного и того же листа рукописи в различных условиях: в ультрафиолетовых, инфракрасных, зеленых лучах, в лучах собственной люминесценции, возбужденной ближним и средним ультрафиолетом с излучениями 365 мк, 313 мк, и при других условиях. Разнообразие средств обеспечило успех предпринятой работы. Теперь, когда не только все “сомнительные” для прочтения места, но и вся рукопись уже подвергнуты тщательному анализу, можно по достоинству оценить проделанную работу»²⁷⁶. Результа-

²⁷⁴ Д. П. Эрастов. Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М.—Л., 1958.

²⁷⁵ В. С. Голышенко, В. С. Люблинский, Д. П. Эрастов. Новейшие приемы фотоанализа на службе палеографии и источниковедения. «Проблемы источниковедения», IX. М., 1961, стр. 408–432.

²⁷⁶ Там же, стр. 420.

ты этой работы освещены в указанной статье трех авторов. Они сообщают: «С помощью специальной установки Д. П. Эрастова, усовершенствованной ультрафиолетовой лампой для люминесцентного анализа, и других методов удалось установить, что рукопись Изборника — не палимпсест»²⁷⁷. «С помощью фотоанализа стало возможным дать правильное чтение не только отдельных букв, но и слов»²⁷⁸. «Документальное подтверждение получило и предположение относительно изменения порядка следования тетрадей по сравнению с XI в.»²⁷⁹. «Большой интерес представляют выявленные на фотографии угасшие частично — или даже полностью — записи на полях, которыми изобилует рукопись. Появление некоторых из указанных ниже записей явилось для нас полной неожиданностью, — пишут исследователи, — так как при обычном освещении нет и следа их»²⁸⁰.

В результате фотоанализа Изборника 1076 г. выяснилось, что «страницы рукописи, оставшиеся в первоначальном облике — четкое, чистое письмо XI в., — составляют немногим более трети всей рукописи, в которой 551 страница»²⁸¹. Так принципиально новые методы — методы оптикофотографического изучения древних текстов — помогли окончательно установить, что Изборник 1076 г. — не подделка и не поздний памятник, а подлинная рукопись XI в., неоднократно подновлявшаяся в течение последующих веков и имевшая многочисленные приписки и пометы разного времени.

Чтение текста (с целью подготовки его к изданию) в условиях применения люминесценции и других методов фотоанализа производила В. С. Голышенко в Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук. Ею проделана огромная по трудоемкости работа, значение которой трудно переоценить. В. С. Люблинский, производивший аналогичную работу по восстановлению двух «безнадежных» средневековых латинских текстов, квалифицирует вопросы фотоаналитической методики чте-

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же, стр. 422.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Там же, стр. 419–420.

ния как относящиеся к «пограничной области источниковедения, палеографии, исторической библиографии (в ее текстологическом аспекте), а также лабораторно-реставрационной методики и фототехники»²⁸². Работа, сделанная Гольшенко, позволила восстановить первоначальный текст важнейшего и старейшего древнерусского памятника письменности XI в., значение которого для истории языка, для истории литературы, а благодаря своему содержанию и для истории народа, особенно велико потому, что Изборник 1076 г. не был переписан с южнославянского оригинала, но был создан древнерусским автором на древнерусской почве.

В Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР разработан также способ выявления и воспроизведения водяных знаков на древней бумаге посредством применения β -радиографического метода²⁸³.

Старые методы выявления и воспроизведения водяных знаков были крайне несовершенны и сводились практически к перерисовыванию отдельных знаков. При этом определение конфигурации водяного знака затруднялось наличием записанного на листе текста, отсутствием некоторых частей знака в рукописях малого и среднего формата, а также невозможностью учесть размеры, толщину, число линий в знаке, зафиксировать соотношение линий по тональности.

Большой специалист в области фотографирования различных материалов для научных целей, Эрастов, пишет: «Объективное фотографическое воспроизведение филиграней с документов, имеющих текст с одной и тем более с обеих сторон, представляет большое затруднение. При обычном фотографировании на просвет наряду с рисунками филигранны также прекрасно выходит и текст, который нарушает целостность рисунка и затрудняет его расшифровку»²⁸⁴.

²⁸² В. С. Л ю б л и н с к и й. Два трудных случая восстановления угасшего текста. — В кн.: «Новые методы реставрации и консервации документов и книг», М.—Л., 1958, стр. 149–150.

²⁸³ Д. П. Э р а с т о в. Бета-радиографический метод воспроизведения филиграней с документов. — В сб.: «Новые методы реставрации и консервации документов и книг...», стр. 139–148.

²⁸⁴ Там же, стр. 139.

Новый метод воспроизведения филиграней для их последующего изучения, разработанный Эрастовым, позволяет при несложном радиографическом оборудовании получать объективное и совершенное воспроизведение водяных знаков. Метод этот основан на том, что бумага на месте контуров водяного знака несколько (ничтожно) тоньше основной массы листа, и благодаря этому проходящее через нее излучение радиоактивного вещества оставляет соответствующий контур на фотобумаге. В отличие от обычного фотографирования этот метод позволяет восстановить детали водяного знака даже на листе, плотно записанном чернилами.

Так новейшие достижения точных наук в 50-е годы XX в. становятся на службу науки о древностях, вооружают ученых новыми точными методами и способами исследования.

В связи с применением новой техники фотографирования филиграней у неспециалиста, каким является автор настоящей работы, возникает только одно опасение: не проявятся ли в процессе дальнейшего хранения рукописей, подвергшихся облучению, какие-либо пагубные последствия от соприкосновения с эмульсионным слоем фотобумаги и, главное, с «активным слоем пластинчатого источника излучения»? Древнейшей (из числа сохранившихся) русской рукописи — Остромирову евангелию — недавно исполнилось девятьсот лет. Это событие Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина отметила как большой праздник русской письменности и культуры²⁸⁵. Подвергшемуся фотоаналитическому изучению Изборнику 1076 г. тоже скоро исполнится 900 лет. Нужно обеспечить такое сохранение всех древних рукописей и допускать только такие методы изучения их, которые позволят сохранить их для потомства еще на тысячи лет. Сама история Изборника 1076 г. показательна в этом отношении. Рукопись его была подновлена спустя несколько сот лет его существования. Результаты подновления, видимо, в первое время были неплохими. Но прошло еще несколько сот лет, и «Изборник» стал разрушаться: от одного способа подновления пострадал только текст, от другого — даже сам пергамен. Теперь в памятнике есть

²⁸⁵ Л. П. Ж у к о в с к а я. Юбилей Остромирова евангелия. «Вопросы языкознания», 1957, № 5, стр. 154–156.

выкрошившиеся места, которые уже никто никогда не восстановит. Этот пример лишний раз показывает, что использование для целей консервации и реставрации старых рукописей приемов и средств, которые не проверены временем, должно применяться в исключительных случаях и с большой осторожностью.

§ 6. Исследования по водяным знакам бумаги

В 50-е гг. вышли в свет важные исследования по отдельным частным областям русской палеографии. Первое место среди них занимают исследования и публикации С. Л. Клепикова по водяным знакам на бумаге.

После фундаментальных трудов Н. П. Лихачева в этой области, а также альбома И. Каманина и А. Витвицкой в свет не вышло ни одного серьезного исследования филиграней на бумаге (если не считать упомянутой выше статьи С. И. Маслова о неизданной части работы Тромонина), и только в 50-е годы появляются важные публикации на эту тему, принадлежащие С. А. Клепикову и некоторым другим авторам. Среди работ Клепикова важнейшими являются: «Филиграни и штампы бумаг русского производства XVIII–XX вв.»²⁸⁶, «Бумага с филигранью “Герб города Амстердама” (материалы для датировки рукописных и печатных текстов)»²⁸⁷, «Филиграни и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века» (М., 1959) — самый ценный фундаментальный труд Клепикова, и последний обзор: «Новые работы в области филигранологии»²⁸⁸.

К публикациям теоретического направления, развиваемого Клепиковым, относятся работы З. В. Участкиной «Водяные знаки русской бумаги»²⁸⁹ и М. В. Кукушкиной «Филиграни

²⁸⁶ С. А. Клепиков. Филиграни и штампы бумаг русского производства XVIII–XX вв. «Записки отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», вып. 13. М., 1952, стр. 57–122.

²⁸⁷ «Записки отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», вып. 20. М., 1958, стр. 315–352.

²⁸⁸ «Проблемы источниковедения», IX. М., 1961, стр. 433–438.

²⁸⁹ «Труды Института истории естествознания и техники», т. 12: История химических наук и химической технологии. М., 1956, стр. 312–337.

на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. (Обзор собрания П. А. Картавова)»²⁹⁰.

Во всех старых работах о водяных знаках на бумаге авторы вели исследования в таких направлениях: 1) рассматривали в деталях характер изображения — эмблемную часть водяного знака — и мало внимания обращали на литературное сопровождение знака (если оно было); 2) стремились к воспроизведению в своих трудах возможно большего числа датированных знаков; 3) не пытались устанавливать связь воспроизводимых филиграней с историей бумажных мельниц, бумаготорговли и пр. С. А. Клепиков наметил прямо противоположный путь исследований. Основным он ставит не изучение эмблемы водяного знака, а имеющегося при ней буквенного сопровождения — литер, которые могли обозначать фамилию фабриканта, купца-посредника, место изготовления бумаги и т. п. Такое изучение имеет известный смысл для определения бумаги поздних веков, на которой буквенное сопровождение сильно менялось при неизменности в общих чертах художественной эмблемы водяного знака. Для этого направления исследования потребовалось изучение некоторых вопросов производства бумаги. В этом отношении Клепиков использовал опыт и методику описания Н. А. Резцова, примененные последним в работах: «Бумага в России сто лет назад. III. Б. Писчебумажная промышленность»²⁹¹ и «Бумага в России до XIX столетия»²⁹².

З. В. Участкина критиковала «методику разгадывания филиграней», применявшуюся Резцовым и Клепиковым, и указала на некоторые частные ошибки в исследовании Клепикова. При этом она исходила из положения: «чтобы избежать ошибок в расшифровке русских филиграней, необходимо знать их историю и личные свидетельства о них владельцев русских бумажных мануфактур»²⁹³. Участкина в своей работе занялась изучением

²⁹⁰ В кн.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела б-ки АН», вып. 2. XIX–XX вв. М.—Л., 1958, стр. 285–353.

²⁹¹ Приложение к журн. «Писчебумажное дело». СПб., 1912, № 1–3, 5; описание филиграней только в № 5.

²⁹² Там же, 1912, № 8; 1913, № 1, 4, 6, 8, 9, 12; материал по водяным знакам на бумаге — № 1, 4, 6, 8 и отчасти № 9 за 1913 г.

²⁹³ З. В. У ч а с т к и н а. Водяные знаки русской бумаги, стр. 315.

дел мануфактур-коллегии и показала, что материалы по истории бумажного производства имеют важное значение и для изучения истории филигрanei. Критикуя положение ранней работы Клепикова о том, что в русских филигрaneях якобы «сочетание литер не подчинено никаким законам, в силу чего раскрытие их порой бывает затруднительно даже при условии знания происхождения и истории отдельных фабрик»²⁹⁴, Участкина показала, что «формирование содержания русских водяных знаков шло постепенно и к концу XVIII в. достигло определенной законной формы, знание которой, при наличии достоверной истории отдельных фабрик, позволяет обоснованно и правильно расшифровать русские филигрaneи»²⁹⁵.

В работе М. В. Кукушкиной метод изучения истории бумажного производства при исследовании филигрaneей оказался поставленным во главу угла, так как она в своей статье «Филигрaneи на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в.» материал водяных знаков расположила не по форме знаков, как это было принято в предшествовавших исследованиях водяных знаков, и не по алфавиту литерного сопровождения, как у Участкиной, а по времени возникновения отдельных бумажных фабрик. Клепиков, справедливо критикуя этот прием, отметил, что «архивисты ставят в упрек М. Кукушкиной расположение материала по времени возникновения отдельных мельниц. Такое расположение очень удобно для историков бумажного дела, но сильно затрудняет пользование этой работой как справочником»²⁹⁶.

Теоретические построения Клепикова имеют некоторые основания для анализа знаков бумаги поздних веков, изучением которой и занимается Клепиков, так как здесь сопровождающие знак буквы могут сильно меняться²⁹⁷. Но при этом необходимо учиты-

²⁹⁴ С. А. Клепиков. Филигрaneи и штемпели бумаг русского производства XVIII–XX вв., стр. 61.

²⁹⁵ З. В. Участкина. Указ. соч., стр. 316.

²⁹⁶ С. А. Клепиков. Новые работы в области филигрaneологии..., стр. 435.

²⁹⁷ См. работу С. А. Клепикова «Герб города Амстердама», в которой описано свыше 300 датированных вариантов этого знака с различным литерным сопровождением.

вать, что и в самом изображении эмблемы со временем меняются некоторые детали. Особенно важно, если появляются детали, отсутствовавшие ранее.

При практическом использовании книги Клепикова возникает некоторая неудовлетворенность, так как в ней не воспроизводится сам водяной знак (он только называется), а воспроизводятся, и то не всегда, сопровождающие знак буквы. Поскольку практический работник может иметь дело не с целым листом, где ясен весь знак, а лишь с частью его, то удобнее соотнести обнаруженную часть знака с его воспроизведением в альбоме водяных знаков, а не образовать его по названию знака в книге.

Воспроизведение знаков в альбомах, конечно, не лишено существенных недостатков. Новые методы выявления знаков, например, β-радиографическим методом, повысят точность воспроизведения водяных знаков. Какой способ подачи знаков в печатных пособиях победит — способ воспроизведения знаков полностью с их буквенным сопровождением (желательно при этом красками показывать новые детали в очертаниях знака), как это было традиционно в русской филигрaneологии, или же победит прием Клепикова — название материала — покажет будущее.

§ 7. Палеографические работы отдельных исследователей

Значительное место в области разработки некоторых вопросов славянорусской палеографии заняли работы Е. Э. Гранстрем. Автор капитального «Описания русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавско-лахийские, сербские» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Л., 1953), специалист по греческой палеографии, Гранстрем в славистике свое главное внимание направил на вопросы происхождения славянских алфавитов: кириллицы и глаголицы. Этому посвящены ее работы: «О связи кирилловского устава с византийским унциалом»²⁹⁸, «К вопросу

²⁹⁸ «Византийский временник», т. III. М.—Л., 1950, стр. 218–229.

о происхождении глаголической азбуки»²⁹⁹, «О происхождении глаголической азбуки»³⁰⁰.

По русской палеографии Гранстрем опубликовала статью «Сокращения древнейших славяно-русских рукописей»³⁰¹ и упоминавшуюся выше рецензию на «Русскую палеографию» Л. В. Черепнина. В первой указанной работе Гранстрем на основании анализа сокращенно написанных слов в древнейших славянских рукописях и сопоставления их с соответствующими словами в византийских текстах приходит к выводу, что у славян «сокращения древнейших рукописей употреблялись не только для сокращения священных слов»³⁰². «Применение сокращений в древнейших славяно-русских рукописях, — отмечает Гранстрем, — указывает на то, что уже очень рано, в XI веке, славяно-русская письменность развивается самостоятельно, независимо от греко-латинской письменности, что методы сокращений слов были уже тогда намечены своеобразные, не зависящие от каких-либо иностранных образцов, заимствования замечаются лишь в употреблении слов религиозного характера»³⁰³. Гранстрем выяснила, что число слов, представляющих собой самостоятельные славянские сокращения в кирилловских рукописях, в десять раз больше, чем в глаголических. С точки зрения Гранстрем, «разница в применении сокращений в глаголических и кирилловских рукописях подтверждает мысль о том, что глаголица была введена искусственно и больше связана с церковью, между тем как кириллица развивалась спонтанно и в меньшей мере была связана церковными традициями. Неясно еще, почему наибольшее число не зависящих от иностранных образцов сокращений обнаружено было в кирилловских рукописях русского происхождения»³⁰⁴.

Последнее обстоятельство особенно важно отметить. Оно свидетельствует скорее об особом, самостоятельном, развитии пись-

²⁹⁹ «Труды ОДРЛ», т. IX. М.—Л., 1953, стр. 427–432.

³⁰⁰ Там же, т. XI, 1955, стр. 300–313.

³⁰¹ Там же, т. X, 1954, стр. 427–434.

³⁰² Е. Э. Гранстрем. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей..., стр. 432.

³⁰³ Там же, стр. 433.

³⁰⁴ Там же.

менности на Руси в XI в., а не о различных путях развития кириллицы и глаголицы. Отсутствие самого материала сокращенных слов по древнейшим рукописям в статье Гранстрем не позволяет проверить ее выводы.

Правильными представляются мысли Е. Э. Гранстрем о пути развития полуустава и отдельные общетеоретические положения палеографии, которые в связи с этим она формулирует в рассматриваемой статье: «Тот или иной тип письма, новый, входящий в употребление и постепенно вытесняющий ранее употреблявшийся, возникает не сразу. Сперва в письме намечается более или менее определенная тенденция к развитию нового типа письма и лишь значительно позднее этот тип входит в употребление, а прежнее письмо уступает свое место новому. Поэтому я считала бы правильным при изложении истории русского письма начинать историю полуустава не с середины XIV века, как это обычно делается, а отмечать в памятниках более раннего времени тенденцию к развитию этого типа письма»³⁰⁵.

Из работ по частным вопросам русской палеографии заслуживает внимания также статья Н. Г. Королевой и А. К. Панфиловой «Из истории графики XVIII в.»³⁰⁶. Авторы изучили 76 документов XVIII в., из них 46 подлинников, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, выявили начертания первой половины XVIII в., второй половины XVIII в., сопоставили их с начертаниями букв XVII в. и сделали краткие выводы об эволюции начертаний букв в XVIII в. Ценно при этом, что внутри почерков XVIII в. авторы пытались произвести группировку по месту, а не только по времени. К статье приложена таблица образцов начертаний букв первой половины XVIII в., второй половины XVIII в. и выносных букв соответствующих периодов; (выносные даны в виде двух дополнительных столбцов). Статья Н. Г. Королевой и А. К. Панфиловой представляет значительный интерес. Досадным недосмотром кажется в ней за-

³⁰⁵ Е. Э. Гранстрем. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей... стр. 431–432.

³⁰⁶ «Труды Московского гос. историко-архивного ин-та», т. 10. (Сборник студенческих научных работ). М., 1957, стр. 408–411.

головки таблицы: «Алфавит русской скорописи XVIII в.» Конечно, никакого особого алфавита здесь нет. Речь идет лишь об образцах начертаний букв. В целом статья является полезным вкладом в палеографию русских рукописей XVIII в.

Статья С. А. Рейсера «Некоторые вопросы палеографии нового времени», с нашей точки зрения, не имеет отношения к палеографии³⁰⁷. Автору статьи кажется ненормальным положение, что «изучение палеографии, в частности русской, издавна и традиционно ограничивается давно прошедшими временами»³⁰⁸. Рейсер не вникает в существо палеографии и говорит о ней в крайне неопределенных выражениях: то относит к ней изучение путей и способов эволюции письма («Палеография древнерусских памятников стремится учесть и обработать данные по возможности всех старых памятников, чтобы яснее представить себе пути и способы эволюции письма»³⁰⁹, то считает палеографию вспомогательной исторической дисциплиной «об особенностях письма (!) и его материале»³¹⁰, то утверждает, что «к области палеографии относится и проблема установления аутентичности документов». Далее Рейсер говорит, что палеографический анализ может дополнять биографический (!) анализ и что «палеографический анализ используется в криминалистике», имея в виду в последнем случае, очевидно, судебную экспертизу рукописного текста документов в криминалистике.

В статье Рейсера имеется правильное положение о том, что «было бы ошибочным механически переносить предмет и метод древнерусской палеографии на новое время»³¹¹. Но при этом под предметом он имеет в виду объем подлежащего изучению материала (стр. 393), а при рассмотрении вопроса о методе смешивает метод установления фактов и определения закономерностей, с одной стороны, и, с другой стороны, методику изложения мате-

³⁰⁷ «Проблемы источниковедения», Х. М., 1962, стр. 393–437.

³⁰⁸ Там же, стр. 393.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же, стр. 394.

³¹¹ Там же, стр. 393.

риала. Он утверждает: «Если палеография древнего и средневекового периода идет путем индукции, то для нового периода поневоле приходится прибегать к дедуктивному методу изложения»³¹² — и далее без достаточных к тому оснований цитирует О. А. Добиаш-Рождественскую и В. Н. Щепкина.

В отдельной главе «Из истории русской графики», которая может показаться имеющей отношение к палеографии, Рейсер ставит знак равенства между такими основными понятиями, как письмо, шрифт и почерк (стр. 431–432). Для научной статьи это по крайней мере странно. Автор приводит много любопытных цитат из русской художественной литературы XIX–XX вв. и различных воспоминаний, но относящиеся к теме статьи собственные замечания автора подчас удивляют. (Например, «с точки зрения палеографа, запись карандашом издавна и справедливо считается стоящей ниже чернильной записи»³¹³. Палеограф не оценивает материал «выше» или «ниже», а изучает его; что такое «издавна» в этом контексте?).

Насколько изучил автор вопросы письма нового времени, свидетельствует нижеследующее положение автора: «Следует иметь в виду, что ручное письмо всегда отличается от рисунка печатных литер, но тем не менее с т а р а е т с я им, в меру возможного, п о д р а ж а т ь»³¹⁴.

Выдающееся явление среди разного рода указателей, путеводителей и описаний рукописных собраний представляет собой фундаментальный труд коллектива работников Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, возглавляемого И. М. Кудрявцевым: «Музейное собрание рукописей. Описание. Том I, № 1 — № 3005» (М., 1961).

Особенностью Музейного собрания Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина является его пестрота. «В “Музейном собрании” откладывались самые разнообразные материалы, какие только поступали в Отдел рукописей за дол-

³¹² Там же, стр. 430.

³¹³ Там же, стр. 408.

³¹⁴ Там же, стр. 431 (разрядка моя. — Л. Ж.).

гие годы его существования»³¹⁵. По времени сюда вошли рукописи с XI в. (знаменитое Архангельское евангелие 1092 г. и Минеи XI в.) по 80-е годы XIX в. По содержанию в Музейном собрании представлены памятники исторические, литературные, научная и учебная литература, богослужебные книги, древние нотные рукописи и т. д. Все это предъявляло особые требования к авторам описания и к построению самого описания. Так, с целью сохранить старые шифры рукописей, под которыми многие из них уже вошли в научную литературу, авторы описания отказались от систематизации рукописей. Систематизация создала бы лишние затруднения для читателей и надолго замедлила бы работу по составлению описания. Отказ от систематизации позволил полнее раскрывать содержание различных сборников (известно, что при систематическом описании читатели не всегда получают представление о сборнике в целом, так как частные темы сборников иногда выпадают из поля зрения составителей систематических описаний). Различные систематические указатели, имеющиеся в томе (хотя и не во всем точные) облегчают использование описания отдельными специалистами, которые, естественно, подходят к рукописям с разными интересами.

Авторы описания Музейного собрания поделили работу в соответствии со своей основной специальностью. Благодаря этому каждая рукопись получила разностороннюю квалифицированную характеристику.

Книга хорошо иллюстрирована. Палеографическая сторона описания выполнена в целом хорошо. Особенно она ценна тем, что авторы описания не просто датируют рукописи, но и мотивируют свою датировку. Причем для древнейших рукописей (их описал Н. Б. Тихомиров) приводятся не только палеографическая и лингвистическая мотивировка даты и места написания рукописи, но и краткое изложение точек зрения предыдущих исследователей описываемой рукописи. Все это делает описание Музейного собрания ценным приобретением для археографии в целом и для палеографии в частности.

³¹⁵ Музейное собрание рукописей (Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина). Описание, т. I. М., 1961, стр. 5.

* * *

Развитие русской палеографии в 50-е годы XX в. свидетельствует о том, что в эти годы после двадцатилетнего периода застоя изучение палеографических вопросов возобновилось. В настоящее время на очереди стоят следующие задачи: 1) составление и издание альбомов с факсимильным воспроизведением начертаний букв из основных датированных рукописей (для древнейших веков пергаменной письменности, для которых единственным средством определения времени и места происхождения служит палеография, желательное привлечение материала всех датированных рукописей); 2) создание палеографии берестяных грамот; 3) создание учебника по русской палеографии, основанного на изучении всего 150-летнего теоретического и практического опыта отечественной палеографии и современных зарубежных работ.

Это, видимо, — основные задачи. Что касается частных, то их множество.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Авдусин Д. — 164
 Адрианова-Перетц В. П. — 138, 159
 Александр — см. Денисов А.
 Алексеев П. А. — 38
 Анастасевич В. Г. — 64
 Арциховский А. В. — 154–167

 Бантыш-Каменский Н. Н. — 45, 47, 60
 Бардин А. И. — 56, 57, 132
 Баргенов П. И. — 87
 Бархударов С. Г. — 138
 Беляев И. С. — 99, 100
 Бодянский О. М. — 91
 Болтин И. Н. — 41, 44
 Болховитинов Е. А. — 55, 56, 58–61, 68
 Борковский В. И. — 135, 161, 167
 Бороздин К. М. — 55
 Бражников М. В. — 152, 177
 Брандт Р. Ф. — 113, 114, 118
 Булаховский Л. А. — 167, 168
 Буслаев Ф. И. — 90, 97, 98, 105, 125, 127
 Бутовский В. — 97
 Бычков А. Ф. — 90
 Бычков И. А. — 135

 Валк С. Н. — 137
 Витвицкая А. И. — 101, 182
 Волков М. Я. — 174
 Востоков А. Х. — 36, 54, 55, 58, 63, 68–71, 89, 107

 Георгиевский Г. П. — 115, 135
 Голоскевич Г. К. — 141
 Гольшенко В. С. — 178–180
 Горский А. В. — 75, 88–90, 93
 Гранстрем Е. Э. — 175, 185–187
 Греков Б. Д. — 158
 Гроздилов Г. П. — 164
 Гумецкая Л. Л. — 169

 Данилова Е. Н. — 151
 Денисов А. — 34, 35, 37, 38
 Добиаш-Рождественская О. А. — 39, 40, 189
 Дроченина Н. Н. — 164
 Дружинин В. Г. — 37, 38
 Дурново Н. Н. — 135

 Евгений — см. Болховитинов Е. А.
 Ермолаев А. И. — 47, 48, 54–56, 59, 68, 69
 Есипов Г. В. — 99

 Жуковская Л. П. — 57, 161, 165, 167–170, 181

 Иванов Д. И. — 55
 Иванов П. И. — 75, 76

 Калайдович К. Ф. — 52, 58, 60–65, 74
 Каманин И. М. — 100, 101, 182
 Кандаурова Т. Н. — 168, 169
 Карамзин Н. М. — 45, 47, 51–55, 58

 Каринский Н. М. — 118–123, 135
 Карский Е. Ф. — 26, 28, 51–53, 92, 106, 109–113, 121, 129, 130, 135, 175
 Картавов П. А. — 183
 Каченовский М. Т. — 57
 Кеппен П. И. — 58, 63, 64
 Клейн В. К. — 145
 Клепиков С. А. — 155, 182–185
 Клин О. Ф. — 90
 Князевская О. А. — 169, 170
 Козловский М. М. — 71, 120
 Колесников И. Ф. — 144–147
 Колчин Б. А. — 167
 Королева Н. Г. — 187
 Крайская З. В. — 173
 Кудрявцев И. М. — 189
 Кузьмина В. Д. — 132
 Кукушкина М. В. — 182, 184
 Курашкевич В. П. — 167, 168

 Лаврова М. С. — 123
 Лавров П. А. — 92, 123–125, 130, 133, 135
 Лаптев И. П. — 66–68, 98
 Лихачев Д. С. — 46, 57, 138, 164–167
 Лихачев Н. П. — 98, 99, 182
 Ломоносов М. В. — 43
 Люблинский В. С. — 178–180

 Майков В. В. — 100
 Малиновский А. Ф. — 46, 47
 Маркс Н. А. — 145
 Маслов С. И. — 151, 182
 Меншиков А. И. — 90
 Миллер Г. Ф. — 38, 41
 Михайлов М. И. — 116–118
 Моисеева Г. Н. — 43
 Мусин-Пушкин А. И. — 45–49, 52, 56

 Назарова В. П. — 171, 173, 175
 Невоструев К. И. — 75, 88–90, 93
 Николаева А. Т. — 32
 Никольский Н. К. — 64
 Новиков Н. И. — 44, 45

 Обнорский С. П. — 138
 Оленин А. Н. — 47–50, 55, 56
 Орлов А. С. — 130, 136, 137, 152, 158, 162
 Осипова Р. Г. — 171, 173, 175

 Панфилова А. К. — 187
 Папенгут А. Ф. — 123
 Перетц В. Н. — 153
 Петров М. — 34
 Петров П. Я. — 90
 Покровская В. Ф. — 57
 Покровский М. Н. — 136
 Попова Н. Е. — 170
 Попов Н. П. — 88
 Приселков М. Д. — 139–141
 Прозоровский Д. И. — 102, 103
 Пташицкий С. — 109
 Пыпин А. Н. — 70

 Резцов Н. А. — 183
 Рейсер С. А. — 188, 189
 Розов Н. Н. — 27, 56
 Румянцев Н. П. — 55–58, 60, 62, 69, 71
 Рыбаков Б. А. — 162–167

 Сахаров И. П. — 75–88, 99
 Свирин А. Н. — 98
 Селищев А. М. — 144
 Соболевский А. И. — 26, 92, 105–111, 113, 121, 126, 129, 130, 134, 135, 144
 Соколова М. А. — 135
 Сперанский А. Н. — 142

¹ В Указатель имен включены имена только отечественных исследователей, работавших в области палеографии или в смежных областях.

- Сперанский М. Н. — 56, 131–133, 135, 158
 Срезневский В. И. — 95
 Срезневский И. И. — 26, 51, 52, 55, 71, 89, 90, 92–96, 99, 103, 105, 106, 113, 119, 121
 Стасов В. В. — 97, 98
 Степанов Н. В. — 142, 143
 Строев П. М. — 58, 64, 65
 Сулакадзев А. И. — 56, 57, 132, 142
 Сумникова Т. А. — 169, 170
- Татищев В. Н. — 41, 43
 Тихомиров М. Н. — 137, 155–160, 164–166
 Тихомиров Н. Б. — 190
 Тихонравов Н. С. — 37, 38, 64, 102, 105
 Толстой Ф. А. — 56, 64, 65
 Тромонин К. Я. — 66, 67, 98, 151, 182
 Трусевич Я. И. — 114, 115
- Ундольский В. М. — 62, 72–75, 99, 113
 Устюгов Н. В. — 142, 172–174
 Участкина З. В. — 182–184
 Ушаков В. Е. — 170
- Федосеев Л. — 34, 35
 Фортунатов Ф. Ф. — 120, 125
 Фролов П. К. — 56
- Хлудов А. И. — 158
- Церетели Г. Ф. — 109
- Чаев Н. С. — 142, 149–151, 171, 175, 177
 Черепнин Л. В. — 31–33, 74, 142, 148–151, 155, 171–177, 186
- Швецова Е. А. — 174
 Шляпкин И. А. — 116–118, 123
- Щепкина М. В. — 46, 128, 157–161, 170
 Щепкин В. Н. — 26, 29, 30, 92, 121, 125–134, 149–151, 157–159, 175, 189
 Щербатов М. М. — 41, 44, 45, 54
- Энговатов Н. В. — 163
 Эрастов Д. П. — 177–181
- Ягич И. В. — 92, 103–105, 120, 124, 127
 Янин В. Л. — 163

Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.)*

Настоящая работа основана на изучении рукописи Государственного исторического музея (Собрание Патриаршей библиотеки № 68), так называемого Галичского евангелия 1357 г. В ходе исследования также привлекались материалы современных русских говоров на территории Галичского и прилегающих к нему районов Костромской области, собранные диалектологическими экспедициями Ярославского государственного педагогического института и Галичского учительского института в 1945–1949 гг. Анализу фонетики предшествует палеографическое описание рукописи, имеющее целью ознакомить с памятником вообще и, главное, определить число писцов, принимавших участие в его создании, и по возможности точнее установить границы работы каждого из них. Весь последующий лингвистический анализ построен на различении материалов, относящихся к каждому из четырех писцов Галичского евангелия 1357 г.

До настоящего времени язык этой рукописи не был описан, имеются лишь небольшие палеографические замечания о ней в труде А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей...»¹ и в «Древних памятниках русского письма и языка»

* Впервые опубликовано: Жуковская Л. П. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957. Т. VIII. С. 5–106.

¹ [А. В. Горский и К. И. Невоструев]. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отдел первый. М., 1855, стр. 221–223.

И. И. Срезневского². Еще более краткие замечания об этой рукописи содержатся в работах Г. А. Воскресенского³. Рукопись Евангелия 1357 г. была знакома академику А. И. Соболевскому, так как ссылку на нее он делает в своих «Лекциях по истории русского языка»⁴.

Снимок с рукописи издан Саввой⁵, заставка и некоторые инициалы помещены в альбоме В. В. Стасова⁶.

Более подробных указаний на особенности языка и письма этой рукописи в научной литературе нет. Между тем исследование ее должно представлять значительный интерес потому, что древние памятники Ростово-Суздальской земли, особенно северо-восточной ее части, сохранились в небольшом количестве и притом изучены мало. Можно указать лишь работы В. И. Борковского о языке Суздальской летописи⁷, П. С. Кузнецова о Переяславском евангелии 1354 г.⁸, кандидатскую диссертацию К. И. Ходовой о лексике Жития Нифонта по списку 1219 г.⁹ Кроме того, имеется несколько исследований о языке московских памятников, которые отражают говор Москвы, представлявшей в то время юго-западную

² И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. Общее повременное обозрение. Изд. 2-е. СПб., 1882, стр. 213.

³ Г. А. Воскресенский. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с различиями из 108 рукописей евангелия XI–XVI вв. Сергиев Посад, 1894, стр. 49–50; его же. Характеристические черты четырех славянских переводов евангелия от Марка по 112 рукописям евангелия XI–XVI вв. М., 1896, стр. 39–40.

⁴ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907.

⁵ «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI–XVII вв.». Издал Савва, епископ Можайский. М., 1863, табл. лѧ.

⁶ «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени». Собрал и исследовал Владимир Стасов. СПб., 1884, табл. 87.

⁷ В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. «Труды комиссии по русск. яз.», т. I. Л., 1931.

⁸ П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. «Докл. и сообщ. Ин-та русс. яз. АН СССР», 1948, вып. 2.

⁹ К. И. Ходова. Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника («Житие Нифонта» в русском списке 1219 г.), автореферат. М., 1952.

окраину Ростово-Суздальской земли. Из них последнее по времени исследование, близкое по тематике к настоящей работе, — кандидатская диссертация О. А. Князевской¹⁰, где приведена библиография по вопросу о языке московских памятников.

Московские памятники, наряду со многими другими, были исследованы А. И. Соболевским. Однако А. И. Соболевский приводит материал из них лишь выборочно и в небольшом количестве, ограничиваясь общим негативным утверждением: «Что касается до средне-русского говора — говора древних вятичей [?! — Л. Ж.] и их колонистов на обоих берегах верхней Волги, от которого ведет начало та часть великорусского наречия, которая не знает мены *ц* и *ч*, — то он, как можно заключить на основании ростовских памятников первой четверти XIII в., Рязанской Кормчей 1284 г., Галицкого (Костромской губ.) евангелия 1357 г., переяславского списка Поучений Ефрема Сирина 1377 г., Лаврентьевского списка летописей и др., не имел в древности никаких резких особенностей и отличался от других говоров только тем, что в нем отсутствовали те особенности, которые отличали эти говоры»¹¹ (разрядка моя. — Л. Ж.).

Р. И. Аванесов в работе «Вопросы образования русского языка в его говорах», определяя диалектные особенности, свойственные говорам Ростово-Суздальской земли, пишет: «Ростово-Суздальская земля, как известно, с самого начала отличалась диалектным многообразием, что было обусловлено неоднородностью ее первоначальной славянской колонизации, в которой приняли участие восточные кривичи, а также словене, кроме того, вятичи, а частично, возможно, и другие племена. Однако количественно преобладающими и «задающими тон» в социально-экономическом и культурном отношении были потомки восточных кривичей с их говорами, имевшими *г* *в* *з* *р* *ы* *в* *н* *о* *е*, различавшими *ц* и *ч*, не знавшими изменения *о* и *е* в новых и закрытых слогах, развившими *ѡ* и *ѣ* соответственно на

¹⁰ О. А. Князевская. К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV в. (О языке Московского евангелия 1358 г.), автореферат. М., 1952.

¹¹ А. И. Соболевский. Лекции... стр. 37.

месте *о* под восходящим ударением и *ь*»¹² (разрядка моя. — Л. Ж.).

После появления в части русских говоров аканья говоры Ростово-Суздальской земли не развили его и продолжали различать в безударных слогах гласные неверхнего подъема, т. е. были окающими¹³.

Таким образом, в имеющейся литературе на основании изучения ряда памятников сформулированы лишь общие, хотя и наиболее важные, черты говоров Ростово-Суздальской земли. Настоящая работа ставит задачу изучить детально, со всеми частностями орфографию одного памятника Ростово-Суздальской земли с целью возможно более полного установления звуковой системы того времени в районе Галича Костромского.

Изучая в историческом плане тот или иной диалект, необходимо принимать во внимание историю народа, которому он принадлежит. История носителей галичского диалекта имеет свои особенности, которые нельзя не учитывать при изучении как современных галичских говоров, так и их состояния в прошлом.

А. Н. Насонов, специально исследовавший пути складывания древнерусской государственности, указывает, что «в середине XII в., судя по известию о нападении болгар на Ярославль в 1152 г., восточнее Ярославля «городов» на Волге не было... Под 1238 г. летопись впервые упоминает Галич Мерьский, в качестве окраинного места, куда доходили от Волги татары («доже и до Галича Мерьскаго»)»¹⁴.

Исследуемый нами памятник написан в 1357 г. На протяжении примерно 200 лет ростово-суздальский диалект на территории Галича и окружающих мест, надо полагать, еще не мог обособиться, растерять свои старые черты и приобрести существенные новые. Единство материала, представляемого исследуемой рукописью и другими памятниками того же времени, написанными на тер-

¹² Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», вып. 9, 1947, стр. 136.

¹³ См. там же, стр. 138.

¹⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 193–194.

ритории восточных частей Ростово-Суздальской земли, является доказательством этого положения.

Для выявления реального звукового значения тех или иных написаний памятника письменности необходимо изучить данные современных живых говоров и прежде всего данные говоров той территории, на которой написан памятник. С этой целью нами были изучены материалы говоров Галичского и прилегающих к нему районов Костромской области¹⁵. Однако, используя современные диалектологические материалы, приходилось учитывать и позднейшие переселения на территорию «Чухломского края», благодаря которым позднее образовался так называемый Чухломский акающий остров, где говор населения претерпел значительные изменения после XVI в.

Н. Н. Виноградов, специально изучивший вопрос о перемещении населения в этих краях, пишет: «В 1619–1620 гг. здесь (в Чухломском крае — Л. Ж.) были испомещены и наделены вотчинами служилые люди, оказавшие своею службою большую услугу новому правительству и способствовавшие восстановлению в государстве законного порядка... Вся эта масса новых людей принесла с собой и новый говор — говор местностей, расположенных около Москвы, к югу, юго-востоку и юго-западу от нее, одним словом — говор средневеликорусский. Несомненно, что говор новопоселенцев, как людей более культурных и, кроме того, имевших высшее, начальственное положение, не мог не повлиять на говор окрестного менее культурного и поставленного в подчиненное положение населения. Оно понемногу усвоило все особенности средневели-

¹⁵ Ниже в работе учитываются современные диалектные данные, собранные Ярославским государственным педагогическим институтом им. К. Д. Ушинского и Галичским учительским институтом по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Академия наук СССР, Ин-т русск. яз., М.—Л., 1947 и др. изд.). Так, были изучены материалы по деревням Богчино, Житково, Михайловское, Самылово, Куземино, Иваньково, Пронино, Дыхалово, Фотьяново, Даниловское, Козино Галичского района Костромской области и прилегающих к ним в соседних районах деревень: Дор Сусанинского района, Красново, Матвеевское, Ожегино, Коптево Ореховского района, Михалево, Кузнецово-Луковцино Чухломского района, Шувакино, Филино, Макарово, Помчище Антроповского района.

корусского наречия. Вот непосредственная причина неожиданного появления аканья в сплошной массе северновеликорусских окающих говоров»¹⁶.

Появление аканья могло сопровождаться проникновением и других языковых черт. Мало того, отдельные языковые черты могли проникнуть в соседние говоры, в которых аканье не привилось.

Отсюда вытекает, что при сопоставлении материалов изучаемого памятника с материалами современных говоров важно проводить сравнение не только с говорами окружающего Галич населения, но и значительно шире, с северновеликорусскими говорами в целом и среди них в особенности с говорами вологодско-вятской и владимирско-поволжской групп, так как там могли сохраниться отдельные архаические черты, не сохранившиеся в районе Чухломы и даже Галича.

Однако при сопоставлении данных памятника письменности с современными говорами для того, чтобы установить правильную историческую перспективу, необходимо иметь в виду, что в современных говорах, с одной стороны, могут быть черты новые, возникшие в них после времени написания памятника, с другой стороны, надо учитывать и то обстоятельство, что современные говоры могли в процессе развития утратить особенности, присущие им в период написания того или иного памятника. Таким образом, при сравнении данных рукописи с данными современных диалектов необходимо выяснить вопрос, представляет ли то или иное диалектное явление архаизм или оно является новообразованием, появившимся после времени написания памятника.

Вследствие этого при сравнении материалов древней письменности и живых говоров необходимо ориентироваться также на данные истории русского языка в целом, на основании которых и оцениваются данные современных диалектов. Так, например, можно установить путь от первоначального различения фонемы [ê] или [iê] (ѣ) наряду с фонемами [e] и [i] к последующему совпадению их в одном звуке [e] или [i], от первоначальной мягкости

¹⁶ Н. Н. Виноградов. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае. «Изв. ОРЯС», 1917, т. XXII, кн. 2, стр. 15–16.

шипящих и [ц] к последующему отвердению, от первоначальных сложных звуков [ш'ч'] и [ж'д'ж'] к последующим более простым [ш'ш'] ([шш]), [ж'ж'] ([жж]) и т. п., а не наоборот, если не иметь в виду междиалектного взаимодействия, в процессе которого возможно также усвоение вариантов более архаических по сравнению с тем, что имеет диалект.

Таким образом, на основе изучения орфографии и отклонений от нее по Галичскому евангелию 1357 г. в целом и по отношению к каждому из четырех писцов рукописи в отдельности, на основе сравнения этих материалов с данными, извлеченными из других древних памятников Ростово-Суздальской земли, и сравнения этих материалов с данными современной диалектологии, мы ставим задачу выявления качества отдельных звуков и фонетической системы галичского говора середины XIV в., а также его отношения к другим говорам Ростово-Суздальской земли и языку великорусской народности в целом.

Глава I ПАЛЕОГРАФИЯ

1. Задачи палеографического описания

Палеографическое описание является составной частью описания любого древнего памятника письменности. Основная задача его — определить время и место написания памятника. Палеографическое описание памятников датированных имеет целью дать материал, который может быть использован для определения времени и места написания памятников недатированных, так как датированных памятников немного.

Анализируя язык памятника письменности, исследователь не может удовлетвориться знанием лишь времени и места его написания. Не менее, если не более, необходимо знать, сколькими лицами создавалась рукопись, определить границы работы каждого из них, чтобы затем определить индивидуальные особенности графики и орфографии, а по ним и особенности языка каждого писца и вывести общие закономерности. Из того, что в записи рас-

смаатриваемой рукописи (см. ниже) указан в качестве писца только Фофан, не следует непременно, что писал он один. Как будет показано ниже, текст рукописи переписывался четырьмя писцами. Каждый из них мог в разной степени отражать особенности живой речи на письме в силу разной степени владения орфографическими нормами своего времени; нормы эти могли быть различными в разных школах письма и, кроме того, писцы могли быть носителями разных диалектов.

Поэтому необходимо точно установить границы почерков путем палеографического исследования, чтобы в лингвистической части работы можно было анализировать отдельно материал каждого писца. В этом случае никакие палеографические «мелочи» не могут быть лишними.

Таким образом, задачи настоящего палеографического описания сводятся к следующему: первая и основная — возможно более точно установить границы работы отдельных писцов, вторая — проверить свидетельство записи о времени и месте написания рукописи, третья — выявить черты, свойственные всем писцам данного списка, для определения в будущем особенностей палеографии и графики рукописей середины XIV в., написанных на территории, примыкающей к Галичу.

2. Внешние палеографические данные рукописи

Внешний вид. Пергамен. Сохранность. Исследуемый памятник представляет собой пергаменную рукопись в лист, писанную в два столбца уставом. Она содержит 178 листов размером 21,5 см на 28 см. Листы пронумерованы арабскими цифрами при хранении. Нумерация последовательная, без перерывов. В столбцах рукописи от 26 до 32 строк в каждом.

Рукопись заключена в картонный переплет, обтянутый тонкой кожей. Переплет поздний. Старый заменен в 1794 г. у этой рукописи, как и у других рукописей Патриаршей библиотеки.

Пергамен рукописи различного качества, что отчетливо видно, например, на л. 93, склеенном из двух частей. Часто встречаются защитные разрывы и дыры, образовавшиеся при выделке кожи.

В одном из них (л. 110) видна белая шерсть, что указывает на недостаточно тщательную выработку пергамена. Сшивание разрывов и дыр производилось льняными нитками. В некоторых местах они от ветхости выпали, и остались лишь следы проколов от прежнего шва. Кроме того, есть большое число дыр, оставшихся несшитыми. Листы пергамена нарезались очень экономно. Многие из них подклеены в правом нижнем углу. На л. 156 вместо шва употреблена единственная во всей рукописи наклейка из кусочка пергамена. Два внутренних двойных листа тетрадей, заключенных между крайними и средними (внутренними) двойными листами, часто составлены из двух половинок, не склеенных между собой. Эти листы удерживаются лишь потому, что тетради сшиты в корешке. Такие средние листы чаще бывают дефектными, например, в тетрадах XXI и XXIII они составлены из листов пергамена меньшего размера и с оборванными краями.

Большинство листов рукописи полностью или частично были залиты жидкостью, оставившей коричневые пятна. Как нам сообщила заведующая отделом древних рукописей Государственного исторического музея М. В. Щепкина, рукописи Патриаршей библиотеки (по-видимому, после 70-х годов XIX в.) были политы по корешку и обрезам каким-то составом, чтобы спасти их от вредителей, точивших переплеты. Несмотря на то, что вредители точили только переплет, а пергамен не трогали, многие листы рукописи залиты настолько сильно, что корешки и крайние листы смежных тетрадей не только потемнели, но и склеились. Это затрудняет подсчет тетрадей и даже понимание текста на некоторых листах рукописи.

3. Палеографические сведения о рукописи, способствующие определению границ почерков

Т е т р а д и. Первые 177 листов рукописи входят в состав 23 тетрадей. Последний лист, 178-й, приклеен к последнему листу XXIII тетради, 177-му по общему счету. Подклеен лист, по-видимому, писцом и во всяком случае до того, как была написана рукопись, так как в некоторых случаях буквы заходят на планку, которой этот лист приклеен к корешку предыдущей тетради.

Все тетради, кроме двух, кватернионы. Одна из этих двух тетрадей — IV по порядковому счету — имеет только три листа — лл. 25, 26, 27 по общему счету. Из них лл. 26 и 27 составляют целый двойной лист, а от л. 25 отрезана половина, дополнявшая его до двойного листа. Место отреза хорошо видно между 27 и 28 листами рукописи. Вырезан лист, первоначально оставленный незаполненным. Это явствует из того, что пропусков в тексте нет. Наоборот, столбец 276¹⁷ почти совсем не заполнен, а 27в, г содержат миниатюру. С л. 28 начинается новый апракосный цикл (евангелие от Луки первой недели по пятидесятнице) с новым счетом недель.

Вторая отклоняющаяся от нормы тетрадь, XVII по порядковому счету, содержит лл. 124–129 рукописи и состоит из трех двойных листов. В середине этой тетради между лл. 126 и 127 нет последовательной связи в содержании, можно предположить, что между ними утрачены листы и что утрата эта произошла до нумерации листов, так как она не отразилась на нумерации. Анализ содержания показывает, что пропущены чтения Мт. XXII. 38 — Мт. XXIII. 34. В этом тексте заключается 2636 печатных знаков позднего канонизированного церковнославянского текста. На соседнем двойном листе рассматриваемой рукописи содержится примерно столько же рукописных знаков (л. 126 имеет 1319 знаков и л. 127–1369, т. е. вместе 2688 знаков). Это позволяет утверждать, что утрачен один двойной лист. Имеющееся расхождение в 52 знака вполне допустимо и может объясняться несколькими причинами: 1) количество знаков на каждом листе у писца колеблется, даже между лл. 126 и 127 разница в 50 знаков; 2) в чтениях рукописи встречаются отклонения от принятого церковно-славянского текста; 3) в рукописи имеется больше знаков *ѣ* и *ѵ*, чем в канонизирован-

¹⁷ Здесь и в дальнейшем столбцы рукописи помечаются буквами русского алфавита по порядку таким образом, что столбцы, расположенные на лицевой стороне листа, обозначаются слева направо буквами а и б, а на оборотной — в и г. Цифра, стоящая в некоторых случаях следом за буквой, обозначающей столбец, указывает номер строки (всегда сверху вниз). Ниже при приведении языковых примеров номер строки, как правило, не указывается, а цифра, стоящая следом за буквой (она в этих случаях заключается в круглые скобки), указывает число встречающихся примеров в данном столбце.

ном тексте, за счет того, что они иногда употребляются в середине слова в слабой позиции редуцированных. Все это вместе взятое позволяет утверждать, что из середины XVII тетради утрачен один двойной лист и что XVII тетрадь представляла собой первоначально также кватернион, обычный для нашей рукописи. Таким образом, рукопись первоначально состояла из 22 кватернионов (I–III, V–XXIII тетради), одной неполной тетради в три листа (IV тетрадь) и отдельного листа, по современной нумерации 178-го. Как будет показано в анализе разлиновки, этот 178-й лист первоначально составлял двойной лист с 25-м и относился к неполной IV тетради.

Нумерация тетрадей. Помимо поздней нумерации листов, в рукописи имеются следы старой нумерации тетрадей. Буква-номер стоит в середине нижнего поля листа.

В рукописи имеются две группы нумерованных тетрадей. Характер нумерации их отличен. Первый тип нумерации состоит в том, что одной и той же буквой помечается оборот последнего листа предыдущей тетради и начальный лист последующей тетради, к которой и относится номер. При другом типе нумерации помечается только оборот последнего листа тетради.

Первая группа нумерованных тетрадей включает VI–IX тетради (по порядковому счету). Здесь лл. 35 об. и 36 обозначены буквой *ā* 43 об. и 44 — буквой *ḃ*, 51 об. и 52 — буквой *ḡ*, 59 об. и 60 — буквой *ḋ*.

Нумерация второго типа начинается с XVI тетради и идет до конца с переборами на лл. 161 и 169. Первый из перебоев объясняется тем, что на месте, где должен находиться и, возможно, находился знак, вырван кусок пергамента. На месте второго перерыва в нумерации (л. 169) есть какие-то неясные следы, по-видимому, оставленные чернилами. Можно думать, что первоначально и на этом листе был написан знак, но очень слабо, поэтому он теперь незаметен, так как лист сильно залит желтым составом. В остальных случаях нумерация видна более ясно. Лист 123 об. помечен буквой *ā*, 129 об. менее заметно помечен буквой *ḃ*, 137 об. — буквой *ḡ*, 145 об. — буквой *ḋ*, 153 об. — буквой *ḗ*, 177 об. — буквой *ḡ*. Таким образом, писец, нумеруя тетради, насчитал всего восемь тетрадей, т. е. учел и те две тетради, на которых в настоящее время нумерация не видна.

Кроме указанных двух групп нумерованных тетрадей, на остальных тетрадях рукописи не обнаруживается следов какой бы то ни было нумерации (см. ниже таблицу почерков и тетрадей).

Разлиновка рукописи и состав тетрадей. Рукопись писана в два столбца шириной 7,5–8 см. Между столбцами остается поле шириной 1,5 см. Размеры боковых и верхних полей различны и колеблются от 1,5 до 4 см. Рукопись, по-видимому, несколько раз обреза́лась.

На первый взгляд рукопись кажется разлинованной однотипно. Однако при детальном рассмотрении оказывается, что в отношении разлиновки, как и во многих других, она делится на две части. Первая охватывает листы с 1 по 115 включительно, и к ней примыкает л. 178, вторая часть — с л. 116 по 177 включительно. Первая часть не представляет единства в отношении разлиновки, вторая — однообразна.

Поскольку разлиновка имеет значение для определения границ работы отдельных писцов и особенно писца, оставившего запись на л. 178, нужно подробно остановиться на ней.

При анализе разлиновки и состава тетрадей учитываются следующие данные.

1. Как сделаны проколы по краям листов: на всей ли тетради, с какой стороны (это видно по выпуклостям и углублениям на местах прокола), по прямой линии или с отклонениями на месте той или иной точки прокола вправо или влево, на каком расстоянии друг от друга (при этом выяснилось, что проколы производились не шилом, а плоским острым предметом, так как от точек на месте проколов часто идут очень тонкие углубления — разрезы листа, как если бы проколы были сделаны острием ножа с конусообразным концом).

2. Расстояние между вертикальными линиями и между горизонтальными.

3. Количество вертикальных и горизонтальных линий и соответствие их количеству точек проколов.

4. Длина соответствующих вертикальных и, особенно, горизонтальных линий в сравниваемых листах (различия в длине последних наиболее отчетливо видны на среднем свободном поле, разделяющем заполненные текстом столбцы).

5. С какой стороны производилась разлиновка — с лицевой или с оборотной. Большей частью это легко поддается определению, так как со стороны нажима видна отчетливая тонкая линия, а с оборотной стороны листа образовалась выпуклость и сама линия толще.

6. С какого листа производилась разлиновка. Обычно на первом листе — более тонкая и более заметная линия, встречаются даже прорезанные листы, например 1, 8, 28 и др. На втором и последующих листах впадина более широкая, и на последних, особенно на четвертых (если линуются сразу четыре листа), линия едва заметна по нажиму и наиболее широка.

Разлиновка всей рукописи состоит из нанесения четырех вертикальных линий, образующих столбцы: три узких — поля и два широких между ними, на которых размещается текст. Поперек листа внутри широких столбцов проводятся горизонталы. Число их колеблется от 26 до 32. На горизонтальных писцы располагали буквы, а один из писцов, как увидим ниже, также и знаки препинания — точки.

Приемы разлиновки тетрадей первой части рукописи, заключающей I–XV тетради, весьма разнообразны, хотя число горизонталей в них одинаково — 30, кроме IV тетради, где их 32. За неимением места остановимся подробно лишь на разлиновке IV тетради, которая представляет особый интерес.

IV тетрадь в настоящее время состоит из трех листов (лл. 25–27). Горизонтальные линии проведены по развернутой тетради внутри, их 32 (на л. 25 последняя линия осталась незаполненной). Вертикали менее заметны, они не были проведены ни по одному из листов тетради. Сравнительное рассмотрение разлиновки всей рукописи позволяет считать, что IV тетрадь первоначально состояла из двух двойных листов. Со стороны четвертого, ныне отсутствующего листа была проколота вся тетрадь и были проведены сразу все вертикали. Этим четвертым листом оказался л. 178 рукописи. Он не входит в состав последней тетради, но лишь приклеен к ней. Вертикали IV тетради проведены именно по этому листу, точки проколов на нем заметнее и расположены так же, как в остальных листах IV тетради. Проведены следующие сквозные горизонталы: на лл. 25, 26 сквозные 31 и 32, на лл. 27, 178 — 20,

27, 29, 30, 31, 32 горизонтали. Кроме того, на среднее белое поле между заполненными столбцами выступают на половину или две трети размера этого поля горизонтали 13, 18, 19, 22, 23, 25, 28. Соответственно л. 26 на л. 178г выступают на белое поле те же горизонтали. Это еще раз подтверждает, что л. 178 до написания памятника относился к IV тетради.

Тетради XVI—XXIII, в противоположность первым пятнадцати, разлинованы одним способом. В тетрадах XVI, XVII, XIX, XX проколы для горизонталей сделаны лишь на наружном двойном листе со стороны первого. На тетрадах XVIII, XXI, XXII, XXIII следов от проколов не сохранилось. По-видимому, проколы были нанесены близко к краям листа и при последующем обрезании полей рукописи были срезаны. Разлиновка производилась со стороны лл. 1 и 8 в развернутом виде на всех четырех двойных листах сразу. Сначала проводились вертикальные линии, затем между ними горизонтальные, из которых две верхние и одна нижняя проводились через весь лист, образуя рамку. Несмотря на то, что приемы разлиновки этих тетрадей одинаковы, число горизонталей в них различно. Тетради XVI и XVII имеют по 30 горизонталей, XVIII — 29, в следующей, XIX тетради, как бы для исправления допущенной ошибки, проведена 31 горизонталь, но в последующих тетрадах число горизонталей убывает: XX, XXI, XXII тетради имеют по 28 горизонталей, последняя, XXIII тетрадь — 26. По-видимому, писец, линовавший тетради, увидев, что пергамена достаточно, решил размещать в листе меньшее количество строк текста. Следовательно, можно полагать, что тетради второй части рукописи линовались одним лицом, имеющим сложившиеся и твердо закрепленные навыки разлиновки, но линовались они не все сразу, а по мере надобности.

Таким образом, разлиновка рукописи показывает, что листы с 1 по 115 и л. 178 и листы со 116 по 177 линовались разными лицами.

Чернила. Чернила, которыми написана рукопись, темно-коричневые, местами очень бледные, местами настолько густые, что приближаются к черным. По внешнему виду различия в чернилах по отдельным тетрадам нет. Чернила постепенно бледнеют (писец

разбавлял их — ?) и потом сразу сменяются густыми несколько раз в различных местах рукописи и в том числе после лл. 27, 35 и 115.

К р а с к и. Кроме чернил, в рукописи употребляется киноварь. На протяжении рукописи киноварь используется неодинаково. На лл. 1–115 и 178, как правило, исключительно киноварью обозначаются дни, недели и имена евангелистов, из которых взято чтение. Лишь в столбцах 28б, 29г, 33а, 33б наряду с киноварью употребляются обычные чернила. Кроме того, киноварь употреблена для инициалов — больших (в начале ежедневных чтений) и малых (в зачалах). На лл. 116–177 киновари значительно меньше: в названиях дней преобладают чернила, киноварь встречается только в инициалах, причем даже и они пишутся не чистой киноварью, но в основном чернилами, а киноварью закрашиваются промежутки. Помимо киновари, в рукописи употреблена зеленая краска. Она служит фоном в заставке на л. 1в, и потом, по-видимому, остатки ее используются в больших инициалах на первых семи листах. Никаких других красок в рукописи не употребляется, за исключением красок в миниатюре.

М и н и а т ю р а. Перед началом евангелия от Матфея на л. 27 об. находится единственная миниатюра рукописи. Она составлена из четырех самостоятельных изображений евангелистов, что встречается редко в древних рукописях и притом главным образом в написанных в отдаленных от центров местностях. В столбце 27в вверху изображен Иоанн, о чем свидетельствует надпись и книга в его руках со словами *искони бѣ слово*; внизу под ним Матфей, в столбце 27г наверху рядом с Иоанном — Лука, внизу — Марк. Изображения сделаны в четыре цвета: желтый, синий, зеленый и красный. Контурные обведены чернилами. Миниатюры рисованы примитивно и грубо. Вполне допустимо признать, что рисовал сам писец, тем более что почерк надписей в миниатюре не отличается от почерка, которым сделаны все киноварные строки в первой части рукописи, а они принадлежат писцу, написавшему большую часть текста (см. ниже).

М. В. Щепкина следующим образом характеризует эту миниатюру: «На л. 27, разделенном палатным письмом на 4 поля, изображены четыре евангелиста. Письмо очень простое, неискusstvenное,

но решительное, показывает большое обрусение типов. Головы несоизмерно велики»¹⁸.

З а с т а в к а. Перед началом рукописи на л. 1 об. в наружном столбце имеется единственная заставка. Заставка выполнена в тератологическом стиле. На зеленом фоне изображены киноварью две, сплетенные хвостами, чудовищные птицы. Они повернуты в разные стороны и выпускают из клювов узлы, оканчивающиеся ниспадающими чудовищами. Глаза у тех и других выделены чернилами. Заставка приведена в альбоме Стасова¹⁹ и ранее, менее точно, у Саввы²⁰.

И н и ц и а л ы. В отношении больших инициалов, т. е. инициалов, стоящих перед чтениями на определенный день, рукопись резко делится на две части точно так же, как и в отношении разлиновки: на лл. 1–115 и 178 и 116–177. Инициалы первой части более красивы, сложны и разнообразны. В альбоме Стасова уделено значительное внимание инициалам первой части Галичского евангелия 1357 г. (помимо заставки в нем приводятся еще 14 инициалов; из них только № 25 относится ко второй части рукописи). При рассмотрении их, однако, необходимо учитывать, что приведенные образцы представляют главным образом примеры единичные, не типичные для всех инициалов рукописи (таковы №№ 19, 20, 25, 27, 30). Вся масса больших инициалов в рукописи, как и в любом Евангелии-апракос, падает на буквы *В* и *Р*. Первая из них начинает традиционный оборот: *въ оно время*, вторая — *рече гѣ*. Конечно, для каждого инициала писец каждый раз не мог найти вполне оригинальное решение, особенно если учесть количество их: только в первой части инициал *В* повторяется около двухсот раз и *Р* более ста раз. Поэтому не удивительно, что в инициалах встречаются не только общие мотивы, но и повторяются отдельные частности. Общее выражается не только в отдельных рисунках инициала *В* или *Р*, но и в отношениях их между собой. Например, в столб-

¹⁸ М. В. Щепкина. Описание славянских лицевых рукописей Синодального собрания Отдела рукописей Государственного исторического музея (ГИМ) (рукопись).

¹⁹ «Славянский и восточный орнамент...», табл. 87.

²⁰ «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей...», табл. 1а.

це 28а инициал *Р* и в столбце 39б инициал *В* имеют совершенно тождественные верхнюю петлю и мачту. Однако следует отметить, что случаи полного тождества инициалов все же редки.

Если отвлечься от частных случаев, то в I части рукописи можно обнаружить группы инициалов, где доминирующим является какой-либо определенный элемент, и тогда намечаются следующие типы инициалов: 1) византийская ветка, 2) плетеные жгуты, 3) тератологические формы, 4) буквы устава, осложненные гребнями или веткой, 5) единичные виды.

Как правило, инициалы пишутся киноварью, но есть отклонения. Так, на лл. 1–7б все киноварные инициалы частично покрыты зеленой краской. Краска та же, что и в заставке на л. 1в. Поскольку, кроме указанных листов, она больше нигде не появляется, можно думать, что писец использовал здесь оставшуюся после выполнения заставки краску. Другая группа инициалов, расположенных в разных местах рукописи, писана чернилами и лишь подведена киноварью. Это инициалы на лл. 17в, 17г, 19а, 19б, 21в, 22а, 22в, 22г, 49в, 49г, 50в, 50г, 51б, 55в, 55г, 75б, 97г.

Для инициалов отводится всегда определенное число строк. На лл. 1–27, 36–115 всегда по четыре строки, на лл. 28–35 по пять строк. Но это лишь в тех случаях, если инициал не размещается в конце столбца, где недостающее место может быть восполнено за счет нижнего поля. Единственное исключение, где оставлено три строки, — л. 49г.

Вопрос об исполнителе больших инициалов интересует нас лишь с одной точки зрения — принадлежат ли они перу писца основного текста или другому лицу. Есть основания считать первое предположение более вероятным. Прежде всего за него говорит тот факт, что на некоторых листах рукописи встретились в самом тексте, написанном чернилами, элементы, свойственные большим инициалам. Так, например, на л. 19в малый инициал *О* состоит из двух переплетенных колец, просветы между которыми заполнены киноварью. Это сложное переплетение выполнено безукоризненно. На лл. 48г и 51б в целях экономии пергамена писец помещает последнюю строчку текста вне разлинованных строк внизу на поле. В том и другом случае эта дополнительная 31 строка как бы поддерживается лежащей фигурной скобкой, из середины кото-

рой спускается завиток типа византийской ветки инициалов. На л. 99г пять последних букв, относящихся к предшествующему чтению, помещены как бы в вазе, поддерживаемой рукой. Таков же на л. 42а инициал *P*, также поддерживаемый рукой. Рука на л. 99г меньшего размера, но исполнена не менее искусно, чем в инициале на л. 42а.

Таким образом, если писец мог выполнять сложное плетение и другие элементы, свойственные большим инициалам, вполне возможно, что он рисовал и инициалы в целом.

По-видимому, перу писца основного текста принадлежат также те 17 инициалов, которые выполнены в основном чернилами и лишь подведены киноварью. За это говорит одинаковая консистенция чернил основного текста и инициалов.

Последовательность в работе, при которой сначала пишется инициал, а затем текст (это бывает хорошо видно, когда чернила проведены по киновари инициала, см., например, 37в, 67а, 72в), также свидетельствует о принадлежности инициала руке писца основного текста. В противном случае необходимо предположить почти непрерывное присутствие при работе писца какого-то мастера более высокой квалификации для выполнения инициалов, что маловероятно. Это же относится и к инициалам, рисованным чернилами того же качества, что и чернила основного текста.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что инициалы первой части рукописи и листы 17в, г, 19а, б, в, 21в, 22а, в, г, 37в, 48г, 49в, г, 51б, в, 55г, 67а, 72в, 97г, 99г принадлежат руке одного лица.

Большие инициалы второй части очень просты и сделаны значительно менее искусно, чем даже самые простые в первой части. Они представляют собой всегда букву устава, в которой вертикальные линии проведены дважды чернилами; промежуток между ними заполнен киноварью, отчего они кажутся широкими, а горизонталь — обычные тонкие линии, проведенные чернилами. Мачты букв обрамлены слева гребнями. Гребни очень простые, большей частью они состоят из трех вершин, средняя из которых заполнена киноварью. Штрихи киновари во всех частях инициалов весьма небрежны и неточны. Петли инициалов иногда внутри украшены цветком — верхняя (см. в альбоме Стасова табл. 87 № 25), или ресничками — нижняя. Высота букв обычно составляет

три строки. По ширине инициалы кажутся пропорциональными за счет гребня, без него — узки и вытянуты.

Простота больших инициалов второй части рукописи не оставляет никакого сомнения в том, что они принадлежат руке писца второй части. Но инициалы второй части отличаются от инициалов первой части, как отличалась разлиновка (что уже было указано) и отличаются некоторые начертания букв (что будет показано ниже).

Малые инициалы всей рукописи сходны. Они представляют собой буквы устава с двойными вертикальными линиями, пространство между которыми заполняется киноварью, отчего они кажутся как бы обведенными чернилами. В первой части рукописи, особенно на лл. 28–35, часто встречаются малые инициалы, написанные без чернил, только киноварью. Увеличение размера малых инициалов в высоту достигается тем, что их середина проходит по линии, на которой размещаются буквы, при этом верхняя часть их совпадает с высотой букв основного текста (так же и в больших инициалах), а нижняя опускается почти до букв, помещенных на следующей строке.

Заголовки чтений. В первой части рукописи заголовки чтений пишутся киноварью, и это выделяет их. Во второй части киноварью заполняется только первая буква, но она в два раза больше строчных букв, т. е. такая, как обычный малый инициал в зачалах. Последующие буквы заголовка во второй части пишутся тем же почерком и чернилами, что и основной текст.

4. Состав рукописи

Рукопись представляет собой Евангелие-полный апракос с месяцесловом, поскольку в нем имеются чтения на праздники, празднуемые во все месяцы года. В рукописи есть случаи, когда отсутствуют какие-либо повторяющиеся чтения, но в таком случае делается ссылка на тот день, в какой это чтение написано. Наличие таких ссылок не делает апракоса кратким. В памятнике нет лишь чтений «на разные случаи»: крещение, брак, погребение, болезни, непогоду и пр.

Отдельные циклы и месяцеслов занимают в рукописи следующие листы: I цикл (от Иоанна) — 1–27; II цикл (от Матфея и Луки и чтения мясопустной и сыропустной недель) — 28–115; III цикл (недели предпасхального поста) — 116–157; месяцеслов — 158–178. Между I и II циклами помещена миниатюра, и остается свободный столбец; между II и III — указатель воскресных чтений и свободные полстолбца; между III и месяцесловом перерыва нет. Эти обстоятельства также необходимо иметь в виду при определении границ работы писцов.

5. Анализ почерков. Писцы рукописи

Еще некоторые указания на границы работы писцов. Как мы уже видели, исследуемую рукопись можно условно разделить на две части (первая — лл. 1–115, вторая — лл. 116–177), по таким показателям, как разлиновка, способ нумерации тетрадей, употребление киновари в заголовках, типы и размеры больших инициалов. Кроме того, отличительной приметой второй части является отсутствие на полях пометок, обозначающих чтение, помещенное на данном листе рукописи; обычно они представляют собой повторение чернилами киноварного заголовка, предшествующего чтению. Пишутся эти пометки на краях полей внизу и по бокам; они частично были срезаны при более позднем обрезании краев рукописи, в этих случаях сохранились лишь верхние края букв. По почерку и чернилам пометки на краях полей следует отнести ко времени написания основного текста рукописи.

Первая и вторая части памятника отчетливо разделяются и по содержанию. В первую часть, как уже говорилось, входят I и II циклы чтений, во вторую — III цикл и месяцеслов. Между первой и второй частями оставлена свободная часть листа. Это вряд ли было бы возможно, если бы процесс переписки текста был строго последовательным. Правда, пропуски между циклами наблюдаются в некоторых богатых древних рукописях, например в Остромировом евангелии, где оставлено место на л. 56 и свободен весь л. 57 перед текстом от Матфея и на л. 124 перед текстом от Луки; но перед месяцесловом даже и в Остромировом евангелии пропуска

нет. В более скромных рукописях переписка текста обычно производилась подряд, и циклы чтений отделялись лишь более или менее сложными заставками. Так обстоит дело в Сийском евангелии 1339 г., в сербском Мирославовом евангелии около 1200 г., в евангелии № 117 Библиотеки им. Ленина, в № 66 собрания Патриаршей библиотеки в Историческом музее и многих других.

В нашей рукописи совершенно очевидно стремление писцов к экономии пергамента. Они часто помещают киноварное название дня на той же строке, где кончается предыдущий текст (например, на лл. 10г, 51а, 55б, 59а, 64г, 76а, 76в, 90в, 91г, 105в, 106г); название чтения пишется даже на последней строке столбца, при этом инициал и весь текст размещаются в следующем столбце (например, на лл. 11в, 12а, 31б, 36г, 44г, 49в, 55б, 74б, 81г, 87в, 101б) или на нулевой строке вверху (49а, 51в). Встречаются названия, вынесенные на поля между столбцами (45а, 55в, г, 111в, г). Чтобы уписать весь текст дня в определенном столбце, писцы прибегают к наращению строк внизу столбца вне разлиновки (например, 48г, 51б, 99г). Писцы не пропускают необоснованно ни одной строки. Пропуски допущены лишь в следующих местах: 1) на л. 33в — из двух строк, оставленных писцом для обозначения киноварью названия дня, была заполнена только одна, вторая осталась свободной; 2) на л. 25 оставлена свободной последняя, 32-я строка; 3) на л. 55в — две последние строки; 4) на л. 75в одна последняя строка не заполнена вследствие плохого качества пергамента (буквы, написанные на лицевой стороне листа, проступили на оборотную).

Столь очевидное стремление писцов к экономии пергамента, а также то, что между евангелиями от Матфея и от Луки на л. 68 и между чтениями Поста и месяцесловом пропуска нет и что рукопись в целом довольно проста и бедна, делают вполне вероятным предположение об отсутствии последовательности в переписке текста: по-видимому, пропуск пергамента на л. 115 объясняется тем, что, начиная с л. 116, рукопись какой-то период времени создавалась независимо от предшествующей части (кстати, следует отметить, что между лл. 115 и 116 проходит граница тетрадей).

Такой же пропуск строк есть на л. 27: в столбце б заполнена лишь верхняя строка, затем на следующих десяти строках размещается, расположенная независимо от строк, поздняя (XVI в.)

запись скорописью; оборот л. 27 занят миниатюрой; следующий лист вырезан. Все это свидетельствует о том, что ко времени заполнения л. 27 и всей IV тетради следующая за ней V тетрадь была уже написана, и писцу невольно пришлось подгонять к ней размеры IV тетради (отсюда и отмеченное выше несоблюдение в ней обычного количества строк). Такая не прямая последовательность в работе была возможна лишь в том случае, если V тетрадь писал кто-то другой, а не писец первых четырех.

Отдельные замечания о начертаниях строчных букв рукописи. В рассматриваемой рукописи употребляются следующие буквы: а, б, в, г, д, е, к, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, ѿ, ѡ, ѣ, ф, х, ѡ, ц, ч, ш, щ, ѣ, ѡ, ѣ, ѡ, ѣ. Часть из них, согласно традиции, употребляется для обозначения чисел. Кроме того, в числовом значении употребляются буквы е, с головкой повернутой влево, типа з, и ж.

В кратком описании изучаемой рукописи Горский и Невоструев отметили, что Евангелие «писано уставом разными руками»²¹. Количество писцов точнее они не определили.

При первом же знакомстве с рукописью заметно различие в почерке между лл. 115 и 116, 177 и 178. Почерк лл. 116–177, которые выше были названы второй частью рукописи, заметно отличается от почерка первой части. Отличие заключается прежде всего в значительной ширине букв сравнительно с их высотой.

Письмо здесь свободное, причем широко расставлены не только и не столько отдельные буквы, сколько части букв. Например, колено буквы к совсем не примыкает к мачте, оно слабо изогнуто и напоминает букву с, поэтому буква к производит впечатление как бы составленной из не связанных между собой частей (как, например, буква оу). Значительно большая ширина буквы м во второй части по сравнению с м в первой части рукописи достигается тем, что овал, соединяющий мачты, далеко отстоит от мачт и связан с ними прямыми горизонталями — уступами — вверху, отчего и образуются промежутки между овалом и мачтами. В первой части рукописи овал в букве м вверху непосредственно примыкает

к мачтам, образуя только утолщения, без промежутков. Особенностью почерка второй части является также хвостик в букве щ, который не всегда доходит внизу до букв следующей строки, но большей частью имеет острый росчерк справа вниз налево.

Что касается других букв, то они пишутся сходно и имеют лишь незначительные вариации написаний как в первой, так и во второй части рукописи. Так, завышенные перекладыны в буквах к, ю, и, н, ѣ пишутся наклонно и лежат в верхней трети букв. Встречаются отклонения, когда они размещены в верхней половине высоты букв или пишутся строго горизонтально (редко). В букве ѣ перекладка не совпадает с язычком, который исходит из середины овала. В букве н перекладка наклонена слева направо и идет от верхней трети левой мачты к середине правой.

В букве ѡ мачта выступает из середины строки, петля занимает несколько меньше половины высоты мачты, коромысло лежит на уровне высоты остальных букв, иногда правая часть его чуть приподнята. В букве р большая узкая головка имеет нормальную высоту букв и лежит на строке, ножка опущена вертикально вниз и иногда даже касается букв следующей строки. Это же относится к хвостикам букв у, ц и крючку буквы з. Буква ч имеет округлую или угловатую, не всегда симметричную чашу, занимающую от половины до двух третей общей высоты букв. Одностороннее ч не встречено. Буква ж имеет очень небольшую верхнюю часть и пишется как буква л, к которой слева вверху приписывается ресничка, а иногда просто квадратная точка (см. лл. 99б, 102в, г и др.); справа мачта дополняется коленом, изогнутым в верхней четверти ее или в верхней трети. Лишь на лл. 28–35 буква ж имеет симметричную верхнюю часть. Буква ѡ всегда пишется как ѡ, но, не ѡ. В букве з угловатая головка всегда лежит на строке, хвост в разной степени изогнут и откинут вправо. Общим для всей рукописи является наличие изломанного в нижней точке овала буквы м. Это указывает на то, что внутренний овал в букве м писался в два приема: сверху вниз направо и сверху вниз налево. Вследствие этого одна линия с другой не всегда точно сопрягаются в нижней точке овала. Таким образом, буква м писалась за четыре приема: отдельно две мачты и в два приема овал.

²¹ [А. В. Горский и К. И. Невоструев]. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки..., стр. 221.

В памятнике имеется несколько своеобразных начертаний отдельных букв, например, ж с точкой вместо верхней левой дужки (62б 8, 74в 26, 99б 2, 102в 15, 102г 13) и с ресничкой в том же положении (99в 11). Встретилось написание буквы ф с ресничками внутри овалов, 41а 24.

Буква о с двумя ресничками, направленными сверху и снизу внутрь овала, отмечена несколько раз у первого писца; начальное о широкое с точкой внутри овала встретилось в слове *обръци* 41в 29; единичное надстрочное у в виде уголка представлено в слове *иску|шаемъ*²² 49в 15/16. В остальных случаях надстрочное у имеет обычную форму и отличается от написанных на строке лишь меньшим размером. Один раз встретилось написание буквы р с маленькой головкой и с мачтой, не спускающейся вниз через линию строки, но стоящей на строке на уровне других букв: *прозръньне* 93г 5.

В слоге на конце строки отмечено Т более высокое, чем остальные буквы. По-видимому, этот прием употреблен писцом для сокращения места, занимаемого буквой на строке, ср. слова: кТо | 66в 21; напaтъ | 76б; к пилаТу | 8в. На конце строки встретилась также буква њ подобная высокому Т, с более высокой мачтой и перекадиной, вынесенной над остальными буквами: свѣ|тло 78в, приведѣ | 82г.

О почерках первой части рукописи. Поскольку начертания отдельных букв в исследуемой рукописи не играют существенной роли в выяснении границ работы писцов первой части рукописи, приходится искать другие указания на этот счет.

Почерк V тетради по сравнению с почерком первых тетрадей производит впечатление более аккуратного и геометричного. Анализ мелких графических особенностей (но не начертаний букв), позволяет утверждать, что здесь имеют место разные почерки. К числу таких особенностей относятся: место постановки разделительной точки (в первых четырех тетрадах точки ставятся на середине высоты буквы, но не на линейке, в V тетради точки ставятся обычно внизу на строке и очень редко в нижней трети,

²² Значком | здесь и ниже обозначается конец строки.

с VI тетради и далее точки располагаются как и в первых четырех тетрадах, но встречаются места, где точки стоят на линейке у основания букв), отсутствие надстрочных знаков в V тетради и употребление их в почерке первых четырех тетрадей, различные формы титл и др. Характерно также, что писец V тетради оставлял для больших инициалов по пять строк при обычных для первой части рукописи четырех строках в остальных тетрадах.

Предпочтительное употребление того или иного варианта написаний букв, имеющих графические варианты, также позволяет выделить работу особого, второго, писца в V тетради.

Наблюдение над теми же графическими особенностями далее, до конца первой части рукописи, приводит к открытию еще нового почерка, который бессистемно несколько раз чередуется с первым. Этот новый почерк в дальнейшем называется третьим²³. Первый и третий почерки чередуются несколько раз на лл. 76–115.

Первые два писца характеризуются большею близостью почерка. Начертания отдельных букв у них однотипны. Общий вид их более строгий. Мачты букв всегда утолщены. Это особенно наглядно видно при сопоставлении с третьим почерком, где те же буквы не производят впечатления единства, подчас кажутся наклоненными в разные стороны. В третьем почерке нет также такого контраста тонких и утолщенных линий, как в первых двух (не через появление ли почерков, подобных третьему, начинался переход от устава к полууставу?).

Кроме того, первые два писца всегда несколько утолщают внизу мачты букв и заканчивают их тонкими росчерками по направлению строк влево и вправо. Эти росчерки иногда бывают заметны и наверху, но там они большей частью направлены только слева к букве. Благодаря таким росчеркам буквы более четко ограничены со всех сторон. Третий писец не делает ни утолщений, ни росчерков. Разница особенно заметна в начертании буквы м, которая не только не имеет штрихов у третьего писца, но даже производит впечатление как бы висящей на строке.

²³ Как говорилось выше (стр. 215), вторая часть рукописи написана особым почерком (назовем его четвертым), значительно отличающимся от почерков, которыми написана первая часть рукописи и л. 178.

Особенностью третьего почерка является также начертание букв, имеющих в своем составе мачту [j], т. е. ю, ю ю. Перекладина в этих буквах, особенно в букве ю, у третьего писца касается самой верхней точки овала, тогда как у первых двух писцов она упирается в верхнюю часть овала буквы. При этом в первом почерке переладина начинается на мачте от точки более низко расположенной, чем у второго и третьего писцов.

В нижеследующих таблицах рассмотрены особенности графики, которые позволяют точно определить столбец и даже отдельные строки, принадлежащие руке того или иного писца.

Некоторые примеры к приведенным таблицам. 1) Надстрочные знаки у I писца²⁴. Надстрочные знаки над буквами — точки — не имели никакого реального значения и ставились первым писцом совершенно произвольно. Вот некоторые примеры: гѣа ѳи іѣъ 14г 27; гѣа ѳи іѣъ 14в 18; гѣа ѳи іѣъ 14в 14; даръ твои 26б 11; даръ твой 26б 15; даи 14в 10; дай 14а 30; не имамъ (1 л. ед. ч.) 14в 17; не ймамъ 14в 20; мои (местоим.) 16а 14; мой 16а 24; июдѣи 15г 30; июдѣи (им. п. мн. ч.) 15г 9/10; июдѣи (им. п. ед. ч.) 14б 6; йюдѣи 13в 30; моисѣи 12в 29; моисѣи 12в 3/4.

На оканчивающей иногда строку букве ѣ (в тех случаях, когда она пишется не после согласного) I писец ставит или не ставит надстрочные точки также без какой бы то ни было последовательности, например, ставит одну точку: таковаѣ 72а; мюрнаѣ 103в; ставит две точки: посланаѣ 110а; исаиѣ 2а; ицѣли ѣ 25г; иноѣ|зычникъ 25б; совсем не ставит точек: тьмнаѣ 112а; мртвыѣ 6г; моѣѣ 15в и т. д.

2) Буквы оу, у и ѝ у I и III писцов. I писец употребляет букву у на конце строки, букву оу в середине строки. Эта закономерность проявляется не только в разных, но и в одинаковых словах и формах, например: воду | живоу 14б; водоу живу | 14б; идоу и приду | 22а.

²⁴ Ниже римскими цифрами обозначаются писцы рукописи. Первая цифра, римская, стоящая после примера из рукописи, перед арабской цифрой, обозначающей лист рукописи, указывает на принадлежность данного написания тому или иному писцу.

Буква ѝ встретилась у I писца в следующих случаях: ѝсрамляются 52г; ѝбо 53а; к немѝ дѣ|ти 96а; грѣ|ся ѝ огня 107б; дрѝзии 107б; единого ѝжни|ка 108б; ѡпѝщаше 108в; прошахѝ 108в.

Таким образом, буква ѝ вместо оу пишется не только на конце строки, но и во всяком положении в слове и на строке: в начале слога и в середине после согласных, в середине строки и на конце строки.

У III писца буква ѝ встретилась в следующих случаях: ѝ|бо 79а; не ѝ|боитеся 79в; ѝвѣщати 85в; во ѝбрусѣ 87б; ко дрѝ|гу 89б; ѝчѣль 94б; бѝдеть 113г.

3) Случаи употребления букв ю, ѣ не по общей графической норме. Писцы Галичского евангелия 1357 г., как правило, последовательно выдерживают орфографическую норму писать букву ѣ после согласных и букву ю после гласных (т. е. после гласного + j). Но встретились следующие исключения: исаиѣ | 2а; мртвыѣ 6г; злаѣ | 7б; ѣ|же 7в; таѣ | 8в; не обиноуѣ|ся 12в; бесѣды моеѣ | 15в; иноѣ|зычникъ 25б; ицѣли ѣ 25г; в ближнѣѣ | 42в; въ свинѣѣ | 54в; ѣ|дшихъ 57г; таковаѣ | 72а; мюрнаѣ | 103в; ѣ|ко 108б; посланаѣ | 110а; тьмнаѣ | 112а; кроме того, в заголовке, написанном киноварью; ѡ маѣ | 25в.

Все эти примеры относятся к листам рукописи, написанным I писцом. У того же I писца встретилось на конце строки единичное обратное написание — буква ю после согласного: жениются 46г.

У IV писца вставлена сверху буква ѣ, пропущенная после буквы ѝ: пить(ѣ) не имать 175б. Кроме того, встретились при пропуске предшествующего гласного или согласного написания букв ю, ѣ, неправильные с точки зрения нормы, если учитывать смысл слова, но правильные с формально-графической стороны; бояхоу бо(с)ю 131г, знамян(ѣ)ѣ 123г (в приведенных написаниях пропущенные буквы поставлены в скобки).

Графические приемы писцов в написании оборота *въ оно время*. Обращает на себя внимание различное написание оборота *въ оно время*, которым очень часто начинаются чтения в Евангелии-апракос. Способы сокращения этого оборота различны на отдельных листах и, совпадая с другими показателями, по которым различаются почерки, являются еще одним критерием для установления их границ.

Таблица 1
Надстрочные и разделительные знаки в рукописи по почеркам

I почерк	II почерк	III почерк	IV почерк
1) Место постановки разделительной точки			
Середина высоты буквы и нижняя треть.	Внизу на строке, очень редко в нижней четверти.	Всегда внизу на строке.	Непосредственно над строкой или в нижней трети.
2) Место постановки знака			
Верхняя точка на уровне высоты букв, нижняя несколько выше линейки.	На различной высоте над линейкой строки, но всегда в пределах высоты буквы.	Располагается как у I писца, но более симметрично, и точки ближе друг к другу.	В нижней половине высоты буквы, нижняя точка на линейке.
3) Надстрочные знаки над буквами*			
Употребляются надстрочные знаки — точка и две точки. Ставятся они последовательно над буквами: а, о, и, е, е, љ, и, і и изредка над а в положении на конце строки.	Как правило, отсутствуют. Исключение 29в (2 случая), 30а (5 случаев).	Две точки ставятся только над w, изредка над o широким. Над а, о, љ, и, і ставится одна точка, если эти буквы стоят в начале слога.	В начале слога над буквами, обозначающими гласный, ставятся точка и две точки. Две точки ставятся над е, ю, и, о, љ, одна — над и, ю. Над о в выражении «Въ оно время» — две точки.

* Примеры см. выше, п. 1.

4) Форма надстрочных точек	
Точки, первоначально круглые, постепенно становятся все более нежными и расплывшимися справа вниз налево. Наряду с ними употребляются острые штрихи такого же направления. Это создает впечатление безлостипочерка.	Очень аккуратные круглые или квадратные точки.
5) Формы титл	
Над выносными буквами ставится дужка или угол ^ . Обычно титла имеют форму " . Этот тип варьируется: могут отсутствовать загибающиеся вертикальные штрихи и даже перечеркивание. С листа 386 встречается аккуратное титло формы " , которое ставится главным образом над словами: бѣтъ, сѣтъ, ісѣтъ.	Над выносными буквами ставится дужка. Обычные титла чаще употребляются без перечеркиваний и без правого штриха вниз, но бывают и как во II почерке.
Над выносными буквами ставится дужка. Обычные титла чаще употребляются без перечеркиваний и без правого штриха вниз, но бывают и как во II почерке.	Над выносными буквами ставится дужка. Обычные титла чаще употребляются без перечеркиваний и без правого штриха вниз, но бывают и как во II почерке.
Над выносными буквами ставится дужка. Обычные титла чаще употребляются без перечеркиваний и без правого штриха вниз, но бывают и как во II почерке.	Над выносными буквами ставится дужка. Обычные титла чаще употребляются без перечеркиваний и без правого штриха вниз, но бывают и как во II почерке.

Таблица 2

Употребление писцами букв, имеющих графические варианты

I почерк	II почерк	III почерк	IV почерк
	1) Употребление букв <i>ou, y, δ*</i>		
В середине слова и в начале употребляется <i>ou</i> . Лишь на конце строки для экономии места пишется <i>u</i> . Лигатура <i>δ</i> , появившаяся впервые на л. 52г, употребляется редко, главным образом в начале слова и на конце строки.	В начале слова <i>ou</i> , в середине — <i>u</i> . Исключение: в середине слова <i>ou</i> — 31а, 33б. Других знаков не встречается.	В начале слова <i>ou</i> , в середине — <i>u</i> . На конце строк иногда <i>ou</i> . Исключение: <i>ou</i> в середине слова л. 78б, 79а. Изредка встречается <i>δ</i> .	В начале слова только <i>ou</i> , в середине — <i>ou, y, δ</i> единичен — 139в. Встретилась особая написание <i>o</i> — 136в, 162г.
	2) Употребление букв <i>и, i</i> (не в числовом значении)		
Встречаются оба знака даже в однородных условиях. Буква <i>i</i> часто бывает перечеркнута посередине.	Буква <i>i</i> употребляется только на конце строк и в слове <i>ісѣ</i> .		Всегда употребляется <i>и</i> , в слове <i>ісѣ</i> всегда <i>i</i> .
	3) Употребление букв <i>а, я**</i>		
После согласных обычно пишется <i>а</i> , после гласных и в начале слова <i>я</i> . Иногда на конце строки после гласных <i>i</i> пишется <i>а</i> . Единичное исключение — <i>я</i> после согласного: <i>женя тся</i> 46г.	II, III и IV писцы всегда последовательно употребляют после согласных букву <i>а</i> , после гласных и в начале слова <i>я</i> , независимо от этимологии.		

* Примеры см. выше, л. 2.

** Примеры см. ниже, л. 3.

4) Употребление <i>o</i> — широкого и <i>w</i>	
Все писцы соблюдают различие между <i>o</i> узким, употребляемым в середине слова после согласных и в <i>ou</i> , и <i>o</i> широким, употребляемым всегда в начале слова и в большинстве случаев в начале слога. В тех же положениях, что и <i>o</i> широкое, употребляется <i>w</i> (например, <i>въ оца</i> 13г 22, <i>въ ица</i> — 13г 21). Почти исключительно <i>w</i> употребляется всеми писцами в лигатуре <i>ѡ</i> — предлог-приставка <i>отъ</i> . Употребление <i>w</i> и <i>o</i> широкого отдельными писцами таково:	
<i>w</i> употребляется наряду с <i>o</i> широким. <i>O</i> широкое иногда дополняется двумя ресничками вверх и вниз или точкой в центре. Встретились случаи <i>o</i> широкого, имеющего внутри форму креста: <i>ϕ</i> .	Употребляется <i>o</i> широкое только <i>o</i> широкое и без всяких украшений. Один раз встретилась <i>w</i> — 32б.
	В начале слова постоянно употребляется <i>ѡ</i> с двумя точками. Редко (37 сл.) встречается <i>o</i> широкое с двумя точками, и начальная без двух точек 83г, 93б.
	Употребляется <i>o</i> широкое без украшений и <i>w</i> .

5) Употребление букв ю и е (якорное)		
Оба знака всеми писцами употребляются лишь в начале слова и после гласных.		
Наряду с ю встречается е якорное разных типов.	Всегда ю. Исключения, где е 32в, 33г, 34б, и два в слове еуа(с)лице 30а.	Обычно ю, при переносе иногда е, кроме того, е не при переносе: твое 114г, есть 91а, ер(с)лиць 91г.
		Только е. Якорь из нижней половины или трети направилен вверх и часто выдается вправо по сравнению с верхним и нижним овалами. Исключения, где ю: 124б, 125в, 168а, 168в, 172б.

Таблица 3

Употребление лигатур

му — 24 раза, мь — 13, нъ — 9, нк — 6, мн — 6, ну — 5, пу — 3, ны — 3, по два раза встретились мь, мы, мн, лю, лг, по одному: мь, нь, нъ, нц, лу, лы, шю, лице.	му — 5 раз, ну — 1, мь — 1, вк — 1 раз.	му — 4 раза, ну — 1, лм — 1 раз; других не встретилось.	му — 23 раза, ну — 1 раз; других не встретилось.
---	---	---	--

На первых 27 листах рукописи, написанных первым почерком, употребляется несколько способов сокращения оборота *въ оно время*. Различие способов сокращения предлога имеет в своей основе фонетический характер и должно рассматриваться особо. Графические же различия заключаются в следующем. I писец всегда пишет предлог *в* с *о* или *ѣ*, затем местоимение *оно*, в котором всегда соблюдается различие между начальным *о* широким и *о* конечным, всегда узким. *О* начальное бывает трех типов: 1) обычное *о* широкое, 2) омега (один раз на л. 8в), 3) *о* широкое с ресничками сверху и снизу (два раза: 4в и 17г). Слово *время* сокращается и пишется всегда в виде буквы *в*, вынесенной над словом *оно*. Выносная буква прикрывается титлом в виде дужки или уголка. Надстрочные знаки поставлены лишь в двух случаях: над начальным *о* в слове *оно* на л. 19а, где стоят две точки, и на л. 19б — одна точка. В одном случае (на л. 3а) приходится признать, что указанное сокращение написано с ошибкой. Здесь пропущено начальное *о* в слове *оно*, и сокращение выглядит так: во $\overset{\text{в}}{\text{но}}$. Что пропущено именно начальное *о*, а не *о* предлога, следует из того, что после *в* написано *о* узкое, а не широкое.

Отдельные виды написаний сокращения *въ оно время* встретились на разных листах и в различной последовательности (при рассмотрении их следует помнить, что начальное *в* предлога является большим инициалом и не пишется в строке). 1) С предлогом *во*. С *в*, вынесенным под дужкой: во $\overset{\text{в}}{\text{оно}}$ — 4а, 6а; во $\overset{\text{в}}{\text{но}}$ — 17г; во $\overset{\text{в}}{\text{но}}$ — 3а; под уголком: во $\overset{\text{в}}{\text{оно}}$ — 8а, 9а, 19а, 19б, 21в. 2) С *ѣ* в предлоге. Под дужкой: въ $\overset{\text{в}}{\text{оно}}$ — 14а, 24а, 25в; въ $\overset{\text{в}}{\text{оно}}$ — 4в (*о* — широкое с «ресничками»); под уголком: въ $\overset{\text{в}}{\text{оно}}$ — 2б, 5а, 10г, 11б, 16б, 20б, 23б. Кроме того, встретилось особое написание: дужка в виде более выпуклой дуги и с росчерками вправо и влево, в слове *оно* — омега: въ $\overset{\text{в}}{\text{но}}$ — 8в.

На лл. 28–35 второй писец пишет сокращение *въ оно время* строго единообразно. В предлоге всегда *ѣ*, но не *о*, слово *оно* он пишет целиком, без сокращения, с различием *о* широкого и *о* узкого, конечного. Никаких надстрочных знаков писец не ставит. Слово *время* он сокращает до одной начальной буквы, помещаемой над словом *оно*, и прикрывает сверху продолговатой, слегка округлой, чертой: въ $\overset{\text{в}}{\text{оно}}$ — 29а, 29б, 29г, 30а, 33а, 33в, 33г, 34а, 34б, 34в, 34г,

35б, 35г. Единственное отклонение — на л. 32б, где все выражение *въ оно время* написано целиком, без сокращения и с *w* вместо начального *o* широкого. Написано оно так же аккуратно и тем же почерком, который занимает лл. 28–35.

На лл. 36–115 бессистемно несколько раз сменяются два почерка. Поэтому для установления их границ особое значение приобретают все «мелочи» и в том числе способ сокращения оборота *въ оно время*. Поскольку на этих листах наиболее последовательно выражается индивидуальность III писца, который приступает к работе с л. 76 и далее работает, чередуясь с I писцом, рассмотрим сначала способ сокращения III писца. Основной вид этого сокращения таков: в предлоге пишется *ъ*, слово *оно* всегда пишется через омегу в начале, имеющую надстрочный знак — две точки — несколько угловатой, почти квадратной формы. Слово *время* сокращается до одной начальной буквы, которая пишется над словом *оно* справа и всегда прикрыта дужкой: *въ ѿно* — 76в, 79г, 80а, 82б, 82в, 82г, 83б, 83г, 84а, 85б, 85г, 86в, 86г, 87г, 88а, 88в, 88г, 89в, 90в, 91б; затем перерыв и снова на листах: 93а, 93б, 93в, 94а, 94б, 94г, 95в. В двух случаях точки над омегой пропущены: 77в, 78а. Также в двух случаях *ъ* в предлоге заменен буквой *o* (как и в предыдущих случаях, у I писца, эту замену следует считать явлением фонетическим) 80в, 82а. Других отклонений нет.

Сложнее обстоит с первым почерком, которым написаны, кроме лл. 1–27, также лл. 36–76б, части л. 92 и далее с л. 96 до 115 с перерывами. Здесь у I писца появляется новая манера сокращения, по сравнению с приемами, употребляемыми на лл. 1–27. Слово *время* и предлог *въ* пишутся так же, как и на лл. 1–27, формы титл те же, а именно: дужка, уголок, дужка с росчерками, но слово *оно* пишется иначе. Оно сокращается до одной лишь начальной буквы; большей частью это омега, а не *o* широкое. Поскольку в выборе отдельных графических вариантов букв, а также и в начертаниях, у этого писца нет строгого единообразия, а по почерку лл. 36, 37 и далее те, которые не относятся к III писцу, не отличаются от лл. 1–27, следует признать, что они принадлежат одному лицу, несмотря на разный вид сокращения слова *оно* в выражении *въ оно время*.

На лл. 36–76 и далее (с перерывами) имеют место следующие способы сокращения выражения *въ оно время*. 1) С *o* в предлоге при

выносном *o* под дужкой: во $\overset{B}{w}$ — 98в, 108в; во $\overset{B}{o}$ — 50а; и под уголком: во $\overset{B}{w}$ — 48в (2), 68б. 2) С *ъ* в предлоге, под дужкой: а) слово *оно* сокращено в омегу (42 раза): *въ ѿ* — 36б, 38б, 38г (2), 39г, 40г, 41г, 42в, 42г, 44а, 45б, 45в, 46г, 48в, 50в, 52а, 52в, 53а, 55а, 56г, 57а, 65б, 68б, 67г, 69г, 70в, 71а, 73б, 75а, 76а (пропуск), 92а, 92г (пропуск), 99в, 100а, 100б, 101в, 106г, 108а, 110а, 111в, 112г (пропуск), 178а (!); б) слово *оно* сокращено в *o* широкое (17 раз): *въ о* — 45а, 45г, 50г, 54б, 56б, 57б, 57г, 58б, 59а, 65г, 66а, 66г, 67а, 70г, 72в (пропуск), 103в, 105в; под уголком: а) *въ ѿ* — 37в, 38в, 38г, 39б, 40а, 40в, 41б, 44в, 46в, 51в, 51г, 55в, 63б, 67б, 67в, 71г, 72а, 74а, 74в (пропуск), 100в — всего 20 раз, б) *въ о* 47а, 49г, 50б, 51б, 58в, 59в, 64в, 64г, 71в, 72б (пропуск), 96а, 97б, 97в, 97г — всего 14 раз; в) буква *o* стоит под сильно изогнутой дужкой с росчерками, направленными от ее концов вправо и влево, при этом росчерки и дужка пишутся за один прием: *въ ѿ* 60а, 60б, 60в, 64а, 64б.

Кроме указанных написаний, имеющих соответствие в подобных сокращениях первых 27 листов рукописи (различается лишь написание слова *оно*), встретились три отклонения. Два из них представляют написание, типичное для первых 27 листов рукописи: *въ оно* 36а, 49в. Третье отклонение представляет собой совершенно своеобразное написание: *въ о вре* 105а.

Столь же разнообразно, как и I писец, пишет оборот *въ оно время* IV писец на лл. 116–176. Преобладающим написанием у него является такое, когда слово *время* в виде одной начальной буквы пишется над словом *оно* под титлом в виде слабо изогнутой дужки, или более изогнутой с росчерками, или даже совсем без титл; в предлогах IV писец всегда пишет *ъ*, а не *o*; различие *o* широкого и *o* узкого он соблюдает последовательно: *въ оно* — 144г, 146г, 148а, 149в, 150б, 150г, 151б, 151в, 156в, 156г, 158г, 159а, 162г, 163б, 164б, 167в, 168б, 170б, 170в, 170г, 172г, 173б, 174а, 176в, 177а. Другой тип сокращения, когда в слове *время* пишутся первые три буквы и над ними выносное *m*: *въ оно вре* — 116б, 117б, 133г, 143г, 155б, 157г; *въ оно вре* — 116в, 116г, 121в, 123а. Иногда при таком же написании слова *время* сокращается и слово *оно* до одного *o* широкого или омеги с выносным *n*; *въ о вре* — 118б, *въ ѿ вре* — 119а, 119б, 124в. Встретилось три случая, когда все выражение пишется целиком без сокращения: *въ оно время* — 116а, 145в, *въ оно время* — 119г.

Таким образом, большинство сокращений оборота *въ оно время* у IV писца находит себе параллели в первых трех почерках. Кроме того, встретилось одно исключение, которое следует признать опиской: в онѣ^в — 177в (на конце слова *оно* ошибочно написана буква ѣ).

Описки писцов. Не все описки писцов являются показательными для определения границ почерков. Часть из них, например, пропуски и ошибочная мена букв, встречается у всех писцов, за исключением II писца (II писцом написана только одна, пятая, тетрадь; работал он внимательно, не делая описок). Ошибочные повторения встречаются только у I и IV писцов. Исправления описок в тексте сравнительно немногочисленны и разнотипны. Классификация их не имеет решающего значения для определения границ почерков.

В описании рукописи перечень описок нужен для того, чтобы не придавать каждому написанию писца звукового значения. Помещаем описки писцов среди палеографических явлений для того, чтобы разгрузить отдел фонетики от вопросов, непосредственно не относящихся к нему. За неимением места не останавливаемся на сравнительно многочисленных ошибочных пропусках и повторениях, как исправленных, так и оставленных без исправления. Рассмотрим лишь ошибочную мена букв, так как читатель в отдельных случаях вправе придавать им фонетическое значение.

1. Ошибочные написания с последующими исправлениями. У I писца: нашъ 13г 26 (*н* переправлено из *в*); заблюжь|шия 25б 3 (*ю* переправлено на *у*); ему|9б 7 (*у* переправлено из *ѣ*); насыти|ша(с) 45а 26, от избытка 104а 9 (в двух последних случаях *ы* переправлено из неправильно написанного *ѣ*, при исправлении вторая мачта, дополняющая *ѣ* до *ы*, была вставлена в соответствующем месте над строкой). Над неправильно написанным *о* в словах *но можетъ* сверху поставлен крючок, чтобы исправить *о* на *е* — 41а 7/8. У III писца описок такого рода мало: во|доми 91а 23/24 (написано *о* вместо *е*, но потом исправлено: над *о* узким поставлена прямая черточка). У IV писца описок также мало: печаль ваша 141г 23 (конечное *а* переправлено из *ь*), народы 147б 20 вместо *народоу*, правильно написанного в том же чтении ниже — 152а 19 (Мт. XXVII 15).

2. Ошибочные написания, оставленные в тексте без исправления.

а) Часто встречаются ошибочные написания буквы из следующего слога. Таковы — у I писца: ѣ вместо *е*: претѣрпѣвыи 102в 3; *и* вместо *е*: ащи ли 43а 16; *о* вместо *а*: но гороу 65а 15; *а* вместо *е*: что ища|та 3б 3; *о* вместо *ѣ*: едино ѿ наимникъ 104б 27, в этом случае возможно и фонетическое объяснение; *о* вместо *ѣ*: оно ре(ч) 17г 3; *д* вместо *л*: гда|ди 101г 11; *п* вместо *т*: в перпѣньи 73б 20; *т* вместо *п*: при ту|ти 45в 27; *г* вместо *б*: глговѣстити 67а 7. У III писца: *о* вместо *е*: но боися 80в 1; *а* вместо *е*: прадаю тебѣ дхъ мои 114а 1; *о* вместо *а*: молomoщныя 83в 19; *у* вместо *а*: бтѹ 95а 19; *е* вместо *я*: дйвле|шеся 89г 13/14; *и* вместо *ю*: трепещици 80б 14; *ь* вместо *е*: галѣлѣанъ 82а 11; *ь* вместо *и*: фарѣсѣи|78в 17; *ѣ* вместо *о*: члѣкь|мѣ 115а 11/12; *ц* вместо *ж*: еще аще 83б 20 (вместо: еже аще); кроме того, у III писца встретилось при переносе неправильное написание буквы гласного из последующего слога: изба|раных 90в 15/16; помышле|леньемъ 83а 12/13; у IV писца: б вместо *г*: изъ бробъ 153в 24; *ѣ* вместо *а*: кто то естъ въ|сь болии 132г 3/4.

б) Ошибочных написаний буквы из предыдущего слога встретилось меньше. Так, у I писца *о* вместо *а*: по ногоу (в значении 'по нагому телу') 107а 27; у III писца *л* вместо *т*: лѣло 82б 18 (вместо лѣто); у IV писца: *ѣ* вместо *оу*: ѿтѣдоу 161б 27.

в) Описки, которые нельзя объяснить влиянием ближайших слогов. Таких описок особенно много у I писца: *а* вместо *ѣ*: во мнѣ мира имате (впрочем, может быть, этот случай следовало бы объяснить синтаксически); *о* вместо *а*: доже 62в 4 (вместо даже); *а* вместо *ѣ*: нага и... 109в 21; *ѣ* вместо *о*: якъ 38б 5; *ь* вместо *е*: емоу же хоцеть кождо просить и боудеть вамъ 22в 10/12 (2 раза); *ы* вместо *и*: мымо идыи 70в 20; *ѣ* вместо *ы*: тѣ ли еси 70а 7; старѣиши|нѣ жречьскы (им. мн.) 108а 18/19; *ы* вместо *ѣ*: реки 110в 7. У III писца встретились следующие описки, которые нельзя объяснить влиянием ближайших слогов: *п* вместо *б*: опаче 87в 13; *о* вместо *е*: възносеть(с)| 94г 15; *е* вместо *а*: отвѣще|въ 94в 13/14; ошибочная вставка буквы: възврадoвася 87в 19. У IV писца: *оу* вместо *ѣ* либо *ѣ* вместо *оу*: одиноу кровъ 177г 5.

У I писца встретились также ошибочные написания, показывающие, что он не всегда понимал переписываемый им текст:

глаголь моихъ 24г 7/8 ошибочно написано вместо глаголомъ ихъ (в О.е. в соответствующем месте: словъмъ ихъ); оѣъ измещеть ся 24б 14 — ошибочно написано ся; ти тогда 47г 30 вместо: и тогда; се не изгониться 47в 2 вместо: сеи изгониться; яко же всѣмъ 4а 4 вместо: вѣмъ; аще 17г 3 вместо азъ, как в О.е.; от оѣъ 17б 26, что согласно обычным сокращениям всех писцов обозначает: от отьць, тогда как в О. е. — овьць; другъ и солникъ 75а 28, вместо: другий сотьникъ; паки 19г 18, в О. е. — како; исправить 2а 25 вместо: исправите; вѣроуемъ 23в 18 вместо вѣруете; блгвивъ| преломивъ 106а 15/16, вместо аориста ошибочно употреблена форма причастия; ошибочно написано число 12 вместо 38; члѣкъ. вѣ. лѣ(т) 10г 26/27, в О.е. в соответствующем месте: тридесате и осмь, в Сийском евангелии: л̄.и.ӣ.; ме|сѣя 14г 13/14 написано вместо: моисѣя, перед с что-то выскоблено. Непонимание отдельных мест текста третьим писцом отражено в следующих ошибочных написаниях. Слово бывше употреблено вместо бивше: бывше оубьють 86г 20; ѣбу и земли леци имѣ|ете искушати 81г 9/11, вместо: лице небу и земли, как это место написано в М. и З.; о иа|вѣванѣ 89а 11/12 вместо: о иоанѣ. У IV писца: тѣ вместо ты — аще тѣ взялъ 157а 11; хоужьшу 174г 22 написано вместо слова: хождьшу; изложю вамъ вонъ 146б 3 вместо: извожю и вамъ вонъ, как в З.; взедоста родителя вместо: въведоста, как в О.е.; подъемлетъ 127в 21 вместо: поемлетъ, как в М., З., О.е.; кмо бо оѣъ любить вы 142а 27, вместо: самъ, как в М., З.; смѣшение змоурно и альвино 151а 25/26 вместо: алгоуино, как в М., или: олгоуино, как в З.

Писцы рукописи. Рассмотренные выше вместе взятые показатели, как разные виды надстрочных и разделительных знаков, выбор тех или других графических вариантов букв, написание оборота *в оно время* перенос слов, сокращенных под титлами, и другие, позволяют четко разграничить почерки в рукописи. Благодаря им выясняется, что I почерком написаны следующие листы, столбцы и строки: лл. 1–27: 36а — 76б 2, 92а — 92в 9, 93в 23 — 95г 30, 96а — 106б 6, 106в — 113г 14, 115б 12 — 115г; II почерком: лл. 28–35; III почерком: лл. 76б 3 — 91г 30, 92в 10 — 92в 22, 93а — 95г 30; 106б 7 — 106б 30, 113г 14 — 115б 8; IV почерком: лл. 116–177. Ниже приводим таблицу почерков. В этой таблице наиболее важны первые два столбца, в которых показаны границы работы писцов (см.

также примечание 2); последующие четыре столбца лишь в более систематизированном виде представляют изложенные выше данные о составе тетрадей и их нумерации.

Анализ почерка, разлиновки и больших инициалов показал, что л. 178 рукописи относится к IV тетради и по почерку тоже принадлежит I писцу. На л. 178, которым завершается рукопись, есть запись киноварью. В записи писец говорит о себе: «... написано бы(с) стое еу(г)е... роукою грѣшного Фофана...» Поскольку эта киноварная запись (полностью она приведена ниже, на стр. 242) по почерку не отличается от основного текста, занимающего л. 178, весь текст, который определен выше как принадлежащий I писцу, следует теперь признать принадлежащим Фофану. Таким образом, Фофаном написана половина рукописи: начата, писана в середине и завершена; ему принадлежат большие инициалы первой части рукописи и, по всей вероятности, миниатюра. Фофан, по-видимому, руководил всей работой, но передал часть ее II писцу (тетрадь V) и IV (тетради XVI–XXIII). III писец работал совместно с Фофаном, попеременно. По некоторым палеографическим данным (предпочтение у перед оу, нормализация употребления графических дублетов, начертание йотированных букв с более высоко расположенной перекадиной, характер почерка, создающий впечатление перехода к полууставу) можно признать, что III писец принадлежал к более молодой школе, чем Фофан. Правда, неустойчивый характер его устава может быть объяснен и меньшей, чем у Фофана, тренированностью в письме. Тщательность и аккуратность в постановке надстрочных знаков тоже говорят об этом. Фофан, уверенный в своем умении и непогрешимости, писал быстро и менее тщательно.

Пробу пера III писца в киновари можно видеть на лл. 84в, 85а, 85б, где в заголовке встречается *e* якорное, слишком узкое вверху и наклоненное вправо, какого нет у Фофана, но встретилось у III писца в основном тексте (77г 15); разделительные точки в заголовке стоят на строке, как всегда у III писца.

Тот факт, что Фофан, создавая эту рукопись, работал не один, но в записи назвал только себя, не является чем-то необычным в истории древнерусской письменности²⁵.

²⁵ См. о ряде подобных случаев в кн.: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908, стр. 30.

Почерки и состав тетрадей

Писец	Листы рукописи по современной нумерации	Нумерация тетрадей		Количество листов в тетради	Количество строк по разбивке	Писец	Листы рукописи по современной нумерации	Нумерация тетрадей		Количество листов в тетради	Количество строк по разбивке
		№№ п/п	Нумерация в рукописи					№№ п/п	Нумерация в рукописи		
I	1-8	I		8	30	I и III**	76-83	XI		8	30
I	9-16	II		8	30	»	84-91	XII		8	30
I	17-24	III		8	30	»	92-99	XIII		8	30
I	25-27	IV		3	32*	»	100-107	XIV		8	30
II	28-35	V	35 об. а	8	30	»	108-115	XV		8	30
I	36-43	VI	36 а; 43 об. в	8	30	IV	116-123	XVI	123 об. а	8	30
I	44-51	VII	44 в; 51 об. г	8	30	IV	124-129	XVII	129 об. в	6***	30
I	52-59	VIII	52 г; 59 об. д	8	30	IV	130-137	XVIII	137 об. г	8	29
I	60-67	IX	60 д	8	30	IV	138- (145)****	XIX	145 об. д	8	31
I	68-75	X		8	30	IV	(146-153)	XX	153 об. е	8	28
						IV	(154-161)	XXI	*****	8	28

* На л. 25 заполнена лишь 31 строка.

** Чередование I и III почерка на лл. 76-115:

I почерк
36а 1 — 76б 2 96а 1 — 106б 6 76б 3 — 91г 30 93а 1 — 95г 30
92а 1 — 92в 9 106в 1 — 113г 14 92в 10 — 92в 22 106б 7 — 106б 30
92в 23 — 92г 30 115б 12 — 115г 113г 14 — 115б 8

*** Между лл. 126 и 127 утерян один двойной лист.

**** Между лл. 138-169 границы тетрадей приняты условно (на таблице относящиеся к тетрадам листы заключены в скобки), так как корешки листов тесно склеены между собой. Старая нумерация этих тетрадей и принятое в рукописи обычное число листов в тетрадях подтверждают приведенное в таблице разделение тетрадей.

***** Из нижнего поля л. 161, где должен стоять номер тетради, вырвана часть.

***** Нижнее поле л. 169, где должен стоять номер, залито краской.

***** Л. 178 пришит и приклеен к предыдущему л. 177.

						IV	(162)-169	XXII	*****	8	28
						IV	170-177	XXIII	177 об. й	8	26
						I	178*****	—		1	32

Вопрос о личности писцов. На этот вопрос ответить трудно. Фофан называет себя только «грешный». Е. Ф. Карский в «Славянской кирилловской палеографии»²⁶ относит его в категорию «разные другие писцы», т. е. не духовные лица и не лица княжеского происхождения. Точнее утверждать что-либо рукопись не позволяет.

О других писцах тем более ничего нельзя сказать, кроме того, что II и IV писцы работали, по-видимому, по заказу Фофана и были профессиональными писцами. Профессиональным писцом мог быть и Фофан, который был, очевидно, и самым старшим из всех четырех писцов. Это видно, во-первых, по его уверенному почерку с размашистыми надстрочными знаками и, во-вторых, по отсутствию у него определенных норм правописания в области употребления надстрочных знаков и графических вариантов букв. У остальных писцов находит выражение то последовательное правописание, которое, по мнению В. Н. Щепкина²⁷, установилось к середине XIV в. Отсутствие у Фофана норм, которыми уже овладели (а может быть, и сами вырабатывали под влиянием общей тенденции того времени) остальные писцы рукописи, характеризует Фофана как старшего среди них, прошедшего выучку еще до возобладания нормализованного правописания.

6. Проблема оригинала

Поскольку установлено, что исследуемая рукопись писана четырьмя писцами и некоторые из них могли работать одновременно, закономерно поставить вопрос о количестве оригиналов, использованных писцами рукописи.

Можно считать, что три писца первой части рукописи, с одной стороны, и IV писец, которому принадлежит вторая часть рукописи, с другой, переписывали текст с разных списков, так как разделение труда между ними, несомненно, было произведено «скорости ради». Но и первая часть создавалась не одним писцом, а тре-

²⁶ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 263.

²⁷ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 106.

мя, из которых двое работали по одному оригиналу, это — Фофан и III писец на листах 36–115. Для второго писца можно предположить особый оригинал, поскольку тетрадь, написанная им, начинается со второго цикла евангельских чтений и не зависит от предыдущего текста. Таким образом, если Фофан писал первые 27 листов с оригинала А, то II писец мог писать лл. 28–35 с оригинала Б, и, следовательно, эти части могли создаваться одновременно. Если так, то начиная с л. 36, когда рукопись перешла снова к Фофану, он мог продолжать работу как по оригиналу А, так и по оригиналу Б. Для IV писца можно предполагать один из этих оригиналов, но только не тот, с которого Фофан и III писец писали лл. 36–115, или какой-то третий оригинал В. В последнем случае Фофан, завершая рукопись, мог переписывать л. 178 с любого из трех предполагаемых оригиналов. Однако предположение о наличии двух-трех оригиналов желательно проверить на фактическом материале.

При чтении памятника обращает на себя внимание единство лексики одной части рукописи и наличие разных вариантов в переводе одного и того же греческого слова в другой части. Единство представляют вторая часть рукописи, написанная рукой IV писца, и первые 27 листов, написанные Фофаном. Для них, следовательно, можно было бы предположить один оригинал. Разночтения в лексике представлены, главным образом, на лл. 28–115. Разночтения заключаются в том, что: 1) имеется слово греческое и перевод его на славянский, 2) имеются два славянские слова, представляющие перевод одного и того же греческого.

Таким образом, лл. 1–27, 116–178 (до записи) имеют, как правило, грецизм, которому соответствует тот же грецизм или его перевод на лл. 28–115, например:

лл. 1–27, 116–178	лл. 28–115
аминь	аминь, право
архиерѣи	архиерѣи, старѣишины жречьскы
геена	геена, езеро огненное, дебрь огненная
июдѣискыи	июдѣискыи, жидовьскыи
олеи	олеи, масло и т. д.

На лл. 1–27, 116–178 могут быть также определенные славянские слова, которым на лл. 28–115 соответствуют те же слова, но чередующиеся с другими славянскими же словами, например:

лл. 1–27, 116–178	лл. 28–115
вскрилие	вскрилие, подолокъ
всякъ	всякъ, весь
горе	горе, лютѣ
женихъ	женихъ, невѣстьникъ
животь	животь. жизнь
пастырь	пастырь, пастоухъ
поль (в выражении <i>онъ поль: пѣрав</i>)	поль, страна
ради	ради, дѣля (слово <i>дѣля</i> встретилось также в записи на л. 178)
свѣдѣтельство	свѣдѣтельство, послоушьство
сонмище	сонмище, сборище
шюица	шюица, лѣвица
языкъ	языкъ, страна (в значении ἔθνος) и др.

Варианты слов, помещенные лишь в правых столбцах, не встретились в словаре Мариинского евангелия, в котором имеется только лексика левых столбцов. Остромирово евангелие из указанной лексики содержит, главным образом, слова левых столбцов и лишь частично те, которые составляют особенность правых. Зографское в этих случаях, по-видимому, согласно с Мариинским (последовательно сравнение чтений Мариинского и Зографского не проводилось). Однако разночтения эти часто совпадают с Сийским евангелием 1339 г. и многими другими полными апракосами, русскими по происхождению.

Эти лексические различия свидетельствуют о том, что изучение лексических вариантов является правильным путем для разрешения вопроса об оригиналах, с которых писали рассматриваемую рукопись отдельные писцы. Однако во время работы над рукописью собирания материала для составления словаря не производилось, так как это не входило в задачу настоящей ра-

боты. Между тем для того, чтобы судить о разных оригиналах на основании имеющихся лексических разночтений или отказаться от этой попытки, нужно было уточнить лексические варианты и их место в определенных частях рукописи. С этой целью были подвергнуты детальному сравнению листы рукописи, имеющие один и тот же текст.

Чтений, в которых дважды повторяется один и тот же текст, довольно много в рукописи, и повторения встречаются в разных местах ее. Так, повторяются чтения: Мт. VII 15–21; X 1, 5–8, 24–31; XIII 45–48, 51–54; XXI 18–20, 23–46; XXII 34–39; XXIV 3–13, 27–51; XXV 1–46; М. I 9–11; V 24–34; VII 27–29; XIII 9, 11–31; XV 43–47; л. X 1–3, 10–12, 19–21; XII 8–12; XIX 29–40; XXII 7–39; XXIII 33–34, 39–49; И. I 43; III 13–21; XIV 1–21; XIV 27–XV. 1; XV 17; XVI 12–13, 15–23; трижды написано чтение М. XIV 3–9.

Но и после сравнения этих мест не оказалось возможным установить отчетливые границы разных оригиналов. Лексические варианты, указанные выше, и многие другие, здесь не приведенные, чередуются группами, но не по тетрадам, почеркам или отдельным листам, а переходят друг в друга на первый взгляд без определенной закономерности. Выяснилось лишь, что слова, специфические для указанных выше правых столбцов, преобладают в чтениях от Пятидесятницы до Поста, хотя в них встречаются и слова, общие для обоих столбцов.

В целях разрешения поставленного вопроса была изучена имеющаяся литература. Оказалось, что нет ни одного издания рукописи полного апракоса (тип Евангелия, к которому относится исследуемая рукопись), которое можно было бы сравнить с изданным И. В. Ягичем Мариинским евангелием, Саввиной книгой В. Н. Щепкина или Остромировым евангелием, изданным А. Х. Востоковым. В истории изучения и издания древнего славянского письменного наследия удачнее сложилась судьба тетраевангелий (изданы Зографское, Мариинское, Галичское 1144 г.) и кратких апракосов²⁸

²⁸ Правильнее избегать общепринятого термина «сокращенный» апракос, так как есть основания полагать, что этот тип Евангелия не был сокращен, но на славянской почве появился первоначально, «полный» же был дополнен позднее. Поэтому в дальнейшем в работе употребляются термины «полный апракос», с одной стороны, и «краткий» — с другой.

(Ассеманиево, Остромирово, Саввина книга, Архангельское евангелие). Издан без сокращений лишь один полный апракос — сербское Мирославо евангелие (около 1200 г.). Поэтому знакомиться с полными апракосами можно лишь по рукописям. Изучение описаний и исследований рукописей, знакомство с другими рукописями евангелия XII—XV вв., из числа находящихся в Московском историческом музее, в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, показало, что при современном состоянии изучения вопроса о составе евангелия и времени перевода отдельных частей его, нельзя судить о разных оригиналах на основании лексики. Ряд ученых (И. В. Ягич, М. Н. Сперанский, В. Вондрак, Н. Ван-Вейк, В. Погорелов и др.) согласно с указанием «Жития Кирилла» и свидетельством Иоанна Экзарха в его «Богословии» утверждали первенство перевода апракоса и вторичность происхождения частей, дополняющих апракос до тетра. Однако состав первоначального апракоса (был ли он полный или краткий) ими не рассматривался. Особая лексика Галичского евангелия 1357 г., приведенная выше в правых столбцах, находит себе соответствие в других полных апракосах, например в №№ 66, 69 (из собр. Синодальной библиотеки), в № 3651 (так называемое Евангелие Оболенского) Государственного исторического музея, в Волоколамском № 1 Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Погодинском 12 Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других. Это соответствие распространяется в значительной степени на Евангелие от Марка по 54 рукописям Евангелий редакции Б, установленной Г. А. Воскресенским, если судить по разночтениям, приведенным в его работе «Евангелие от Марка...»²⁹.

Это соответствие наталкивает на мысль, что полные апракосы еще более позднего происхождения, чем тетра. Представляют ли они особую редакцию, или эта лексика относится лишь к частям, являющимся дополнением краткого апракоса до полного?

²⁹ Г. А. Воскресенский. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций славянского текста с разночтениями из 108 рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно изучить лексику, синтаксис и морфологию не только в разрезе сопоставления сходных частей внутри одной рукописи, но провести такое сравнение по всем чтениям полных и кратких апракосов и тетраевангелий по возможно большему числу рукописей. До той поры, пока этого не сделано, приходится признать, что на основании лексических разночтений нельзя судить об оригиналах, служивших для написания отдельных частей как Галичского евангелия 1357 г., так и любой другой рукописи Евангелия древнейшей поры.

Проливают некоторый свет на проблему оригиналов написания корня *чист-* || *цьст-* в нашей рукописи, поскольку они не связаны с определенными циклами чтений. Слова, производные от корня *цьст-*, отмечены на лл. 5а, 6а, 67а, 70а, 102б у I писца и на л. 91а у III писца. У II и IV писцов написания с корнем *цьст-* не отмечены. Производные от корня *чист-* встретились на листе 30б у II писца, 116г у IV писца и, возможно, в других местах (нет уверенности, что они все взяты на учет; написания *цьст-* отмечены все). Поскольку наличие *ць-* — в одних случаях и *чи* в других к фонетике живого говора писцов не относится (см. стр. 72) и объясняется весьма древними чередованиями дифтонгов «oi» || «ei» и вытекающими отсюда изменениями заднеязычного «к», следует полагать, что они появились в Галичском евангелии 1357 г. вслед за разными оригиналами. Следовательно, оригинал, с которого списывал IV писец свою часть работы, не совпадал с оригиналом, с которого писал Фофан лл. 1–27, однако он мог быть тем же самым оригиналом, с которого II писец писал лл. 28–35 рукописи. Оригиналы, с которых писали I и III писцы лл. 1–27 и 36–115, был, по-видимому, один и тот же: именно этому оригиналу были свойственны написания с корнем *цьст-*.

На разные оригиналы указывают также слова *свьдѣтель*, *свьдѣтельство*, с одной стороны, *свьдѣтель*, *свьдѣтельство*, с другой стороны. Написание то буквы *ѣ*, то буквы *и* в слоге под ударением не связано с особенностями говора писцов (этимологическое «ѣ» (*ѣ*) в слоге под ударением в говоре писцов представляло особый звук, отличавшийся от других гласных, см. ниже) и должно быть отнесено также за счет разных оригиналов. Написания *свьдѣтель*,

свѣдительство, свѣдѣтельство отмечены в 25 случаях у IV писца (при трех написаниях: свѣдѣтельство, свѣдѣтельствую IV 116г, 123в, 144в) и только три раза у I и III писцов: лжисвѣдитель III 94г; свѣдѣтельство I 2в; свѣдѣтельствуемъ I 4в — при 38 написаниях: свѣдѣтель, свѣдѣтельство, свѣдѣтельствovati и других форм этих слов. В этих случаях количественное соотношение написаний с буквой *и* в слогѣ под ударением и буквой *ь* также позволяет выделить как особый оригинал тот, с которого IV писец писал свою часть работы. К сожалению, производные от основ *свьдѣтель*-, *свьдѣтель*- не встретились в V тетради, написанной II писцом (там встретилось лишь два раза слово *свьдѣтние*, которое нельзя ставить в один ряд со словом *свьдѣтельство* и пр.), и тем самым нет новых указаний на оригинал, с которого писал II писец свою часть работы.

Других убедительных данных, которые позволили бы судить об оригиналах, пока отметить не удалось, хотя в рукописи они, может быть, имеются.

В дальнейшем при описании языковых явлений материал памятника группируется только по почеркам в соответствии с тем, как они были установлены выше. Однако следует учитывать, что некоторые особенности как языкового, так и графического порядка могут восходить к различию оригиналов: одного для I и III писцов, другого для IV и, возможно, для II писца.

7. Время и место написания рукописи, дальнейшая судьба ее

Время и место написания. Предмет настоящего описания — рукопись датированная. На последнем листе рукописи, 178 об., имеется следующая запись: «В лѣ(т) · ѿсвѣѣ инди(к). 1 · е кроуга слѣного · ѿ-е м(с)ца фебра(л). кв. на памя(т). стого. ѿца ѿфонасѣи написано бы(с). стое еу(г)е въ гра(д). в галичѣ при княженѣи велико(г) князя, ивана иванови(ч). роукою грѣшного фofана. ѿже боудоу не исправи(л). в коемъ мѣстѣ, исправя ба дѣ(л). чтите, а не кленѣте». При наличии такой записи значительно упрощается вопрос об определении места и времени написания рукописи и, следовательно, остается лишь проверить дату.

Следов подделки записи нет. Почерк записи, как уже отмечалось, вполне сходен с почерком, которым написан весь л. 178, а также лл. 1–27, 36–76 и далее с перерывами до л. 115. Поэтому тем более нет оснований не доверять записи.

Таким образом, год написания рукописи определяется как 6865 «от сотворения мира», или 1357 г. (6865–5508, так как рукопись написана в феврале). Индикт для этого года определен правильно, как десятый, но в определение солнечного круга вкралась ошибка. Он должен был быть определен как пятый, в записи же указан шестой. Эта ошибка могла произойти таким же путем, как происходили ошибки при исчислении индиктов, о которых Л. В. Черепнин пишет: «Пользуясь индиктным счетом, заимствованным из Византии, древнерусские писцы не всегда учитывали колебаний индиктов, происходивших от разницы мартовского (русского) и сентябрьского (византийского) стилей, и поэтому, проставляя индикты, допускали иногда ряд ошибок»³⁰.

Допущенная ошибка требует проверки и других данных записи.

Указание Фофана на то, что писалась книга при великом князе Иване Ивановиче, который княжил недолго (1353–1359), является доказательством в пользу правильности даты.

У Соболевского дата 1357 г. и место написания — город Галич, по-видимому, не вызывали сомнения.

Палеографические особенности рукописей середины XIV в. с территории Галича и прилегающих мест науке неизвестны. Но общие палеографические особенности нашей рукописи не препятствуют отнесению ее к XIV в. и Галичу. Например, зеленый колорит орнамента (заставка на первом листе, зелень в инициалах первых семи листов и в миниатюре) указывает на то, что рукопись написана не в Новгороде XIV в., так как, по указанию В. Н. Щепкина, «в России зеленый колорит орнамента в XIII веке распространен по всей территории, в XIV только вне новгородского государства»³¹. Византийский и тератологический мотивы орнамента указывают также на XIV в.

³⁰ Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, стр. 37.

³¹ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии..., стр. 4.

Отмеченные выше палеографические особенности отдельных букв, свойственные всем писцам, и употребление буквенных дублетов тоже указывают на XIV в., причем не на конец его, а на период до так называемого второго южнославянского влияния.

На основании этих соображений следует признать запись подлинной.

Итак, год написания рукописи — 1357, место написания — Галич, и потому рукопись вполне имеет право называться Галичским евангелием 1357 г.

Д а л ь н е й ш а я с у д ь б а р у к о п и с и. О дальнейшей судьбе Галичского евангелия сообщает запись более поздняя, написанная скорописью на л. 27б. Она гласит следующее: «лѣта ꙗко пе(р)ваго да(л) гаврило ма(т)вие(в) сѣъ рылиевъ на престо(л) николѣ чудотворцю в боа(р)ско(м) лугу стоженцѣ нове(н)ские земли». Из этой записи можно заключить, что рукопись и в 1563 г. продолжала находиться в Галиче в церкви св. Николая.

В Галиче в разное время были два монастыря с церквями св. Николая.

Один из них В. В. Зверинский характеризует следующим образом: «№ 1034... Костромской губ., Галичского у., в 1½ верстах к западу от Галича, при слободе Овиновой на южном берегу Галичского озера. Он уже существовал в XIV стол. и назывался Николаевским по церкви св. Николая...»³². Однако архимандрит Амвросий об этом монастыре сообщает следующее: «Монастырь сей, именуемый ныне Паисиев по имени возобновителя своего Паисия, ... прежде назывался по бывшему во оном св. Николая храму Николаевский; когда же основан и кем, сведений не имеется, а во времена великого князя Дмитрия Ивановича Донского переименован был Успенским, по храму, устроенному вместо Николаевского...»³³. Из этого следует, что в 1563 г. этот монастырь назывался уже Успенским.

³² В. В. Зверинский. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи, т. II. СПб., 1892, стр. 259.

³³ Амвросий. История российской иерархии, собранная... архимандритом Амвросием, ч. V. М., 1813, стр. 447.

Кроме этого монастыря в Галиче был еще один монастырь с церковью св. Николая.

«№ 1005. Николаевский — Староторжский... в уездн. гор. Галиче, Костромской губ. на берегу озера, близ урочища, называемого Столбище или Старое Городище. Полагают, что основан в XV в. преп. Иаковом. В м-ре находится чудотворная икона св. Николая»³⁴. Амвросий сообщает об этом монастыре следующее: «Староторжский Николаевский Галицкий Костромской епархии 3 класса девичь монастырь находится в конце уездного города Галича к северу на полуденном берегу Галицкого озера, окружен 1) с озерной стороны прикосновенным к нему старым городским валом, внутри коего находящееся место никем не населенное именуется Старое городище, и вероятно, что за валом, где стоит теперь монастырь, при населении Старого городища, производима была торговля, отчего и монастырь, построенный на том месте, прозван Староторжским; 2) с полуденной или южной стороны прилегающим к нему градским селением; 3) с юго-западной стороны Галицким озером. В монастыре сем имеется соборная церковь во имя святого Николая, по которой монастырь именуется и Николаевским, а по городу Галицким. До штатов 1764 года было за монастырем сим крестьян 97 душ»³⁵. По-видимому, именно в этом монастыре и находилось Галичское евангелие 1357 г. в 1563 г., когда была сделана запись на л. 27б.

В Патриаршую библиотеку рукопись, надо полагать, попала в период исправления Никоном богослужебных книг (хотя прямых указаний на нее нет в списке книг, привезенных для этой цели).

В настоящее время рукопись находится в Государственном историческом музее, собрание Патриаршей библиотеки № 68.

8. Некоторые графические нормы писцов Галичского евангелия 1357 г.

К середине XIV в. складываются более или менее последовательные графические нормы в русском правописании³⁶.

³⁴ В. В. Зверинский. Материалы..., т. II, стр. 235–236.

³⁵ Амвросий. История российской иерархии..., ч. VI, стр. 319–320.

³⁶ См. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии..., стр. 106.

В Галичском евангелии 1357 г., как мы уже видели, писцы проводят следующие графические нормы.

1. Все писцы употребляют в начале слова только «широкие» варианты букв, имеющих «широкие» и «узкие» графические варианты начертания (кроме *i* и *u*). Так, они последовательно употребляют *ou* и иногда *8* вместо *u*; *ю* и *є* якорное широкое и наклонное, но не *e* узкое прямое; *o* широкое с точками, ресничками или без них, а также *w*, но не *o* узкое. Норма употребления букв *к* и *л* совпадает с нормой употребления широких и узких вариантов букв в начале слова. В начале слога все писцы употребляют буквы *ou*, *є* якорное или *ю* и *o* широкое или *w* вместо «узких» вариантов написаний. Но I писец в конце строки иногда наоборот заменяет букву *к* буквой *л*, употребляемой обычно только после согласных.

2. Последовательно на конце слов, не имеющих энклитик, писцы употребляют буквы *ъ* и *ь*, если слова оканчиваются на согласный.

Буквы *ъ*, *ь* последовательно ставятся даже на конце слов, сокращенных под титлом, кроме слова *іс̄*.

3. Все писцы придерживаются правила оканчивать строку буквой гласного или *ъ* и *ь*. Этот «закон конца строки» очень важен для рассмотрения судьбы этимологических редуцированных в рукописи.

4. Все писцы, кроме Фофана, пытаются упорядочить употребление букв *u* и *i*. Букву *i* они постоянно пишут в слове *іс̄* и иногда в целях экономии места в конце строки.

5. Все писцы (редкие исключения встречаются у Фофана в конце строк) употребляют букву *л* только после согласных как на месте этимологического «*ѣ*», так и на месте этимологического «*а*» после мягких согласных.

В положении после гласного и в начале слова в этих случаях употребляется только буква *ю*.

6. II, III и IV писцы ограниченно пользуются лигатурами. Фофан особенно свободно употребляет многие лигатуры.

7. Употребление надстрочных знаков (точек) над буквами пытаются систематизировать только III и IV писцы, II писец вообще избегает их, Фофан ставит без определенной системы.

Глава II ПРАВОПИСАНИЕ И ВОКАЛИЗМ

1. Об этимологических редуцированных звуках

В галичском говоре середины XIV в. этимологические редуцированные как особые фонемы уже не существовали. Будучи в слабом положении, они исчезли еще в языке предшествовавших поколений (если они не задерживались как очень слабые призвуки гласного элемента в определенных группах согласных). Сильные редуцированные изменились в гласные полного образования, совпавшие с гласными [о], [е] на месте этимологических [о] (не под восходящим ударением) и [е].

Как показывает материал Галичского евангелия 1357 г.³⁷, сильные редуцированные в языке предшествовавшей эпохи были представлены в следующих положениях: 1) в слоге, находящемся перед слогом со слабым редуцированным; 2) в любых сочетаниях с плавными между согласными; 3) после сонорных, не примыкавших к предшествующему слогу, перед некоторыми согласными (чаще группой согласных), где в случае утраты редуцированных образовались бы группы согласных, не имевшие себе подобных до периода падения редуцированных и потому представлявшие трудности для носителей языка той эпохи; 4) очень рано были обобщены в сильном положении редуцированные в некоторых корнях слов перед следующими слогами с [ъ], [ь], [ы] редуцированным и [и] редуцированным, если последние в различных морфологических формах одного и того же слова оказывались то в слабом, то в сильном положении.

Подробно на этом вопросе мы не останавливаемся, поскольку судьба редуцированных не имеет непосредственного отношения к вокализму галичского говора середины XIV в.

³⁷ Галичское евангелие 1357 г. дает значительный материал для выяснения самой истории редуцированных и особенно в последний период их существования в качестве особых фонем. Поскольку этот вопрос представляет особый интерес для истории русского языка, он подробно рассматривается в отдельной работе.

2. Этимологическое «ё» и буква љ

Изучение вопроса об этимологическом «ё» в письменном памятнике складывается из наблюдения над употреблением тех или иных букв на месте этимологического «ё», с одной стороны, и написаниями буквы љ на месте иных этимологических звуков, с другой.

Прежде чем рассматривать материал, относящийся к звуку, произносимому на месте этимологического «ё» и написаниям буквы љ, и давать характеристику соответствующего звука в галичском говоре середины XIV в., ниже делаются предварительные замечания о написаниях отдельных слов или определенных форм, свойственных лишь церковно-книжному языку и потому не имеющих значения для решения вопроса о «ё» в живом языке писцов. Эта группа случаев выделена вследствие того, что в лексике и формах, не свойственных живому разговорному языку, в древнерусских памятниках отмечается непоследовательность в написаниях буквы ѣ, а в отдельных категориях даже последовательная замена буквы ѣ, представляемой в старославянских памятниках, буквами е и ю (а). Не составляет исключения в этом отношении и Галичское евангелие 1357 г.

Основной материал также предваряется замечаниями о корнях, в которых представлены морфологические чередования, и о близких по значению корнях с этимологическими «ё» и «и».

Буквы з, е, ю в церковнославянской лексике и формах слов.

1) Буква е вместо буквы ѣ. В исследуемом памятнике широко представлено написание буквы е вместо ѣ в неполногласных формах. Вследствие того, что слова с неполногласием были чужды древнерусскому языку и написание буквы ѣ в них не поддерживалось живым произношением, старославянский [ě] (ѣ) в этимологических сочетаниях «tert» в древнерусских рукописях издавна передавался посредством буквы е. Это явление, как известно, служит одной из основных черт памятников восточнославянского извода. Галичское евангелие 1357 г. также не является исключением в этом отношении.

Буква е последовательно пишется в следующих словах³⁸: брегъ; небрегоша, небрежеша; бремена; привлекоу, облече, съвлекоша; вредивъ; время; поврещи, въврещи; древо (встретилось единственное написание с ѣ: от дрѣва IV 121г), древянымъ, от древнихъ, древникомъ; жребья (κλήρος); жребя (πῶλος); мрежа; оумрети; преже, предъ, пред-, пре- (единичные: прѣданъ I 111а; прѣдающего IV 132в); среда, посреди, посреѣ (единично у I, III, IV писцов: посреѣ I 39а, III 94а, посреѣ IV 141а); стрегоуще, стрехаоуть; треба, отребить, потребу, требования, требоуемъ; чрево; чреды, чреженье; о чреслѣхъ.

Следующие отдельные слова преобладают с написаниями буквы ѣ в неполногласных формах: плѣнь III 77а; плѣньникомъ I 65в; запрѣти, прѣщахоуть, въспрѣщахоуть I 42а, 54б, 63б, 66г, 96а, 97г, 11 29а, IV 117в, 118а, 121а, 149г, 153а, 164б, при написаниях е: прещаше I 51б, запрети III 82г, 93б.

К особой группе следует отнести слова, отдельные формы которых различались в старославянском и древнерусском языках. В тех случаях, когда в Галичском евангелии употребляется форма, не свойственная обыденному языку писцов, они пишут букву е в соответствии с буквой ѣ старославянских памятников. Указанное явление широко известно и по другим древнерусским рукописям.

а) Косвенные падежи единственного числа существительного *тѣло*. В книжной форме с основой на -с- пишется буква е в следующих случаях: телеси I 2г, II 32а, III 80г; телесе (род. п. ед. ч.) IV 156а; телеса (вин. п. мн. ч.) IV 150в, 153в. В формах, свойственных только разговорному языку, у всех писцов представлена буква ѣ: тѣла I 5а, 8в, IV 150г, 154а; тѣлоу II 31г, III 78б; тѣломъ, тѣломъ I 56в, 99г,

³⁸ При приведении материала здесь и ниже не восстанавливаются основные формы слов, если они отсутствуют в памятнике. В этих случаях указываются формы косвенных падежей, личные формы глаголов вместо инфинитива, причем из встретившихся в памятнике приводятся наиболее показательные. Все встретившиеся формы различного словообразования от того или иного корня указываются. В отдельных случаях приводятся несколько форм одного и того же слова, чтобы показать ударенное и безударное положение для «ё» (ѣ) и положение перед следующим твердым или мягким согласным.

II 32а, III 80г, IV 163в, 168б. В формах именительного и винительного падежей единственного числа, не имеющих различия в разговорном и книжном языке, также последовательно представлена в корне буква *ь*: тѣло I 8в, 26в (2), 39б, 63в, 103г, 106а, 110г, 178г, II 31а (3), 31г, 32а, III 78б (2), 78в, 79в, 80г, 86б, 114а, 114б, IV 130г, 131б, 132б, 134в, 135г, 151а (3), 154а (2), 162б (2).

б) Отмечены написания буквы *е* вместо *ѣ* в отсутствующих в разговорном языке формах аориста: простърся III 87в; оумре III 80б, IV 126в.

в) Формы дательного и местного падежей единственного числа местоимений *тебѣ*, *себѣ* в древнерусском языке имели основу *тоб-*, *соб-*, встречающуюся и в настоящее время в народных говорах. Несоотносимость фонем разговорной формы, выявляющихся в написаниях *тобѣ*, *собѣ*, и книжной формы (*тебѣ*, *себѣ*) приводила к мене букв *ѣ* и *е* на конце этих последних, известной многим русским памятникам. Эта мена, возможно, поддерживалась влиянием написаний форм родительного падежа единственного числа тех же местоимений.

Галичское евангелие 1357 г. представляет такой материал в этом отношении: *тобѣ* I 21г, 23г, II 33а, 34б, IV 174г, 177б; *тебѣ* I — 54 случая, II 33б (3), 111 — 14 случаев; IV — 36 случаев; *тебе* I 3в, 106в, III 81г, 114в; *собѣ* I 2а, 2б, 2в... 26 случаев; IV 163в, 169в; *себѣ* I — 36 случаев, II 34а, III — 16 случаев, IV — 20 случаев; *себе* I 2б, 3а, 46а, 50а, 53б, 104б, 111а. В приведенном материале важно то обстоятельство, что формы *тобѣ*, *собѣ* с основой [тоб-], [соб-], свойственные только разговорному языку, не отмечены с буквой *е* на конце, но только с буквой *ь*.

Не может рассматриваться в одном ряду с употреблением буквы *ь* в словах, бытующих в разговорном языке, ее употребление в заимствованных греческих словах, главным образом, именах собственных (материал этот приводится ниже, так как он дает косвенные показания для суждения о качестве звука, обозначаемого буквой *ѣ*).

Написание буквы *е* вместо *ѣ* в положении под ударением отмечено в одном случае в слове *потѣбѣга*: *подѣпегоу* I 48г (но: *потѣбѣгоу* I 26в). Оно объясняется, по-видимому, тем, что этимология этого не употреблявшегося в живой речи слова была неясна

не только писцам нашей рукописи, но и лицам, переписывавшим предыдущие списки.

2) Написание буквы *я* (А) в соответствии с «ё». Буква *ь* отмечена в корне -*ѣд-* как в середине слова после префиксов, где сохранение ее закономерно с точки зрения этимологической, так и в начале слова, где следовало бы ожидать сочетание [ja]. Наряду с буквой *ѣ* в тех же положениях отмечена буква *я*, наличие которой закономерно лишь для начала слова ([je] → [ja]). Отсутствие определенной закономерности в этих случаях, конечно, не сохраняется с доисторических времен, когда имело место взаимовлияние форм с префиксами и без них, но появилось под влиянием церковно-книжного языка. Еще в доисторическую эпоху в различных славянских языках происходила унификация форм с «ё» в корне и с «ja»³⁹. В древнерусском языке возобладало «ё» (звучало [è] или [ie]). В южнославянских языках «ё» и «ja» в корне -*ѣд-* унифицировались в [ja]. Таким образом, в нашем памятнике, как и в других древнерусских канонических памятниках, сосуществование написаний буквы *ѣ* и буквы *я* в корне -*ѣд-* в одних и тех же случаях обязано влиянию со стороны старославянского языка, а не указывает непосредственно на совпадение звуков, обозначаемых в других словах буквами *ѣ* и *я* (А).

Слова с корнем -*ѣд-* с буквой *ь* отмечены в следующих случаях: *ѣсти* I 51г, 55, II 32а; *ѣсть* I 10а; *ѣмы* II 28б, 32б; *изѣѣдаютъ*, *изѣѣсть*, *изѣѣдъ* I 98а, 103г, 104г, *изѣ* II 33в; *снѣмъ* IV 132а; *снѣсть*, *снѣдаете* I 47в, IV 116в; *снѣдно* I 20в; *обѣдъ* I 56а, III 81в; *обѣда* III 78в; *обѣдаетъ* III 78в; *обѣдоуите* IV 157г; с буквой *я*: *касти*, *касть* I 9в, 10а 15а... 18 случаев; II 33в, 33г; III 80в, 81а; *кадятъ* I 16в, 39в, 59б (3)... 9 случаев; III 80в, 81а, 81б, 83в, 94в; IV 128а, 129г, 130а... 8 случаев; *камь*, *камъ* I 99в, 105г, 110в (2), IV 131г; *каси* I 99в, 105в; *касть* I 36а, 65а, 70г, 74б, III 88в, 84б, IV 119а; *касте* I 111а, III 80г, IV 132г; *каже* I 15а; *кажъ* I 15а; *кадѣте* I 74г, 106а; *кахъ*, *кахомъ* I 66б, 92в; *каша* I 8б, 9в, 10а... 8 случаев; *кадяхоу* I 72в, III 86а, *каль*, *кали* I 8в, 71а; *кадъ*, *кады(и)*, *кадшимъ*, *кадоушимъ* и др. I 10б, 11г (3), 16в... 19 случаев; II 33а, IV 119а, 127в, 135в, 135г, 169а; *кадшихъ* I 57г; *покадающеи* I 101б; *обьяденъемъ* I 109б; *кадецъ* II 33а; *кади* (сущ.) III 80г.

³⁹ См. А. Мейе. Общеславянский язык, М., 1951, стр. 68, 96–97.

Для рассмотрения вопроса о звуке, развившемся на месте этимологического «ё», также не является показательным единичное написание: вѣдяхъ I 61г вместо: вѣдѣхъ (в других памятниках аорист) в форме прошедшего времени, отсутствующей в период создания Галичского евангелия 1357 г. в разговорном языке.

Форму *вѣдяхъ* можно рассматривать также и как стяженную форму имперфекта. И в том и в другом случае это написание не характеризует обыденное произношение писцов и к фонетике отношения не имеет.

В исследуемой рукописи встречаются написания буквы ѣ в одних случаях и написания буквы е в тех же формах в других случаях в глаголе *вмести*. Они обязаны своим появлением, по-видимому, морфологическому чередованию, вследствие которого в одних случаях была представлена ступень долготы в корне, в других — отсутствие таковой: *вмету* — *вмести*, с одной стороны, и *вмѣтаю* — *вмѣтати* (βάλλω), с другой. С буквой ѣ употреблены следующие формы: *вмѣтають*, *вмѣтающихъ* I 22в, 101б (2), 104а, II 28г, IV 168г; но и: *вмѣщюща* I 49г; *мѣщеть* I 101б; формы с е в корне употреблены правильно: *измещеться* I 22б; *мещете* I 17в; ни помещѣте II 29в; *мещѣте* I 66б; *вмещемо* II 32б; *вмечющема* II 29г; *вмещемѣ* III 81а; *мещаяща* I 103г.

Буквы ѣ, и в словах, близких по значению (ложная этимология). В частях, написанных III и IV писцами, отражена путаница корней *вид-* и *вѣд-* в глаголах *видѣти* и *вѣдѣти*, известная и другим русским памятникам, а в дальнейшем развитии языка нашедшая отражение даже в литературном языке (ср. современное *свидетель*, *свидетельство* при более раннем *свѣдѣтель*, *свѣдѣтельство*). Так, в памятнике отмечено: *видите*, *видѣ*, *видѣль* III 81б, 90а, 91г, вместо: *вѣдите* и др.; *видяше* же иуда IV 143в (И. XVIII.2; М., З. — *вѣдѣаше*).

Может быть, сказывается влияние глагола *вѣдѣти* в форме повелительного наклонения в случае: *видѣта* IV 154г, вместо: *видита* (как в М. и З.). Однако единичная форма: *ведять* IV 149г (М., З. — *вѣдять*) не может быть объяснена таким образом.

Не было ясно писцам и соотношение между корнями *мир-*, *мѣр-* в значении 'мир' (εἰρήνη), с одной стороны, и 'смирение' (ταπεινῶσις), с другой стороны, представленное написаниями:

смѣряющеся I 25г (Мт. V 9; в М., З., С. кн. — *смирающеиса*); *смирися* I 26б (Мт. V 24, М., З. *сѣмирися*); *смѣренъ* II 33в (Мт. XI 29; М., З., С. кн. — *сѣмѣренъ*); *смѣрится* IV 169б (Л. III 5; М., З., С. кн. — *сѣмѣрится*); *смѣренье* IV 173а (Л. I 48; М., З., С. кн. — *сѣмѣрение*).

Весь приведенный материал написаний букв е, ю (а), и на месте «ё» при суждении о наличии особого звука, обозначаемого буквой ѣ, или отсутствии его, а также о его качестве (в случае наличия) должен быть отведен как не отражающий фонетической системы говора писцов.

Остальной материал Галичского евангелия 1357 г., как относящийся к передаче этимологического «ё» разными буквами, так и все случаи употребления на письме буквы ѣ, рассматривается ниже. При этом ввиду обилия материала и значительной однородности его, в ряде случаев дается лишь общая характеристика его, однако приводятся без исключения все отклонения (кроме тех, которые указаны и истолкованы выше).

Вопрос об «ё» (ѣ) рассматривается далее в такой последовательности: 1) написания на месте этимологического «ё» в корнях слов, 2) в основах инфинитива глаголов III, IV классов и образованных от этих глаголов существительных, 3) в суффиксах и во флексиях (по частям речи); в последнем случае материал приводится со сравнительно меньшей полнотой, так как чисто морфологический аспект исследования выходит за пределы проблем, поставленных в настоящей работе.

Этимологическое «ё» (ѣ) в корнях слов. Материал на «ё» (ѣ) в корнях слов приводится в алфавитном порядке корней независимо от места по отношению к ударению и твердости—мягкости следующего за «ё» (ѣ) согласного. Объединение материала допущено вследствие того, что: 1) твердость—мягкость последующего согласного не имеет значения для суждения о «е» (ѣ) в исследуемом памятнике; 2) этимологический «ё» сохраняется в говоре писцов как особый звук как в положении под ударением (независимо от качества следующего согласного), так и в предударном положении; 3) поскольку Галичское евангелие — рукопись не акцентованная, в отдельных случаях затруднительно определить место ударения вследствие его перемещения на протяжении истории языка.

В следующих корнях слов последовательно пишется буква ѣ на месте этимологического «ё»:

бесѣдоу, бесѣдоваста, бесѣдоующемоу; болѣзни, болѣзна, болѣзньнии, болѣхъ; бѣгають, бѣжить, бѣжаша, оубѣжати, разбѣгнуться; въ бѣдѣ, бѣдноу, бѣднѣносима; бѣствовавши (вместо: бѣство ваше — φυγή; по-видимому, переосмыслено писцами данного памятника или более отдаленного оригинала как производное от корня *бѣд-*), бѣство; бѣль, небѣлена, набѣлена; бѣсь, бѣсныя, бѣсовьскыи, бѣсновавыи, бѣситься, бѣсящюся;

вѣдыи, вѣмь (вѣси, вѣсть, вѣмы), исповѣмь, вѣдяще, вѣдоуще, вѣдѣ, повѣда, повѣжь, увѣдѣвъ, заповѣда, исповѣда, проповѣдая, въ проповѣданьи, заповѣди, проповѣдите, вѣдѣли (33г), блговѣстити, блговѣстоуютъ, възвѣстити, възвѣщю, вѣстники; вѣкъ, вѣчный; вѣнецъ; вѣра, вѣрныи, вѣренъ, вѣроуите, вѣроуяи, вѣроующихъ, вѣрованье, маловѣри; свѣсиша, обѣсять (в значении 'повесят'), обѣшеною, завѣса; завѣтъ, отвѣтъ, извѣты, отвѣща, завѣща, обѣщания, обѣтованье; вѣтвь, вѣтви, вѣтвие, вѣя, вѣя (существительное⁴⁰), възвѣяша; вѣтръ, вѣтрена;

гнѣвъ, гнѣвашяся, прогнѣвася, разгнѣвася; гнѣздо, гнѣздитися; гнѣтающъ, оугнѣтахоуть, възгнѣтившимъ (же имъ огонь — περὶ αὐτῶ); грѣяся; грѣхъ, грѣшникъ, грѣшница, грѣшенъ, прегрѣшении, сьгрѣшити;

въздѣрѣмаша; дѣло, дѣлатель, дѣлати, дѣлающии, дѣлана, дѣяти, дѣите, дѣета, дѣянии, надѣяхомся, любодѣица, прелюбодѣи, любодѣинаго, прелюбодѣинаго, злодѣи, задѣша (ἀγγαρεύω), придѣша (просφέρω); раздѣлити, раздѣляюще, предѣлы; дѣля (διά); дѣти, дѣтищъ, дѣтескъ;

желѣзный;

звѣзды; съ звѣрми; зѣло;

клѣтъ, клѣти; колѣблемы; колѣна, колѣни, колѣноу; крѣпокъ, крѣплящяся, оукрѣпляя, крѣплии, въсь|крѣси, въсь|крѣсноути (обычно же этот корень сокращается под титлом), въскрѣшению, въскрѣшаите; коупѣль;

лѣвица, олѣвоюю; прилѣжно, прилѣжнѣ; облѣжающе (Мт. VI. 16; ἀφανίζω); слѣзи, излѣзъшю, влѣзъ, влѣсти, влѣзоша;

⁴⁰ Однако И. XII 13 — ваия.

пролѣться; лѣнвивыи; прилѣпиться, прилѣписа; лѣто; нѣ (с)лѣтъ (οὐκ ἔξεστι);

мѣди, мѣдници, мѣднымъ; измѣноу, мѣнится, вмѣнитися, мѣнитася (Мт. X 29; πωλέομαι; М. вѣнимѣ); мѣроу, мѣрите, възмѣрится, смѣряющяся, лицемѣри, лицемѣрия; мѣсто, вмѣстити, вмѣщается; мѣхы, мѣси, мѣща; смѣси, сьмѣшение, смѣшенъ;

невѣста, невѣстьникъ; нѣмъ;

олѣи; опрѣснокъ;

первѣнъца; побѣдоу, побѣхъ (ошибочно, вместо: побѣдихъ); посѣти; пѣнами; пѣнязь, пѣняжники; на пѣсцѣ; пѣши;

рѣзахоуть, оурѣза, обрѣзаете, обрѣзанье, отрѣза; рѣкы, рѣцѣ; рѣхъ (рѣша, рѣста), рѣчь (ошибочно несколько раз вместо: рече); разрѣшите (разрѣшити), отрѣшите, отрѣшивша, отрѣшьша; обрѣте, обрѣты, обрѣтоша, приобрѣте, срѣте, срѣтенье;

свѣтъ (φῶς), свѣтлоу, свѣтилници, на свѣтилѣ, свѣтится, просвѣтятся, просвѣщаетъ; свѣтъ (συμβούλιον), свѣтьникъ, свѣщаша; слѣдъ, въслѣдиша, въслѣдуетъ, наслѣдятъ, наслѣдые, наслѣдникъ, наслѣдоуите, наслѣдъствоуите, послѣднии, послѣдоующемоу, послѣдокъ, послѣдъ, послѣжь; слѣпъ, слѣпыи; не смѣяхуть (τολμάω); смѣющяся (γελῶω); снѣгъ; сѣвера; сѣде, сѣсти, сѣдѣти, сѣдяи, сѣдяше, сѣдалища, присѣдити, соусѣдъ, соусѣди, предѣсѣдания, прегжесѣдания, въсѣль; сѣмя, сѣмене, сѣяше, сѣяль, сѣяи, сѣяшюмоу, сѣяния, въсѣяль, въсѣяное, по насѣяню; оусѣкноу, сѣченъ, оусѣци, оусѣкновенье, отсѣкахоу, отсѣци, посѣкають, оусѣкателя; сѣмо (ᾠδε); сѣно; сѣнь (σκιά), под сѣнью, сѣни смертнѣя, осѣнить, осѣня(и) (ἐπισκιάζω); три сѣни (σκηνή; М. скиниѣ); посѣти, посѣтите;

тѣсенъ, тѣсная, оутѣшняеть; тѣскъ (ληνός);

оубѣди; оутѣхы, оутѣшатся;

хлѣбъ, хлѣбнаго⁴¹;

цѣвтець; цѣль, цѣлая, цѣля, ицѣлить, ицѣляите, ицѣлѣвыи, ицѣлятья, ицѣлится, ицѣлѣеть, ицѣлившюмоу; цѣловати, цѣлоуите, цѣлование; цѣна, цѣниша, многоцѣненъ, многоцѣнныи; оцѣпѣеть (вместо: оцѣпнѣеть);

⁴¹ Написание *хлиби* I 65а в выражении *да боудуть хлиби* вместо *да боудеть хлѣбъ*, как в М., является порчей текста.

человѣкъ, человѣчь, чловѣчьскы;
ѣди, ѣхахоу, поѣхаша, ѣдоущю.

В Галичском евангелии широко представлен корень *цѣст-* с этимологически правильным написанием буквы ѣ, вместо более частого *чист-*, что указывает, по-видимому, на доисторическое чередование гласных *ei* || *oi*: оцѣсти I 102б, оцѣщеньи I 5а, оцѣщенью I 6а, о цѣщении I 67а, оцѣщают(с) I 70а. Однако у II писца — очищайте II 30б, у IV — очищенье IV 116г.

Буква ѣ последовательно пишется в словах, первая часть которых представляет собой отрицание *нѣ* (из более древнего сложения *не есть*): нѣсмь, нѣси, нѣ^с (= нѣсть), нѣсте; нѣкыи; нѣ в коемь; на мѣстѣ нѣкацмь; нѣкто; нѣчто; нѣкторыи; нѣции.

В приведенном материале указаны только те корни, в которых последовательно всеми писцами пишется буква ѣ. В него не вошли слова *свѣдѣтельство, свѣдѣтель, свѣдѣтельствovati*, которые последовательно пишутся с буквой ѣ в первом слоге всеми писцами, но во втором слоге наряду с написаниями ѣ отмечены написания буквы *и*. Именно, у I писца при 38 написаниях: свѣдѣтель, свѣдѣтельство, свѣдѣтельствovati — встретилось два написания буквы *и* в слоге под ударением: свѣдѣтельство I 2в, свѣдѣтельствуемь I 4в; у II писца всего два раза встретилось слово: свѣдѣние (с ѣ в рассматриваемом положении), слов: свѣдѣтельство, свѣдѣтель, свѣдѣтельствovati у него не встретилось; у III писца: свѣдѣнье III 8а, лжисвѣдѣтель III 94г; у IV писца преобладают написания *и* в слоге под ударением: свѣдѣтельство IV 116г, 123в; свѣдѣтельствую IV 144в свѣдѣтельство IV 150г, 153г, 160г, 174г; свѣдѣтель, свѣдѣтеля IV 137в (2), 137г, 144г (2), 145а; свѣдѣтельствуеть и другие формы этого глагола: IV 122г, 137г, 141а (2)... всего 15 случаев, т. е. три написания ѣ при 25 написаниях буквы *и*.

Последовательно с буквой *е* вместо ѣ отмечены следующие слова: гибель I 63б, IV 130г, 134в; изгыбель I 103в; погыбельныи I 22а, IV 143а; голени, голению IV 150в (3), 153г (3), 160в (2), 160г; обитель, обители I 20г, IV 138г, 139в, 165г. Характерно, что во всех этих случаях звук, обозначаемый буквой *е* на месте «ѣ», находится в заударном положении. Наряду с ними отмечено единичное *первьнца* правильно с буквой ѣ.

Что касается слова *свѣдѣтельство*, то написание *и* вместо ѣ в положении под ударением перед следующим мягким согласным только в одном слове не может служить указанием на совпадение соответствующего звука со звуком [и] в этом положении. Написание *и* вместо ѣ только в одном слове может указывать либо на бытование этого слова со звуком [и] в языке писцов Галичского евангелия 1357 г. (т. е. на заимствование ими этого слова из говора, знающего совпадение звука на месте этимологического «ѣ» со звуком [и] в указанном положении), либо свидетельствует об отражении этого фонетического явления в каком-то из более ранних списков.

Возможно, что предполагаемый список был южнорусского происхождения. Относительно слова *свѣдѣтельство* И. В. Ягич писал: «Давно указывается также на форму «свѣдѣтельство», свойственную преимущественно южнорусским памятникам. За этими и другими подобного рода формами..., знаменательными для происхождения памятников, надо зорко следить; иные из них потом вышли из своих первоначальных пределов и с того времени, конечно, перестали иметь значение диалектических примет. Так напр. «свѣдѣтельство» сделалось потом очень распространенным словом»⁴². Ввиду особого характера создания Галичского евангелия 1357 г. — оно писалось четырьмя писцами, из них по крайней мере двое работали одновременно и, следовательно, пользовались разными оригиналами, — более вероятно предположение, что в оригинале, с которого списывал IV писец вторую часть рукописи и I писец первые листы рукописи (но не в оригинале или оригиналах, с которых списывал II писец свою часть работы и I и III писцы 36–114 листы рукописи), рассматриваемое слово уже было в написании с буквой *и* вместо ѣ под ударением: свѣдѣтельство.

Если бы произношение слова *свѣдѣтельство* с [и] было в языке писцов, это нашло бы более последовательное отражение у I писца. Будь совпадение звуков на месте «ѣ» со звуком [и] свойственно галичскому говору середины XIV в., оно должно было бы отразиться и в других морфемах в указанном положении.

⁴² И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 27.

Между тем приведенный материал показывает, что в положении под ударением даже и перед следующим мягким согласным в корнях слов (тем более в положении перед твердым согласным) последовательно употребляется буква ѣ, например: болѣзни, болѣзньни, бѣсится, вѣсть, вѣдяще, свѣсиша, вѣтви, вѣя, грѣся, дѣите, любодѣинаго, раздѣлить, дѣти, дѣтескъ, клѣтъ, клѣти, колѣни, коупѣль, лѣтъ, мѣнится, лицемѣри, вмѣстити, олѣи, пѣнязь, наслѣдье, смѣяхоуть, сѣнь, сѣни, сѣмя, вѣсѣяное, тѣсенъ, многоцѣнны, челоуѣчъ, ѣди и др.

Таким образом, массовые показания памятника относительно этимологически правильного употребления буквы ѣ в положении под ударением между мягкими согласными позволяет при суждении о наличии особого звука на месте этимологического «ё» отвести написания *свидитель* и производные как не имеющие отношения к отражению фонетической системы рассматриваемого говора.

Этимологическое «ё» (ѣ) в основах инфинитива глаголов III и IV классов. В Галичском евангелии 1357 г. последовательно пишется буква ѣ в глагольных формах, образуемых от основы инфинитива глаголов на- «—eti», и в именах существительных, образованных от этих глаголов. Единичные исключения приводятся ниже наряду со случаями, типичными для всех писцов.

Кроме указанных выше слов (болѣзнь, болѣхъ; вѣдѣти; задѣти и родственных им), сюда относятся: бѣдѣти, бдѣль; повелѣ, повелѣное; видѣль, ненавидѣти, възненавидѣша, видѣвше, привидѣние (так у всех писцов, кроме III, у которого встречаем: видети III 82в, видевь же III 114а, видехомъ III 94б, видевы III 83б); грѣся, грѣющаяся; оудѣбелѣ; довлѣеть; желѣти, възжелѣхъ; оузрѣвъ, зазрѣти, възрѣвы, прозрѣнье; имѣти, имѣя, имѣнье; окаменьѣло, окамянѣло; заматерѣвши; омладѣла; мнѣгитися (в значении 'уменьшаться'); мнѣвша, мнѣша (в значении 'думать', 'полагать'); обидилъ I 99г; одѣсте, одѣша, одѣеть, одѣнъ, въ одѣни, одѣнье (однако всегда: одежда, во одежѣ, одежу); запечатлѣ; опустѣеть, запоустѣнья; вѣспѣ, вѣспѣвше, пѣние, в пѣ(с)ныхъ (M — въ кнѣгахъ псаломъскихъ); скорбѣти, оскорбѣ; оскоудѣеть, оскоудѣема; ослабѣють; ни смѣ; старѣши, старѣшина (34 сл.), старѣи (встретившееся

один раз у I писца написание: от стареи жрецъ и кнѣжнѣкъ — вместо: от старѣць, архиереи и кнѣжнѣкъ, как в M. и Z., при: старѣи I 44в, 99в, 104в, могло появиться вследствие непонимания писцом данного текста); претерпѣвыи, в терпѣныи; оудолѣють; оупѣеть, оупѣвши, спѣяше, поспѣвающую; оумѣете; разоумѣеть, разоумѣвъ; хотѣсте, вѣсхотѣ, хотѣниемъ, похотѣнья; ицѣлѣти, ицѣлѣеть, ицѣлѣвша.

Этимологическое «ё» (ѣ) в сравнительной степени. Буква ѣ последовательно пишется в сравнительной степени в следующих словах: горѣ I 11б; добрѣ I 106а, III 95б (3), IV 135г; прилѣжнѣ VI 136в; мнѣ I 37б; отраднѣ I 74г, 75а, II 30в, IV 153а; скорѣ IV 156в; оудобѣ I 51а, 68в, 96в (2), III 85а, 95а, IV 117а; оунѣ I 22г; ч(с)тнѣ III 94в; должнѣиша III 85а; лютѣиши II 35б; первѣиши I 100г; старѣиши — и существительное: старѣишина (много раз); встретившееся написание: грѣшнеише III 82а, ввиду его единичности, по-видимому, следует признать опиской, обусловленной буквой е в последующем слоге.

У I и II писцов встретилось по одному написанию с буквой ѣ вместо ожидаемого е: мнѣ I 53г; болѣ II 35а, при обычных: мне, боле. Написание ѣ в этих случаях, видимо, явилось следствием взаимовлияния форм сравнительной степени с суффиксом «-ѣе» и «-е», поддерживаемого к тому же стяжением гласных в первом из суффиксов (стяженные формы членных прилагательных широко представлены в памятнике).

У I писца отмечены написания: первые I 37а, 60в, 69в, при более правильных с этимологической точки зрения написаниях: первѣ I 74в, III 79б, IV 144а, 156г, 165в, 170в.

Этимологическое «ё» (ѣ) в падежных окончаниях имен существительных. В падежных окончаниях имен существительных в соответствии с этимологическим «ё» последовательно пишется буква ѣ:

- 1) в местн. п. ед. ч. твердой разновидности «о»- и «а»-основ;
- 2) в дат. п. ед. ч. «а»-основ;
- 3) в им.-вин. п. дв. ч. «а»-основ и слов среднего рода «о»-основ;
- 4) в местн. п. мн. ч. «о»-основ.

Кроме того, в отдельных случаях буква ѣ пишется по аналогии в тех же падежных окончаниях в разрушающихся типах склонения, а также в мягкой разновидности «о-» и «а-»основ. Так, в местном падеже по аналогии отмечено написание ѣ в мягкой разновидности «о-» и «а-»основ: князьѣ III 76г; в Галичѣ I 178г запись; во оцѣ I 21б, 21в, при правильном с этимологической точки зрения: во оѣи I 17г, 21г, 23б и др.; поустыньѣ I 9в, 10а, 11г, при: в поустыни, на поустыни I 2а, 4а, 4в, 45а, 49в..., IV 168г (2), 169а, 169б, 176б и др.; в темницѣ I 109в, II 32б, IV 129г, при: в темници I 5а, IV 130а (2), 130б; во одежѣ I 70б. В основах на согласные отмечено: въ оцѣ I 69б (3), II 29в (2), но: во очеси I 69б; во мн. ч.: бременѣхъ III 78г; на небесѣхъ III 114б, на нб(с) ѣхъ III 89г, 96а, 115б.

Этимологическое «ё» (ѣ) в наречиях. В следующих наречиях, являющихся по происхождению формами местного падежа единственного числа, и производных от них, а также наречиях места (по значению), последовательно пишется буква ѣ: бѣднѣ II 34а; вкоупѣ I 15б, 112а, III 86б, IV 157б (кроме того, встретилась форма: вкоупь IV 15бв, не имеющая отношения к «ё» — ѣ); внѣ, внѣ I 52а, 59г, 60а, 105б, II 35б, III 77в, 92в, IV 138а, 144а, 145а, 156г; внѣшнее III 78в, внѣшьнимъ I 53б; вскорѣ I 102а, III 94б; всюдѣ IV 135г; добрѣ I 14в, 15г, 39в, 59б... 6 случаев; III 91а, 95а, IV 117в, 134а, 135б, 144в; илѣ (илѣ живѣ — ἰμθηανής) III 83а; доколѣ I 17б, 42а, 47б (2), III 84г (2), IV 118в (2); не на долзѣ (времени, а также без последующего существительного) I 101г, 112б; донелѣ же I 26б; доселѣ I 6б, 6в, 23б, II 32г, IV 123г, 142а; досюдѣ III 113г; злѣ I 42а, IV 125г, 144в; кромѣ III 78б; промѣ (описка, вместо — кромѣ) III 82в; люгѣ I 43а (2), 102в, 106а, 111а, III 78г (5), 79а, 79б (2), 91в; в малѣ, о малѣ, по малѣ I 23а (7), 61в, 61г, 97а (2), 108а, IV 129а (2), 141в (2), 141г (5); во мнозѣ, по мнозѣ (времени — и без существительных) I 61в, 97а; моудрѣ III 85а; ноудѣ I 16г; отнелѣ же I 71в, III 82б, IV 118в, отселѣ I 21а, 62в, 66в, 110г, 112в, III 81в, IV 132б (2), 137г, 145а, 173а; отсюдѣ IV 140а; (отъ)голѣ I 12а, 41б, IV 131в, 134г, 171в; поздѣ I 5в, 8а, 42в... 8 случаев; II 33г, IV 154а, 157б; поистѣнѣ I 108а (ѣ в предпоследнем слоге — описка); послѣ (-же, -жь) I 26в, 99а, 100б, 101г, III 90г; послѣдѣ I 46б, 65а, 97а; послѣди же I 46а, 46в, 52г, 63г, IV 125а, 125б, 125в... 10 случаев; развѣ I 26в, 42г, 45б, 48г, 100г; сквозѣ I 51а, 60б, 68а... 9 случаев; II 35а, III 77а, 77в, 80а... 6 случаев, IV 116а, 118г;

възъквозѣ IV 118г; смысленѣ I 101а; твердѣ I 107а; тоудѣ I 54в, 99г; явѣ I 11б (2), 19б, 51б, 178а, III 93в, 114в, 115а, IV 138а, 145б, 164б. Сюда же можно отнести наречие *посредѣ* I 39а, III 94а и, кроме того, посреде I 107в (это слово обведено другой рукой чернилами по ранее смазанному, вероятно, позднее времени написания памятника, поэтому написание в данном случае буквы е на конце слова непоказательно). Обычно это наречие пишется с и на конце, что указывает на образование от другой исходной формы (*сръдѣ*, а не *сръда*) или на влияние со стороны «i-»основ. Написания *среди*, *посреди* представлены в следующих случаях: посреди, среди I 2б, 5в, 16б... 16 случаев; посръди — I 111а; наряду с ними — *посредѣ* I 5г, 42г, 47а, II 30в, III 91в, 94а, IV 116б, 132г, 158г, 160б, 168а. Написание и в данном случае к фонетике отношения не имеет.

К рассмотренным наречиям относятся также наречия, имеющие на конце частицу *-дѣ*: *весьдѣ*, *идѣ*, *кдѣ*, *сдѣ*, *ондѣ* и др. В этих случаях старославянские памятники последовательно представляют частицу *-де*. Характерной чертой древнерусских памятников являются написания *-дѣ* в исходе слова.

В Галичском евангелии 1357 г. в указанных наречиях правописание непоследовательно: в одних случаях пишется буква ѣ, поддерживаемая аналогией со стороны тех наречий на «ё» (ѣ), в которых «ё» было ранее окончанием местного падежа; в других случаях пишется буква е в соответствии с нормой старославянских рукописей. Относящийся сюда материал таков: *вездѣ* I 62а; *досюдѣ* III 113г; *иде (же)* I 9а, 11б, 11г... 10 случаев; III 95б, 95в, IV 120г, 121а, 143в (2)... 10 случаев; *идѣ* I 14в, 23г, 55б, III 86б, IV 117а, 121б, 124а... 14 случаев; *кде (где)* I 8г, 105в, 105г, 110в (2), III 85г; *никде* I 2а, IV 121а, 151а; *кдѣ (гдѣ)* I 3б (2), 11в, 13а... 8 случаев; III 85б, 86б, IV 131г, 132а, 134г... 8 случаев; *сде (зде)* I 8г, 112г, II 33г, 35г, III 106б, 121а; *сдѣ (здѣ)* I 16б, 20в, 39а... 17 случаев; II 35а, III 78б (2), 85г, 86а, IV 118а, 120в, 123г... 10 случаев; *онѣде* I 101г; *ондѣ* I 62в, III 85г, 86а, IV 123г.

В следующих единичных наречиях отмечены отклонения от описанного употребления буквы ѣ. Так, несколько раз отмечена буква л в наречиях *нынѣ*, *донынѣ*. Именно, при написаниях: *нынѣ*, *донынѣ* 32 раза I писцом и 32 раза IV писцом у них отмечено: *нынл* — I 19г, 23в (2), 111б, IV 133а, 172а. У III писца только: *нынѣ*

III 78в, 88в. Отмечено наречие *поне* (кѧв) I 39б, 59а с буквой *e* на конце его.

Этимологическое «ё» (ѣ) в падежных окончаниях местоимений. В падежных окончаниях местоимений буква ѣ пишется последовательно во всех тех случаях, где этимологически был звук «ё». Сюда относятся: дат. и местн. п. ед. ч. личного местоимения: мнѣ; им. п. дв. ч.: вѣ; формы дв. ч. указательного местоимения: онѣ; творит. п. ед. ч. м. р.: тѣмь (тѣмь), всѣмь (всѣмь), кацѣмь, инѣмь (сюда же относятся: единѣм же III 78г); род. и местн. п. мн. ч.: тѣхъ, всѣхъ, инѣхъ, тацѣхъ; дат. п. мн. ч.: тѣмь (тѣмь), всѣмь (всѣмь), инѣмь, онѣмь же; творит. п. мн. ч.: тѣми, всѣми, тацѣми; дат. п. дв. ч.: онѣма.

Написаний букв *e* или *u* в указанных формах не встретилось ни у одного из писцов. Отмечено одно написание буквы ѣ вместо *u*: въ своя приде и своѣ его не прияша I 1г. Написание ѣ в этом случае свидетельствует об определенном образовании формы именительного падежа множественного числа местоимения *свои* (если ѣ написано не из-за экономии места на конце строки); отношения к фонетике и к произношению звука на месте буквы ѣ указанная форма не имеет.

Этимологическое «ё» (ѣ) в падежных окончаниях имен прилагательных и причастий. В именах прилагательных буква ѣ употребляется в следующих падежных окончаниях:

1) в местн. п. ед. ч. всех родов: нб(с)нѣмь, неправеднѣмь, единѣмь (единѣмь); гоморьстѣи, въ жидовьстѣи, елеоньстѣи, содомьстѣи, въверженѣ и др.;

2) в дат. п. ед. ч. ж. р. и им. п. дв. ч. ж. р.;

3) в местн. п. мн. ч. м. р. нечленных прилагательных: заоуленѣхъ и др.;

4) в формах им.-вин. п. дв. ч. слов ср. р.: блѣжнѣи очи; очи тяжьцѣ; игльнѣи оуши; очи им отягченѣ, всквозѣ оугленѣи оуши III 95а.

5) единичен пример с ѣ в окончании род. п. ед. ч. ж. р.: стѣѣ бѣа I 178а, 178г; обычно в этой форме пишется в соответствии с нормами старославянских памятников буква *к* (ѧ).

Не встретилось форм с ѣ на конце и в винительном падеже множественного числа мягкой разновидности мужского рода.

Этимологическое «ё» (ѣ) в числительных. Последовательно пишется буква ѣ в соответствии с этимологией в окончаниях двойственного числа числительных *два*, *оба*:

а) им.-вин. п. дв. ч. ж. и ср. р.: во двѣхъ ризѣхъ I 57а; двѣхъ мелющия I 61б, IV 127в; двѣхъ рыбы I 45в; двѣхъ цаты I 104а; двѣхъ тысящи I 54г; двѣхъ очи 143б;

б) в окончании дат.-тв. п. дв. ч. м. р.: двѣма г(с)нома I 97а, II 32а; съ двѣма на ꙗꙗ (оучн(к)ома) I 97г, 105в, 105г; двѣма от нихъ IV 155в; двѣма стома сребреникъ I 57в; и посла по двѣма I 74в; обѣма на десять (оучн(к)ома, колѣнома) I 12а, 40в, IV 132г, 135а; обѣма же на ꙗꙗ II 30а, 31б и др.

Этимологическое «ё» (ѣ) в окончаниях и суффиксах глаголов. Отмечены случаи написания буквы ѣ в соответствии с этимологией в формах 1-го лица двойственного числа настоящего времени глаголов: есѣѣ I 17в; идеѣѣ IV 139в; искаховѣ IV 168а; можеѣѣ I 44б, IV 119в; приемлеѣѣ IV 150а, 153а; прославѣѣ IV 119в; сядеѣѣ IV 119в; створивѣѣ IV 139в; оуготоваеѣѣ I 110в, IV 131г; всегда ѣ в аористе бѣ.

Буквы ѣ, е, и на месте «ё» в окончаниях повелительного наклонения. В подавляющем большинстве случаев в окончании множественного и двойственного чисел повелительного наклонения в глаголах I и II классов в соответствии с этимологией пишется буква ѣ, однако наряду с ней встречаются и написания буквы *u*: сберѣте I 16в, 37б; блюдѣте I 25а, 41а, 43б... всего 14 случаев, II 28в, 30г, III 77б, 80г, 91в, 93а, IV 123а; в этом же слове отмечено *e*: съблюдете IV 139б; не бранѣте I 43в; в глаголе *быть* в повелительном наклонении отмечены только написания букв *e* и *u*: боудите I 48б, 61б, III 114б, IV 127г, 140а, 140б; будете III 90а, 115а, IV 169г; небрезѣте I 43б; ведѣте, приведѣта I 15а, 105а, 107а, 110а, IV 121г; верзѣте I 56б; вѣдѣте, свѣдѣте I 61б, 74г, 103а; грядѣте III 90б; въздвигнѣте III 91г; пождѣте I 106в, IV 136а; встретилось одно написание *u*: пожните III 86а; призовѣте I 56а; идѣте, идѣта, придѣте, внидѣте, изидѣте, идѣмь I 3б, 9а, 11в... 25 случаев; II 28в, 29а, 29г... 6 случаев; III 82г, 86а, 87в, 88а (2), IV 116в, 120а, 120б... 24 случая; отмечено одно написание этого слова с бук-

вой *e*: идета I 105в; имѣте, примѣте, возмѣте I 5в, 32в, 56б, 62в, 98б, 106а, 110г, II 33в, III 79г, 87б, IV 123г, 129б, 132б... 8 случаев; в этом же слове отмечено написание буквы *и*: возьмите I 4г, 61г, и буквы *e*: имете I 102г; кленѣте I 178г запись; принесѣте, изнесѣте I 6а, 42в, 104в; облещѣте I 104в; помянѣте IV 156а; пропнѣте IV 146б, 159г; рцѣте, рцѣта I 9а, 40г, 56а... 6 случаев; II 31а, III 82б, 88а, IV 121г, 132а, 134г... 7 случаев; встанѣте, останѣте I 22б, 43в, 60б... 6 случаев; IV 140а, 177г; в этом же корне зафиксировано написание *e*: встанете, останете IV 130г, 136г; сѣцѣте III 87в; вьстерьгнѣте I 37а; сядѣте I 111б, IV 136б, с написанием *e*: сядете I 20г, III 106б; оттрясѣте I 57г, II 30в, III 80а; почерпѣте I 6а.

В следующих случаях имеет место написание буквы *ѣ* в глаголах III и IV классов, вместо этимологически правильного *и*: видѣта IV 154г; внемлѣте I 99б, 103г, III 79б, IV 161г, смотрѣте III 93а; при написаниях *и* и *у* того же писца: посмотрите III 80г, 114б; после шипящих: свяжѣте I 37а; ищѣте I 7г, II 29г, 32б, III 76в (2), 81а; наряду с ними отмечено: ищите III 81а; покажѣте I 52в, 93г, а также: покажете III 89г, при этимологически правильном: покажите IV 126а и др.; мешѣте I 66б, II 29в; плачѣте I 113г, III 80в; не ропчѣте I 9г; стяжѣте III 91б; осяжѣте I 20б.

Отмечено написание буквы *ѣ* вместо *e* в описательной форме повелительного наклонения (форма наст. вр. с союзом *да*): да възмѣтъ I 111в.

Рассмотренный материал показывает, что буква *ѣ* в окончаниях множественного и двойственного чисел повелительного наклонения пишется не всегда последовательно. В одних случаях вместо ожидаемого *ѣ* имеет место написание буквы *e*. Например, съблюдете, идета, имете, встанете, останете, сядете. В других случаях наблюдается мена букв *ь* и *и* в одних и тех же словах и формах, причем эта мена относится как к глаголам I класса, где вместо *ѣ* пишется буква *и* (например, боудите, пожните, возьмите), так и к глаголам IV класса, в которых пишется буква *ѣ* вместо соответствующей этимологии *и* (видѣта, смотрѣте, внемлѣте), а также и глаголах III класса после шипящих (свяжѣте, покажѣте, стяжѣте, осяжѣте, плачѣте, ропчѣте, ищѣте, мешѣте).

Написания буквы *e* в окончаниях повелительного наклонения I и IV писцами и более часто III писцом встречаются как на ме-

сте этимологического «*ѣ*» (*ѣ*) (например, съблюдете, идета, имете, встанете, сядете, останете), так и в соответствии с этимологическим «*и*» (например, ищите, покажете)⁴³.

Все это указывает на то, что в говоре писцов старое различие в образовании повелительного наклонения от глаголов I и II классов, с одной стороны, и глаголов III и IV классов, с другой стороны, было утрачено. История русского языка показывает, что унификация в образовании этой формы шла за счет вытеснения форм с «*ѣ*» (*ѣ*) (двойственное и множественное числа глаголов I и II классов) формами с гласным [и], свойственным III и IV классам и формам единственного числа всех классов. Поэтому можно полагать, что говору писцов также было свойственно произношение звука [и] во всех числах повелительного наклонения глаголов всех классов, несмотря на то, что в памятнике преобладают написания с буквой *ѣ* в глаголах I и II классов (что само по себе в других случаях могло бы указывать на произношение звука, обозначаемого буквой *ѣ*).

Написание буквы *ѣ* в повелительном наклонении было орфографической нормой, которой писцы должны были следовать. Они знали правило, что в ряде случаев в повелительном наклонении следует произносить не [и], как в их собственном обыденном произношении, а другой звук. Поэтому в церковном произношении у них мог быть звук [e]. Этим и объясняются написания указанных форм с буквой *e*. Они подобны рассмотренным выше формам *тебѣ*, *себѣ*, свойственным лишь книжному языку, при наличии в обыденном языке форм *тебѣ*, *себѣ* (в последних написание буквы *ѣ* строго выдерживается всеми писцами).

Существованием правила, требующего писать букву *ѣ* в формах «повелительного чина», объясняется и написание *ѣ* в выражении: да възмѣтъ I 111в.

Из всего изложенного следует, что наличие в окончаниях повелительного наклонения мены букв *ь*, *и*, *e* не имеет отношения

⁴³ Последние примеры можно рассматривать как написания буквы *e* на месте *ѣ*, поскольку написание буквы *ѣ* в подобных случаях (после шипящих) засвидетельствовано уже в старославянских памятниках, тем более что мена *и* и *e* в этих случаях ф о н е т и ч е с к и объяснить трудно.

к фонетической системе говора писцов. Оно является особенно-стью только данной морфологической категории.

Буква ѣ и ее замены в иноязычных личных именах, в названиях стран и народов и пр. Буква ѣ и ее замены в иноязычных заимствованиях — именах собственных, названиях праздников и лиц, встречающихся в евангельском тексте, — отмечена в следующих корнях слов:

1) аньгѣлы I 37в, IV 175в, аньгѣли I 49в; Вартимѣсъ I 97в; предѣ гѣмономъ IV 147а; игѣмонъ, игѣмоноу IV 138б, 147б (2), 147г, 152б, но и: иге|моноу IV 147б; в Ефремъ I 19б; Зѣлота I 67г;... отока Кѣдрьска IV 143в (2); кѣсарь, кѣсария IV 118а, 126а, 126б (2)... 8 случаев; наряду с ними: кесаревъ III 89г (3), IV 126б, 146в; параскѣвгии IV 160а, наряду с ним: параскивгии, параскивгию IV 146г, 151б, 153г, 160в и параскевгии IV 150в; преторъ IV 143а, 144в, 145г и др.;

2) в словах на -ѣи:

Алфѣва I 51в, 67г, IV 119а; Андрѣи, Андрѣя, Андрѣевъ, I 3б, 3в, 16г... 10 случаев; II 29г, 30б; от Аримафѣя I 8в, III 114а; от Аримаѣя IV 150г, 151а, 154а; архиерѣи, архиерѣови и др. I 2в, 19а (3), 19б (2), 24г, 100а, IV 116а, 118б, 119б... 52 случая; Варфломѣи II 30б; Вальфромѣя I 51в, 67г; Галелѣя, галелѣанинъ, галелѣискъ, галелѣистѣмъ и др. I 3б, 9а, 9б... 23 случая; III 106б, 114а, 114в, IV 116б, 116в, 117б... 20 случаев; Галилѣю, галилѣистѣмъ I 65б, II 29г, 30а, III 82а (3); галѣлѣанъ III 82а; га|лѣискъ I 113а (с пропуском слога); еврѣиски I 10г, IV 146г, 160а (2), 160б; Елисѣи I 65г; Закхѣи, Закхѣю I 99в, 99г (2); Зеведѣемъ, Зеведѣева, Зеведѣова I 44б, 49г, 51в, 66в, II 29г (2), 30б, IV 119в, 136б, 157б, Зеведеевоу IV 154а; от Идоумѣя I 51б; иерѣи, иерѣя, иерѣомъ, ерѣемъ, ерѣискомоу I 2а, 92г, II 31г, 34г, IV 116а, 116г, 175а (2); Иеремѣю, Еремѣемъ, Еремѣю IV 118а, 151г, 167б, 176в; Иоаннѣевъ (вместо Ианнаевъ л. III 24) I 64в; Иосѣинъ I 56г; Июдѣя, июдѣи, июдѣистѣмъ, июдѣискъ, июдѣистѣи I 2а, 4а, 4г (2)... 74 случая; III 78в, 79а, IV 120а (2), 120в, 120г... 51 случай; в кюринѣискоу IV 148б; коуринииска IV 152г; Малелѣиловъ I 64г; Матфѣя (имя евангелиста в заголовках чтений сюда не включено) I 51в, 67г, II 30б, 35г; Моисѣи, Моисѣемъ, Моисѣови I 1г, 2г, 3в... 19 случаев; IV 116г, 172а, 177б (2), 177в, 177г; Моисии II 31г, IV 126б, 159в; ме|сѣя I 14г (часть слова в начале строки выскоблена); Садоукѣя, садоукѣи, садоукѣиска I 41а, IV 126б, 126г; 168в; Самарѣя,

самарѣянъ, самарѣискъ I 14а (2), 15б; Тимѣевъ I 97в; Фадѣи, Фадѣя I 51в, II 30б; фарисѣи, фарисѣомъ, фарисѣиска, фарисѣисти I 2а, 4а, 12г... 51 случай; II 29б, 31в, 33в, 34в (2), III 78в (2), 78г (3), 79а... 15 случаев; IV 116а, 119а, 126а... 7 случаев; кроме того, встретились две описки (пропуски букв): фарѣи I 102а, фарию I 102а; фарѣсѣи III 78в может и не быть опиской; хананѣиска I 64а.

Поскольку исследуемый нами список Евангелия не является непосредственным переводом с греческого, приведенные выше слова не могут представлять интереса с точки зрения соответствия их написания греческим параллелям. Поэтому нас не может интересовать, всегда ли буква ѣ в нашем памятнике соответствует греческому дифтонгу *αι* или в отдельных случаях (и они встречаются) буква ѣ стоит в соответствии греческим *ε*, *η*. Представляет интерес лишь последовательность употребления буквы ѣ в написаниях одного и того же слова или отсутствие последовательности.

Как показывает материал, одно и то же греческое слово в отдельных случаях передается писцами то с буквой *ъ*, то с буквами *е* или *и*. Например, таковы слова: *параскевгия*, *галелѣя*, в которых отмечены буквы *ъ*, *е*, *и*. Слово *кесарь* отмечено в написании с *ъ* и *е* в первом слого слова.

Эти случаи наряду с другими представляют косвенные показания для суждения о произношении звука, обозначаемого буквой ѣ (см. ниже).

Буква ѣ на месте этимологических «е», «и». Кроме отмеченных выше случаев употребления буквы ѣ на месте этимологических «е», «и», встретились следующие случаи подобной замены.

Буква ѣ в соответствии с этимологическим «е» отмечена в слове: въ скоудѣлници I 110в при этимологически правильном: въ скоуделници I 105в, IV 132а. Это слово, как не свойственное обыденному языку писцов, должно быть отведено при выяснении вопроса о качестве звука, обозначаемого буквой ѣ.

У III писца, как уже отмечалось, встречается написание буквы *е* вместо ѣ в глаголе *видѣти* и его формах: видети III 82в; видехомъ III 94б; видевь же III 114а; видевы III 83б.

Следующие три написания рассматриваются нами как описки: претѣрпѣвыи I 102в; набѣлѣна I 50б; будетѣ двѣ III 86б.

В ы в о д ы. Правильное различение на письме букв *ь*, *е* и *и* в соответствии с этимологией указывает на то, что в галичском говоре середины XIV в. существовал особый звук, обозначаемый буквой *ѣ*. В положении под ударением и в предударных слогах как перед твердыми, так и перед мягкими согласными он отличался от звуков, обозначаемых буквами *е*, *и*. Наиболее показательная категория — корни слов, — менее всего поддающаяся влиянию аналогии, указывает на то, что *ѣ* пишется последовательно в соответствии с этимологией: 1) в положении под ударением перед твердыми согласными (бесѣда, бѣдноу, бѣль, бѣсь, вѣды, заповѣда, вѣкъ, вѣра, гнѣвъ, дѣло, желѣзо, колѣна, крѣпокъ, олѣвою, влѣзь, лѣто, мѣроу, мѣсто и др.); 2) в положении под ударением перед мягкими согласными (болѣзни, болѣзньни, бѣсится, вѣсть, вѣдьяче, свѣсиша, вѣтви, грѣся, дѣтите, дѣти, клѣти, колѣни, коупѣль, сѣмя и др.); 3) в предударных слогах (первом и втором) перед твердыми согласными (обѣтованье, гнѣздо, въздрѣмаша, прежесѣдания, оусѣкновенье, посѣкають и др.); 4) в предударных слогах перед мягкими согласными (в бѣдѣ, блѣговѣстити, възвѣстити, вѣнець, обѣщания, завѣща, възгнѣтившимъ, раздѣляюще, лѣнвивыи, вмѣстити, свѣщаша, сѣдѣти, ицѣлѣть и др.).

В соответствии с этимологией под ударением и в предударном слоге независимо от качества следующего согласного употребляется буква *ѣ* в основах инфинитива глаголов III и IV классов, в суффиксах сравнительной степени.

Случаи взаимной мены букв *ѣ*—*е*, когда соответствующий звук находится под ударением, имеющие место в рукописи, относятся, главным образом, к церковнокнижным словам и формам, а также к некоторым лексемам не церковнокнижного происхождения (например, *свѣдѣтельство*). Кроме того, случаи взаимной мены букв *ѣ*—*и* встречаются в отдельных категориях: в повелительном наклонении, в некоторых падежных окончаниях мягкой разновидности имен существительных «о-» и «а-» основ, а также основ на согласные, в которых они объясняются определенными морфологическими процессами.

В предударных слогах первом и втором (в последнем случае материала мало) отклонения в написаниях также относятся за

счет церковнокнижной лексики и отдельных лексем, в отношении которых могли возникать ассоциации ложной этимологии.

Что касается заударного положения, то в нем можно предполагать процессы, благодаря которым звуки, обозначаемые буквами *ь* и *е*, оказались близкими в акустическом и физиологическом отношениях.

Материал, относящийся к заударному положению, не велик по объему. Падежные окончания существительных и личные окончания глаголов, в которых буква *ь* употребляется вместо буквы *е*, должны быть отведены, поскольку в них наблюдается особенно сильное влияние морфологической аналогии. Среди основ с буквой *ѣ* правильно употреблено слово *первѣнца*. В суффиксах отмечен ряд написаний *е* вместо *ь*: гибель, обитель, видети, видевь, видехомъ, а также *и*: обидиль (если последний случай — не описка). Отмечена сравнительная форма *первие* с заударным *и* вместо *ь*. Кроме того, встречается наречие *ныня* с буквой *ь* на конце при более частом *нынѣ* и наречие *поне* с конечным *е*.

Этот материал позволяет полагать, что в заударном положении звук, произносившийся на месте этимологического «ѣ», и звук [e] были близки, а возможно, и совпадали в произношении писцов Галичского евангелия (и особенно III писца, за счет которого относится большая часть написаний с буквой *е*), причем в конечном открытом слоге можно предполагать более открытое образование рассматриваемого гласного звука.

Вывод о том, что в галичском говоре середины XIV в. существовала особая фонема, обозначаемая на письме буквой *ѣ*, не противоречит показаниям других памятников, написанных в северо-восточной части Ростово-Суздальской Руси. Таковы Лаврентьевская летопись⁴⁴, Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, («...в произношении писца *ь* являлось звуком, отличным от *е* только в словах живого языка, и буквы *ь* и *е* употреблялись в них не только на основании графических традиций...»)⁴⁵, и отчасти Пере-

⁴⁴ См. Н. П. Некрасов. О языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку. «Сб. ОРЯС», т. 65, № 4, 1897, стр. 58–60, 68–70.

⁴⁵ В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку..., стр. 32.

яславское евангелие 1354 г. («*ь* и *е* в говоре рассматриваемого памятника в положении перед мягкими согласными, по-видимому, не различались... Говорить о совпадении *е* и *ь* в положении перед твердым согласным мы не имеем оснований»⁴⁶, однако в положении перед мягкими согласными и в безударном положении есть случаи мены *ь*, *е*, *и*)⁴⁷. Московское евангелие 1358 г. указывает на последовательное различие во всех слогах по отношению к ударению, кроме конечного открытого, «ё» (*ь*) и остальных гласных неверхнего подъема, в том числе и перед мягкими согласными⁴⁸.

Таким образом, памятники, написанные в XIII—XIV вв. на территории центра Ростово-Суздальской Руси, представляют собой сравнительное единство в отражении на письме звука, обозначаемого буквой ё. Однако сказать, что гласный звук, обозначаемый буквой ъ, отличался от звуков [е] и [и] и был противопоставлен им в своем употреблении, — мало. Важно определить качество этого звука, что трудно сделать на материале памятника, в котором нет отклонений от этимологически правильных написаний.

Известно, что в древнерусских говорах на месте этимологического «ё» произносился звук [ê] либо [иê].

Современные говоры Галичского и прилегающих районов, насколько о них можно судить по материалам, собранным для Диалектологического атласа русского языка Ярославским педагогическим институтом и Галичским учительским институтом, в основном на месте старого [ê] [иê] имеют [е] в положении под ударением как перед твердым, так и перед мягким согласным. Однако в положении перед твердым согласным и на конце слова в д. Филино Антроповского района отмечено закрытое произношение [ê], близкое к [и]: хлип («реже» — пометка лиц, собиравших материал), сѣно («реже»); в д. Луковцино Чухломского района: на столѣ; в д. Фотьяново Галичского района: «Под ударением вместо *е* (на месте старого ъ) произносится гласный, средний между

⁴⁶ П. С. Кузнецов. К исторической фонетике Ростово-Суздальских говоров..., стр. 138.

⁴⁷ Там же, стр. 138, 140.

⁴⁸ О. А. Князевская. К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV в..., стр. 11–12.

е и *и* (ê): а) перед твердыми согласными: хлѣб, лѣс, мѣсто, дѣло, сѣно, свѣт, нѣт, бѣлый, сѣрый, полѣно, запѣл, йѣхать...; б) на конце слов: на столѣ, к женѣ, на землѣ, на рукѣ, гдѣ; в дательном и предложном падежах употребляется форма: мнѣ, тебѣ».

В положении перед мягкими согласными в целом ряде населенных пунктов отмечено произношение звука, близкого к [и], который должен был в свое время образоваться из особого звука. Так, в говоре д. Матвеевское Ореховского района, по которому представлены заслуживающие доверия материалы, наряду с [е] перед мягкими согласными отмечено [и] л'йс'енка, л'йс'н'ица, с л'йс'н'ицей, на л'йс'енк'е, за р'ичкой, коло р'ич'к'и, п'йс'енок, в'йн'ик'и, кл'ит', зас'ийот, зд'ис', зд'ис'а, пой'ис'. В следующих деревнях наряду с произношением [е] перед твердыми и перед мягкими согласными отмечено произношение [и] перед мягкими согласными в отдельных словах: в д. Богчино и д. Даниловское Галичского района, д. Коптево Ореховского района: з'д'ис', йис'(т'); в д. Помчище Антроповского района и д. Михалёво Чухломского района: йис'(т'); в д. Кузѣмино Галичского района: витѣр, мѣсец, ись, сѣть; в д. Иваново Галичского района: писня, виник, здись, мидь, сѣять, ись, недилья; в д. Дор Сусанинского района: писня, мѣсяц, виник, здись, сѣять, йисть; в д. Красново Ореховского района: сѣть; в д. Ожегино того же района: писня, йисть; в д. Шувакино Антроповского района: сѣть, ись, писни.

Не всем современным галичским говорам свойственна особая фонема на месте этимологического «ё». Так, в материалах по говорам деревень Житково, Михайловское, Дыхолово, Козино Галичского района отмечен звук [е] на месте этимологического «ё» под ударением, как в положении перед твердыми, так и перед мягкими согласными и на конце слова. По нашим наблюдениям, говоры, не знающие особой фонемы в соответствии с этимологическим «ё», находятся также на северном берегу Галичского озера. Это говоры деревень, в конце XIX и начале XX в. тесно связанных с Петербургом, куда на отхожие промыслы уходило почти все взрослое мужское население.

Говоры населенных пунктов Галичского района, отдаленных от Галича, нам не удалось наблюдать. Однако приведенный выше материал дает все основания предполагать закрытый характер звука,

встречающегося на месте этимологического «ё», перед твердыми согласными (см. выше материалы по деревням Филино и Фотьяново), а также широко распространенную близость этого звука со звуком [и] в положении под ударением перед мягким согласным.

При сопоставлении данных исследуемого памятника и данных современной диалектологии целесообразно произвести и более широкое сопоставление, именно — сопоставление с данными по Костромской области в целом. Это диктуется тем, что в северную часть современного Галичского района и прилегающие территории после XIV в. переселилось население с акающими говорами («Чухломской акающий остров»). Переселенцы могли изменить старые отношения, существующие на территории Галича и прилегающих районов⁴⁹. Данные же по Костромской области свидетельствуют о наличии особой фонемы [ê] или [иê] и в современных говорах. Совокупность данных современной диалектологии и материалов исследуемого памятника позволяет с еще большей уверенностью утверждать существование особого звука на месте этимологического «ё» под ударением в положении перед твердыми согласными, на конце слова и перед мягкими согласными. Этот звук в говоре писцов произносился, по-видимому, как [ê]. Он представлял особую фонему, и писцы хорошо отличали его как от звука [е], так и от звука [и], произносимых на месте этимологических «е», «и».

Указанная выше мена букв *ь, е, и* в отдельных книжных словах и заимствованных именах собственных также указывает на характер образования звука, обозначаемого буквой *ь*, — средний между [е] и [и], т. е. типа [ê].

Рассмотренный выше материал позволяет также говорить об утрате закрытого характера [ê] и, следовательно, о совпадении этого звука с [е] в заударном положении.

О существовании особого звука на месте этимологического «ё» в галичском говоре середины XIV в. и о характере его произношения как [ê] свидетельствует также запись, сделанная на л. 276 Галичского евангелия 1357 г. в середине XVI в. (эта запись приведена

⁴⁹ Не говоря уже о том, что сопоставляя данные XIV в. с данными XX в., надо учитывать возможность последующих изменений.

выше, на стр. 244 настоящей работы). Отдельные написания этой записи указывают, что в положении под ударением перед мягкими согласными в галичском говоре середины XVI в. на месте этимологического «ё» произносился очень закрытый звук, близкий к [и] или полностью совпадающий с [и], см. написания: *рылиевъ, матвиевъ*. В положении под ударением перед твердым согласным это был особый звук. Он обозначен писцом буквой *ѣ* (лѣта). Этот же звук отмечен во флексиях (*стоженѣ, николѣ*). Можно полагать, что в положении не перед мягкими согласными этот звук имел более открытый характер, т. е. отличался от [и] и произносился как [ê].

Таким образом, данные записи середины XVI в. (1563 г.) подтверждают положение о существовании особой фонемы [ê] на месте этимологического «ё» в галичском говоре в середине XIV в.

3. Вопрос об [ô]

Исследование языка Галичского евангелия 1357 г. не дает указаний о наличии особого звука [ô] или отсутствии его в говоре писцов. В рукописи не употребляется знак каморы (^) над *о*, нет случаев мены букв *о* и *у*, нет случаев мены *о* и *ѣ*, которые могли бы дать материал по этому вопросу (например, если бы мена *ѣ* и *о* наблюдалась только на месте [о], а отсутствие мены на месте [ô]).

Однако, как показывают карты Атласа русских говоров центральных областей к востоку от Москвы, наличие в говорах фонемы [ê] на месте этимологического «ё» во многих случаях сопровождается наличием особого звука [ô] на месте старого «ô» под восходящим ударением.

В современных говорах Галичского и прилегающих районов по данным, полученным Ярославским педагогическим институтом, также отмечено наличие особого звука на месте старого «ô» под восходящим ударением. Однако материалы эти немногочисленны, что может объясняться особой трудностью восприятия этого звука малоподготовленными лицами.

В населенных пунктах Матвеевское, Ожегино, Коптево, Луковцино, Филино, Богчино, Житково, Михайловское, Куземино, Ивань-

ково, Дыхолово, Даниловское, Козино нет указаний на наличие особого звука на месте старого «ô» под восходящим ударением.

В д. Фотьяново отмечено: «Под ударением вместо обычного *o* произносится звук, средний между *o* и *y* (ô): вôля, корôва, ворôта, сорôка, дорôга, болôто, высôкий, ширôкий, старикôв, домôв, селô, веслô, ведрô, стенôй, женôй, в сырôй, к больнôй, к слепôй». Принимая во внимание эти сведения, а также то, что звук [ô] ([yô]) часто сопутствует звуку [ê] в русских говорах, можно предполагать и в говоре писцов Галичского евангелия наличие особого гласного [ô] (или дифтонга [yô]), но утверждать это определенно материал памятника не позволяет.

4. Об изменении [е] в [о] перед твердыми согласными

В Галичском евангелии встретились лишь единичные случаи написаний буквы *o* вместо *e* в положении под ударением перед твердым согласным: рожоное I 3г; лжомъ свѣдителемъ IV 137в, 144г; оцмъ I 21в. Последний пример является формой творительного падежа единственного числа, в которой произошло отверждение конечного [м] (что нашло отражение в памятнике, см. ниже), и, таким образом, в нем [о] закономерно появляется в соответствующих фонетических условиях. Однако пример этот, по-видимому, показался А. И. Соболевскому недостаточно надежным (если только он не ошибочно пропустил его)⁵⁰, может быть, вследствие того, что в данном случае буква *o* является выносной.

Незначительное количество представленных в памятнике примеров, иллюстрирующих переход [е] в [о], вряд ли свидетельствует об отсутствии последовательного изменения [е] в [о] в указанном положении в говоре писцов. При рассмотрении соответствующего материала следует иметь в виду, что в тех случаях, когда гласному, о котором идет речь, предшествовали согласные парные по твердости и мягкости, у писцов не было средств для обозначения и мягкости согласного и одновременно изменения [е] в [о]. Писцы должны были либо писать букву *o* и тем самым отказаться от от-

ражения на письме мягкости согласного, либо писать букву *e*, показывая тем самым мягкость согласного, но игнорируя при этом изменение [е] в [о]. А. И. Соболевский так характеризует это обстоятельство: «Древнерусские писцы не умели передавать *o* после этих согласных (точно так же, как не умеем передавать и мы), и поэтому, если решались изображать *o*, должны были или прибегать к какому-либо особому способу изображения этого *o*, или отказаться от изображения мягкости согласного»⁵¹.

Переписчики древних русских рукописей предпочитали не отражать на письме переход [е] в [о], и писали букву *e*. Однако есть сравнительно редкие случаи, когда писцы поступали иначе. Об этом свидетельствуют, например, написания *возмоть*, *померкноть* в Переяславском евангелии 1354 г.⁵², написания *нобомъ*, *беросто* и *Потра* в новгородских берестяных грамотах №№ 10, 27, 56, открытых А. В. Арциховским⁵³, и в других памятниках.

В положении после согласных непарных по твердости—мягкости, т. е. практически после шипящих и [ц], писцы чаще показывали переход [е] в [о], так как обозначать мягкость непарного согласного не было необходимым. Отсюда вытекает возможность написаний, подобных приведенным выше: рожоное, лжомъ, оц(о)мъ. Однако в большинстве подобных случаев писцы Галичского евангелия писали согласно традиции и, по-видимому, согласно нормам церковного произношения букву *e*. Таковы, например: рожоное I 3г (2), 4б (2), 4в, 14а, 18г, II 32г и др.

В корневых морфемах в исследуемой рукописи постоянно пишется буква *e* в положении после шипящих перед твердым согласным под ударением, например: женъ, шель, шедъ, пчель, вжегъ и др. Это подтверждает гипотезу И. В. Ягича о том, что первоначально изменение [е] в [о] происходило во флексиях и только позднее, не раньше XIV в., начался переход [е] в [о] в корневых морфемах.

⁵¹ Там же.

⁵² П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров... стр. 135.

⁵³ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 10; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 29, 56.

⁵⁰ См. А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 61.

«В окончаниях падежей, иногда даже лиц, примеры сочетаний *жо*, *що*, *цо* уже с конца XII столетия не редкость, и они не ограничиваются какою-либо одною местностью или областью языка, а встречаются повсюду, как в памятниках южно- и западнорусских, так и северных (хотя в последних примеров все-таки, кажется, меньше)»⁵⁴.

Представленные единичные написания, отражающие переход [е] в [о] после согласных непарных по твердости—мягкости в некорневых морфемах, дают основание полагать, что в обыденном разговорном языке писцов Галичского евангелия 1357 г., во всяком случае в некорневых морфемах, уже совершился процесс изменения [е] в [о] в положении под ударением перед твердыми согласными, поскольку в некорневых морфемах и особенно падежных флексиях имен должно было иметь место сильное влияние аналогии со стороны старой твердой разновидности. Лишь церковнокнижное произношение и сложившиеся нормы орфографии помешали более последовательному отражению на письме этого явления.

Что касается корневых морфем, то в них, по-видимому, тоже уже мог быть фонетический процесс перехода [е] в [о] под ударением перед твердым согласным. Слабое отражение его на письме объясняется тем, что во-первых, в корнях легко было проверить наличие [е] на чередованиях [о] || [е] в ударенном и безударном положениях, во-вторых, потому, что писцы могли легко запомнить правило, по которому после букв шипящих и *ц* следует писать *е*, но не *о*, что и нашло отражение в подавляющем большинстве написаний (последнее, впрочем, относится и к некорневым морфемам). Именно так обстоит дело в исследуемом нами памятнике.

5. Об изменении ударенного [а] между мягкими согласными в [е]

В отличие от [ò] и [’о], которые писцы не имели возможности отразить на письме, изменение [а] в [е] может быть отражено на письме: если это явление свойственно говору писцов, оно должно

⁵⁴ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 36.

выразиться, на письме в мене букв *а* и *е* на месте этимологического «а» между мягкими согласными (как из «а», так и из «е»).

Относящийся сюда материал нашей рукописи однообразен. Написаний, показывающих отклонение от этимологии, почти нет. Встретилось лишь написание *самарене* I 15б, которое может быть и опиской. Это не позволяет сделать вывод об изменении [а] в [е] в положении между мягкими согласными в говоре писцов исследуемой рукописи. В противном случае наш материал представлял бы для памятников Ростово-Суздальской Руси древнейшее указание на переход [а] в [е].

Современные говоры Галичского и прилегающих районов знают изменение ударенного [а] в положении между мягкими согласными в звук более переднего ряда, более верхнего подъема и более закрытый.

Отсутствие материала, указывающего на изменение [а] в [е] между мягкими согласными, в исследуемом памятнике свидетельствует о том, что этот процесс был пережит галичскими говорами после XIV в.

6. О звуках [и]—[ы]

Соотношение [и]—[ы]. В рассматриваемом памятнике звуки [и] и [ы], по-видимому, функционально объединились и были уже в тех отношениях, которые характерны для современного русского языка: наличие [ы] или [и] стало обуславливаться твердостью или мягкостью предшествующего согласного. Звук [ы] мог быть только после твердых согласных, звук [и] только после мягких согласных и в начале слова (если он сохранялся). В положении после приставок, оканчивающихся на твердый согласный, [и] заменяется [ы], что нашло отражение в написаниях *взыграите* I 68б; *възыграся* IV 172г; *възыграся* IV 173а.

Замена начального *и* буквой *ы* после букв, обозначающих твердые согласные предлогов-приставок, отмечена и в других рукописях, написанных на территории Ростово-Суздальской Руси. Так, в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку отмечены: с *ыноу дружиною*, в *ыно(м) дворѣ*, *михалко с ывано(м)*⁵⁵.

⁵⁵ В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи..., стр. 40.

Таким образом, буква *ы* употребляется только после твердых парных согласных. После согласных, не парных по твердости и мягкости, последовательно употребляется буква *и*. Следовательно, в языке писцов Галичского евангелия 1357 г. [и] и [ы] не употреблялись в тождественных условиях и замещали друг друга в зависимости от качества предыдущего согласного.

Начальный [и] после гласного. Написания исследуемого памятника дают некоторый материал, свидетельствующий о редукции начального неударенного [и] в положении после гласных предшествующего слова: иуда скариодьскы I 105в, 106г; прозываемого скариота I 92а; и юдинь. и симоновъ I 56г; и. скопа в немъ тѣскъ I 82г. В последнем случае в рукописи после *и* стоит знак препинания — точка. Этот случай можно рассматривать не только как указание на редукцию [и] в слове *ископа* (как и в других древних памятниках), но и как результат отпадения начального [в] ([w]) перед согласными в живом говоре писцов. В остальных случаях безусловно отпадение начального [и].

7. Безударные гласные неверхнего подъема после твердых согласных

Этимологические гласные «а» и «о» последовательно различаются всеми писцами Галичского евангелия 1357 г. как в первом предударном слоге, так и во втором предударном и заударных слогах.

Встретились лишь такие три случая мены *а* и *о* в первом предударном слоге: 1) облачашеся I 75б, в этом случае начальное *о* переправлено из *а*; 2) вѣстайи I 5б (в О. е.: вѣстоѣи); 3) разаряеть IV 153б, при: разоряеть IV 149а, в тексте с тем же содержанием.

Все эти случаи, если они и не являются описками, все же не могут служить достоверным материалом при решении вопроса о наличии неразличения [о] и [а] в предударном слоге в говоре писцов, тем более что последние два примера можно рассматривать как образовавшиеся путем чередования гласных [о] || [а] в основе, типа *носити* — *нашати*, *возити* — *важати*, и т. д., или по аналогии с такими чередованиями.

Кроме указанных примеров, встретилось написание: мощныя III 83в, которое является, по-видимому, опиской.

Единичное написание *о* вместо *а* в слове *даже*: *даже* и *доселѣ* I 62в, — где буква *о* написана на месте [а] ударенного, не может быть обусловлено фонетикой слова.

Вывод об оканье в языке писцов Галичского евангелия 1357 г. подтверждается и данными современной диалектологии. Современные галичские говоры являются в основном окающими, лишь на севере они соприкасаются с «Чухломским акающим островом». Появление аканья на этой территории — явление позднее, возникшее едва ли ранее начала XVII в.⁵⁶

Для суждения о сохранении и произношении звука [о] во втором предударном и заударных слогах рукопись дает однородный материал: во всех положениях в соответствии с этимологией пишутся буквы *о*, *а*, *ы*.

Некоторые процессы сближения безударных гласных после мягких согласных (см. ниже) не противоречат наличию оканья в заударных слогах в северных говорах. Можно предполагать заударное оканье и для нашего памятника.

8. Безударные гласные неверхнего подъема после мягких согласных

Первый предударный слог. Выше был приведен материал памятника, характеризующий сохранение фонемы [ê]⁵⁷ и произношение на ее месте особого звука в предударном положении как перед твердыми, так и перед мягкими согласными.

Гласный [е] (из «е» и «ь») последовательно как в положении перед твердым, так и перед мягким согласным передается буквой *е*. Звук [а] после мягких согласных независимо от этимологии

⁵⁶ См. Н. Н. Виноградов. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае. «Изд. ОРЯС», 1917, т. XXII, кн. 2, стр. 16.

⁵⁷ В единично встретившихся написаниях знамянаше IV 151в, 154в, во времена I 53а можно видеть влияние формы именительного падежа единственного числа, хотя можно полагать, что это влияние могло осуществляться только при наличии некоторой редукции неударного гласного [е].

(т. е. как из «ѣ», так и из «'а») передается буквами ѡ, ю (последняя буква употребляется после согласного [j]). Это говорит о различии в говоре писцов Галичского евангелия трех гласных неверхнего подъема в положении после мягких согласных. Как показывает материал, окружение шипящими в данном случае значения не имеет.

На материале нашего памятника мы, однако, имеем возможность лишь констатировать различие трех гласных неверхнего подъема после мягких согласных в предударном положении. Определить качество звуков, обозначаемых буквами ѡ и е, в этих случаях нельзя. Можно предполагать, что различие между звуками, обозначаемыми буквами ѡ, е, в предударном положении идентично их различию в ударенном положении, а именно: там, где писцы пишут букву ѡ, они произносят [ѡ], там же, где пишут е (т. е. на месте этимологических «е», «ь»), произносят [е] открытое. Однако данные современной диалектологии допускают возможность изменения гласного [е] в [о] перед твердым согласным в предударном слоге и в других неударных слогах, как это имеет место в современных владимирско-поволжских и вологодско-вятских группах севернорусских говоров, в том числе и в галичских говорах. Гласный [ѡ] при этом в предударном положении мог либо терять закрытый характер своего образования и становиться более открытым, либо сохранять его. В том и другом случае он должен был отличаться от гласного [е] (на месте этимологических «е», «ь»), если последний изменился в гласный [о]. Если же изменения [е] в [о] не было, то, видимо, [ѡ] свое качество сохранял. Об этом свидетельствует строго выдержанное с этимологической точки зрения различие букв ѡ и е в предударном слоге в написаниях исследуемого памятника.

Таким образом, на основании последовательного с этимологической точки зрения употребления на письме букв е, ѡ можно лишь указать на различие физиологической и акустической характеристики этих звуков в говоре писцов, но не на то или иное качество этих звуков. Вопрос о качестве их остается открытым. Можно утверждать лишь, что во всяком случае [ѡ] в предударном слоге перед твердым согласным в галичском говоре в середине XIV в. еще не изменился в [о], поскольку это изменение могло про-

изойти лишь после изменения [е] (из «е», «ь») в [о] в аналогичном положении. Последнее означало бы совпадение [ѡ] и [е] в одном звуке, что неизбежно должно было бы найти отражение на письме в мене букв ѡ, е в предударных слогах, чего в действительности в рассматриваемом нами памятнике нет.

Второй предударный слог. Можно предполагать, что во втором предударном слоге гласные [е], [ѡ], [а] после мягких согласных подвергались редукции. Предположение это делается на том основании, что гласный [и] во втором предударном подвергался редукции. Это нашло отражение в написаниях буквы и в одних случаях и буквы ѡ в других случаях в слове *генисаретьскии*: *генсаретьскоу I 45в*; *генсаритьскоу I 36а, 39б*; *но: генисаретьскоу I 58б*; *генисаритьстьѡ I 66б*. Однако степень редукции звуков [е], [ѡ], [а], [и] была незначительной, эти гласные не теряли своего основного качества и оставались противопоставленными один другому. На это указывает почти полное отсутствие мены соответствующих букв на письме.

З а у д а р н ы е с л о г и. В Галичском евангелии 1357 г. имеется некоторый материал, свидетельствующий о неразличии заударных [е] и [ѡ] (см. выше), которое указывает на открытое образование звука [ѡ] в заударном конечном открытом слоге.

В заударном положении [е] передается написаниями буквы а и буквы и в конечном открытом слоге и буквы и в неконечных заударных слогах. Ниже приводится материал, иллюстрирующий это обстоятельство, причем приводятся только отклонения от этимологически правильных написаний.

1. Буква а вместо е в заударном конечном открытом слоге: *больша (им. п. мн. ч. м. р.) I 21б*; *горша (боудеть послѣдняя... горша первыхъ) II 35б*; *легчая II 33б*; *издалеча I 54в, 60г, 75в, 92г, 102а, 108г, 112а, III 114а, IV 137в, 150в*; *отдалеча I 107б*; *при: далече I 36а, 104а и др., исдалече I 101а*.

Приведенное написание *издалеча* (как и *отдалеча*) не имеет большой показательной силы, так как в этом случае можно видеть влияние приставки *из-*, которая позволяла рассматривать это слово как форму родительного падежа; во всяком случае в этом написании могло проявиться влияние родительного падежа.

Также отводим написания: знамянье IV 123а (2), 124а, при: знаменье I 4г, 5г, 6б... 24 случая; II 34г, 35а (3), III 76г, 78а (4), 91в, 93а (3), IV 137а, 155г, 166а, 172б, в которых сказывается влияние формы именительного падежа единственного числа (хотя можно думать, что это влияние могло проявляться только там, где соответствующий гласный подвергался некоторой редукции).

2. Мена букв *e*, *u* в заударных слогах: боли (ср. р.) I 17в, при обычном: боле; отимиться IV 159б; кораблецемъ IV 157г (если в последнем случае не отразилось образование [ец] из «ыц»). Часто встречается взаимная мена букв *e*, *u* в именительном падеже множественного числа причастий как в формах мужского, так и женского рода. Так, в одном и том же тексте пишется: глѹщи (им. п. ж. р.) IV 138а, но: глѹще IV 145б; приступльше IV 145б, но: приступльши IV 138а; в именительном падеже множественного числа мужского рода пишется: пришедши IV 160в; поковыающи IV 148в, а в женском роде — зряще IV 150б. Наряду с этими написаниями имеются и написания, соответствующие этимологии. Очевидно, в этом случае имеет место не фонетический, а морфологический процесс (поэтому не приводим весь относящийся сюда материал).

Взаимная мена букв *e*, *u* в конечном открытом слоге наблюдается также в падежных окончаниях существительных основ на согласные, например в именительном падеже множественного числа: жатели I 37в; тяжатели I 99а (возможно, что в этих примерах имеет значение мягкость конечного согласного основы и наличие соответствующего суффикса); при: самарене I 15б; ер(с)мыляне IV 169а и др.; в родительном падеже единственного числа отмечены: имени I 58в, 62б; племени I 38а, но: словесе I 36г, 60в и др. (характерно, что это же явление имеет место и в ударенном положении, ср.: съ нбсе I 46а, 47г, 62в, 64б, 98г (2), при: съ нбси I 40г, 49в и в родительном падеже единственного числа: телеси I 2г). Весь этот материал и остальной (большая часть), который не приводится, характеризует лишь определенные морфемы, а не фонетическое положение и потому не подлежит рассмотрению в настоящей работе.

Таким образом, надежных случаев, показательных в фонетическом отношении, указывающих на более открытое образование

[е] в заударном конечном открытом слоге, а также на близость звуков [е], [и] в заударном неконечном слоге, почти нет, а это лишает возможности сделать соответствующий вывод и скорее свидетельствует о том, что сближения рассмотренных гласных после мягких согласных и тем более совпадения их в заударных слогах, скорее, не было.

Глава III

ПРАВОПИСАНИЕ И КОНСОНАНТИЗМ

1. Звуки [ц], [ч]

В Галичском евангелии 1357 г., как и в других памятниках, написанных на территории Ростово-Суздальской земли, буквы *ц* и *ч* употребляются в соответствии с этимологией.

Написание *домы вдовича* I 103г вместо обычного в этом случае *домы вдовиць*, представленного в других памятниках, объясняется иным словоупотреблением: притяжательное прилагательное вместо существительного в родительном падеже. Сосуществование слов *оцѹщенъе*, *оцѹсти* и других с корнем *цѹст-* в частях, написанных I и III писцами, и слов *очищенъе*, *очищаите* и других с корнем *чист-* в частях, написанных II и IV писцами (см. стр. 241), к смешению звуков [ц] и [ч] отношения не имеет.

На основании отсутствия случаев мены *ц* и *ч* в написаниях памятника можно полагать, что цоканье не было свойственно говору писцов Галичского евангелия.

В современных галичских говорах нет данных, опровергающих показания нашего памятника об отсутствии неразличения звуков [ц] и [ч].

Вопрос о цоканье в памятниках, написанных на территории Ростово-Суздальской земли, подробно рассмотрен П. С. Кузнецовым в его работе о Переяславском евангелии 1354 г. «Цоканье, т. е. неразличение *ц* и *ч*, — пишет он, — скорее всего было свойственно тем древнерусским говорам, которые подверглись иноязычному влиянию или представляли собой говоры обрусевшего, но исконно нерусского населения... Древнейшие центры Ростово-

Суздальской земли сложились именно на территории некогда живших в этих местах славянских племен (или почти не отразилось) в древнейших Ростово-Суздальских памятниках»⁵⁸.

2. Губные [в] — [ф]

О звуке, обозначаемом буквами *ф* и *ѳ*. В Галичском евангелии буква *ф* (изредка *ѳ*) употребляется только в заимствованных словах, главным образом в именах собственных, встречающихся в евангельском тексте, а также в записи, где указано имя писца — Фофан.

Буквы *ф* и *ѳ* в таких случаях употребляются безразлично как для передачи греческой *θ*, так и *φ*. Это обстоятельство известно уже древнейшим русским памятникам письменности. Так, академик С. П. Обнорский уже в Минеях XI в.⁵⁹ обнаружил случаи употребления *ѳ* вместо *ф* и несколько реже *ф* вместо *ѳ* наряду с примерами правильной передачи греческих букв *θ* и *φ*. С течением времени дублетность букв *ф* и *ѳ* в русских памятниках еще более усилилась.

Наш памятник в этом отношении исключения не составляет. Случаев мены букв *ф* и *х* в нем не встретилось. Не встретилось также и случаев употребления буквы *ф* вместо *ѳ*.

Можно полагать, что писцы на месте *ф* произносили особый глухой фрикативный звук, вероятно, губно-зубной, но употреблялся он только в словах книжных, а в быденной речи лишь в именах собственных, являющихся по происхождению также заимствованными.

О звуке, обозначаемом буквой *в*. В положении на конце слова и перед следующими глухими согласными в Галичском евангелии последовательно употребляется буква *в*, которая никогда в этих случаях не заменяется буквой *ф*. Однако сам по себе этот факт еще не указывает на то, что согласный [в] не оглушился

⁵⁸ П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров..., стр. 152, 153.

⁵⁹ С. П. Обнорский. Исследование о языке минеи за ноябрь 1097 г. «Изв. ОРЯС», т. XXIX, Л., 1925, стр. 173.

в этом положении или что в результате оглушения [в] получался какой-то иной звук, который не совпадал со звуком, обозначаемым писцами буквой *ф*. Как мы увидим ниже, в этой рукописи вообще не встретилось написаний, отражающих оглушение конечных звонких согласных на конце самостоятельных слов. Кроме того, написания *ф* + буква глухого согласного или *ф* + *ѣ* (или *ь*) на конце слов, употреблявшихся в живой речи, вообще отсутствовали в предшествующей письменности, что должно было сдерживающим образом влиять на орфографию писцов и мешать отражению оглушения [в] в [ф], если оно имело место. Поэтому только на основании отсутствия случаев взаимной мены *в* и *ф* нельзя утверждать, что соответствующие звуки отличались чем-то иным, кроме наличия и отсутствия голоса.

В положении перед звонкими согласными буква *в*, как и следовало ожидать, употребляется этимологически правильно; исключение представляет заимствованное слово, которое пишется как с *в*, так и с *оу*: левгинъ I 64в и леоугинъ I 64в. Эти написания свидетельствуют об акустической близости звуков, обозначаемых буквами *в* и *у* в говоре писца.

Написания *в* и *оу* перед буквами, обозначающими гласные, подтверждают правильность этого предположения.

1) Встретился случай написания предлога *въ* вместо *оу* перед буквой гласного [о]: видѣхъ въ оца моего I 13 г.

2) В положении перед буквой гласного [у] буква *в* опускается. Эти случаи в основном относятся за счет заимствованных слов: вельзаоуломъ I 51г, II 31а, 34в, 34г, III 76г (3), IV 162а; заоулонѣхъ IV 171б; кроме того, в заголовке чтения: Ваоулы IV 158г. Аналогичное положение отмечено в слове: блговѣстуютъ II 32в, если только оно представляет собой результат фонетического изменения, а не образование от глагола *благовѣстовати*. Опущение буквы *в* перед *у* в написаниях нашего памятника свидетельствует скорее о губно-губном образовании звука [w] ([ʋ]) в говоре писцов, который в положении перед [у] ослаблялся и утрачивался.

3) В положении перед буквой нелабиализованного гласного [а] отмечено написание *оу*, ср.: иоуановъ I 5а, при обычном: иоанъ, иоану и др. и более редком: иванъ, ивановъ.

4) Буква *у*, как и в других памятниках, последовательно пишется в слове *евангелие* ($e\hat{u}a\hat{r}i\hat{e}$, $e\hat{u}a$), употребляющемся главным образом в заголовках чтений.

Приведенный материал, хотя он очень мал по количеству и слаб в качественном отношении (он относится в значительной степени к именам собственным, которые могли быть так написаны уже в оригинале), все же, возможно, указывает на губно-губное образование губного звонкого фрикативного согласного. Может быть при этом, что в положении перед гласными нелабиализованными в говоре писцов уже наметилось изменение [w] в губно-зубное [v]. Об этом свидетельствуют встречающиеся написания *иванъ*, *ивановъ* при единичном *иоуанъ*, а также появление нового [v] в интервокальном положении в слове *елевоушьѣ* III 88б, при *елеушьѣ* III 88а и в других случаях. Впрочем, написание буквы *в*, а не *оу* или *у* не обязательно указывает на произношение [v], а не [w], так как обозначать звук [w] буквами *у* или *оу* не было принято, ибо эти буквы обозначали гласный [y].

Наличие случаев взаимного смешения на письме букв *в* и *оу* в Галичском евангелии 1357 г., в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку (нооугородци, в нас вместо: у нас, вчинены вместо: оучинены, в оужеска вместо: оу оужеска⁶⁰), в Московском евангелии 1358 г. (оустрѣтенье, оустани, а также часто в греческих именах)⁶¹ колеблет положение Н. Н. Дурново о том, что будто бы «нет смешения “в” и “оу” и в памятниках суздальских и московских, поскольку они не списаны с южнорусских и западнорусских оригиналов»⁶².

На основании отсутствия смешения букв *в* и *оу* в новгородских грамотах Н. Н. Дурново делает вывод о том, что в новгородском говоре общеславянские «в^в», «в^в» не перешли в [y]. Так же, по-видимому, он считал и в отношении московских и суздальских говоров. С нашей точки зрения, случаи употребления на письме

⁶⁰ В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи..., стр. 40.

⁶¹ О. А. Князевская. К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV в. (О языке Московского евангелия 1358 г.). М., 1952. Канд. дисс. (машинопись) стр. 204.

⁶² Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 175.

буквы *оу* вместо *в* и наоборот не должны непременно свидетельствовать об изменении [v] или [w] в [y]. При наличии написаний, указывающих на изменение [vu] (или [wu]) в [y] в каком-либо памятнике, случаи мены букв *в* и *у* в них могут служить лишь указанием на губно-губное произношение [w] в говоре писцов, но не на изменение [v] ([w]) в [y].

Так же следует рассматривать и положение дел в Галичском евангелии 1357 г.: говору писцов, писавших его, было, видимо, свойственно губно-губное образование звука [w].

3. Качество звука [ɣ]

Буква *ɣ* употребляется этимологически правильно всеми писцами во всех положениях в слове и в том числе также на конце слова, что может в равной степени свидетельствовать и о взрывном образовании [ɣ] и о фрикативном — [ɣ].

Однако территория распространения [ɣ] взрывного и данные современной диалектологии об образовании согласного [ɣ] в галичских говорах и их широком окружении не оставляют сомнения в том, что и в говоре писцов Галичского евангелия [ɣ] должно было быть взрывным.

Единичное написание *оукроуѣ* III 93б, вместо обычного *оукроуѣ* ($o\hat{u}k\hat{r}o\hat{u}f\hat{e}$) отражает, по-видимому, ложную этимологию писца, но не фрикативное произношение согласного в этом слове и во всяком случае не указывает на фрикативное образование фонемы [ɣ] как элемента фонетической системы.

4. Долгие шипящие

Долгий звонкий шипящий, полученный из древних сочетаний «zgj», «zgʹ» перед гласным переднего ряда и «zdj», в Галичском евангелии передается непоследовательно: в одних случаях согласно церковнославянской традиции через *жд*, в других через *ж*. Так, в слове *дождь* отмечено написание *жд*: *дождь* II 31в; *одъждити* I 27а, а в словах *ижденуть* и *рождье* написание *жд* чередуется с написанием *ж*: *ижденуть* и другие формы I 26а, II 34б, III 79а, 82г, 91а, IV 141а, 155г; но: *иженоу*, *иженеть*, *иженоуть* I 9г,

10б, 10г, 17а, 60в, 110г, IV 118б, ижьноуть IV 140г; рожье I 22б, но: рожье IV 140а.

Вопрос о произношении на основании этих написаний решить трудно. Современные галичские говоры знают долгий звонкий твердый шипящий без взрыва и долгий звонкий мягкий шипящий без взрыва. На основании того, что в говоре писцов Галичского евангелия недолгие шипящие и [ц] были мягки (см. ниже), можно утверждать мягкость и долгих шипящих, так как долгие шипящие отвердевают в русских говорах (если отвердевают) позже отвердения [ж], [ш]. Таким образом, можно утверждать долготу, мягкость и звонкость рассматриваемого звука.

Однако важно установить также наличие или отсутствие взрывного элемента в образовании долгого звонкого шипящего. Для обозначения долгого звонкого шипящего на месте древнего сочетания «жъж» у писцов было средство: обычно они писали *жьж*, например: *въжьжень* I 53в; *зажьже* I 56а, но наряду с такими написаниями отмечено и написание одного *ж*: *сожеть* IV 170а, в котором долгота согласного на письме не отражена.

Отсюда следует, что в Галичском евангелии для обозначения долгого согласного может употребляться и одна буква, т. е. долгота согласного не отражается специально на письме.

Это делает правомерным предположение о том, что в написаниях *рожье*, *иженуть* также отражен долгий согласный на месте звонкого мягкого шипящего. Написание сочетания *жд* в других случаях в тех же словах должно указывать, по-видимому, на наличие взрывного элемента в образовании долгого звонкого шипящего, но не на произношение *жд*⁶³.

Написание *жд*, соответствующее произношению [ж'д], встречается в памятнике на месте старых сочетаний «жъд» или «шъд»,

⁶³ В связи с этим следует отметить, что нашему памятнику, как и другим древнерусским, написанным до второго южнославянского влияния, не была свойственна лексика с сочетанием [жд] на месте старого сочетания «dj»; в нем в соответствии с звуковой системой русского языка последовательно пишется в этих случаях буква *ж*, например: *вожь*, *гражане*, *ноужа*, *ноужаста*, *одежа*, *чюжихъ*, *чюжахоуся*, *вижю*, *повѣжь*, *съгражю*, *жажю*, *обижю*, *соужю*, *расоужати*, *осоужати*, *гроужаеши*, *хожаше*, *обихожаше*, *заблоужшихъ*, *всаженоу*, *преже* и др.

например: *колиждо*, *комуждо*, *когождо*, *кождо*, *седмижды*, *дважды* и др., при сосуществующих написаниях *жьд*: *многожьды*, *колиждо* и др., отражающих то же произношение. Во всех этих случаях следует предполагать зубное образование [д], твердого перед гласными заднего ряда и мягкого перед гласными переднего ряда, и предшествующее ему мягкое [ж'].

Двоякая передача на письме долгого звонкого согласного в Галичском евангелии посредством *ж* и *жд* (если она не связана с произношением в отдельных лексемах [жд]) указывает на близость его к [ж'ж'], с одной стороны, и близость к сочетанию [ж'д] ([ж'д']), с другой стороны. Близость с первым состояла в том, что рассматриваемый звонкий шипящий был долгим мягким, как и тот звонкий шипящий, который образовался после падения редуцированных из существовавших до того времени сочетаний «жъж». Близость ко второму сказывается в наличии взрывного элемента в этимологическом долгом шипящем ([ж'д'ж']). Можно признать поэтому, что долгий звонкий шипящий в галичском говоре произносился мягко и с взрывным элементом, а именно [ж'д'ж'].

О месте образования взрыва по имеющимся написаниям судить еще более трудно, чем о способе образования. А. М. Селищев считал, что встречающееся в ряде севернорусских памятников написание *жг* передает палатальное сочетание [ж'д']: «Полагаю, — писал он, — что написанием *жг* передавалось палатальное сочетание *žd'*, с палатальным затвором, а не с фрикативной *j*; палатальное *d'* в акустическом отношении близко к *g'(g')*»⁶⁴.

В Галичском евангелии написаний *жг* для передачи долгого звонкого шипящего не встретилось. Однако это может объясняться двоякими причинами: 1) тем, что в говоре писцов был фрикативный элемент в конце долгого звонкого согласного, и потому у писцов не сложилось традиции обозначать этот звук сочетанием *жг*; 2) тем, что в их говоре взрывной элемент в [ж'д'ж'] мог и не иметь нёбного образования.

⁶⁴ А. М. Селищев. «Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924, 276 стр.» — рецензия. «Изв. ОРЯС», т. XXXII и последний, 1927, стр. 324.

Таким образом, в говоре писцов Галичского евангелия был долгий звонкий шипящий с взрывным элементом (место образования его точно мы определить не можем), который отличался от долгого шипящего, появившегося после падения редуцированных в определенных позиционных условиях из сочетаний «жьж», «сьж», «зьж», «сьж», «зьж» способом образования (первый имел взрывной элемент, второй не имел его) и совпадал с ним в отношении мягкости и долготы.

Долгий глухой шипящий последовательно передается на письме всеми писцами посредством буквы *щ*. Эта буква употребляется не только для обозначения долгого шипящего на месте древнейших «skj», «sk'», «stj», но в ряде случаев и на месте звука из сочетания «tj» в церковно-книжных словах и некоторых словах обиходного языка. Однако в последнем случае сосуществуют и написания с буквой *ч*, например: очютять I 73г; очюти IV 163в; не ропчѣте I 9г; изо дчере I 60в; чужахоуся I 55а, 57а, 58а; вмечющема II 29г и др.

Буква *щ* обозначала, по-видимому, звук [ш'ч']. На такое именно произношение долгого глухого шипящего в говоре писцов указывают прежде всего имеющиеся случаи написания буквы *щ* на месте сочетаний «зч» («сч») на стыке морфем: ищрева I 48г, 113г, IV 175б; бещада III 90в; ищадыя IV 168в, 169в; иштени II 31б; ищѣтени IV 162б; ращтеть III 83г; ищистишася I 92г (2); бесщести I 38г (при: безъ чьсти I 56 и др.). Их можно было бы рассматривать и как копии с более древних южнославянских списков, в которых написания *щ* или *шт* отражали ассимиляцию [с] (и [з] > [с]) и [ч] на стыке приставок *из*, *без*, *раз* и [ч] корня еще до процесса падения редуцированных. К таким написаниям, например, относятся в Мариинском евангелии бещьстьна 163.4; ищистити 21.20–21; ищистиса 21.22; ищистиша 276.24; ищадыѣ 85.28; иштѣтени 253.3; иштѣтени 32.16; иштистити 119 15–16⁶⁵ и др.

Однако полагать, что все встретившиеся написания буквы *щ* на месте «с + ч» на стыках морфем обязаны своим существованием только южнославянским протооригиналам, нет оснований. В течение нескольких столетий бытования евангельского текста на Руси

⁶⁵ Материал приводится по изданию И. В. Ягича, первая цифра означает страницу, вторая строку.

в многочисленных списках неэтимологические написания должны были бы быть утрачены и восстановлено написание по основному виду корня, как было сделано, например, в отношении целого ряда предлогов-приставок. Сосуществование написаний *щ* и *сч* также говорит о том, что написание *щ* поддерживалось живым произношением писцов. Поэтому можно считать, что буквой *щ* писцы обозначали долгий глухой шипящий мягкий⁶⁶ с взрывной артикуляцией.

В современных галичских говорах наряду с произношением долгого глухого шипящего без взрыва (в одних случаях, он тверд, в других мягок, но это не имеет отношения к нашему рассуждению, так как отвердение, безусловно, процесс поздний) представлено произношение с взрывом. Произношение [ш'ч'] отмечено в населенных пунктах Богчино и Житково, расположенных вблизи Галича по направлению на восток, произношение [ш̂ч̂] — в д. Самылово (еще восточнее, но в пределах Галичского района); звук [ш̂ч̂'] в слове *щи* отмечен в деревнях Михайловское, Ивановское Галичского района (направление на восток и юго-запад).

Полагаем, что утрата взрыва в согласном [ш'ч'] в части говоров Галичского района — явление более позднее, чем период создания Галичского евангелия 1357 г., и поэтому предположение о произношении звука, обозначаемого на письме буквой *щ*, как [ш̂ч̂'] правильно.

Выше указывалось, что соответствующий долгий звонкий шипящий произносился также с взрывным элементом. Наличие взрывного элемента в артикуляции звонкого согласного обычно предполагает наличие взрыва и у соответствующего глухого, так как утрата взрыва легче осуществлялась у звонких, где он был более слабым, чем у глухих, имевших значительно более сильный взрывной элемент⁶⁷.

Материалы и карты Атласа русских говоров центральных областей к востоку от Москвы иллюстрируют это положение: в них

⁶⁶ Согласный [ш'ч'] следует считать мягким по тем же основаниям, по которым выше мы говорили о мягкости [ж'д'ж'].

⁶⁷ Р. И. Аванесов. Долгие шипящие в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1948, в. 6, стр. 26.

отражено, что утрата взрыва скорее происходит в долгом звонком шипящем при сохранении его еще в течение некоторого времени в артикуляции глухого шипящего.

Выше мы видели, что для писцов Галичского евангелия 1357 г. можно предполагать произношение звонкого шипящего с взрывным элементом, тем более должен был сохранить его глухой долгий шипящий.

5. Мягкость шипящих и [ц]

В исследуемом памятнике нет достоверных указаний на отверждение шипящих и [ц], что является косвенным свидетельством в пользу сохранения шипящими и [ц] в говоре своей исконной мягкости.

На отверждение шипящих и [ц] могли бы указывать хотя бы единичные написания букв *ж, ш, щ, ц, ч* с последующими *ѣ, ѝ*. Таких написаний не встретилось. Но и положительные показания в пользу сохранения шипящими и [ц] своей исконной мягкости, которыми могли бы считаться написания с буквой *ь* после соответствующих букв, не могут быть признаны вполне убедительными, так как их можно объяснить как этимологические написания.

Лишь единичный случай, когда на конце строки после *ш* стоит буква старого редуцированного, не обусловленного этимологией, и этой буквой является *ь*: *помышь|ляющимъ IV 169г.* — в некоторой степени является положительным свидетельством в пользу мягкости [ш']. Однако буква *ь* и в этом случае могла появиться вследствие применения усвоенного писцами правила писать после *ш, ж* всегда букву *ь*, а не *ѣ*.

В положении перед буквами согласных буква *ь* после шипящих и *ц* писцами Галичского евангелия употребляется непоследовательно. Однако отсутствие последовательности в отражении на письме мягкости предшествующего согласного в группе согласных проявляется не только в отношении шипящих, но и в отношении всех других согласных (см. ниже). «Следует иметь в виду, — писал А. И. Соболевский, — что старые русские писцы мало заботились об обозначении мягкости и твердости согласных в середине слов перед согласными, и даже в лучших московских рукописях XVII в.

мы находим: волный, силный и др. (постоянно без *ь* после *л*)»⁶⁸. Таково же положение и в исследуемой рукописи, в том числе и по отношению к шипящим, обозначать мягкость которых было еще менее необходимо вследствие отсутствия противопоставления их по твердости и мягкости.

Буква *ь* в группах согласных после *ж, ш, ч, ц* ставится или пропускается писцами произвольно. Так, в положении перед согласными наличие буквы *ь* в указанном окружении не зависит от твердости или мягкости следующего за шипящими или *ц* согласного.

Для изучения вопроса о мягкости—твердости шипящих и [ц] имеют значение не только сочетания соответствующих букв с буквами *ь, ѣ*, но и с буквами, обозначающими гласные звуки.

Написания с последующей буквой *е* не показательны, поскольку в практике писцов не сложилось традиции употреблять букву *ю* вообще после согласных и в том числе после шипящих и *ц*. После согласных они употребляли только букву *е*.

Написаний с буквой *ы* вместо *и*, которые должны были бы свидетельствовать в пользу отверждения какого-либо шипящего или [ц], не встретилось, что является косвенным свидетельством в пользу мягкости их.

Написания с буквой *ю* являются традиционными, и потому они не показательны при суждении о твердости—мягкости шипящих и [ц], но показательны только написания с *оу* (*у*).

В положении после букв, обозначающих соответственно звуки [ч] и [ц] (дольше, чем [ж], [ш], сохранявших свою исходную мягкость), а также звук [щ], написаний буквы *оу* (*у*) не встретилось. Исключение составляет единичное написание *оу. ощоутиша IV 127в.* По всей вероятности, оно является опiskeй: под влиянием предшествующей буквы *о* писец написал *оу*, начинающееся с буквы *о*. Если бы это написание не было похоже на описку, оно должно было бы свидетельствовать о начавшемся отверждении долгого глухого шипящего. Для обозначения гласного [у], находящегося в положении после [ж], встретилось дважды написание *оу* вместо обычного *ю*: *моужоу II 31в* (там же: *моужю*) и: *моу|жоу IV 173б*. Оба эти написания в еще большей степени внешне похожи на описки.

⁶⁸ А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 115.

Буквы *a* и *а* вследствие утраты носовых гласных в восточнославянских диалектах вступили в те же отношения в системе русской графики, что буквы *ou*—*ю*: после букв, обозначающих парные по твердости—мягкости согласные, буква *a* стала употребляться, если предшествующий согласный был твердым, буква *а* — если он был мягким (буква *ю* употреблялась после гласных и обозначала сочетание [ja]). Что касается употребления букв *a*, *а* после букв шипящих и *ц*, то — ввиду непарности соответствующих согласных по твердости—мягкости, а также в связи с тем, что буквы *a*, *а* обозначали в старославянском качественно различные гласные, — здесь определенной последовательности не сложилось. Вследствие этого написания букв шипящих и *ц* с буквой *a* в нашем памятнике не могут указывать на твердость согласного, хотя, впрочем, написания букв шипящих или *ц* с буквой *а* скорее указывают на мягкость соответствующего согласного.

В нашем памятнике после *ш*, *ч*, *щ* последовательно пишется буква *a*. После *ж* встретилось единичное написание буквы *а*: мрежа I 66б. После *ц* написания буквы *а* представлены шире: къ овцамъ I 64а; нарѣцаеть, нарѣцаемыи I 5г, 18а, 58г (2), 70г, IV 175г; от смоковница I 62г; цату III 89г; цвѣтца (им. п. мн. ч.) III 81а; кюрица (им. п. ед. ч.) III 82в — при многочисленных написаниях буквы *a* в других случаях, в том числе и в приведенных словах, как на месте этимологического «а», так и на месте «е».

Написания *ж + а*, *ц + а*, а также приведенное выше *ш + ь* (в слове *помышь/ляющимъ*) свидетельствуют в пользу мягкости согласных [ж'], [ш'], [ц']. Поскольку же неизвестны говоры, в которых произносились бы твердые [ч] и долгие шипящие при наличии мягкости у [ж'], [ш'], можно предполагать, что мягкими были также [ч'], [ж'д'ж'], [ш'ч'].

Совокупность всех приведенных выше данных, а именно: 1) отсутствие достоверных сведений о процессе отвердения шипящих и [ц'] в говоре писцов, 2) встретившиеся наряду с традиционными написаниями буквы *a* после шипящих и *ц* написания *жа* и *ца*, указывающие на сохранение мягкости предшествующего согласного, 3) употребление после всех шипящих и *ц* буквы *ь* (на конце слов, в группах согласных на месте этимологического «ь», в случаях пе-

реносов как на месте этимологического «ь», так и вообще согласно закону конца строки) и отсутствие написаний буквы *ь* в этих случаях, 4) отсутствие пропуска конечного *ь* перед энклитиками — все это вместе взятое указывает на мягкость всех шипящих и [ц] в говоре писцов Галичского евангелия.

В современных галичских говорах, как можно судить на основании изученных нами диалектологических материалов с очень плохой транскрипцией твердости—мягкости всех согласных и особенно непарных по твердости—мягкости, согласные [ж], [ш], [ц] всегда тверды, согласный [ч'] в основном мягок, но в деревнях Житково и Даниловское Галичского района, расположенных к востоку (первая) и югу (вторая) от Галича, отмечено уже твердое произношение [ч']⁶⁹.

Материалы Галичского евангелия 1357 г. показывают, что в середине XIV в. все шипящие и [ц'] были еще мягки и что отверждение [ж'], [ш'], [ц'] и частично [ч'], [ш'ч'] ([ш'ш']), [ж'д'ж'] ([ж'ж']) в галичских говорах совершилось позднее.

6. Изменение сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]

В истории русских говоров вплоть до XVI в. важным является процесс изменения сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]. Наиболее показательными при рассмотрении вопроса, связанного с этим изменением, являются случаи написаний *ки*, *ги*, *хи* в незамысловатых словах и особенно в корнях этих слов, где не могло сказываться влияние аналогии. В рукописи имеется достаточное количество материала для утверждения о том, что в галичском говоре середины XIV в. сочетания [кы], [гы], [хы] изменялись в сочетания [к'и], [г'и], [х'и] (приводим его полностью). В корнях: вскысе I 37б, 92б; покывающи IV 148в, 149а; секыра IV 168в; секира IV 169в; погыбнуть, погыбельныи, изгыбель, изгыблъ и др. I 4а, 4в, 6б... 21 случай; III 82а (2), 85б; погыбноуть, гибель и др. I 63б, 67в, II 29а, 29б, III 85б, 91б, IV 134в, 137а, 143а, 148б, 162г; въсхытить, въсхы-

⁶⁹ Диалектологические данные о долгих шипящих рассмотрены выше.

щаеть, хыщници I 36, 8а, 17в (2), 53б, IV 158в, 161г; въсхи|щаеть III 77в; въсхитають II 31г.

Рассмотрим случаи, в которых могло сказаться влияние морфологической аналогии⁷⁰; при этом, поскольку нас интересует фонетический процесс, ниже не различаются случаи, где [к'и], [г'и], [х'и] появились из [кы], [гы], [хы] по фонетическим причинам и где вследствие выравнивания звукового вида основы вместо [ц'и], [з'и], [с'и]. Последних случаев значительно меньше, так как в памятнике широко представлены окончания *ци, зи, си*, так же, как *ць, зь, сь*.

Написания *ки, ги, хи*, и *кы, гы, хы* на стыке основы слова и окончания в именах существительных представлены следующим материалом: безаконьники I 111в, IV 133б; вла(д)кы II 30г; въ вѣкы I 10а, 11г, 13г (2)... всего 13 случаев; III 114г, IV 120г, 124в, 133г, 135а, 139б, 173в; въ вѣки I 14в; вѣстники I 74б; грѣшники I 36а, 70г; доски I 4г, 44г; избытки I 42г, 45а, 72в; избытки I 60г; книжники I 108а, III 94а (2), IV 148г, 149а, 166в; ликы (в значении 'ликования') I 104г; моуки I 110г, IV 132б; наимьники IV 158в (2); останки I 16в; отроки IV 122а, 167а; паскы IV 167г; пищальники I 38б; подолкы I 55в; праздники I 113б; пр(о)ркы I 75г, 92в, II 28а, 33б, III 79а, 82в, 85а, IV 127а, 167в; прр(к)ы I 26а; в разбоиники III 83а, 83б; роуки I 12г, 17в, 66г, 106г, 112а, III 91а, роуки I 24г; рѣкы 4в, II 31в; свѣтилники I 63в, 63г (2), IV 128а, 128б (3); смокы I 44г (2), 45г (2), IV 124в, 161г; смоки I 98б; сребреники I 105в, IV 131а; оуроки IV 169г; оученикы I 36а, 42г, 45а... всего 17 случаев; II 35б, III 93в (2), 94а, IV 118а, 119а (2), 126а... всего 12 случаев; оучѣники I 8б, 19б, 23в; цр(к)ы I 25б; цр(к)ы I 5а, 25б; члвкы I 26а, 66в, 70в, II 28а (2), 31б, III 73г, 79в, 85а, 93г, 114б, IV 158а, 158б, 162б, 162в (2); языки I 58в, IV 128б, 155б, 155г; бгы I 17г; вериги I 54б; влагы I 73а; врагы I 27а, 58г, 68г, 69а, 101а, III 87б, 91а; долги III 76б, 114г; дроугы III 84б, 84в, 85а, 91б; дроуги I 104г, IV 140в (2); книги I 7в, 17г, 22а, 48в, 65в, III 95в; книги I 3а, 12б, 65в (2), III 84г, 85а, IV 137б (2), 143а, 150б... 9 случаев;

⁷⁰ Изучение роли, которую играл морфологический фактор в процессе перехода [кы], [гы], [хы], в [к'и], [г'и], [х'и] выходит за рамки настоящей работы, оно должно быть, кроме того, произведено на большем в количественном отношении материале, чем материал, содержащийся в написаниях четырех писцов Галичского евангелия.

недоугы I 40г, 50а, 51в, 66г, II 34а, III 79г; недоуги I 39б; ноги IV 171а; сапогы I 104в; слоугы I 24г (2), 107г, IV 143в; слоуги I 6б, 6в, IV 144а, 144б, 145г, 174г; грѣхы I 5в, 68б, 71в, IV 117а, 117б, 168б; грѣхи IV 170в; мѣхы I 50 (3), 67в (2), 111в, II 29б; мѣхи I 67в; антипаскы IV 157б; посохы I 106г, 107а, 112а.

В местоимениях, прилагательных и причастиях отмечены следующие написания: англьскыя I 47г; бѣсовскыи I 51г; великыи, великы и др. I 18а, 24в, 53а, 54б, 113в, III 77в, 78а, IV 121б, 124б, 153б, 157г, 173а; великимъ III 88б, 113г; галилѣискыи I 19б, 68б, IV 157б; геньсаритскыи I 39б, 59а; герьгесинскыя III 78а; гречьскыи IV 160б; дамафаньскыи I 61а; еврѣискыи I 10г, IV 146г, 160а (2), 160б; ер(с)лмьскыи I 113г; жидовскыя I 51б, 67г, 68а, 75а; житиискыи I 73б; жречьскыи I 45г, 63б, 92а (2)... 21 случаи, III 88г (2), 89г; скариодьскыи I 105в, 106г; искариотьскыи IV 122б, 131а, 134г, 139в; иудѣискыи I 67а, IV 144а; крѣпкыи III 77а; кыи I 48а, 50г, 61б, 111а (2), III 84а, 114а, IV 132в; кии III 84б, 84в; о кихъ I 2в; кимъ (М. цѣмъ) III 94в; нѣкыи I 46а, 46б, 46г... всего 18 случаев, III 78г, 82а, 82г... всего 10 случаев; IV 125а, 125б; нѣкыи III 86г; нѣкия I 71в; нѣкыи I 32а; людьскыя III 88г, IV 166в; магдалинскыи I 45б; мужьскыи I 1г; мякькы I 70б; мякьки II 32в; пекиися III 80г; плотьскыи I 1г; польскыхъ II 32в; пр(о)рчьскыи I 47г, III 79а; IV 137б; римьскыи IV 160б; сидоньскыи I 60б (2), 64а; сурьскыи I 26б; толики I 75б; толики II 34б; тоурьскыи I 60б (2), 64а; оузькыи II 28в, IV 161в; члвч(с)кыи I 4а, 4в, 8в... 18 случаев; IV 116а, 117б, 117г... 17 случаев; оболкы I 113а; пекыися I 96б; рекы I 11а, 110в, блгыя, блгыи I 27а, 27б, 50г, 61в, 96а, III 87а, 94г, IV 129а; драги IV 130в; дроугыи I 43г, 61б, 71б... 7 случаев; II 30г, III 77б, 85в, 86б, 89б, 90б; дроуги I 67а, 102а, III 86б, 87а, IV 127в, 144а, 149б... 10 случаев; многы I 5а, 20г, 40а... 22 случая; II 35в, III 90б, IV 123б; многи, многыхъ II 29а, IV 119г, 123а, 123в... 11 случаев; оубогыя, оубогымъ I 51а, 63в, 96б, 103в; мogyи I 48г; отвергиися IV 162в; ветхы I 50в, 67в (2), II 29б; глухыи IV 113г. Написания *кы* и *ки* в отдельных словах: акы I 54г, 58г, 100в... 7 случаев; III 93г, IV 116б, 136в, 151в, 154в, 159б; акы II 30в, III 86в; пакы I — 42 случая, III — 5 случаев, IV — 29 случаев (*паки* — не отмечено).

Еще меньшее значение для хронологии рассматриваемого процесса имеет изменение «кы», «гы», «хы» в иностранных словах, в которых написания *ки, ги, хи* (так же, как *ке, кь, кю, ге, гь, гю*

и т. п.) были нормой уже в первых памятниках письменности. В Галичском евангелии есть лишь одно отклонение: левъгыты I 2а при: левгинь I 64в; левгить III 83б и др. В остальных случаях последовательно пишутся *ки*, *ги*, *хи*.

Существование традиционных написаний букв заднеязычных в сочетаниях с буквой *ы* и новых написаний с *и*, отражающих произношение писцов, указывает на то, что в говоре писцов произошло изменение сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]. Это изменение могло иметь место уже в языке писцов списков, с которых переписывали свою рукопись писцы Галичского евангелия, но вероятнее, что написания *ки*, *ги*, *хи* были свойственны этим оригиналам в меньшей степени. Об этом говорит относительно большое количество написаний с *ы* у III писца. Полагаем, что они появились в рукописи вслед за оригиналом.

Приведенный материал в целом показывает, что отдельные писцы в разной степени и по-разному в разных морфологических категориях отражают новое явление — переход [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и].

На стыке корня и окончания в именах существительных сочетание *ки* употребляет только I писец, в именах прилагательных I, II и III писцы, но все они делают это сравнительно редко. В именах прилагательных I, II и III писцами чаще употребляется *кы*, чем *ки*. IV писец в этом положении употребляет только *кы*.

В корнях слов у I, II и III писцов отмечен больший процент написаний *гы*, чем на стыке морфем, где чаще отмечаются написания *ги*, причем у II писца и особенно у IV написания *ги* преобладают над написаниями *гы*. Приведенный материал, таким образом, показывает, что в говоре II и IV писцов заднеязычный звонкий быстрее изменился в соответствующий среднеязычный, чем глухой. Однако написания I и III писцов этого положения не подкрепляют.

Можно полагать, что более свободное произношение сочетания [ги] по сравнению с [ки] связано с индивидуальными особенностями речи II и IV писцов, если только более частые написания *ги* у них не связаны с особенностью оригинала, с которого они списывали свои части работы.

Данные нашего памятника не позволяют проверить гипотезу А. М. Селищева о том, что изменение [х'ы] в [х'и] происходило в по-

следнюю очередь по сравнению с [кы] и [гы]⁷¹. У каждого из писцов отмечено только по одному написанию *хи* при написаниях *хы* I писцом в двадцати случаях, II — в двух, IV — в семи. У III писца *хы* не встретилось. Материал слишком мал и не позволяет сделать какой-либо вывод.

Переход сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и], наличие написаний букв *к*, *г*, *х* в сочетаниях с буквами *ь*, *е*, *ю* указывают на то, что в говоре писцов согласные [к], [г], [х] уже вступили в основном в те же отношения по твердости — мягкости с согласными [к'], [г'], [х'], которые характерны для современного русского языка и которые отсутствовали в эпоху, предшествующую времени написания исследуемого памятника.

7. Позиционная твердость — мягкость согласных

Анализ употребления букв *ѣ*, *ь* в Галичском евангелии 1357 г.⁷² показывает, что в ряде случаев эти буквы являются знаками твердости (*ѣ*) и мягкости (*ь*) предшествующих согласных. Однако для обозначения твердости и мягкости согласных эти буквы употребляются непоследовательно: в середине слова перед согласным (материал конца слов рассматривается ниже) в подавляющем большинстве случаев не только твердость согласных, но и мягкость их (как самостоятельная, так и позиционно обусловленная) не обозначается на письме. Поэтому случаи опущения буквы *ь* в середине слов перед согласными не должны рассматриваться как дающие указание на твердость предшествующего согласного.

Материал для суждения о твердости — мягкости согласных перед согласными дают главным образом переносы слов, при которых писцы считали необходимым кончать строку буквами *ѣ*, *ь*, если она не могла быть окончена буквой гласного. Указание на твердость дает сосуществование написаний с буквой *ѣ* после буквы определенного согласного и без нее (однако при отсутствии

⁷¹ А. М. Селищев. «Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924, 276 стр.», рецензия..., стр. 324.

⁷² Относящийся к этому материал, весьма значительный по объему, рассматривается в отдельной работе.

написаний с буквой *ь*), например, *деръзною, наслѣдствоуите* при *дерзною, наслѣдствоуите* (при отсутствии написаний *деръзною* и подобных). Указание на мягкость согласного в положении перед согласным дает сосуществование в тех или иных случаях написаний с буквой *ь* и без нее (при неизменном отсутствии написаний с буквой *ѣ*), например, *тъма* и *тма, церкъве* и *церкве, больна* и *болна* (при отсутствии написаний *тѣма* и подобных).

В случае сосуществования написаний с буквами *ѣ* и *ь* после согласного в тех или иных морфемах в положении перед согласным (при этом написания с опущением букв *ѣ* и *ь*, естественно, непказательны) фонетическая интерпретация производится на основе показаний живого русского языка в его говорах, рисующих общую картину направления тех или иных процессов в отношении твердости—мягкости согласных, как и во всех других отношениях, с привлечением данных истории языка предшествующей эпохи.

Материал, имеющийся в Галичском евангелии, свидетельствует о том, что этимологически твердые губные в положении перед мягкими губными в говоре писцов приобретали позиционную мягкость: *любъви* IV 140б; *любъве* IV 140в.

Этимологически смягченных губных в положении перед твердыми губными не встретилось. Единственное написание *е|мъмануильт* IV 165б (при *емъмануильт* в М.) не дает достоверного доказательства в пользу отвердения.

В положении перед твердыми зубными губные (если они были смягченными здесь в предыдущую эпоху) уже отвердели, так — во всяком случае — в говоре IV писца, у которого отмечены написания: *въ правѣдоу* IV 150а; *гробъновъ* IV 151б; *пропъноу* IV 146г, 160а; *распѣ|ноуть* IV 148б, при: *распноуть* IV 147г, 160а; *оумърыи* IV 122б. Как видно из приведенных примеров, почти все случаи отвердения относятся к корням слов. В суффиксах более последовательно сохраняется написание *ь* не только у I, II, III писцов, которые вообще не дают написаний с *ѣ*, но и у IV писца, например: *црковъная* I 108г, IV 149в, 150а, 153в; *бѣсовъскымъ* I 51г, II 34г; *жидовъскыя* I 51г, 68а, III 114а; *жидовъ|скыя* I 67г; *подобъна* IV 126г; *скорбъ|ны* IV 142б; *земъная* I 48а; *чърмъноу* I 41а; *темъ|но* II 32а; *темъная* III 112а; *хри|змъная* IV 130г; *лихоимъствоуи* I 96б; *ер(с)лмъскы* I 111г, по *римъскы* IV 160б и др.

Можно полагать, что этимологически правильные написания буквы *ь* после губных перед твердыми зубными в некоторых суффиксах указывают на определенное орфографическое правило, но не на то, что губные в этих положениях были непременно мягки.

Твердые губные в положении перед мягкими зубными позиционному смягчению не подвергались, как и в современном русском языке⁷³. На это указывает отсутствие написания буквы *ь* после губного при наличии написаний буквы *ѣ*: *бѣ|дите* I 103в, 106в, IV 165г, *бѣдите*, *бѣдите* I 103б (2), 106в, 109б, IV 127г, 128в; *бѣдѣти*, *бѣдѣ* I 106в, IV 127г. Так же, как и в современном русском языке, этимологически твердые губные в положении перед шипящими и аффрикатами, которые были мягки, не смягчались. Написания буквы *ь*, не соответствующие этимологии, после губных в этом положении не встретились, но встретились этимологически правильные написания буквы *ѣ*: *ропѣ|щють* I 11г, *лобѣ|жю* I 106г, 111г, IV 137а, а также последовательное написание буквы *ѣ* в суффиксе *-ѣши-* после губных и суффикса *-ѣши-*.

В положении перед среднеязычным мягким согласным [j] губные подвергались позиционному смягчению: *объемлють* I 69в, II 28г, IV 161г; *объяденъемъ* I 109б, при сохранении *ѣ* в некоторых написаниях по традиции: *объемлють* I 69в. В рукописи не оказалось материала с губными перед мягкими заднеязычными.

Смягченные зубные предшествующей эпохи в положении перед твердыми губными сохранили свою мягкость. Об этом свидетельствует отсутствие написаний буквы *ѣ* после них при наличии

⁷³ Следует иметь в виду, что вопрос о позиционной твердости или мягкости согласных перед следующим согласным в современной диалектологии изучен мало, причем для изучения его в будущем собранные в настоящее время материалы (в том числе и по Галичскому району) могут дать очень мало, так как в их транскрипции мягкость согласных в группах согласных отмечается не всегда последовательно. Между тем можно полагать, что по говорам в этих отношениях имеется существенная разница. Возможно, отмеченный проф. Р. И. Аванесовым факт, что «во многих случаях старое московское произношение в отношении смягчения согласных перед мягкими согласными перестало быть нормой современного русского литературного произношения» (Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Учпедгиз, 1950, стр. 71), имеет под собой диалектную основу.

написаний буквы *ь* в словах: *тьма* II 32а, IV 149а, 150а, 153б; *тьмоу* IV 129в; *ть|ма* I 19г; *тьмоу* IV 130б; *полоть|ма* IV 128а.

В положении перед мягкими губными этимологически твердые зубные смягчались; на это указывают следующие отклонения от этимологических написаний: *сь|миромь* IV 172б; *дь|въ* IV 169в; *жать|въ* IV 158г (в последнем случае [т] в сочетании [тв'] могло быть смягчено в более раннюю эпоху, поскольку согласные [т] и [в] всегда были в одном слоге, так как не были разделены редуцированным).

В положении перед твердыми зубными смягченные зубные предшествующей эпохи отвердели в говоре писцов Галичского евангелия, как это имеет место и в современном русском языке. На это указывают написания буквы *ѣ* между рассматриваемыми зубными согласными, не обусловленные этимологией: *праведь|ныи* I 102а; *въслѣ|дѣствоующими* IV 155г; *наслѣдѣствоуйте* I 109в; *невъзѣ|блгородить|ныя* I 68г. Однако наряду с ними отмечены также написания буквы *ь* в указанном положении: *бездѣ|ная* II 35а⁷⁴, *прапроудь|ноу* IV 146а; *прапроудь|ноую* IV 146б; *праздѣ|ною* IV 165г; *праздѣ|нымъ* IV 123г; *благодать|ная* IV 173в; *суботы|ныи* III 94в, IV 154в; *беще|стѣна* I 99а; *извъ|сть|но* III 89а; *извъ|стѣныхъ* IV 174г; *смерть|но* IV 155г; *лозь|наго* IV 132б; *лозь|наго* I 110г, IV 135а; *порозь|ныя* IV 116в и др.

В положении перед твердыми зубными согласный [р] в древних сочетаниях «*trt*», где он был в восточнославянских диалектах смягченным, также ассимилируется по твердости твердым зубным. На это указывают написания: *дерзь|ноу* IV 150г; *деръ|зноу* I 8в; *жеръ|твоу* IV 172а; *меръ|твѣя*, *меръ|твѣхъ* IV 126г, 154г, 155в, 156а, 156б, 156г, 157г, 162г; *меръ|твѣхъ* IV 122б, 126в, 157б; *перъ|ста*, *перъ|стомъ* I 55в, 75в.

Встретившееся написание: *меръ|твѣи* IV 121б можно рассматривать наряду с приведенными выше (*мертвѣя* и др.), ибо можно предполагать, что [т] в этом сочетании был твердым, поскольку

⁷⁴ В говоре писцов произносилось [д'но] из «дно», однако на основании только что рассмотренных написаний ясно, что [д'но] должно было уже измениться в [дно]. Написание *бездѣ|ная*, таким образом, указывает либо на оригинал, либо на то, что отверждение зубных перед твердыми зубными в говоре писцов еще не было вполне последовательно.

окончание *-ии* было свойственно только форме книжного языка, а сочетания [тв] с гласным непереднего ряда были представлены в большинстве форм.

Единственное встретившееся написание суффикса *-ств-* с буквой *ь* после *ст* (*-ствь-*) в слове: *свѣдѣтельствѣ|вуютъ* IV 137г является, по-видимому, опиской, так как встретившиеся написания этого же суффикса с *ѣ* на месте этимологического «*ь*» (*наслѣдѣствоуйте*, *въслѣдѣствоующими*) не позволяют видеть в нем отражение мягкости.

Можно полагать, что твердые зубные подвергались смягчению перед мягкими зубными, кроме шипящих и [ц], перед которыми последовательно сохраняются этимологически правильные в отношении твердости и мягкости написания. На смягчение указывает написание *сь|свѣ|тилы* IV 143в. Других случаев отражения на письме смягчения этимологически твердых зубных перед следующими мягкими зубными не встретилось.

Вследствие ограниченного количества имеющихся в памятнике примеров с согласным [р] в старых сочетаниях «*trt*» невозможно установить, подвергался ли согласный [р] в этом положении позиционному смягчению перед мягкими согласными. Сюда относятся лишь написания *горъ|стѣю* I 59б; *горъ|жникомъ* I 4г, 44г, IV 129б. Последние три случая даже и не имеют прямого отношения к указанному положению, так как перед шипящими и [ц] позиционного смягчения не происходило.

Так же, как и в современном живом языке, не подвергался позиционному смягчению согласный [л] в старых сочетаниях «*tlt*» (исконных и из «*tlt*»): *вольсви* IV 166б; *долъ|жни* и др. I 49а, 71б, 84г, 99в, IV 134а; *моль|чаше* IV 137г.

О смягчении или сохранении твердости зубных перед [j] судить нельзя, так как встретившийся материал чрезвычайно ограничен в количественном отношении, и написания буква зубного + *ѣ* + *ј* на месте старых «зубной + *ь* + *ј*» не встретились. Это положение представлено лишь написаниями *подѣ|* II 34а; *подѣ|меть* IV 121г, 127в.

Смягчение зубных перед мягкими заднеязычными отражено в написаниях: от *аръ|хиерѣ|и* IV 113б; от *аръ|хиерѣ|овъ* IV 144б.

В положении перед буквами, обозначающими новые мягкие [к'], [г'], [х'] (в сочетаниях [к'и], [г'и], [х'и]), встретились лишь соот-

ветствующие этимологии написания с буквой *ѣ* после зубных, что может свидетельствовать о традиционной орфографии, но также и о том, что перед новыми [к'], [г'], [х'] смягчения зубных не происходило.

Заднеязычные согласные не подвергались позиционному смягчению перед губными и зубными согласными; за это говорят последовательные написания с буквой *ѣ* после *к*: въ церкѣви IV 147а; смокѣви III 82в; къдѣ IV 31г, 134г. Отсутствие смягчения в положении перед шипящими отражено в написании после букв соответствующих заднеязычных только буквы *ѣ*: книгѣчия I 49г; небрегѣше I 56а; извлекѣше I 66в; померкѣшу IV 150а и др.

На положение заднеязычных перед мягкими заднеязычными же материала почти нет. Имеющиеся примеры (написания мякѣки II 32в и мякѣки I 70б, II 32в) показательной силы не имеют.

8. Мягкость — твердость парных согласных, не вызываемая влиянием следующих согласных

Отверждение конечного [м] в падежных формах и личных формах. В исследуемой рукописи имеется значительный по количеству материал, показывающий, что губной [м] в положении на конце слова отвердел в окончаниях творительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода всех типов склонения и прилагательных мужского и среднего рода, в местном падеже единственного числа прилагательных мужского и среднего рода, а также в 1-м лице единственного числа нетематических глаголов. Благодаря этому отверждению указанные падежные формы совпали с формами дательного падежа множественного числа соответствующих существительных и прилагательных и соответствующие формы 1-го лица единственного числа с формами 1-го лица множественного числа. Между тем писцы стремились выдерживать этимологические написания. Однако отсутствие в живом говоре критерия для различения этих форм привело к тому, что этимологический принцип написания нарушается: в формах творительного и местного падежей появляются написания *мѣ*, а дательного падежа множественного числа — *мь*. Наряду с написаниями, отклоняющимися от этимологии,

встречаются, естественно, и написания, согласные с этимологией. Беспорядочное употребление букв *ѣ*, *ь* в этих формах проявляется не только в том, что в определенных категориях слов в разных местах рукописи употребляются разные буквы (как *ѣ*, так и *ь*), но и в том, что даже в одном и том же словосочетании писцы употребляют обе эти буквы, например: надо всѣмъ именемъ своимъ III 81б; ни единѣмъ же перстомъ вашимъ III 78г; страхомъ великимъ III 78а; кацѣмъ же недоугомъ I 10г; дѣлателемъ тѣмъ IV 125г; всѣмъ разоумомъ своимъ IV 126г и др.

Естественно, что при наличии мены букв *ѣ*, *ь* на конце слов после *м* употребление букв вопреки этимологии чаще отмечается в тех случаях, где раньше был мягкий (полумягкий)⁷⁵ звук [м']. В тех же случаях, где раньше был твердый согласный, написания буквы *ь* встречается реже, чем буквы *ѣ*, так как написания *ѣ* поддерживаются не только произношением писцов, но и зрительными образами оригиналов, с которых списывали писцы. Так, в формах дательного падежа множественного числа у Фофана на 200 случаев правильного употребления буквы *ѣ* имеются лишь три написания с буквой *ь*: торжникомъ I 61г; вѣтромъ I 72а; причастникомъ I 66в. Второй писец дает написания исключительно с *ѣ*, их 13. Третий писец на 32 написания с *ѣ* имеет 4 написания с *ь*: влдч(с)твомъ III 79г; младенцемъ III 87в; народомъ III 78а; другомъ моимъ III 79в. Четвертый писец более чем на 80 написаний с *ѣ* имеет 9 написаний, не соответствующих этимологии: к нимъ IV 158г; намъ IV 164а; словесемъ моимъ IV 175в; словесемъ ихъ IV 143а; зоубомъ IV 128а, 129в; дѣлателемъ тѣмъ IV 125г; анѣломъ своимъ IV 171а.

В местном падеже единственного числа имен прилагательных, местоимений и причастий сравнительно последовательно пишется буква *ь* после *м*. Так, у II и IV писцов совсем не встретилось отклонений от этимологических написаний (у II писца всего шесть написаний, у IV писца — 51). У III писца на 28 написаний *ь* в соответствии с этимологией отмечено два написания с пропуском

⁷⁵ К сожалению, до сих пор не удалось установить, происходило ли после утраты конечных слабых редуцированных отверждение [м] из положения полумягкости или же [м'] в этих случаях был уже мягким и, таким образом, утрачивалась мягкость [м'].

конечного *ь* (*ъ*): потом же III 84г, 86б. Этот пропуск следует рассматривать как отражение отвердения, поскольку опускаться может только конечный *ъ* после твердых согласных. У Фофана встретилось три написания с буквой *ъ* на конце: потомъ I 73а; о немъ же I 53б; ни о комъ I 52в, при 108 написаниях буквы *ь* в соответствии с этимологией.

В формах творительного падежа единственного числа у II и III писцов чаще отмечено употребление буквы *ъ*, что не соответствует этимологии этих форм. Встречаются они также и у I и IV писцов. Так, у Фофана имеется: древникомъ I 26б, 26г, причем в первом случае буква *ъ* переправлена (!) из *ь*; кроме того: чимъ коупимъ I 16б; недоугомъ I 10г; предъ сѣмъ члв(с)кымъ I 109б; надъ оучителе(мъ) I 69б (последние две буквы надписаны сверху); съ единемъ I 43а; бѣсомъ I 50а; вѣтромъ I 36в, 70б; и один раз с пропуском конечного *ъ*: тѣм же I 75б — при 179 написаниях буквы *ь* в этой же категории; у II писца: судомъ II 29в; надъ оучителемъ II 31а; княземъ II 34г — при 31 написании конечного *ь*; у III писца: великимъ III 77в; своимъ III 81б; добрымъ III 91б; пред|нимъ III 94в; всѣмъ III 83а; гноемъ III 82в; родомъ III 91б; страхомъ III 78а; съ судомъ III 78б; съ суперникомъ III 81г; с пропуском конечного *ь* (*ъ*): тѣм же III 95г; единѣм же III 78г — при 47 написаниях буквы *ь* после *м*. У IV писца при 130 написаниях с *ь* на конце отмечены: имъ IV 151г; живымъ IV 137г; всѣмъ IV 126г; глѣющимъ IV 126в; олтаремъ IV 127а; искрѣнимъ IV 122в; прѣкмъ глѣющимъ IV 165в; народомъ IV 147г; прѣкомъ еремѣемъ глѣющимъ IV 151г.

Указания на отвердение конечного [м] имеются и в личных формах нетематических глаголов. Так, у Фофана отмечено: в 1-м л. ед. ч. дамъ; I 2а, 10а, при более правильных дамъ, въздамъ, предамъ I 14в, 43а, 43б, 43г, 65а (2), 92г, глагол *есмь*, *нѣсмь* отмечен в 1-м л. ед. ч. только с *ь* на конце; встретилось одно написание вѣм|же I 18г без конечного *ь* (*ъ*), при 22 написаниях с буквой *ь* на конце слова; глагол *имамъ* отмечен только с конечным *ъ*: *имамъ* I 4г, 7в, 11а... всего 14 случаев; у II писца встретились только соответствующие этимологии написания: *есмь* II 33в, 34а; *нѣсмь* II 34а; *исповѣмъ* II 28а, 31б; у III писца *есмь* III 87б; но дамъ, въздамъ III 83б, 91б; *имамъ* III 81в, 85в (2); у IV писца при написании *есмь* IV 147г отмечено: *есмь*, *нѣсмь* IV 123а, 126в, 132г... всего 36 случаев; *вѣмъ*

IV 145б, но: *вѣмъ*, *повѣмъ* IV 120в, 120г, 125а... 12 случаев; *предамъ* IV 131в, но: дамъ IV 134г, 171а, 176г. Как и у I писца, отмечено только *имамъ*: IV 132б (2), 136а, 141б... 9 случаев.

В формах 1-го лица множественного числа отмечено не соответствующее этимологии написание *ь*: не *вѣмъ* IV 125а, 142б. Кроме того, представляют интерес написания буквы *ь* вместо *ъ* в 1-м лице множественного числа тематических глаголов у I и III писцов: *поразимъ* I 111г; *оубьемъ* I 99а, III 89б; *исплевѣмъ* I 37а.

Приведенный материал, отражающий взаимную мену букв *ъ*, *ь* после конечного *м* и в личных формах глаголов и в падежных формах местоимений, существительных и прилагательных, с достоверностью свидетельствует об отвердении конечного [м] и в указанных категориях в говоре писцов Галичского евангелия.

В положении на конце слова в числительном *семь* последовательно пишется буква *ь*: *седмь* I 45а (3), 100б (3), III 77б; *седмь* *десять* IV 164а. Случаев постановки *ъ* вместо *ь* на конце имен существительных в именительном падеже после *м* и букв других губных не встретилось. Поэтому вопрос о том, было ли отвердение в положении на конце слова свойственно всем губным согласным в говоре писцов или только конечному [м] в определенных формах, где [м] твердое не вступало в чередование с [м'] мягким в одних и тех же морфемах (как повсеместно в русском языке теперь), решен быть не может.

Мягкость губных в середине слова перед согласными. В современном литературном русском языке и говорах широко распространено непозиционное отвердение губных, т. е. такое отвердение, которое не вызывается твердостью последующего согласного. Рассматриваемому нами говору XIV в. это явление не было еще свойственно. Так, в положении перед парными мягкими зубными согласными, где в современном русском языке широко представлены отвердевшие губные, в Галичском евангелии 1357 г. сравнительно широко представлены этимологические написания с буквой *ь* не только в суффиксах, но и в корнях слов. Сюда относятся: *главь|нии* IV 162б; *цѣрковнѣмъ* IV 171а; в *жидовѣстѣ* I 69б, 102в; *въ жидовѣствѣ* III 91в; *лукавь|ствия* III 89г; *въ|си* I 14а, IV 138б; *въсѣмъ* IV 158а, 165а, 176а; *въсе* IV 129б; *въ|сякъ* IV 147б, 159в; *прискорбѣни* IV 136б; *собравшю* IV 161б;

распњи I 108б, IV 152б, 160а; мь|нѣ II 35г, IV 133б, 142в, 143а, 170в, 173а; мьнѣ IV 147а; наимьникъ IV 158в (3); темь|ници I 178б, IV 130б; мь|ню I 99в; мь|нить IV 129г; мь|ниться IV 129б; мьнии I 111а, IV 132в; мьститъ⁷⁶ III 79а; земьстии I 46г; въ ер(с)лмьстѣмь I 20г; содомьстѣи II 30в; содомь|стѣи II 33б. Приведенный материал и полное отсутствие написаний ъ после букв, обозначающих губной в указанном положении, позволяет заключить, что отвердения губных в положении перед следующими мягкими зубными не происходило.

Сохранилась смягченность губных и в положении перед шипящими и [ц]: сребролюбь|ци I 97б; мьщю I 101г; мь|щение III 91в; промьчеса IV 155а.

В старых сочетаниях губного с эпентетическим «л» в говоре писцов губные были, по-видимому, мягкими. Об этом свидетельствует написание буквы ъ после буквы губного в случаях переноса: земь|ля I 53г; приемь|лете III 86в; оустрამь|ляются IV 125в.

Мягкость зубных в середине слова перед согласными. В положении перед твердыми губными согласными этимологически мягкие зубные согласные последовательно сохраняют свою мягкость (см. выше). Тем более они сохраняют ее в положении перед мягкими губными⁷⁷. Так, в корнях слов: тьмѣ IV 156в, 171б; ть|мѣ IV 162а; стр(с)тьми I 25в; дѣями I 107б, IV 137в, 148в, 149а; четырьми IV 117а; четырь|ми I 5а; на стыке приставки и корня: възь|меть IV 148в; на сонь|мищихъ IV 144б; на соньмища IV 161в, 162в; соньмищихъ IV 116а, 116в, 141а; в заимствованных словах: перьфируо IV 147а.

Как указывалось, в говоре писцов Галичского евангелия мягкие зубные перед твердыми зубными отвердели. В положении перед этимологически мягкими согласными мягкие зубные не утрачивали своей мягкости ни в одной из частей слова. В корнях написания с буквой ъ в рассматриваемом положении не встретились, но встретились этимологически правильные написания

⁷⁶ В этом случае и некоторых других буква ъ означает не только мягкость согласного, но в первую очередь является знаком слога *мь*.

⁷⁷ Мы касаемся этого вопроса только потому, что в современном языке известно произношение твердых зубных в этих положениях.

с буквой ъ: съ|дѣ I 102г; съдѣ, зьдѣ I 112г, III 106б, IV 123г, 136а, 154г; доньдеже IV 132б, 133а, 136б, 138г, 164в; донь|деже III 91а, а также на стыке приставки и корня: воньзи IV 143г; корня и суффикса: всходь|ницу I 105г; постѣдья IV 151в; праздь|никъ IV 122г, 131в, 133б; пра|здьникъ IV 130в, 134б, 167г; праздьникъ IV 167г; тивериадьстѣмь IV 157б; свѣть|никъ I 8в; невѣсть|никъ II 29б; невѣстьникъ II 29б; окр(с)тъня IV 72б; причастьникъ III 89б; смертьнѣ IV 171в; людьстии I 45г; 112г, IV 124г, 138б, 151в; ниневгитьстии II 35а; генисаритьстѣ I 66б; елеоньстѣи I 58б, 105а, 110б, 111а, III 88а, 88б, IV 123а; елео|ньстѣи I 101в; в ерданьстѣи IV 169а; гоморьстѣи II 30в; морьстѣи I 43а; невѣрьствию IV 155в и др.

Таким образом, в положении перед мягкими зубными мягкие зубные [д'], [т'], [н'], [р'] не отвердевали.

Согласный [р] в старых сочетаниях с предшествующим редуцированным переднего ряда между согласными в говоре писцов сохраняет свою мягкость в следующих положениях: а) перед губными как твердыми — почерь|пала I 14б, так и мягкими — терь|плю I 47в; вытерь|плю III 82г; терь|плю IV 118в; че|рвьленую IV 147г; б) перед заднеязычными: померь|кнетъ IV 124а, вьстерь|гнѣте I 37а; из це|рькве I 38а; це|рькви I 13а; перед мягкими зубными (перед твердыми отвердевает, см. примеры в разделе о позиционном отвердении и смягчении зубных): перьстень I 104в; верь|зися IV 124г, 171а; оумерьтвия IV 167а.

Мягкий согласный [л'], как и в современном русском языке, последовательно сохранял свою мягкость (хотя на письме она обозначалась не во всех случаях) и позиционному отвердению не подвергался; написаний *лз* на месте [л'] не встретилось. Имеются лишь написания с буквой ъ в положении перед любыми согласными: боль|ма I 50в; вельбудоу I 96в (2); больна I 100г; боль|на IV 130б; погыбель|ными I 22а; дово|льно I 111в; хоульня I 107в; вель|заоуль I 51г; польскихъ II 32б; декаполь|скы IV 117б; ан|гльскыя I 47г; колько III 82в.

Об отвердении [т] в 3-м лице глаголов. Отверждение конечного [т] в 3-м лице глаголов не имеет прямого отношения к фонетике говора писцов, поскольку в их говоре на конце слов существовали как конечное [т], так и [т']. Мы коснемся этого явления, оставляя в стороне вопрос о причине появления твердости [т]

в этой форме (фонетической или морфологической). Вследствие того, что в количественном отношении материал, характеризующий процесс отвердения, невелик, целесообразно остановиться на нем именно здесь, потому что только совокупность всего вышеизложенного о твердости — мягкости согласных и обозначении их на письме позволит правильно интерпретировать его.

Непосредственным указанием на отвердение [т] в 3-м лице глаголов являются написания буквы *ѣ* на конце соответствующих форм. Правда, эти примеры совершенно единичны: оумреть I 33б; ре(ч)ть I 42б; судить I 25а. Однако если рассмотреть все случаи употребления букв *ѣ* и *ь* и случаи отсутствия какой-либо буквы на месте этимологических «ъ», «ь» на конце знаменательных слов, то материал на отвердение [т] в 3-м лице глаголов оказывается более значительным.

Как правило, все четыре писца Галичского евангелия на конце слов после букв согласных последовательно пишут букву *ѣ* или *ь*. Буква *ѣ* обозначает твердость предшествующего согласного, буква *ь* — мягкость. Исключение представляют рассмотренные выше (см. стр. 305 и след.) примеры, в которых буквы *ѣ* и *ь* употребляются беспорядочно после буквы *м*, обозначающей отвердевший в некоторых морфологических категориях [м].

Случаи опущения конечных *ѣ*, *ь* весьма немногочисленны (они приводятся ниже). Большинство их относится к положению перед энклитиками.

Примеры опущения буквы *ѣ* на месте этимологического «ъ» в конце слов.

1) Опущение *ѣ* перед энклитикой *же*: а) в именах существительных — раб же III 81б; самарянин же III 83б; б) в местоимениях (но не в тв. и местн. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч.) — всѣх же IV 105а; в (или о) них же I 2в, 7г, II 33а; их же I 72в, II 33в, III 114г, IV 116а (2); он же I 5а, 18б (2)... всего 32 случая; II 33в, 34б, 35а, 35б, III 76г, 78а... всего 23 случая; сам же I 69б; в) в причастиях — прием же I 72б; рад же I 49б; видѣв же III 95а, IV 117а, 118г, 147г, 150а, 168в; возвав же I 12г; всадив же III 83б; обратив же I 74б; отвѣщав же I 2в, 39г, 42а... всего 10 случаев; III 84г (2), IV 129б, 147в, 152в... всего 7 случаев; разоумѣв же I 23а, 41а, III 89г, IV 126а, 134в; слышав же I 51а, 75а, II 34б, III 83в, 95а, IV 120а, 166в, 167б; оувѣдѣв же IV 131б; оузрев же

II 34а; г) в формах дат. п. мн. ч. — им же I 5в, 44в, 48г; инѣм же II 35г; вам же II 31б; к ним же I 17г; спящим же I 37а; о нѣм же I 36б.

2) Перед частицей *бы*: дал бы III 90а; любил бы IV 140г.

3) В личных глагольных формах и причастиях в положении перед частицей *ся*: боимся I 46а; надѣяхомся I 2в; одежемся II 28б, 32б; молихся III 82г, IV 132г; прославихся IV 142г; родихся IV 145г; оубояхся IV 129б; кающимся III 84в; собирающимся III 78а; чюдящимся I 20в; възвратився III 87а; вѣоружився III 87а; наоучився I 12б, 38а, IV 161б; обратився I 38б, 41в, 71б, 75б, III 93в; потщався I 99г; препоясався I 99в, IV 157в; разгнѣвався III 90б; раскаявся I 46а, IV 146г; раскаявся IV 125а; родился I 18г. Встретился один случай пропуска конечного *ѣ* в форме супина: помолится IV 177а.

Кроме того, отмечено несколько случаев пропуска конечного *ѣ* перед *ся* в таком положении: сам ся... (следует личная форма глагола) I 50г, 55г, 100г, III 83а. В этих случаях *ся*, по-видимому, не энклитика, а местоимение, несущее на себе ударение. Поэтому опущение *ѣ* в местоимении *сам* носит иной характер, чем в других рассмотренных выше примерах.

Примеры опущения буквы *ь* на месте этимологического «ь» в конце слов.

1) Опущение *ь* перед энклитикой *же*: а) в формах тв. п. ед. ч. — тѣм же I 48в, II 28г; им же I 43а, 44б, 44в, 49а, 103а, III 80г, 87а; единѣм же III 78г; б) в формах местн. п. ед. ч. — о ком же I 100а; о нем же I 70б, 72а, II 32г; в он же II 30в (вместо: въ нь же); в том же I 74в; по том же I 53б, 53г, 59б, III 84г, 86б; тѣм же III 95б; в) в формах 3-го л. ед. ч. глаголов наст. или буд. вр. — придет же III 81б, приключит же ся III 91а;

2) опущение буквы *ь* перед частицей *ли* в формах 3-го л. ед. ч. глаголов: вжизает ли III 84б; достоин ли I 72г, III 89в; может ли I 3в; оставит ли III 84б; отрѣшает ли III 87б;

3) опущение буквы *ѣ* после глаголов перед местоимением-частицей *ся* широко представлено у I писца; как правило, *ся* в этих случаях употреблено постпозитивно: бѣсится I 47б; възвратится I 74в, 102в; възвысится I 55г; възмоутится I 19в; възмѣрится I 53г; възнесется I 102б; възплачются I 48а; вмѣщается I 40а; женятся I 46г; извержется I 22в... всего 52 случая. У I писца отмечен также единичный случай написания 3-го лица глагола без буквы *ь* пе-

ред ся, находящимся перед последующим инфинитивом: не могут ся разорити I 17г.

В частях, написанных другими писцами, только дважды встретился пропуск буквы *ь* в формах 3-го лица единственного и множественного числа глаголов, причем оба они вблизи переноса или на конце строки: отрече|тсѣ III 84а; сбероутсѣ| IV 124а. В остальных случаях все писцы в указанных формах пишут последовательно букву *ь* перед частицей *ся*.

Как описку следует рассматривать единичный пропуск буквы *ь* во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения: дамь I 39а, так как указанная форма в исследуемой рукописи постоянно пишется с буквой *е* на конце: даже.

Анализ случаев пропуска букв *ѣ*, *ь* на конце слова показывает, что обычно не обозначается на письме этимологический «*ь*». Буква *ь* в соответствии этимологическому «*ь*» опускается главным образом в тех положениях, где в других аналогичных случаях в исследуемой рукописи имеются написания как с буквой *ь*, так и с буквой *ѣ*. Такая мена свидетельствует не столько об утрате звука [ь], сколько о последующем отвердении предшествующего согласного. Таким образом, фактически в Галичском евангелии 1357 г. конечные буквы *ѣ* и *ь* опускаются писцами в тех случаях, когда они находятся после немягких согласных. После парных мягких согласных в исследуемой рукописи пишется последовательно буква *ь*. Опущение конечного *ь*, написание *ѣ* вместо *ь* в 3-м лице глаголов указывают на твердое произношение [т] в этой глагольной форме. У II писца материала, иллюстрирующего это явление, нет, что объясняется, вероятно, тем, что им написано очень мало — всего одна тетрадь.

Несмотря на то, что написаний с *ѣ* в формах 3-го лица множественного числа не встретилось, можно предполагать, что отвердение охватило не только формы 3-го лица единственного числа. Среди примеров на пропуск конечного *ь* (*ѣ*) в глаголах выше отмечены и формы множественного числа: примут вы, побьют ны — у III писца.

Таким образом, материал Галичского евангелия 1357 г. указывает на отвердение согласного [т] в формах 3-го лица единственного и множественного числа глаголов, чем отличается от данных

Переяславского евангелия 1354 г., содержащего указания на отвердение [т] лишь для 3-го лица единственного числа, на основании которых П. С. Кузнецов писал: «Возможно, что процесс отвердения охватил лишь формы единственного числа»⁷⁸.

9. Позиционное оглушение и озвончение согласных

Поскольку Галичское евангелие создавалось после падения редуцированных, встает вопрос о качестве конечных звонких согласных. В рукописи не встретилось не соответствующих этимологии написаний на конце слова перед *ѣ* или *ь* (писавшихся в этих случаях по традиции) букв, обозначающих согласные.

Судя по материалам, которыми мы располагаем, среди современных галичских говоров не отмечены такие, в которых конечные звонкие согласные не оглушались бы.

Однако в Костромской области даже теперь известны не только говоры, сохраняющие конечные звонкие согласные без оглушения⁷⁹, но и говоры, имеющие после конечных звонких согласных слабый призвук гласного⁸⁰.

В свете этого можно полагать, что сохранение этимологически правильных написаний на конце слова в Галичском евангелии 1357 г. может объясняться тем, что в говоре писцов конечные согласные еще не утратили свою звонкость.

В середине слова согласные парные по звонкости — глухости обозначаются в соответствии с этимологией в положении перед гласными, перед [j] (выражаемым в буквах *ю*, *ю*, *ю*, а также разделительными *ѣ*, *ь*), перед [в] и сонорными согласными, что свидетельствует об их различии. Буквы, обозначающие звонкие и глухие согласные в иных фонетических положениях, в ряде случаев

⁷⁸ П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 157.

⁷⁹ В том числе конечные звонкие наблюдались нами в говоре с Никола-Межа Георгиевского района Костромской области в 1944 г.

⁸⁰ См., например, ст. Н. Н. Виноградова «Послеконечное *ы* в народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда» («Изв. ОРЯС», 1917, т. XXII. кн. 2. Пг., 1918, стр. 1–8).

употребляются одна вместо другой соответственно парам по звонкости — глухости в современном русском языке.

Отмечены написания, свидетельствующие об озвончении глухих согласных в положении перед звонкими согласными [б], [г], [д] (и соответствующими мягкими) в случаях, когда глухой и звонкий до падения редуцированных были разъединены гласными [ъ] или [ь]. Об этом свидетельствуют следующие написания. Перед [б]: з незаконники IV 133б; збираю, збираеть I 15б, III 87б, IV 127а; зборище, въ зборе и др. I 49г, 56в, 65в, 66а, 72г; зь|бероуться IV 129а, 129в (буква *ѣ* в этом случае гласного не обозначает и пишется согласнo орфографической норме конца строки); на сз(б)орищи(х) I 67а (с выносными буквами *б* и *х*); збоудеться IV 137б, 164б, 168б, 171б; зьбоудоуться IV 137б, 150б, 167в; единичное написание: на спорищихъ I 102б, вместо: на сборищихъ (или, на зборищихъ) появилось, по-видимому вследствие переосмысления писцом этимологии слова. Перед [г]: з горы IV 177г; зь|гараеть IV 140б. Перед [д]: здѣла IV 130г, 134в; многа|жди IV 128в; многажды IV 118в, 143в; многажды I 42а, 43а (2), 47б (2); дважды I 108а; седмижды I 96г, III 85б; стижь|ды I 96г; гдѣ, где I 3б (2), 13а, 18б, IV 157а; здравы I 36а, 40б; зь|драви IV 155г; здѣ, где I 41г, 58б, 72б, 73г, II 33г, III 78б, IV 120в, 127б, 133б, 177б, 177г.

В положении перед буквами *п, т, к, х, ш, ц, ч, с* отмечены написания букв, обозначающих глухие согласные, вместо букв соответствующих этимологии звонких согласных. Такие написания указывают на позиционное оглушение согласных. Сюда относятся: перед [п]: исплевемь, исповѣда, исполнити, испросять, испьета, испьютъ, испытайте, распадеса, распоутьи, распяша, распенше, въсьплачете, воспиша, въспять, въспрещаоуть, въспросять; перед [т]: влести, ис тебе, истопоша, исторѣгнеться, источникъ, истязаетъ, растачаетъ, въстерзающа, въстроуби; перед [к]: ис корабля, ис корене, исказиша, искахоуть, искони, искончати, ископа, искусити, искушати, раскаявся; перед [х]: исходить, въсхыти, въсхотѣ, расхытитъ; перед [ц]: исцѣли, и|с црѣвь I 16б, исъ црѣве; перед [ш]: исшедь; перед [ч]: от пчель; перед [с] отмечены случаи не только оглушения согласного [з], но и стяжение их в один долгий, что на письме отражается в написании одной буквы вместо ожидаемых двух: бескровища I 111б; вста (всегда) и др.

Указанные примеры оглушения конечного [з] в приставках *въз, раз, из, без*, а также другие случаи, где соответствующие согласные не были до падения редуцированных разъединены звуками [ъ], [ь], представлены и в древних русских памятниках, написанных до падения редуцированных, и в старославянских памятниках. Поэтому часть из приведенных написаний можно объяснить влиянием орфографии протооригиналов. Однако написания предлогов, отделенных ранее редуцированным [ъ] от корня, уже вполне показательны для памятников поздних, к каким относится рассматриваемая нами рукопись.

Приведенный материал в целом показывает, что галичскому говору в XIV в. была свойственна ассимиляция согласных по звонкости и глухости. Так, в положении перед звонкими [б], [д], [г] согласный [с] изменяется в согласный [з], согласный [к] в [г], согласный [ш] в [ж]. В положении перед глухими согласными [п], [т], [к], [с], [х], [ш], [ч], [ц] согласные [з], [б] оглушаются соответственно в [с], [п].

Несмотря на то, что среди встретившихся примеров не отмечены случаи на оглушение всех звонких и озвончение всех глухих соответственно перед всеми глухими и звонкими⁸¹, можно полагать, что оглушению подвергались все звонкие и озвончению все глухие согласные, парные по звонкости — глухости.

10. Звуки [с] — [з] у IV писца

В части рукописи, написанной IV писцом, имеются такие написания, которые идут вразрез с обычными представлениями русской языковедческой науки о звонкости — глухости согласных: перед буквами парных звонких согласных [б] и сонорными [л], [н] у IV писца встретились написания буквы *с* на месте этимологического «з». Это, может быть, свидетельствует о том, что в его инди-

⁸¹ Отсутствуют примеры на оглушение — озвончение согласных на стыке корня и суффикса. Это объясняется, по-видимому, не столько фонетическими, сколько орфографическими причинами; более четки правила орфографии в применении к правописанию суффиксов, чем предлогов, поскольку предлоги, как правило, могли быть и приставками.

видуальном произношении не различались по звонкости — глухости согласные [с] — [з], [с'] — [з'].

Перед *б* наряду с написаниями, соответствующими этимологии (они количественно преобладают), отмечены написания: расбоиника IV 149а; исьбраныи IV 149г. Перед [н]: собласнитеся IV 136а; иносить IV 161б; въсносоша IV 171г. Перед [л]: кослища, кослищ IV 129в (2); ислиха IV 117в; въслиявши IV 131б; въслежащю, въслежащихъ IV 122б, 130в; раслоучаше IV 129в (2), 177б.

В приведенном материале преобладают примеры на написание приставок *ис-*, *рас-*, *въс-*, вместо ожидаемых *из-*, *раз-*, *въз-*. Однако отмечены написания *с* вместо *з* и в корнях слов (кослища, собласнитеся), которые признать описками невозможно. Трудно увидеть здесь и влияние написаний, отражающих оглушение согласных в другом положении: в положении перед глухими. Наличие [с] вместо [з] перед звонкими и сонорными на конце приставок, а перед сонорными, кроме того (что еще более важно) и в корнях слов, говорит о том, что это явление не относится к числу чисто орфографических и не связано исключительно с приставками. Таким образом, приходится предполагать, что написание *с* вместо *з* имеет под собой основание, связанное с произношением писца.

То, что буква, обозначающая глухой согласный, вместо соответствующей, обозначающей звонкий согласный, употребляется IV писцом в положении перед буквами различных в отношении звонкости — глухости согласных (звонкий, парный [б] и некоторые сонорные [л], [н]) и места образования (губной и переднеязычные), показывает, что в рассматриваемых случаях важны не последующие звуки, а качество самих согласных [с] — [з] в говоре писца. Поэтому можно предположить, что писец не различал звонкие [з], [з'], с одной стороны, и глухие [с], [с'], с другой. Это могло иметь место в случае иноязычного происхождения IV писца.

11. Ассимиляция свистящих следующим шипящим

В исследуемой рукописи имеются написания букв *ж*, *ш*, *щ* на месте сочетаний «з + ж», «з + ш», «з + ч», указывающие на процесс ассимиляции конечного [з] предлогов и приставок *из-*, *без-*, *раз-*,

въз- следующим [ч], [ж], [ш]: бешада III 90в; бес шести (=без чести) I 38г; бешестына I 99г; ищадыя IV 168в, 169в; ищрева I 48г, 113г, IV 175б; ищътени IV 162б; ищистишася I 92г (2); ращтеть III 83г; въжьжень I 53в; вжегъ, вжагають III 77в, 78б, IV 158а; вжелъють, вжелъ(х) III 6а, IV 132а; вжадати I 9в; въжада, въжадати и другие формы I 14в (2), 109г, IV 129г, 130а; ижденоуть III 79а, 82г, 91а, IV 140а; иженеть I 60б, IV 118б; ижьноуть IV 140г; ишедь I 43г, 66г, III 80б, 83б, IV 133б, 142б; раширяють I 85в. Надо полагать, что происхождение большей части этих написаний связано с предшествующей эпохой в развитии языка (эпохой до падения редуцированных), так как в рассматриваемом положении со времен глубокой древности были налицо условия для ассимиляции согласных. Часть этих примеров могла появиться под пером писцов Галичского евангелия, поскольку фонетические условия оставались в этих случаях одинаковыми и после падения редуцированных.

В случаях ассимиляции согласных [з]—[с] следующему [ч] в живом произношении, по-видимому, был долгий мягкий согласный с взрывным элементом, т. е. [ш^ч], как и в тех случаях, где аналогичный звук, обозначаемый буквой *щ*, являлся в соответствии с этимологией.

В случаях ассимиляции [з] + [ж'] и [з] → [с] + [ш'] в произношении были, по-видимому, долгие мягкие шипящие без взрывного элемента, как и на месте [ж'] + [ж'], разделенных ранее слабым [ь] (см. выше).

Написания предлогов и приставок с буквой *з* или *с* без отражения ассимиляции согласных появились под пером писцов Галичского евангелия или предшествующих переписчиков вследствие их стремления к морфологизованному правописанию. В сознании древнерусских писцов XIII—XIV вв., безусловно, уже как-то намечалось орфографическое «правило», требующее восстанавливать на письме основной вид морфем в тех случаях, где ее состав не вполне ясен в произношении, по положениям, в которых он ясен. Благодаря этому на письме широко представлены написания предлогов-приставок *из-*, *без-*, *раз-*, *въз-*, *с-* и др., в которых не отражаются процессы ассимиляции конечных согласных этих предлогов-приставок (то же относится и к положению на стыке корня и суффикса).

Восстановление конечных *з*, *с* предлогов-приставок стало возможно и широко происходило уже после падения редуцированных. Л. Л. Васильев, подробно рассмотревший этот вопрос на материале многих древнерусских рукописей, констатировал следующее: «В древнем фонетическом состоянии славянских языков не было сочетаний *зз*, *зж*, *зц* *зч*, *зи* и *з* перед беззвучными согласными; фонетическая возможность подобных сочетаний начала являться с того момента, как стали исчезать глухие *ѣ*, *ь*...; с этого момента стало являться такое *з*, которое могло стоять перед беззвучными согласными, перед свистящими, перед шипящими. Этому-то новому нарождавшемуся фонетическому состоянию, явившемуся следствием исчезновения глухих, и обязано было восстановление у предлогов-приставок *без-*, *из-*, *вѣз-*, *раз-* конечного *з*; если бы продолжалось старое фонетическое состояние (т. е. если бы отсутствовало сочетание *з* с вышеуказанными согласными звуками), то одною психологическою деятельностью это *з* никогда бы не восстановилось, потому что образования по аналогии никогда не создаются наперекор фонетическим законам в данный момент развития языка, а лишь в сфере их действия»⁸².

Положение Л. Л. Васильева о наличии сочетаний «*зз*, *зж*, *зц*, *зч*, *зи* и *з* + глухой согласный вообще» в древнерусском языке после падения редуцированных, с нашей точки зрения, является правильным лишь для первых десятилетий после исчезновения слабых редуцированных. Для конца XIII в. и тем более XIV в. указанные сочетания в русской фонетике уже не существовали. На это указывают, например, многочисленные случаи отражения на письме озвончения согласного [с] в приставке *сѣ-*, а иногда даже и в предлоге *сѣ* в рассматриваемом памятнике и других рукописях. Поскольку озвончение могло произойти только после падения редуцированных, написания *з* в этих случаях отражают не состояние языка периода до падения редуцированных (как, например, написание *бещадѣ* и др.), а состояние после падения их. Написания буквы *з* в этих случаях показывают, что уже началась ассимиляция согласных (ранее разделенных звуком [ъ] слабым) по звонкости

⁸² Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. «Изв. ОРЯС», т. XIII, кн. 3. СПб., 1908, стр. 240–241.

и глухости. Тот факт, что внутри слова в корнях, а также на стыке корней и суффиксов, нет написаний, свидетельствующих об оглушении или озвончении согласных, говорит лишь о том, что новые нормы орфографии требовали от писцов сохранения морфологического принципа в написаниях слов.

Таким образом, положение Л. Л. Васильева, приведенное выше, относится к области орфографии, но не к фонетике. В орфографии культивировались написания *зз*, *зж*, *зц*, *зч*, *зи* и т. д. В произношении внутри корня и на стыке префикса и корня и на стыке корня и суффикса в результате ассимиляции первого согласного второму возникал иной звук, не всегда соответствующий буквенным обозначениям. Написание часто оставалось традиционным, благодаря чему сохранялся основной буквенный вид значимой морфемы. И, перефразируя Л. Л. Васильева, следует сказать: этому-то новому нарождающемуся закону орфографии, явившемуся следствием исчезновения глухих, и обязано восстановление конечного *з* у предлогов и приставок *из-*, *без-*, *раз-*, *вѣз-*. Л. Л. Васильев в данном случае, как и в некоторых других, не разграничивает в должной степени явления фонетики и орфографии, не различает букву и звук. Если в его формулировку ввести это разграничение, то она станет более точной, не утрачивая своей оригинальности. Следует также отметить, что образования по аналогии не создаются наперекор не только действующим в данный момент развития языка фонетическим законам, но и наперекор действующим в тот или иной момент законам орфографии.

12. Долгие согласные в галичском говоре XIV в.

Галичский говор XIV в. характеризует такое состояние русского языка, когда в нем, обычно на стыке морфем, уже появились долгие согласные. Однако в отдельных словах, количество которых очень невелико, долгие согласные возникали даже внутри корня, например, сюда относятся глагольные формы *жъжеши*, *жъжет* и др. и производные от них существительные и причастия.

На то, что на месте сочетаний двух одинаковых согласных, разделенных ранее слабыми [ъ], [ь], а также различных согласных, ассимилировавшихся после падения редуцированных следующим за

ними шипящим и свистящим, в галичском говоре произносились не два отдельных согласных, а, с физиологической точки зрения, один долгий, указывают написания в этих случаях одной буквы. Сюда относятся: зади I 38б (вместо: съзади, как в М. и З.); сожеть IV 170а; судъ II 34г; въ соуды IV 128б, 161б (вместо: съсудъ), в соуды I 38а; безаконие, безаконьники I 37г, 47в, II 29а, IV 123в, 133б, 148в; бескровища (З.: безъ вьлагалища Л. XXII 35) I 111б; исхоша II 35в; исхноу источникъ I 56в; исыплють III 81а; исъчень III 114а, IV 154а; исякнеть IV 123в; расоужати I 41а; расыпаша (и другие формы) I 4г, 42а, 98а, III 77а (2), 89г; расядуться II 29б; въсадиша I 110б; въсьде, въсьль I 105а, 110а, IV 121г (2), 122г; восияеть (и другие формы) II 31а, 35в, IV 171в; взовуть III 83в (2), 87а; въста, воста (и другие формы) I — 54 случая, II — 8 случаев, III — 12 случаев, IV — 39 случаев; въставить ('воскресит') I 46в, 100б; възреть, възръвъ и др. I — 16 случаев, II — 1, III — 3, IV — 4 случая; възва, возва (и другие формы) I — 7 случаев, II — 1 случай, III — 2 случая, IV — 2 случая. Наряду с написаниями буквы одного согласного встретились написания двух согласных с буквами *ѣ* или *ь* между ними. Таковы все написания в суффиксах, например, *-ьн-* после *-н-*, в корнях (зажъже I 56а; въжьжень I 53в и др.), множество их на стыке предлогов и приставок.

Часть из приведенных написаний могла сохраниться со времени до падения редуцированных, но это относится только к предлогам и прежде всего к приставкам, не имевшим ранее этимологических «ъ», «ь» на конце. Другая часть написаний, именно написания буквы одного согласного на месте двух, ранее разделенных редуцированными, могла возникнуть только после падения последних.

В первых случаях до падения редуцированных, возможно, не произносился долгий согласный. Долгота была восстановлена позднее, после падения редуцированных, по аналогии с теми случаями, где возникли долгие согласные (обычно на стыке морфем).

Таким образом, материал показывает, что в указанных выше положениях в галичском говоре середины XIV в. уже имели место долгие фрикативные согласные [з̄], [с̄], [ш̄], [ж̄], возникшие из сочетаний [з] + [ж], [с] + [ш] и др.

Позднее [ж̄] в корне «жъж», поскольку оно не было членимо, примкнуло к [ж'д'ж']. Этим [ж̄] отличалось от остальных долгих согласных, членимых и представляющих сочетание фонем.

Написание: предверми I 107г, если только оно не является опиской, позволяет предполагать, что галичскому говору середины XIV в. уже были свойственны согласные с долгим затвором перед взрывом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ палеографии, графики и орфографии, сведения записи, проверенные по другим историческим данным, свидетельствуют о том, что исследованный нами памятник, представляющий по содержанию Евангелие — полный апракос, действительно создавался в 1357 г. в Галиче Костромском.

Палеографический анализ, касающийся не только начертаний отдельных букв, но и употребления надстрочных и разделительных знаков, их формы, употребления букв, имеющих графические варианты, употребления лигатур, характера киноварных инициалов рукописи и пр., сопровождающийся изучением чисто внешних признаков (разлиновка рукописи, состав тетрадей, их нумерация) и анализом текста, позволил выявить участие в создании Галичского евангелия 1357 г. четырех писцов и установить части, написанные каждым из них.

Выяснилось, что II и IV писцы работали независимо друг от друга, а также от I и III писцов. I писец, назвавший себя в записи Фофаном, и III писец работали, чередуясь попеременно. Основная масса текста написана I и IV писцами; II писцом написана только одна тетрадь из 23. Можно предполагать, по крайней мере, два оригинала, с которых писали четыре писца Галичское евангелие 1357 г., так как оригинал, с которого писал IV писец вторую часть рукописи (лл. 116–177), был во всяком случае особым.

Все оригиналы относились к русской школе письма. В них нет следов второго южнославянского влияния, но широко представлены черты, характеризующие русский извод древних памятников письменности до второго южнославянского влияния.

Анализ написаний исследованного памятника показал, что все писцы его были людьми хорошо грамотными. Встретилось сравнительно мало отклонений от общепринятых орфографических норм, которые имеют фонетическое значение. Также немного оказалось описок, свидетельствующих о невнимательности писцов. Большая часть из них принадлежит I писцу, Фофану.

Все это говорит о высоком уровне культуры, а также о высоком уровне постановки книжного дела в XIV в. в Ростово-Суздальской земле, в том числе на ее окраине, какой являлся Галич.

Как показал анализ орфографии и фонетики, произведенный на базе изучения написаний каждого из четырех писцов, участвовавших в создании памятника, в сравнении с данными других рукописей того времени, написанных на территории Ростово-Суздальской земли, и в сравнении с данными современной диалектологии, говор четырех писцов Галичского евангелия был единым. Различия в написаниях, особенно некоторые своеобразия орфографии III и IV писцов, не связаны с различиями их говоров, но говорят только о разных школах письма и о разной степени овладения писцами орфографическими нормами своего времени.

Фонетическая система отразившегося в памятнике галичского говора, одного из северновеликорусских говоров середины XIV в., характеризовалась следующими чертами.

В ударенном положении различались, по крайней мере, гласные [a], [o], [y], [и] — [ы], [e], [ê]. Это устанавливается на основании следующих данных: 1) под ударением в положении как перед твердым, так и перед мягким согласным на месте этимологического «ё» существовал особый звук [ê], отличающийся от звуков [e] и [и]; 2) памятник отражает изменение ударенного [e] в [o] в положении после шипящих и после [ц] (на стыке с падежной флексией) перед твердым согласным; в памятнике нет указаний на изменение [e] в [o] в положении после парных мягких согласных; 3) звуки [и] и [ы] функционально объединились и были уже в тех отношениях, которые характерны для современного русского языка, а именно, наличие звука [ы], как это вытекает из анализа консонантизма, стало обуславливаться твердостью предшествующего согласного. В памятнике нет материала для того, чтобы судить о наличии или отсутствии в галичском говоре того времени [ô] или дифтонга [yo]

в слоге под ударением на месте старого «o» под восходящим ударением.

В отношении гласных в безударных слогах галичский говор того времени характеризовался следующим. Говор был окающим, в нем различались [o] и [a] после твердых согласных во всех безударных слогах. После мягких согласных гласные неверхнего подъема [a], [e] (или, может быть, [o]), [ê] в первом предударном слоге различались, причем звук [ê] в предударных слогах, сохраняя свое качество, отличался как от [e] из «е» и «ь», так и от [и]. Памятник показывает, что гласный [и] во втором предударном слоге подвергался редукции. Возможно, что редукции подвергались также гласные неверхнего подъема.

В заударном положении в конечном открытом слоге звук [ê] имел более открытый характер и приближался к звуку [e]. Надежных в фонетическом отношении указаний на редукцию заударных [e] и [и] в памятнике нет.

В отношении звонкости—глухости в галичском говоре XIV в. одни согласные были парными, другие непарными, звонкими или глухими. Парными по звонкости—глухости были согласные: [п]—[б]; [п']—[б']; [т]—[д]; [т']—[д']; [с]—[з]; [с']—[з']; [ш]—[ж']; [ш'ч']—[ж'д'ж']; [к]—[г]. Непарными были согласные: [х], [ф], [ф'], [ч'], [ц'] — глухие; [w]—[w'], [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'], [j] — звонкие.

В отношении твердости—мягкости среди согласных галичского говора были также парные и непарные. Следующие согласные образовали пары в отношении твердости—мягкости: [п]—[п']; [б]—[б']; [w]—[w']; [ф]—[ф']; [м]—[м']; [т]—[т']; [д]—[д']; [с]—[с']; [з]—[з']; [л]—[л']; [н]—[н']; [р]—[р']. Согласные [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д'ж'], [ц'], [ч'], [j] были всегда мягки и соотносительных пар в отношении твердости—мягкости не образовали. Если согласные [к]—[к'], [г]—[г'], [х]—[х'] считать разновидностями одной фонемы, то нужно признать, что [к], [г], [х] были непарными твердыми, так как они выступали в своем мягком варианте только перед гласными переднего ряда: [и], [ê], а также перед [e] в некоторых заимствованных словах.

Мягкие губные предшествующей эпохи, находившиеся перед слабым «ь», после утраты слабых редуцированных, оказавшись пе-

ред мягкими зубными, сохраняли свою мягкость. Губные в старых сочетаниях с «л'» эпентетическим были мягки.

Согласный [л'] сохранял свою мягкость во всех положениях в слове и позиционному отвердению не подвергался.

В положении перед твердыми губными и задненебными мягкий [р'] в старых сочетаниях с предшествующим редуцированным «ь» между согласными сохранял свою мягкость.

Мягкие зубные предшествующей эпохи, находившиеся перед слабым «ь», после утраты редуцированных сохраняли свою мягкость перед мягкими губными и зубными согласными.

Следующие этимологически твердые согласные подвергались ассимиляции по мягкости последующему согласному: 1) твердые губные смягчались перед следующими мягкими губными; 2) твердые губные смягчались перед [j]; 3) твердые зубные согласные перед мягкими губными также смягчались; 4) твердые зубные смягчались перед мягкими зубными.

Следующие мягкие согласные, парные в отношении твердости—мягкости, в положении перед следующими за ними твердыми согласными претерпели позиционное отвердение: 1) губные отвердели в положении перед твердыми зубными (однако эта черта отразилась лишь в той части рукописи, которая написана IV писцом); 2) зубные парные согласные, кроме [л], в том числе согласный [р] в старых сочетаниях с предшествующим редуцированным «ь» между согласными, отвердели в положении перед твердыми зубными согласными.

Все твердые согласные не ассимилировались в отношении мягкости следующим за ними мягким шипящим и [ц].

В положении перед глухими согласными звонкие согласные, парные по звонкости—глухости, оглушались. В положении перед звонкими согласными озвончались глухие согласные, парные по звонкости—глухости. В положении на конце слова звонкие согласные в галичском говоре XIV в., по-видимому, еще не оглушались.

В галичском говоре середины XIV в. на стыке морфем уже существовали долгие согласные фрикативные и даже, возможно, взрывные с долгим затвором, подобные соответствующим звукам в современном русском языке. Долгое [ж'ж'] образовалось в корне «жьж».

Можно отметить следующие особенности в составе согласных в некоторых морфемах формального значения: в рассматриваемую эпоху форма 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени глаголов характеризовалась уже твердым [т]; форма творительного падежа существительных, прилагательных, причастий и местоимений мужского и среднего родов, а также местного падежа единственного числа прилагательных, причастий и местоимений тех же родов характеризовалась твердым [м].

Все изложенное выше позволяет утверждать, что звуковая система галичского говора к середине XIV в. уже существенно отличалась от фонетической системы древнерусского языка XI в., приближаясь скорее к фонетической системе современного русского языка в одном из его северновеликорусских диалектов. Так, в фонетической системе галичского говора: 1) уже существовали закрытые слоги и группы согласных, ранее не имевшиеся в языке; 2) согласные образовали пары по твердости—мягкости в основном соответственно парам в современном литературном языке и в большинстве русских говоров; 3) согласные образовали пары по звонкости—глухости, как в современном русском языке (при некоторых особенностях, сохранившихся в отдельных современных северновеликорусских говорах); 4) звуки [ы] и [и] функционально объединились и стали в те отношения, которые характерны для этих гласных в современном русском языке; 5) звук [e] после шипящих и [ц], а может быть, и после парных мягких согласных в положении перед твердым согласным изменился в [o]; 6) гласные фонемы образовали шести- или семифонемную систему, известную современным русским говорам. Все это сближает фонетическую систему галичского говора с фонетической системой современного русского языка в одном из его северновеликорусских диалектов.

Из сопоставления галичского говора XIV в. с другими говорами Ростово-Суздальской земли того же времени, известными нам по имеющимся исследованиям, видно, что это был типичный ростово-суздальский говор, знающий особую фонему [ê], различающий гласные в безударных слогах, различающий аффрика-

ты [ч'] и [ц'], имеющий, по-видимому, губно-губной звонкий согласный [w], взрывное [г], имеющий взрывной элемент в середине в артикуляции долгих шипящих [ш'ч'], [ж'д'ж'].

Таким образом, в середине XIV в. галичский говор в основных своих чертах не отличался от суздальского, переславль-залесского и московского говоров того же времени. На основании настоящего исследования и указанных выше исследований памятников письменности Ростово-Суздальской земли, проведенных в последние тридцать лет, можно полагать, что в середине XIV в. говоры на территории Ростово-Суздальской земли представляли единство.

Иначе говоря, значительная часть различий между вологодско-вятской (или восточной) и владимирско-поволжской группами северновеликорусских говоров, распространенными в настоящее время на старой территории Ростово-Суздальской земли (а также за ее пределами), сложились после периода написания исследованной рукописи, т. е. позднее середины XIV в. Позднее XIV в. появились такие особенности вологодско-вятских и владимирско-поволжских говоров, как: 1) утрата особой фонемы [ê] в значительной части говоров владимирско-поволжской группы; 2) утрата особой фонемы [ô] в значительной части говоров обеих групп (если она была в них повсюду); 3) изменение [а] в [е] под ударением между мягкими согласными в вологодско-вятской группе; 4) может быть, произношение [о] после мягких согласных на месте [е] в первом предударном слоге в вологодско-вятской группе и владимирско-поволжской группе; 5) редукция гласных неверхнего подъема в неударяемых слогах (кроме первого предударного) во владимирско-поволжской группе; 6) изменение губно-губного [w] в [в] губно-зубное в значительной части вологодско-вятской группы и во владимирско-поволжской группе; 7) произношение [ÿ] на месте твердого [л] в закрытых слогах в части говоров вологодско-вятской группы.

Более полно и на более твердой теоретической базе вопросы о взаимных отношениях вологодско-вятских и владимирско-поволжских говоров на территории древней Ростово-Суздальской земли, а также об отношении языковых черт этих групп говоров к чертам языка, отразившимся в памятниках Ростово-Суздальской земли XIV в., как и вопросы географического распространения

языковых фактов по отношению к исторически образовавшимся территориям разных периодов эпохи феодальной раздробленности и другим историческим границам, могут быть разрешены только после изучения составленных и составляемых карт диалектологических атласов этих говоров и материалов, собранных для этой цели.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

З. — Зографское евангелие, изданное В. Ягичем: «*Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanius*», Berolini, 1879.

М. — Мариинское евангелие, изданное В. Ягичем: «*Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus glagoliticus*», Ptb., 1883.

Мст. — Мстиславово евангелие 1115–1117 гг. — рукопись Отдела древних рукописей Государственного исторического музея (Москва).

О. е. — Остромирово евангелие 1056–1057 гг. с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843.

С. кн. — Саввина книга, издана В. Н. Щепкиным. «Памятники старославянского языка», I, вып. 2, СПб., 1903.

Сокращения имен евангелистов при цитировании текстов (или ссылок на них) указанных рукописей и их изданий.

И. — Иоанн	} Римские цифры, следующие в ряде случаев за начальными буквами имен евангелистов, обозначают главу соответствующего Евангелия, арабские цифры, стоящие следом за римскими, обозначают стих соответствующей главы.
Л. — Лука	
М. — Марк	
Мт. — Матфей	

Экслиттеральные способы определения разных почерков*

В установлении границ работы разных писцов древней рукописи или, наоборот, в доказательстве принадлежности ее руке одного писца заинтересованы исследователи, работающие в разных областях науки. Традиционным, неоднократно оправдавшим себя способом является тщательное изучение начертаний одних и тех же букв в разных местах рукописи. Однако бывают трудные случаи, когда «письмо разных рук» этим методом не определяется или определяется недостаточно категорично. В таких случаях необходимо обратиться, с одной стороны, к графическим «мелочам», в которых «механизмы письма» могут проявляться более свободно и более последовательно, а с другой стороны, следует привлечь факты самого разнообразного характера, не относящиеся непосредственно к письму. Экслиттеральным, или внебуквенным, мы называем такое изучение почерка, которое не касается вариантов начертания определенной буквы или ее элементов, варьирующихся во времени, территориально или индивидуально у каждого писца.

Не относящееся к начертаниям букв определение почерков важно тогда, когда требуется разграничить работу разных писцов в рукописной книге или другом рукописном тексте, написанном единым по внешнему виду почерком с хорошо отработанными приемами (механизмами) письма.

В этой связи обратимся к истории изучения Остромирова евангелия. Она весьма поучительна, так как показывает, что подчас менее авторитетный исследователь (имеем в виду Н. М. Каринского) сможет сделать важное палеографическое открытие там, где до него оказались бессильными более авторитетные ученые

(И. И. Срезневский и Ф. Ф. Фортунатов) и даже лица, специально исследовавшие рукопись (имеем в виду М. М. Козловского, прочитавшего буква за буквой Остромирово евангелие и выявившего опечатки А. Х. Востокова¹).

М. М. Козловский (как будто бы первый) обратил внимание даже на особенности языка первых 24 листов Остромирова евангелия, но не увидел разницы в почерках². После него работал академик Ф. Ф. Фортунатов и установил, что первые 24 листа рукописи написаны с иного оригинала, чем остальные листы³. Ни предшествовавшие ему Н. В. Волков⁴, ни М. М. Козловский, ни сам Ф. Ф. Фортунатов не заметили, что Остромирово евангелие написано разными почерками. Всех их как бы околдовала запись диакона Григория: «азъ григории дѣяко(н) написахъ еуг(г)лие с(е)... почахъ же писати... а оконьча(х)...» (л. 294г), где он назвал только свое имя, употребил личное местоимение «азъ» и трижды написал глаголы в форме 1-го лица единственного числа.

Только Н. М. Каринский, первый из всех хранителей, знатоков и ученых филологов (а их было немало с начала XIX века), смотревших эту уникальную рукопись XI века, сумел заметить двух писцов основного текста. первого, написавшего «первые 23 листа (т. е. лл. 2–24. — Л. Ж.) евангельских чтений и золотые заглавия на этих листах и на всех последующих до конца рукописи, исключая золотые заглавия на лл. с 25 об. по 40 об., с 131 по 154 об.»⁵, и второго, т. е. диакона Григория, написавшего евангельский текст с л. 25

¹ Козловский М. М. Исследование о языке Остромирова евангелия // Исследования по русскому языку». Т. I. СПб., 1885. С. 119–127.

² Там же. С. 23, 46, 80, 109.

³ Фортунатов Ф. Ф. Состав Остромирова евангелия // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 2. СПб., 1908. С. 1416–1479.

⁴ Волков Н. В. О неновгородском происхождении диакона Григория, писца Остромирова евангелия // ЖМНП, 1897, декабрь. С. 443–446.

⁵ Каринский Н. М. Письмо Остромирова евангелия (Палеографический очерк) // Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. I. Вып. 1. Пг., 1920. С. 170–171. Каринский ошибся, л. 21 исправлен нами на л. 25 по его же данным (Указ. соч. С. 185).

* Впервые опубликовано: Жуковская Л. П. Экслиттеральные способы определения разных почерков // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй. М.: Наука, 1974. С. 28–37.

до конца рукописи, в том числе заглавия, исполненные чернилами. Н. М. Каринский выявил также работу третьего и четвертого писцов, написавших небольшие заголовки и надписи⁶.

Опираясь на исследование Н. М. Каринского, мы уже отмечали и отличия в форме разделительных знаков, поставленных самими писцами, совершенно разные по начертанию титла у первых двух писцов, разные типы «узкого» начертания буквы «ѳ» вместо двубуквенного «оу» на концах строки при необходимости сокращать место, разный вид сокращения слова Иисусъ, Ф. Ф. Фортунатов и Н. М. Каринский отметили разное начало в этом сокращении: с двумя и с одним «и», но первый писец к тому же опускал в этом сокращении конечный «ъ», а диакон Григорий писал его постоянно, опуская лишь в связи с необходимостью экономить место на конце строки. Эти различия, а также некоторые различия в начертаниях отдельных букв позволили нам в свое время говорить о принадлежности двух основных писцов Остромирова евангелия к разным школам письма⁷.

Экслиттеральные методы исследования почерка берутся на вооружение тогда, когда 1) в начертаниях каждой отдельной буквы при внимательном сопоставлении этой буквы по разным листам рукописи не обнаруживается заметных различий, систематически представленных на определенных листах (и даже строках), которые позволяли бы противопоставить работу одного писца работе другого; 2) когда письмо всей рукописи имеет единый стиль: ширина букв по отношению к их высоте одинакова на протяжении всей рукописи, толщина жирных линий и соотношение их с тонкими однотипны, расстояния между буквами не различаются существенно, выходящие в верхнее и нижнее междустрочное пространство штрихи и детали букв единообразны без украшений или с одинаковыми украшениями, ограничительными штрихами и пр.

⁶ Каринский Н. М. Указ. соч. С. 170–171.

⁷ Жуковская Л. П. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия // Исследования по грамматике и лексикологии русского языка. М., 1961. С. 25 — 27, 29; Она же. Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия // Труды Гос. Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина». Т. V (8). Л., 1958. С. 35, 39.

Письмо одного стиля при разных почерках прекрасно охарактеризовано Н. М. Каринским в применении к Остромирову евангелию. Он писал: «На протяжении всего текста евангельских чтений Остромирова евангелия, как на первых 23 листах, так и на последующих до конца рукописи, мы имеем однообразный стиль письма. Буквы — приблизительно одной величины (небольшие изменения величины букв во всяком случае не соответствуют делению рукописи на две части, установленному Фортунатовым). Ширина букв в отношении их высоты, а равно расстояние между буквами однообразны в первой и второй части. Толщина жирных штрихов и отношение их по толщине к тонким штрихам также однородны в разных частях памятника. В рисунке букв нет бросающихся в глаза линий, которые бы выделяли одну часть текста от другой, например, одни и те же буквы спускают глубоко штрихи вниз, контур многих букв чрезвычайно близок в той и другой части текста и т. п. Наконец, писаны обе части в два столбца, с одинаковой разлиновкой по 18 строк в столбце, с одинаковыми расстояниями между строками и с одинаковыми полями. Все это, конечно, и дает иллюзию однообразного стиля и однообразного почерка»⁸.

Поиском путей разграничения работы писцов в рукописной книге при внешнем однообразии их почерков и посвящено дальнейшее изложение.

Литтеральными (от слова *littera* буква), или буквенными, мы считаем такие особенности начертаний каждой буквы, которые, не являясь лигатурами в исторически засвидетельствованный период письменности, свойственны данной букве как таковой: они не связаны ни с звуковым значением данной буквы (что относится к фонетике), ни с правилами употребления вариантов ее начертания (что относится к орфографии), ни с отбором отдельных вариантов ее начертания (что относится к графике, например, «и» — «і», «оу» — «у» — «8», «ω» — «о» в русских рукописях).

В настоящей статье собственно литтеральный аспект в изучении древних почерков оставлен в стороне, поскольку это не ново и давно является одной из основных задач палеографии, однако, чтобы дальнейшее выделение экслиттеральных признаков стало

⁸ Каринский Н. М. Указ. соч. С. 169–170.

более понятным, укажем некоторые собственно литтеральные особенности начертаний букв в древнерусском письме уставом и отчасти полууставом. При уяснении ниже приводимых примеров необходимо иметь в виду, что они не связаны с значением букв в славянской письменности, что нам важна здесь только специфика их конфигурации:

разные формы овалов «а», «б», «в», «о», «р», «ф», «ъ», «ы», «ь», «ѣ»;

поднятые выше или ниже, наклоненные больше или меньше перекладыны «н», «и», «ю», «к», «ю»;

сдвинутые или раздвинутые петли в омеге, высокая или низкая перемычка («середина») в ней же;

«а» с т-образной средней ножкой или в форме расщепа;

«ч» в виде чаши, симметричного или асимметричного расщепа, с более или менее высокой подставой и т. п.;

«з» с разной формой хвоста и разным размещением его под головкой буквы;

«ъ» с наклоненной мачтой и размещением головки и петли более или менее друг над другом или с прямой мачтой и размещением головки слева, а петли справа в противоположной части буквы;

«м» с провисающей и непровисающей перемычкой; с перемычкой, примыкающей к обеим мачтам или одной из них под острым углом или посредством отворота;

«р» с мачтой, размещенной в строке или с хвостом, выходящим между строк;

разная высота мачты «ѣ» по отношению к высоте других букв в строке и разная форма коромысла у «ѣ» и «т»;

«л» шалашиком и «л» с вертикальной правой мачтой;

«д» разная степень смещения ножек в букве по сравнению с ее головкой;

«к» с разной формой колена.

Можно было бы назвать и многие, многие другие варианты начертаний отдельных букв, изменяющиеся во времени (что в большинстве случаев изучено в палеографии), территориально (что не изучено пока) и индивидуально (т. е. по писцам).

К особенностям начертания буквы «у», например, относится такой подлежащий изучению палеографа круг вопросов: направле-

ны параллельно или под углом верхние элементы; если под углом, то соприкасаются ли они, пересекаясь непосредственно, или воображаемая точка их пересечения находится ниже, вне буквы (где именно), а сами они соединены горизонтальной перемычкой; есть ли отвороты сверху у левого элемента, есть ли они у правого; отворот ли это или только утолщение в форме жирной точки; если отворот, то какова его форма, хвост буквы «у»: имеет ли строго вертикальное направление, изогнут тем или иным образом, длина его, наличие и отсутствие перечеркиваний на нем, наличие или отсутствие ограничительного штриха. Подобные детали начерка буквы «у» являются, по нашему определению, чисто литтеральными. Эти вопросы имеют отношение к определению числа писцов рукописи и установлению границ их работы, т. е. к ее палеографическому исследованию, включающему прежде всего установление времени и места ее написания⁹.

⁹ Несмотря на критику в мой адрес за узкий подход к объекту изучения в палеографии (см.: Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет // Советские архивы, 1967. № 5. С. 136, 137), я продолжаю считать палеографию наукой о древнем письме, имеющей целью локализовать во времени и территориально древние рукописи, *основным* назначением которых было служить средством письменной передачи мысли (но не предметов материальной культуры, имеющих надписи, поскольку последние изучаются эпиграфикой, нумизматикой и другими специальными науками), а также установить число писавших рукопись и границы их работы (см.: Жуковская Л. П. Развитие славянорусской палеографии (В дореволюционной России и в СССР). М., 1963. С. 7–11, 134–135 и др.; Она же. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. // Труды Института языкознания АН СССР. Т. VIII. М., 1957. С. 10). Иной подход в новейшей книге: Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970. Объектом палеографии автор признает даже современные магнитофонные записи (раздел «Палеография», с. 54), а на с. 33–34 находим даже цитаты из рекламы шариковых ручек. Палеографией же здесь названа «прикладная дисциплина, изучающая материалы и орудие письма, историю способов записи и особенностей графики...» «Палеография древнерусских памятников стремится учесть и обработать данные по возможности всех старых памятников, число которых ограничено (!), чтобы яснее представить себе пути и способы эволюции письма» (с. 5–6). С такими представлениями о древнерусской письменности и объекте палеографии мы, конечно же, согласиться не можем.

Разительную границу работы двух писцов очень легко видеть на развороте лл. 10 об. — 11 пергаменной рукописи галицко-волинского происхождения, принадлежащей ныне ИРЛИ (Пушкинскому дому): Р. IV, оп. 25, № 30¹⁰.

Внелиттеральными, хотя и выраженными буквенно, являются варианты написания разных слов и употребление грамматических категорий, если на протяжении рукописи в этом обнаруживается какая-то закономерность, связанная с приемами письма, графическими и орфографическими навыками разных писцов. Эти различия выражаются в составе букв, а не в выборе графического варианта. Например, слово «Исус» первый писец Остромирова евангелия пишет в сокращении: ѿс, тогда как диакон Григорий пишет иѿсъ. Последовательно по своему различию пишут основу слова «сведетел-» писцы Галицкого евангелия 1357 года: свѣдитель, свѣдительство постоянно находим у четвертого писца, но первый и третий писцы пишут: свѣдѣтельство. В той же рукописи слова с корнем цѣст- пишут первый и третий писцы, тогда как второй и четвертый употребляют здесь буквы «чи»: чист-. Правда, эти случаи могут быть связаны и с использованием разных оригиналов: одного у первого и третьего писца, другого у второго и четвертого писца, но все же надо иметь в виду и возможность существования у разных писцов разных орфографических навыков.

Устойчивые орфографические навыки или, наоборот, широкое использование разных орфограмм и графем при передаче одного и того же слова могут стать одним из экслиттеральных путей определения границ почерков.

Свободное использование графических средств и колеблющуюся орфографию хорошо демонстрируют следующие примеры из Мстиславова евангелия 1115–1117 годов. При передаче одного и того же текста (Иоанн, XIX, 32) встречаем следующие варианты написаний сочетания слов «другому распятому»:

дроугоуоумоу распятоомж (л. 155г, 9-е Страстное Евангелие);

дроугоуоумоу распятоу (л. 159г, 9-й час в пятницу Страстной недели);

¹⁰ Жуковская Л. П. Пергаменная рукопись XIV в. из собрания Пушкинского дома // ТОДРЛ. Т. XXIII, фото перед с. 307.

дроугоуоумж распятооумоу (л. 162б; на вечерни в Страстную пятницу);

дроугоуоумоу распятоуоумоу (л. 168аб, литургия 14 сентября).

Звук «у» передан буквами и сочетаниями «оу», «ук» и «юс большой». В двух случаях два «о» вместо того же «у» написаны для передачи собственного нового произношения писцов в определенной грамматической категории. Все это разнообразие написаний не имеет отношения к начертаниям букв как таковых, и если выявится разница почерков на указанных листах, то разница в написаниях слов «другому распятому» будет экслиттеральной, внебуквенной приметой для дифференциации писцов.

В самом деле, написание буквы «ж» связано с наличием особого носового «о» в отдаленном южнославянском протографе Мстиславова евангелия. В древнерусском языке начала XII века носовых гласных уже не было, и древнерусские писцы еще в X–XI веках не стали создавать правил употребления букв «ж» (также и «а»), но употребляли буквы «оу» и «ж» беспорядочно, постепенно все больше пренебрегая последним. Написание буквы «8» («ук») в приведенных примерах представлено на конце строки. Это связано с орфографической нормой, которой стихийно следовали древнерусские писцы почти на всей территории Древней Руси (видимо, кроме некоторых псковских): кончать строку буквой, передающей гласный звук (кстати сказать, это не было орфографическим законом для сербских рукописей XII века). Поэтому с целью уписать слог на строке древнерусские писцы выбирали «узкий» графический вариант буквы, передающий звук «у», именно «у». Исключение в этом отношении представлял писец Остромирова евангелия диакон Григорий, который на конце строк для сокращения места написал особое однобуквенное «у» в форме чаши, как в его же начертании буквы «ч», но без подставы (лл. 54а, 55г, 62а, 86а, 95г, 96а, 98а, 129в, 164в и т. д., более 20 раз, но только один раз употреблен «ук» 247г.).

Сложившиеся профессиональные навыки каждого писца, «механизмы» его письма, т. е. механически выполняемые движения при письме, так или иначе проявляются в древней рукописи, написанной разными лицами. Даже если писцы владеют одним сти-

лем письма, как это обстояло, например, в Остромировом евангелии, все же где-то и в чем-то обнаруживаются различия как при однотипном начертании букв, так и при совпадающих вариантах начертаний.

На примере Галичского (Костромского) евангелия 1357 года можно видеть, что различающиеся «механизмы письма» могут последовательно реализовываться в таких «мелочах»: в начерках и в месте постановки разделительной точки, двоеточия и других разделительных знаков, в различных знаках над буквами, а также в написаниях титл и дужек над сокращенными словами (см. ниже табл. 1).

В древних рукописях, особенно написанных на пергамене, могут содержаться и другие не прямые указания на границы работы разных писцов. Так, при однотипных почерках основанием к постановке вопроса о возможном участии в создании книги нескольких писцов и к их различению могут служить внешние особенности рукописной книги, часть которых в дальнейшем, видимо, будет изучать оформляющаяся в настоящее время наука кодикология. Важно наличие незаписанных листов или частей листа, разные способы нумерации тетрадей, наличие тетрадей с нетипичным числом листов, разные принципы разлиновки их, разные цвета красок в «малых инициалах», писавшихся, как правило, самими писцами, размеры больших инициалов и их размещение по отношению к тексту, оформление заголовков; конфигурация пустот, оставляемых для инициалов и заголовков.

Отсутствие последовательности в переписке текста в большинстве случаев связано с параллельной работой ряда писцов и внешне выражается в наличии незаписанных листов или частей листа при общей экономии пергамена. Экономия проявляется в наращении строк в конце столбцов, вне разлиновки, если чтение может быть закончено на этой дополнительной строке, в размещении киноварных заголовков на последней строке листа и на строках, занятых предыдущим текстом. Сюда же относится явное увеличение или, наоборот, уменьшение числа размещаемых на строке знаков к концу той или иной тетради с целью уписать на них предназначенный для данной тетради текст или подогнать свой текст к последующей тетради, написанной кем-то ранее или

находящейся в работе у другого лица. Например, в Галичском евангелии 1357 года остался незаполненным правый столбец лицевой стороны л. 27-го, где кончается первый раз работа первого писца (с л. 28 новую тетрадь начал второй писец), и конец л. 115, где четвертый писец начинал свою работу на новой (16-й) тетради с начала л. 116.

Количество листов в тетради также связано с границами работы разных писцов. Например, в Галичском евангелии существует трехлистная четвертая тетрадь с не полностью записанным л. 27. Судя по разлиновке, отрезанный от двойного листа этой тетради лист является 178-м по современному счету и завершает всю рукопись (следовательно, лл. 25 и 178 изначально составляли один двойной).

Дополнительные листы есть в Остромировом и Морозовском евангелиях, но там это важно для определения участия в работе миниатюристов, а не простых писцов.

С наличием чистых листов, или, наоборот, записанных слишком уплотненно, может быть связана разная нумерация тетрадей. Например, в упоминавшемся Галичском евангелии порядковыми номерами «а» (т. е. первый), «б» (второй), «г» (третий), «д» (четвертый) соответственно пронумерованы обороты лл. 35, 43, 51 и 59, чем показан конец тетрадей 5-й, 6-й, 7-й и 8-й. Эти же буквы стоят и в начале следующей тетради, что встречается в пергаменных рукописях редко. Таковы лицевые стороны листов: «а» — 36, «б» — 44, «г» — 52, «д» — 60. Этот тип нумерации совпадает с границей работы второго и первого писцов. Второй тип нумерации употреблен там четвертым писцом. Он более обычен: буквой-номером помечается только оборот последнего листа тетради. Так, четвертый писец обозначил буквой «а» л. 123 об., «б» — 129 об., «г» — 137 об., «д» — 145 об., «е» — 153 об., «и» — 177 об. Таким образом, нумеруя тетради, он насчитал их восемь (на лл. 161 и 169 вырваны кусочки пергамена на месте буквенного знака порядкового номера тетради, написанного четвертым писцом).

Более типичен прием нумерации тетрадей второго писца рукописи Пушкинского дома (Р. IV. оп. 25, № 30): писец ставил буквы кириллицы на лицевой стороне первого листа тетради и обороте восьмого. Первый писец этой рукописи свои тетради либо не ну-

Таблица 1

Разделительные и надстрочные знаки в четырех почерках Галицкого евангелия 1357 года

I почерк	II почерк	III почерк	IV почерк
1) Место постановки разделительной точки			
середина высоты буквы и нижняя треть	внизу на строке, очень редко в нижней четверти	всегда внизу на строке	непосредственно над строкой или в нижней трети
2) Место постановки знака			
верхняя точка на уровне высоты букв, нижняя несколько выше линейки	на различной высоте над линией строки, но всегда в пределах высоты буквы	располагается как у I писца, но более симметрично, и точки ближе друг к другу	в нижней половине высоты буквы, нижняя точка на линейке
3) Надстрочные знаки над буквами			
употребляются надстрочные знаки — точка и две точки, ставятся они непосредственно над буквами: а, о, w, e, ю, и, i и изредка над а в положении на конце строки	как правило, отсутствуют; исключение л. 29в (2 случая), л. 30а (5 случаев)	две точки ставятся только над w, изредка над о широким. Над а, о, ю, и, i ставится одна точка, если эти буквы стоят в начале слога	в начале слога над буквами, обозначающими гласный, ставятся точка и две точки, две точки ставятся над е, ю, и, о, ю; одна — над и, ю. Над о в обороте «Въ оно время» — две точки

4) Форма надстрочных точек			
точки, первоначально круглые, постепенно становятся все более небрежными и расплывшимися справа вниз налево. Наряду с ними употребляются острые штрихи такого же направления. Это создает впечатление беглости почерка		очень аккуратные круглые или квадратные точки	круглые точки
5) Формы титл			
над выносными буквами ставятся дужка $\sim$ или угол $\wedge$; обычно титла имеют форму λ ; этот тип варьируется; могут отсутствовать завершающие вертикальные штрихи и даже перевернутое черкивание; с л. 386 встречается аккуратное титло формы $\sim$, которое ставится главным образом над словами бгѣ, снѣ, їсѣ	над выносными буквами ставится очень слабо изогнутая дужка; титло всегда акkuratное, с перевернутым киванием, но может быть без вертикальных ограничительных штрихов	надвыносными буквами ставится дужка; обычные титла чаще употребляются без перевернутого кивания и без правого штриха вниз, но бывает и как во II почерке	над выносными буквами — слабо изогнутая дужка с ответвлением слева или просто прямая линия; титло — прямая линия с точечным переверкиванием, концы которой обращены вверх или вверх только левый, а правый вниз

меровал, либо его нумерация была расположена слишком близко к краям полей и была срезана при переплетении рукописи. Для этой рукописи также характерно, что новый писец хотя и продолжает переписывать книгу, все же свою часть работы начинает нумеровать сызнова.

Важную роль в определении границы работы писцов может сыграть разлиновка пергамена в тетрадах, написанных одним лицом, в отличие от тетрадей другого. Например, четвертый писец Галичского евангелия все тетради с 16-й по 23-ю, которые написаны им, разлиновал совершенно однотипно. В то же время приемы разлиновки у первых трех писцов весьма разнообразны¹¹.

При определении границ работы писцов имеет смысл обращать внимание на смену чернил. Разный цвет чернил бывает у разных писцов, работавших независимо друг от друга. Но чернила мог менять и один писец, поскольку рано или поздно они должны были у него кончаться. Иногда цвет чернил по мере написания рукописи постепенно светлеет; это может быть связано с тем, что писец разбавлял их.

Цвета красок, употребление золота или киновари также могут свидетельствовать о границах работы разных лиц, участвовавших в написании и оформлении древней рукописной книги. Так, киноварные заголовки могут быть написаны киноварью от начала до конца, могут иметь только одну или несколько начальных киноварных букв и могут быть написаны с использованием одних лишь чернил. Например, в упоминавшемся Галичском евангелии первые три писца пишут заголовки чтений полностью киноварью, в то время как четвертый писец заполняет киноварью только первую букву заголовка, зато буква эта в два раза больше остальных букв заголовка и обычных строчных букв, т. е. примерно равна малым инициалам в зачалах. К этой же стороне экслиттеральных особенностей относятся данные Н. М. Каринского о том, что в Остромировом евангелии третий тип письма — «зо-

¹¹ Подробнее об этом см. в статье: Жуковская Л. П. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. // Труды Института языкознания АН СССР. Т. VIII. М., 1957. С. 13–15; о других затронутых в настоящей статье вопросах см. с. 9–44.

лотой вычурный очерк заглавий на листах с 25-го по 40 об. и с 131 по 154 об.»¹².

При наличии субординации инициалов важно учитывать также употребление красок в малых инициалах, которые в некоторых типах книг встречаются внутри текста. Они обычно начинают какой-либо смысловой отрывок, однако не идут сразу же после заголовка. Здесь рисуются большие инициалы.

Имеют значение и размеры больших инициалов, для которых один писец может предусматривать большее место, а другой меньшее. Например, второй писец оставлял для инициалов Галичского евангелия 1357 года по 5 строк, а первый и третий, работавшие вместе, поочередно сменяя друг друга несколько раз, оставляли по 4 строки (исключения в конце столбцов — непоказательны).

Большие инициалы могут быть весьма показательны для определения границ работы писцов и в тех случаях, когда в рукописи можно обнаружить свидетельства о принадлежности их руке того или иного писца рукописи. Например, в Галичском евангелии четвертый писец, безусловно, сам рисовал инициалы. Они очень просты и сделаны значительно менее искусно, чем даже самые простые в первых частях рукописи. Они всегда представляют собой букву устава, в котором мачты оконтурены чернилами и заполнены киноварью, а горизонтали и приближающиеся к ним наклонные линии представляют собой обычные тонкие чернильные линии. Мачты букв слева обрамлены гребнями. Большой частью они состоят из трех вершин, причем средняя также заполнена киноварью. Верхняя петля инициалов (это обычно «В» и «Р») иногда украшена цветком, нижняя — перечеркнутыми ресничками. Инициалы кажутся пропорциональными за счет гребня, без него же они слишком узки, вытянуты (например, «В» — л. 154б; «Р» — л. 138б; «П» — л. 131в). У второго писца на л. 32б представлен как исключение инициал «В» того же типа, но он гораздо приземистее и имеет чрезмерно широкий гребень, идущий по всей высоте мачты.

Среди инициалов, размещенных на листах, написанных первыми тремя писцами, имеются разные виды, однако соотнести

¹² Каринский Н. М. Указ. соч. С. 185.

их с работой каждого отдельного писца мы пока не смогли. Так, встречаются древние инициалы растительного типа, инициалы с витыми и плетеными из жгутов или ремней мачтами, тератологические¹³. На названных фотографиях кроме инициалов растительного типа, относимых обычно к византийскому стилю орнамента, представлено много вариантов плетения, хотя и не все его виды, встречавшиеся нам в древнерусских рукописях XII–XIV веков. Здесь мы видим мачты, свитые из двух жгутов (лл. 16б, 61б, 29в), плетение в виде косы из трех жгутов (лл. 41б, 78б), плетение также плоскостное, а не шнуровидное из четырех жгутов (лл. 69в, 34б), переплетение двух жгутов с использованием кольца (лл. 11б, 10б), переплетение в кольце одного раздваивающегося жгута или ремня (лл. 6б, 9б, 77в), образованные узлами из одного ремня (лл. 69в, 34в), а также с заплетенной верхней петлей (л. 49г) и очень редкий инициал, заплетенный полностью из одного ремня, пересекающегося под прямым углом (л. 29г) (в некоторых рукописях встречается косое переплетение).

В Галичском евангелии 1357 года встречаются тератологические инициалы: мелкие переплетающиеся звериные формы («В» — л. 54б, «Р» — л. 23б) и сравнительно крупные (имеющие корпус и лапы) со слабыми элементами плетения («В» — л. 105а); имеются звериные формы с решетчатым переплетением («В» — л. 24в).

Особые инициалы: инициал с изображением в петле лица («Р» — л. 85а); львиной (?) морды («Р» — л. 49а); инициал, поддерживаемый рукой («Р» — л. 42а), инициалы с раздваивающимися ремнями, схваченными в кольца («В» — л. 77в, «Р» — л. 21а); единственный образец инициала, полностью сплетенного из одного ремня («В» — л. 29г).

Следующие основания заставляют думать, что для выполнения этих инициалов не приглашался специальный орнаментатор, но они были нарисованы самими писцами или кем-либо одним из первых трех (вероятнее, Фофаном). Прежде всего это подтверждается встретившимися в тексте элементами, свойственными этим инициалам. Например, на л. 19а малый инициал «О» состоит из

¹³ См. Жуковская Л. П. Инициалы в древнерусских рукописных книгах // Русская речь, 1974. № 3. С. 39–53.

двух переплетенных колец, просветы между которыми заполнены киноварью. Это сложное переплетение выполнено безукоризненно. На лл. 48г и 51б в целях экономии пергамена писец помещает последнюю строчку текста вне разлинованных строк внизу на поле. В том и другом случае эта дополнительная 31-я строка как бы поддерживается лежащей фигурной скобкой, из середины которой спускается завиток типа византийской ветки, обычный для инициалов этой рукописи. На л. 99г пять последних букв, относящихся к предшествующему чтению, помещены как бы в вазе, поддерживаемой рукой. Таков же на л. 42а инициал «Р», также поддерживаемый рукой. Рука на л. 99г меньшего размера, но исполнена не менее искусно. Если писец мог выполнять сложное плетение и другие элементы, свойственные большим инициалам, то вполне возможно, что он рисовал и эти инициалы.

По-видимому, перу писца основного текста принадлежат также 17 инициалов, которые выполнены в основном чернилами и лишь подведены киноварью. Об этом говорит одинаковая консистенция чернил основного текста и инициалов. Последовательность в работе, при которой сначала пишется инициал, а затем текст (это бывает хорошо видно, когда чернила проведены по киновари инициала, см., например, лл. 37в, 67а, 72в), также свидетельствует о принадлежности инициала руке писца основного текста. В противном случае необходимо предположить почти непрерывное присутствие при работе писца какого-то мастера более высокой квалификации для выполнения инициалов, что маловероятно. Это же относится и к инициалам, рисованным чернилами того же качества, что и чернила основного текста.

Для выявления границ работы разных писцов имеют значение также текстологические данные о членении текста. Покажем это на примере Евангелия Научной библиотеки МГУ, № 2, Аг 80. Оно относится к числу полных апракосов и по текстологическим данным распадается по крайней мере на четыре цикла чтений (называем их соответственно части I–IV). Конфигурация и употребление надстрочных знаков, формы титл и надстрочных дужек, характер инициалов, оставляемое писцом место для одинаковых инициалов и заголовков в разных частях неодинаковы и, видимо, свидетельствуют о делении работы по переписке этой рукописи,

Таблица 2

Сочетание текстологических, художественных и экслиттеральных особенностей в разных частях Евангелия Московского университета, 2 Ag 80

Листы и части рукописи	Циклы чтения памятника	Инициалы	Место для заготовка	Экслиттеральные особенности почерков	
				Титла и дуги	Диакритические знаки
Листы 1–37 часть первая	Чтения от Пасхи до Пятидесятницы	Инициалы «старовизантийского» типа в его пергородчато-эмальерном варианте: буква составлена из разделенных орнаментальных деталей, образованных закрытым контуром. Петли очень мало заглублены в текст столбца, мачты и основные украшения размещены на полях. Петли и мачты образованы s-образными и z-образными завитками и их элементами, с залитыми небольшими просветами между ними; в мачтах встречаются прямые вертикальные детали. Петли и мачты справа ограничены однолинейным контуром. Особые инициалы: с мачтами двойного контура — 7г, 17а, 23г; растительный вариант орнамента (см. ниже) — 31г; решетчатое плетение из одного жгута — 2г; узловые ломаные инициалы с отрезками (5–6 оборотов) из двух жгутов — 13в, 15а (оба слева направо), 37в (справа налево)	Одна строка	Титло не всегда перечеркнуто, оба его отворота направлены вверх, правый — вниз. Дуги пологие, широкие, несимметричные	Надстрочные знаки над буквами гласных, начинающихся слог, имеют вид раскрытого вправо вверх по-лумесяца (дасия — ?)

Листы 38–84, часть вторая	Чтения от Пятидесятницы до Нового лета	На лл. 38–76 инициалы того же пергородчато-эмальерного варианта. Весь инициал заглублен в текст: каркас мачты располагается по границе столбца, лишь украшения мачты — на поле. Для петля «В» писец оставил однотипный зигзагообразный пологий отступ: 2-я строка выступает влево относительно первой на один знак, 3–5-я строки постепенно отодвигаются вправо на один знак по отношению к каждой предыдущей строке. Проведенные двойным контуром тонкие мачты слева обрамлены s-образными, овальными и полуовальными пергородчатыми деталями; из них же составлены и петли букв. Снаружи петли ограничены однолинейным киноварным контуром. Особые инициалы: узловые округлые без отрезков — 39г, 69в; туго перевитые (8 перекуток слева направо) из двух жгутов — 47б, 62а; «коса» изначного плетения из трех жгутов — 65а. На лл. 77–84 инициалы и заголовки не вписаны на оставленные для них места, но в столбце 84в есть набросок-заготовка особого типа для «В».	Не менее полутора строк, чаще — две строки	Титло не всегда перечеркнуто, оба его отворота свисают вниз. Дуги — небольшие, сжатые, такой же длины, как титла	Надстрочные знаки над теми же буквами, в форме перевернутой запятой (почти точки), раскрытой вправо вниз или вправо (тоже тип дасия — ?)
---------------------------	--	--	--	--	--

Окончание табл. 2

Листы и части рукописи	Циклы чтений памятника	Инициалы	Место для заготовка	Экслиттеральные особенности почерков	
				Титла и дуги	Диакритические знаки
Листы 85–153, часть третья	Чтения от Нового лета до Поста	Инициалы «старовизантийского» типа в его растительном варианте и с элементами плетения. Инициалы заглублиены в текст: каркас мачты располагается по границе столбца (преимущественно внутри). Для петель оставлены прямоугольные (!) отступы, отчего инициалы кажутся непропорционально вытянутыми: 4–6-я строки для «В» отступают вправо на одну-две буквы по сравнению с 3-й строкой и, главное, расположены точно друг под другом. Мачты проведены двойным контуром и слева обрамлены веточками, гребнями, полуovalами. Петли образованы преимущественно растительными элементами; внутри петель часто помещены незакрашенные и не имеющие прожилок пятилепестковые соцветия или шишки, направленные к мачте горизонтально или наискось. Отсутствие киноарного фона и полное разделение деталей делают инициалы ажурными (лишь на лл. 85а, 85б, 109а, 116в, 146б и далее пространство петель заполнено красной краской). Особые инициалы: «коса» из трех жгутов обычного плетения — 137а; свободное свитые (пять-шесть оборотов) справа налево из двух жгутов — 93в, 96г, 101в, 108а, 108б, 131а, 135б, 137г; «коса» из 4-х жгутов — 94а, 97г, 121в, 129в, 134в, 136б, 136в, 137б.	Одна строка	Титло такое же, как в первой части рукописи. Дуги в заголовках — угловатые, небольшие; в тексте — более свободные	Надстрочные знаки над теми же буквами и такие же, как в первой части рукописи

Листы 154–240, часть четвертая	Чтения Поста и далее	Заготовки разной длины вследствие различного содержания	Титло подобно титлу второй части рукописи, но не всегда имеет отвесы, особенно часто отсутствует левый. Дуги пологие, размашистые, в полтора раза длиннее титла	Экслиттеральные особенности почерков	
				Титла и дуги	Диакритические знаки
Листы 154–240, часть четвертая	Чтения Поста и далее	Индивидуальный вариант растительного орнамента. Инициалы неодинаково заглублиены в текст, который и расположен неоднотипно: видимо, написание заголовка и создание инициала предшествовали переписыванию текста. Сложные соцветия, бутоны, разбитые ветви и цветы не только завершают мачты сверху и снизу (иногда вырастают рядом), но даже отходят от петель наружу. Петли заполнены разлапистыми незакрашенными, но имеющими прожилки пятилопастными (иногда семи- или трехлопастными) листьями, которые свисают или поднимаются вертикально. Мачты двойного контура, слева утолщены одним-двумя «горбами», которые заполнены тонкими одноконтурными орнаментальными элементами. На лл. 154–164 под листьями киноарный фон; с л. 164 появляется желтая краска; некоторые инициалы подкрашены, по-видимому, позднее (закрашенные беспорядочными красками штрихи и некоторые петли из числа залитых красной краской).	Титло подобно титлу второй части рукописи, но не всегда имеет отвесы, особенно часто отсутствует левый. Дуги пологие, размашистые, в полтора раза длиннее титла	Надстрочные знаки над теми же буквами, в виде двух косых черточек, идущих слева вниз направо (кендема или двойная вария); в конце рукописи встречаются вертикальные черточки	

по крайней мере, между четырьмя писцами (см. табл. 2). Сделать окончательное заключение мы не можем, так как для этого нужно было бы к экслиттеральным подключить обычные данные о начертаниях букв¹⁴, которые издавна изучает палеография.

Все изложенное показывает, что даже такая задача, как выявление работы разных писцов, определение их числа и принадлежности перу каждой частей исследуемой рукописи, может быть окончательно решена только в тесной связи с другими проблемами и задачами исследования данной рукописной книги.

Изучение древней рукописи — это не прямолинейное движение. Как правило, к одним и тем же вопросам исследователь подходит по нескольку раз, но на все более и более высоком уровне, опираясь при этом на разные стороны содержания древней рукописи, внешнего вида, на тщательный анализ начертаний букв, а также на данные экслиттерального изучения почерков.

Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника*

В настоящей статье рассматривается роль изобразительных средств в организации древнего манускрипта и обращается внимание на необходимость целесообразности использования данных о художественных украшениях списков того или иного памятника в его текстологическом анализе и, наоборот, использования данных, полученных в ходе текстологического анализа, для решения собственно искусствоведческих вопросов. При этом самый орнамент, его стиль и художественные особенности, как подлежащие профессиональному искусствоведческому изучению, оставлены в стороне.

Предлагаемая работа основывается на изучении рукописей Евангелия XI–XIV веков, написанных на пергамене и обычно богато украшавшихся. В фондах книг этого времени в наших книгохранилищах эти рукописи составляют 25%¹. Всего было просмотрено свыше 500 рукописных книг и фрагментов названного периода, и перед глазами прошел огромный материал, так как в отдельной книге подчас можно увидеть до 350–400 великолепных красочных инициалов. И хотя исследование декора книги не было предметом нашего специального изучения, все же нельзя избежать некоторых обобщений.

Объектом нашего анализа будет не какая-либо отдельная рукопись сама по себе, представляющая один из списков памятника (в данном случае Евангелия), а произведение письменности, пред-

* Впервые опубликовано: Жуковская Л. П. Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй. М.: Наука, 1974. С. 58–69.

¹ См.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. М.: Наука, 1966. С. 177–272.

¹⁴ В недавно вышедшей статье О. А. Князевская сообщила (к сожалению, без каких бы то ни было палеографических аргументов) о пяти основных почерках рукописи: наша первая часть написана двумя писцами (граница их работы между лл. 30 и 31), каждая из последующих соответственно новыми лицами. См. О. А. Князевская. Рукопись Евангелия XIII в. из собрания Московского университета // Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета. Вып. 1. М., 1973. С. 9. Инициалы рукописи воспроизведены в приложенных к сборнику таблицах 1, 2, 4–7.

ставленное рядом списков, памятник как нечто умозраительное, в известной степени как научная абстракция. В текстологии именно сохранившиеся списки изучаются в своей материальной сущности, но на их основании делаются выводы как о каждом изученном списке, так и о памятнике вообще.

Текстологический аспект исследования требует суждения об украшениях каждой рукописи с целью выявления групп манускриптов и установления истории памятника. Попутно могут возникнуть и суждения о происхождении установленных групп из одного или из разных скрипториев, разных территориальных или разных в социальном плане художественных центров (светские, духовные: ремесленные, княжеские, монастырские мастерские), о принадлежности мастеров к одной и той же или разным рукописным и художественным школам и т. п.

Не менее важен вопрос о связи (или ее отсутствии) собственно художественного элемента в древней книге с содержанием самого текста, который он предваряет в манускрипте. Существенным методическим вопросом представляется проблема изучения преимущественно типичного убранства каждой рукописи в противоположность изучению раритетов, наиболее привлекающему обычно искусствоведов. Речь идет об изучении преимущественно типичного в *каждой отдельной* древнерусской книге.

Основная функция памятников письменности состояла в передаче именно письменной информации. Рукопись создавалась не как альбом рисунков, а как произведение письменности. Убранство в славянских рукописях располагалось не с целью лишь украсить противоположные части листов (например, стороны, углы или середины листов, как это было изредка в византийских), а для того, чтобы четче показать начало нового по содержанию или назначению отрывка произведения.

Между тем в исследованиях искусствоведов иногда выражается взгляд на рукопись как на экспозицию орнамента. Например, можно прочесть: «Крупные и яркие заглавные буквы, представляющие собой целые диковинные сценки, ложатся на лист неравными весомыми пятнами, *нарушая его симметрию. Абсолютное отсутствие архитектоники листа* и какой бы то ни было *композиционной закономерности* в расположении инициалов оправдыва-

ют сбивчивое шествие фигурок по страницам книги и превращают ее узоры в прихотливую сказку, в которой становится возможным перескакивание центральных мотивов с листа на лист и их частое преобразование»². Но в древних книгах текст существовал не для того, чтобы красиво разместить украшения, а украшения создавались для текста, и поэтому нет оснований искать в них симметрию, композиционные закономерности и определенную архитектуру размещения инициалов и других украшений на листе рукописной книги. Украшения в рукописи показывали границу отрывка текста, имеющего вполне определенное законченное содержание или несущего определенную функцию (например, читается в определенный день недели, а не переходит в другой). Нет никаких оснований исходить из первичности орнамента, к которому писец должен был приспособлять текст.

Проблематика «текстология и искусствоведение», в частности «текстология и изучение декора книги», не является надуманной. Она интересует не только лингвистов-древников, но и литературоведов. Например, в одном устном выступлении академик Д. С. Лихачев говорил о необходимости в будущем «посвятить вопросу о показаниях орнаментальных украшений для истории текста особые разделы»³. Изучение орнамента для истории текста и исследования роли изобразительных средств в организации структуры каждого манускрипта представляется существенным даже для теоретической текстологии.

В самом деле, при большем или меньшем единстве текста списки древних памятников различались не только по языку и диалектным особенностям (не говоря уже о палеографии, графике и орфографии), но и по содержанию. Разный состав, разная последовательность частей, неодинаковое членение на самостоятельные отрывки, предназначавшиеся для чтения в тот или иной день года, были присущи даже памятникам традиционного содержания, употреблявшимся в церкви, в том числе Евангелию, Апосто-

² Попова О. С. Новгородская рукопись 1270 года (Миниатюры и орнамент) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 25. М., 1962. С. 204–205 (курсив наш. — Л. Ж.)

³ Стенограмма заседания Ученого совета филфака ЛГУ от 19 февраля 1970 года.

лу, Псалтири. Ведь не только в применении к славянским рукописям, но также к византийским, как, вероятно, и к манускриптам, написанным на других языках, представляется ошибочным⁴ распространенное мнение, будто бы памятники были абсолютно канонизированы и при их переписке средневековые писцы соблюдали «букву оригинала». Как будет показано ниже, по-разному членятся даже основные составные части. Это разное членение книги подкрепляется определенным размещением миниатюр, заставок. С деталями композиции связано также и местоположение больших и малых инициалов, заголовков, употребление красок для определенных частей текста и т. п. Например, в Евангелии каждая составляющая книгу более или менее самостоятельная часть могла предваряться листовой миниатюрой с изображением соответствующего евангелиста и непременно имела в начале большую или меньшую по размеру и более или менее значимую по своим художественным достоинствам заставку. Эта книга уже в V веке составлялась из Евангелий Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Книга, содержащая такие четыре части, называется Четверо-евангелием или Тетраевангелием; в древних славянских рукописях находим название «Евангелие тетро», в нашей литературе тетр. Наряду с ним в Византии была составлена книга, в которой текст делился на составные части и компоновался в соответствии с потребностями богослужения. Такой тип книги получил название «апракос». В древнерусских рукописях оно называется «опракос» (см., например, Симоновское евангелие, называемое также Евангелием Лотыша, 1270 год, л. 2: «ѡванъгеліе ѡпракъ съ бмѣ починаемъ»). Написание буквы «w» свидетельствует о том, что название «апракос» было заимствовано славянами изустно и в довольно раннее, видимо дописьменное, время.

Евангелие-апракос состоит из двух разных половин: в первой тексты расположены по дням недели начиная с Пасхи; во второй

⁴ Критику см.: Жуковская Л. П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963; Она же. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968

согласно последовательности месяцев и чисел гражданского календаря начиная с сентября. Последняя называется Месяцесловом или иногда Синаксарем. Первая половина — большая — в свою очередь распадается по крайней мере на четыре составные части: чтения от Пасхи до Пятидесятницы, чтения от Пятидесятницы до Нового лета, чтения Нового лета и недель, предшествующих Посту, чтения Поста вместе со Страстной неделей.

В древнерусских рукописях Месяцеслов отделялся от основной, первой, и притом большей, половины книги только заставкой. Миниатюрами могли разделяться в древнем апракосе составные части первой половины его. Если апракос имеет миниатюры, то три из них — Иоанн, Матфей и Лука — предваряют соответственно первые три цикла. Миниатюра с Иоанном открывает книгу, так как от Пасхи до Пятидесятницы читаются разрозненные тексты из Евангелия Иоанна (есть лишь одно исключение: в четверг шестой недели, т.е. на Вознесенье, представлен текст из Луки). От Пятидесятницы до Нового лета читаются тексты из Матфея на все субботы и воскресенья, а в первые десять недель (точнее до воскресенья 11-й недели) также и на будние дни, и соответственно перед этим циклом помещалась миниатюра с изображением Матфея. В цикле Нового лета на все субботы и воскресенья и на простые дни до воскресенья 12-й недели представлены чтения из Луки, и соответственно миниатюра с изображением Луки помещалась перед чтениями Нового лета. Такова норма для размещения этих трех миниатюр. Размещение же миниатюры с изображением Марка в Евангелиях апракос имеет особое текстологическое значение и потому подробно рассматривается ниже.

Если три миниатюры размещены иначе, чем здесь указано, то нужно искать ошибку позднего переплетчика, а для выявления истории создания рукописи внимательнее изучать состав тетрадей. При этом обычно оказывается, что миниатюры рисовались не писцом, а другим мастером и создавались на отдельных листах независимо от основного текста. В качестве примера рассмотрим Остромирово евангелие 1056–1057 годов.

Составитель тетрадей Остромирова евангелия очень внимательно следил за оформлением рукописи. Чтобы при раскрытой книге не было неприятного впечатления от разнородности рас-

положенных рядом оборотной и лицевой сторон соседних листов, он складывал шерстистую сторону одного листа с шерстистой же стороной следующего, а мясную с мясной. Благодаря этому шероховатые и пористые развороты в рукописи чередуются с гладкими и эластичными.

Но поскольку глаз не хранит такие детали качества листа, то читатель забывает впечатление от предыдущего разворота, и каждый разворот воспринимается как высококачественное единство, чего, естественно, не могло бы быть при совмещении на одном развороте гладкой и шерстистой сторон пергамента. Оба писца Остромирова евангелия следили за тем, чтобы каждый новый цикл с предваряющей его заставкой размещались на мясной, т. е. гладкой и белой, стороне листа. Для этого они не жалели пергамента. Именно этим объясняется наличие в рукописи не заполненных текстом листов после окончания названных циклов чтений: чтения Евангелия на Пасху начинаются великолепной большой заставкой на тщательно выделанной мясной стороне л. 2 (на его лицевой стороне). Аналогично размещено начало чтений от Матфея на л. 58. Весь предшествующий ему л. 57 и часть столбца л. 56г оставлены свободными (о причинах пропуска одной стороны л. 57 см. ниже).

Так становится очевидно, что к сочетанию листов пергамента писцы Остромирова евангелия относились с максимумом внимания. Есть лишь одно исключение: л. 87 с миниатюрой, на которой изображен Лука, сложен с шерстистой стороной л. 86. Мало того, оказывается, что эта миниатюра не предшествует заставке и началу чтений своего цикла, а находится среди чтения на воскресенье 17-й недели, т. е. среди текста другого евангелиста Матфея. Оба несоответствия могли возникнуть только потому, что миниатюра с Лукой была создана миниатюристом независимо от текста книги, на отдельном листе и, возможно, в другом населенном пункте. Это было выявлено учеными еще тогда, когда рукопись была сшита. Впоследствии, когда в связи с 900-летним юбилеем Остромирово евангелие было расшито на отдельные листы и свободно сложено по тетрадам, эта мысль подтвердилась. Так, относительно художников Остромирова евангелия еще В. В. Стасов полагал, что «рисо-

вальщиков, судя по работе, очень различной, было несколько, по крайней мере два или три для миниатюр апостолов и по крайней мере два для заглавных букв, заставок и орнаментов»⁵.

На основании внешних данных рукописи и текстологического подхода к определению места каждой миниатюры в Остромировом евангелии выявляется, что в начале VIII тетради на обороте л. 57 было оставлено место для миниатюры, изображающей Матфея. Эта позиция аналогична месту, использованному для первой миниатюры с Иоанном на обороте л. 1. Но миниатюры с изображением Матфея нет вообще.

Лицевая сторона л. 125 должна была оставаться свободной, а оборот его предназначался для четвертой миниатюры — для изображения Марка. Однако лист остался полностью свободным. Марк же написан на отдельно вложенном в середину тетради л. 126. Таким образом, очевидно, что первый миниатюрист, создавший миниатюру с Иоанном, работал поблизости от дьякона Григория. Однако в дальнейшем отношения изменились. Этот художник почему-то не смог нарисовать Матфея на обороте л. 57 и Луку на обороте л. 87. Позднее был найден новый мастер для миниатюры с Лукой где-то в другом городе или монастыре (и, вероятно, для Матфея, но миниатюра с Матфеем не дошла до нашего времени). Писец был уведомлен об этом раньше, чем дошел до л. 127 своего текста (по нынешней нумерации), и поэтому для миниатюры с Марком места в рукописи он уже не зарезервировал, зная, что она будет нарисована на отдельном листе. (Можно допустить также, что он написал л. 127, уже имея в своем распоряжении выполненную на отдельном листе миниатюру с Марком).

Рассмотренный пример Остромирова евангелия наглядно демонстрирует, что нарушение общепринятого расположения миниатюр по отношению ко всему манускрипту может дать факты для суждения об обстоятельствах создания манускрипта, дальнейшей его истории, а также для суждения о принадлежности отдельных его элементов руке одного или разных мастеров.

⁵ Рукопись. Цитируется по работе: Розов Н. Н. Остромирово евангелие в Публичной библиотеке // Труды Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. V (8). Л., 1958. С. 22.

Рукописи Евангелия-апракос легко могут быть разделены на два типа. В одном набор чтений из разных евангелистов соответствует указанному выше. В этом типе с Пятидесятницы до Поста, т. е. в циклах Матфея и Луки, представлены чтения на все дни недели. Поскольку же текстов из Матфея и Луки не хватает, они восполняются после воскресенья 11-й недели для Матфея и после воскресенья 12-й недели в цикле Луки чтениями из Марка⁶. Такие апракосы с чтениями на все дни недели называются полными.

В манускриптах, подобных Остромирову евангелию, чтения на будние дни недели от понедельника до пятницы включительно отсутствуют в обоих циклах чтений от Пятидесятницы до Поста. Эти апракосы называются краткими. В кратких апракосах чтения на дни с понедельника по пятницу содержатся только в неделях от Пасхи до Пятидесятницы и на Страстную неделю.

Древнейшим хорошо сохранившимся полным апракосом у славян является древнерусская рукопись — Мстиславово евангелие (1115–1117 годы). Оно и Остромирово евангелие — эти две важнейшие для искусствоведов рукописи — представляют собой, таким образом, совершенно разные по составу чтений типы книг. Текст их, следовательно, никак не мог быть списан с одного оригинала. Но к одному оригиналу могли восходить их миниатюры. Между тем в одной работе читаем: «Принимая во внимание почти полную тождественность орнаментальных мотивов того и другого Евангелия и учитывая наличие изображения Матфея в Мстиславовом и отсутствие его в Остромировом, можно утверждать, что диакон Григорий и Алекса писали с некоего общего протооригинала»⁷. В этом утверждении все сомнительно: 1) Остромирово евангелие

⁶ Наряду с таким распорядком, представленным более чем в 150 рукописях, нам известны две славянские рукописи: Мирославово евангелие и рукопись из ГБЛ, собр. Григоровича, № 9, в которых представлен иной распорядок чтений и тексты от Марка в них начинаются раньше. См. названную выше нашу работу «Типология рукописей...», с. 238–251, 295–299, а также статью: Рукопись № 9 из собрания Григоровича // Советское славяноведение, 1971, № 3. С. 83–87.

⁷ Свириной А. Н. Остромирово евангелие как памятник искусства // Труды Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». Т. V (8). Л., 1958. С. 51.

писали *два писца*, а не один дьякон Григорий; это было доказано еще в 1913 году Н. М. Каринским и опубликовано в 1920 году⁸; 2) обе рукописи типологически различны, так как Остромирово евангелие является кратким, а Мстиславово полным апракосом; 3) наконец, как может *отсутствие* миниатюры явиться доказательством *существования* общего оригинала? В этой же работе находим восклицание: «Почему не написан Матфей — это навсегда останется неизвестным»⁹. Однако, как было показано выше, для такой формулировки оснований нет. Мы не знаем, вероятно, почему Матфей, Лука и Марк не были написаны в *самых тетрадах* Остромирова евангелия, в которых для первых двух даже было оставлено специальное место. Но нам уже стало ясно из рассмотрения состава тетрадей и взаимной последовательности текста и миниатюр, что две последние миниатюры создавались на отдельных листах. На каком-то этапе 900-летней жизни рукописи миниатюра с Лукой выпала и была ошибочно вставлена не на свое место. Так же и миниатюра с Матфеем могла выпасть, а потом по каким-то причинам существовать отдельно.

Другим примером, когда текстология и палеография приходят на помощь искусствоведению, является знаменитое Евангелие московского Успенского собора, или Морозовское, начало XV века. Его анализ позволяет нам остановиться на текстологической роли заставок. В этом драгоценном полном апракосе, хранящемся теперь в Государственной Оружейной палате в Кремле, большие заставки перед каждым новым циклом чтений выполнены высокохудожественно¹⁰. Но они неодинаковы по размеру и стилю. Заставки, расположенные во всю ширину листа, включают в себя текст заголовков.

Казалось бы, что эти заголовки должны предварять непосредственно следующие за заставками чтения. Но оказалось, что это не

⁸ Каринский Н.М. Письмо Остромирова евангелия (Палеографический очерк) // Сборник Российской Публичной библиотеки». Т. I. Вып. 1. Пг., 1920.

⁹ Там же. С. 49.

¹⁰ Лицевая рукопись Успенского собора. Л., [1968].

так. При внимательном рассмотрении рукописи были обнаружены несоответствия заставок и текста. Эти несоответствия и помогают разобраться в истории создания этого манускрипта, в том числе и в истории его художественного оформления.

Перед текстом на понедельник 1-й недели (л. 55), а по другой терминологии «пятидесятой» недели (Матфей, XVIII, 10) нет названия дня и номера недели, но в самой заставке читаем: «еже ѿ Ма(т)ѳеа стѳе блѳговѳстова(н)е. глава. а́.». В действительности же текст из XVIII главы современного деления никогда не относился и не мог относиться к I главе. Следовательно, можно предположить, что заставка эта заимствована в данный полный апракос из тетра, где такой заголовок обычно ставится на первом листе книги перед текстом от Матфея, начинающимся словами: «книги рожества Ісѳа Хвѳа». Дальнейшее рассмотрение рукописи переводит это предположение в уверенность. Оказывается, что на л. 132 перед циклом Нового лета помещена аналогичная красочная заставка той же ширины в оба столбца рукописи. В заставке заключен заголовок «еже от Луки стѳе блѳговѳстование. глава. а́.». Далее следует текст от Луки, III, 19–22. Следовательно, заголовок опять-таки не соответствует тексту полного апракоса, но был уместен в начале текста Луки в тетрае. Здесь же под заставкой дан и апракосный заголовок «поне(д). а́. не(д) новаго лѳта. еоуа(г)е ѿ Лоу(к)».

Несколько выше на л. 104а находится иная заставка, в отличие от двух названных выше она занимает только один столбец текста. В этой заставке заголовка нет, под ней же читаем четыре строки (третья читается не полностью), в которых контаминируются оба заголовка. «еже ѿ Ма(р)ка стѳе блѳговѳство(в)ніе гла(в). а́. ... поне(д) вѳ не(д). еванге(л)е ѿ М(р)». Последняя строка с обозначением недели написана тем же почерком, что и следующие за ней два столбца текста. Об этом свидетельствует сильно отведенный вправо хвост «з», несимметричное начертание «н» и «и» (у «н» переключательная линия начинается от верхней точки правой мачты), «ж» почти без верхних усиков и некоторые другие особенности начертания букв.

При рассмотрении состава листов в тетрадах, в которых помещены широкие заставки, выявляется, что листы с этими заставками не составляют единства с соответствующими им в тетради

листами, заполненными текстом, с которыми они должны были бы составлять пары. Между тем листы без заставок в этих тетрадах все парные. Далее обнаруживается, что столбцы текста на листах с большими заставками шире, чем столбцы без заставок на остальных листах той же тетради. Все эти данные неопровержимо свидетельствуют о том, что для широких заставок Морозовского евангелия в качестве оригинала был использован не апракос, а тетра.

Мы пока не имели возможности сопоставить текст более широких и более узких столбцов по языку и собственно тексту. Поэтому нельзя пока сказать, были ли первые списаны с того же оригинала, что и узкие, или с какого-то иного; были ли этим оригиналом первоначально существовавшие в самом Морозовском евангелии изъятые части двойных листов, на которых первоначально были созданы узкие заставки шириной в один столбец? Существенно отметить, что заставка перед Месяцесловом, обычно скромная в апракосах, в Морозовском евангелии оказалась самой большой и более современной для того времени. Это, видимо, свидетельствует о том, что она создавалась уже после того, как было принято решение о замене заставок перед чтениями Пятидесятницы и перед чтениями Нового лета более пышными, занимающими по два столбца и заимствованными из какого-то тетраа.

Так выясняется история создания рукописи и ее художественного оформления в частности, а именно: с целью сделать уже написанную в основных частях (вероятно, до Месяцеслова) книгу более эффектной в художественном отношении в ней были вырезаны листы с первоначально нарисованными небольшими квадратными заставочками (как на л. 104а). Взамен их были вставлены новые листы, на которых предварительно были нарисованы более роскошные прямоугольные и занимающие всю ширину листа заставки. Они были заимствованы из какого-то тетраа, о чем свидетельствуют не критически перенесенные в манускрипт специфически тетровые заголовки в них, указывающие в каждом случае на *первую* главу соответствующего евангелиста. Под этими заставками писец должен был каждый раз разместить весь текст вырезанного листа, заканчивая столбец *г* так, чтобы текст его непосредственно переходил в текст столбца *а* последующего листа тетради. В первом указанном выше случае писец пропустил свой

апракосный заголовок, в двух последующих совместил оба. Точно локализовать работу писцов, писавших вторичный текст, и писцов, писавших первичный, нам пока полистно не удалось в силу специфических, неудобных для читателей условий хранения рукописей в Оружейной палате.

После того как выяснилось, что листы с большими заставками не были исконной принадлежностью самой рукописи, но вставлены в готовую рукопись позднее, возник вопрос о листах, на которых помещены уникальные миниатюры с изображениями апостолов и их символов (орла, ангела, тельца и льва). В самом деле, если листы с заставками были помещены в готовую рукопись и заказчик не пожалел для этого удалить целые листы, уже заполненные текстом, то трудно допустить, что миниатюры, которые, судя по всему, принадлежали руке более одаренного мастера (или мастеров), были в Морозовском евангелии изначально. Так и оказалось. Все восемь миниатюр Морозовского евангелия нарисованы на особых листах, не входивших первоначально в тетради-кватернионы. Пергамен листов с миниатюрами более тонок, бел и тщательно выделан.

Листы с миниатюрами, как и вновь написанные полулисты с заставками и повторно написанным текстом, вставлены своими корешками в готовые тетради очень искусно. При первом ознакомлении с рукописью без специально направленного на это внимания чужеродность этих листов не бросается в глаза. Указанное выше несоответствие заголовков тексту свидетельствует о том, что работа по доведению рукописи до более высокой художественной кондиции проводилась в спешке и позднее не была проверена во всех деталях.

Изложенная на основании текстологических и палеографических данных история создания Морозовского евангелия важна как для истории русского искусства, так и для истории появления на Руси особой редакции Евангелия, связанной, видимо, со «вторым южнославянским влиянием». Но эта проблематика не имеет прямого отношения к настоящей статье.

В связи с историей Морозовского евангелия встает вопрос о том, как соотносится оно с не менее ценным в художественном отношении Евангелием Хитрово. В текстологическом отношении обе рукописи относятся к четвертой редакции или Г, по градации

Г. А. Воскресенского¹¹. К ней принадлежат еще несколько рукописей начала XV века, а может быть, и конца XIV века. Евангелия Хитрово, Кошки, Клементьевское — полные апракосы — и 8 тетров. По воспроизведению некоторых листов Евангелия Хитрово в альбоме-приложении к кандидатской диссертации Г. И. Вздорнова¹² оказалось возможным установить, что основные четыре заставки Евангелия Хитрово перед чтениями Иоанна, Матфея, Марка (именно в такой последовательности) и Луки тоже тетровые, хотя само оно представляет Евангелие апракос. В этих заставках или непосредственно под ними написано, что далее следует Евангелие такое-то (называется имя евангелиста), «глава а̑». Названия дней и номера недели во всех четырех случаях опущены, хотя они составляют *непременную* принадлежность апракоса. В Евангелии Хитрово проведена более последовательно, чем в Морозовском, южнославянская орфография, которая характерна для рукописей, создававшихся в период так называемого «второго южнославянского влияния». Пока на ближайший этап исследования представляется более приемлемой рабочая гипотеза о вторичном происхождении Евангелия Хитрово по отношению к Морозовскому. Но не исключено и обратное. В последнем случае надо будет допустить, что русификация новой орфографии началась уже в первой четверти XV века. Этот важный общий вопрос, как и частный — о соотношении двух названных манускриптов, — пока очень неясен. Для ответа на них нужно как минимум изучить палеографию, графику и орфографию Евангелия Хитрово и Морозовского, каждого в отдельности и в сопоставлении, но это по условиям хранения той и другой рукописи пока совершенная утопия.

Большое общее текстологическое значение для истории Евангелия на славянской почве (а вопрос этот очень важен, например, для лингвистов, изучающих историю языка по данным древнейших рукописей) имеет расположение в апракосах миниатюры с Марком. В тетрах она, естественно, предшествует Евангелию

¹¹ Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI–XVI вв. М., 1896.

¹² Вздорнов Г. И. Рукописные книги Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков как памятники искусства. [МГУ], 1967.

Марка. В кратких апракосах миниатюра неизбежно должна была находиться перед чтениями Поста (предварять текст от Матфея, II, 23), так как до них Евангелие Марка в кратком апракосе сколько-нибудь компактно нигде не представлено. Именно здесь она находится и в Остромировом Евангелии (перед л. 127).

Гораздо сложнее обстоит дело в полном апракосе. Есть все основания полагать, что на славянской почве полный апракос появился позднее краткого и позднее тетра¹³. При его создании на славянской почве чтения краткого апракоса, к тому времени переведенного и достаточно широко распространенного в разных славянских землях, были дополнены текстами на дни с понедельника по пятницу (и некоторыми другими) в неделях от Пятидесятницы до Поста. Вследствие этого компактно расположенный текст Марка появился в этих книгах в двух местах впереди чтений Поста, после чтения на воскресенье 11-недели по Пятидесятнице (после текста от Матфея, XVIII, 23–35) и после воскресенья 12-й недели Нового лета (после текста от Луки, XVII, 12–19). В соответствии новому распорядку чтений миниатюра с Марком может быть перенесена вперед и помещаться даже перед миниатюрой с Лукой, если она, например, предшествует тексту Марка в цикле от Пятидесятницы до Нового лета. Именно так она расположена в Евангелии Хитрово начала XV века и некоторых полных апракосах XIV века. Кажется, этот порядок был вообще свойствен полным апракосам XIV века.

Как свидетельствуют наиболее древние датированные рукописи, место для этой миниатюры в полных апракосах установилось не сразу. Так, в Мстиславовом евангелии она помещена непосредственно перед чтениями Поста (л. 123 об.), что является еще одним доказательством в пользу положения о происхождении полного апракоса из краткого. В Добриловом евангелии 1164 года миниатюра с Марком по совершенно непонятным причинам (может быть, это связано с разделением работы писцов?) находится

¹³ См. Жуковская Л. П. О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия // Славянское языкознание. Сборник статей. М., 1959. С. 96–97; Она же. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963. С.79.

на л. 159 перед чтением четверга 14-й недели Нового лета (перед текстом от Марка, X, 17 и далее) и после соответствующей среды (Матфей, X, 11–16) и полутора свободных столбцов на л. 158 об. В Симоновском евангелии 1270 года эта миниатюра помещена на л. 93 после чтения на воскресенье 14-й недели по его нумерации (Лука, XVIII, 18–27) и после оставленных свободными семи строк на обороте 92 л. Следующий непосредственно за миниатюрой текст на понедельник 14-й недели (Марк, IX, 42 и далее) не является впервые написанным чтением из Марка даже и для этого цикла чтений.

Таким образом, ясно, что происходила передвижка миниатюры с Марком к началу полного апракоса. Изучение этого вопроса по всем рукописям, имеющим миниатюры, вероятно, позволит пролить свет и на историю становления и развития полного апракоса в Древней Руси. В названной выше искусствоведческой монографии о Симоновском евангелии вопрос о местоположении миниатюры с изображением Марка не рассматривается.

Ту же текстологическую роль могут играть заставки, размещенные перед отрывками из Евангелия Марка в полных апракосах. Например, необычна по своей текстологической значимости большая сине-зеленая тератологическая заставка перед началом чтений из Марка в цикле нового лета в рукописи МГУ 2 Вг 45 на л. 108а (в описании Э. И. Конюховой¹⁴ при перечислении заставок она не упомянута).

Рукописи могут различаться количеством и расположением больших и малых заставок. Тем самым заставки несут большую смысловую, т. е. текстологическую, а не только эстетическую нагрузку. Разумеется, абсолютные размеры «больших» и «малых» заставок в каждой рукописи могут быть индивидуальны. Речь идет лишь об относительных размерах заставок в каждой рукописи. Обычно наблюдателю не составляет труда различить два (иногда и более) типа заставок и выявить те из них, которые в данном манускрипте более значительны. Правда, определяя соотношение

¹⁴ [Конюхова Э. И.]. Славянорусские рукописи XIII–XVII вв. Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского государственного университета (Описание). М., 1964. С. 25.

заставок в рукописи, текстологу и искусствоведу придется иметь в виду палеографию рукописи и границы работы отдельных писцов, так как каждый писец мог оставлять для заставки большую или меньшую часть листа по своему усмотрению (если это не было оговорено заказчиком или руководителем всей работы).

В некоторых случаях роль заставки в манускрипте выполняли заголовки или часть заголовка, которые в таких случаях написаны более крупно (почти как «малые» инициалы в этой же рукописи) и часто с применением красок. Например, именно так оформлено в Милятином евангелии (конец XII века) начало чтений Поста (л. 146 об.), то же в Добриловом евангелии (1164 год) (л. 188 об.).

Еще не во всех деталях ясна история становления на Руси полного апракоса. Требуется уточнения и группировка его списков (еще более важная для дальнейшего изучения древнего рукописного наследия представителями разных наук со своих точек зрения и со своими целями). Узловым участком полного апракоса является граница чтений от Иоанна и Матфея в цикле чтений перед Пятидесятницей и после нее. Это «слабое» место (как и разобранный выше пример с миниатюрой Марка) связано также с дополнением краткого апракоса до полного. Увидеть это помогает табл. 1.

Таблица 1 показывает, что различия между полным и кратким апракосами начинаются после понедельника, чтения которого представлены в каждом из них, но содержание — текст другого евангелиста (Матфея) — меняется уже в понедельник. Это позволяло уже в кратком апракосе размещать заставку, а также и миниатюру с Матфеем как после чтения на понедельник, так и перед ним, в зависимости от того, какая граница представлялась древнерусскому книжнику более важной. Например, в Остромировом евангелии миниатюрой и заставкой после этого понедельника отделены все субботние и воскресные чтения следующего цикла и даже имеется заголовок: «сѣбо(т) и не(д). отъ пѣтикостиѣ до стааго поста» перед текстом от Матфея, V, 42–48. В других рукописях краткого апракоса можно ожидать заставку перед первым чтением от Матфея, т.е. перед понедельником.

Перед первым чтением от Матфея может быть помещена заставка и в полном апракосе. Такого, например, Добрилово евангелие 1164 года, в котором большая заставка находится на л. 41 об.

Таблица 1
Возможные варианты членения текста после пятидесятницы (миниатюрой и заставкой)

День недели	Евангелие	Текст (глава, стих)		День недели	Евангелие	Текст (глава, стих)	
		краткий апракос	полный апракос			краткий апракос	полный апракос
воскресенье: Пятидесятница	от Иоанна	VII, 37–52; VIII, 12		четверг пятница	от Матфея	нет текста — " —	V, 27–52 V, 33–41
Возможен декор, расчленяющий текст							
понедельник	от Матфея	XVIII, 10–20		суббота воскресенье понедельник	от Матфея	от Матфея — " — — " —	V, 42–48 X, 32–53, 37–58; XIX, 27–30 нет текста VI, 31–34; VII, 9–14
Возможен декор, расчленяющий текст							
вторник	от Матфея	нет текста					
среда	— " —	— " —					

перед чтением понедельника (текст: Матфей, XVIII, 10), а перед ней на лицевой стороне того же листа расположена миниатюра с Матфеем. Здесь же было предусмотрено место для заставки в Милятинном евангелии (л. 9а), но оно осталось незаполненным. В Холмском евангелии XIV века роль заставки выполняет особо крупный заголовок (л. 28). В результате поздней вставки чтений на дни со вторника по пятницу появлялась еще возможность разместить заставку (и миниатюру) непосредственно перед чтением субботы, начинавшей новый цикл еще в кратком апракосе. Первое решение вопроса отражено в Мстиславовом евангелии: большая заставка (л. 28) и непосредственно предшествующая ей миниатюра (л. 27 об.) помещены перед чтением вторника (текст: Матфей, IV, 23). Здесь же заставка в рукописи ГПБ, Ф п. I 18 (л. 29г). Совсем примитивную заставочку в этом месте дал писец рукописи ГПБ, Пог., № 13 (25в), а писец Евангелия и Апостола Симеона Гордого заменил заставку строкой заголовка, выполненную малыми инициалами. Здесь же расположена заставка (строка, написанная малыми инициалами) в Луцком евангелии XIV века (л. 43а), хотя в нем, как и в других немногочисленных рукописях, в которых неделя исчисляется начиная с воскресенья, можно было бы ожидать заставку даже перед воскресеньем. Представляет интерес, что в этом месте (т. е. перед воскресеньем с текстом от Матфея, X, 32) заставка находится в Галичском евангелии 1357 года (л. 28; на л. 27 об. в этой рукописи расположена единственная миниатюра, на которой изображены все четыре евангелиста). Эта особенность связана, видимо, с тем, что с л. 28, и притом с новой тетради, начал свою работу второй писец Галичского евангелия, работавший независимо от первого.

В Типографском евангелии, № 7 (XIII век) большой заголовок, заменяющий заставку, расположен еще дальше от начала рукописи: после следующего воскресенья (текст: Матфей, VI, 31, л. 31а). Здесь это не связано ни с границей работы писцов, ни с границей листа или тетради. В Типографском, № 15, XIV век (дата 1399 год ошибочна) вообще весь текст идет подряд без каких бы то ни было границ, кроме обычных маленьких заголовков для каждого чтения. Так же в Друцком евангелии XIV века (из собрания М. Н. Тихомирова в Новосибирске), рукописях ГПБ, Ф п. I 11, Ф п. I 18, Соф.,

№ 8, Пантелеймоновом евангелии XII века из того же Софийского собрания и Пантелеймоновом из БАН.

Приведенные примеры ясно показывают, что заставки четко делят текст на большие по объему составные части и могли бы стать одной из существенных текстологических примет при генеалогической или исторической группировке сохранившихся списков древних манускриптов традиционного содержания.

Наконец, вопрос об инициалах. Прежде всего, нужно совершенно отрешиться от мысли о том, что инициалы выполняли только декоративные функции. Может быть, это отчасти было свойственно греческим рукописям. Вспоминается, например, одно греческое Евангелие из Государственной Публичной библиотеки, его нежные бледно-голубые с бледно-желтым инициалы очень тонкого рисунка, которые в ряде случаев поставлены не в начале чтения (там инициала нет). В славянских рукописях, не только древнерусских, но и южнославянских, аналогий этому нет. Можно было бы эффектно порассуждать, например, о высокохудожественной архитектонике разворота лл. 36 об. и 37 в Мстиславовом евангелии, о великолепной спокойной волнообразной линии снизу вверх, затем вниз и снова вверх на развороте лл. 35 об.–36; или сверху вниз, затем вверх и снова вниз на развороте лл. 42 об.–43. По этим плавным линиям легко и спокойно скользит взгляд, и такой лист способен создать настроение читателю даже в черно-белом воспроизведении листа на несовершенной фотографии; можно было бы начать говорить о спаде настроений писавшего на лл. 32 об.–33 или, наоборот, о подъеме его на лл. 30 об.–31. Можно было бы также сказать, что малое число инициалов и подчас даже их отсутствие в чтениях Страстной недели связано с идеей, заложенной в тексте: предвидение страдания и сами страдания. Но в действительности в наших древних рукописях инициалы выполняют прежде всего функцию букв, начинающих определенное новое чтение. Именно об этом говорят, например, развороты лл. 47 об.–48 или 56 об.–57 в том же Мстиславовом евангелии, а не о том, что его писцу здесь изменил художественный вкус. Эстетическая роль инициалов была вторичной.

Итак, древнерусские писцы употребляли большие инициалы всегда в начале чтения, а средние и малые иногда в середине при

переходе к принципиально иному отрывку текста, относящемуся к тому же самому чтению на тот же день, что и предыдущий отрывок. Поэтому, например, в прекрасно иллюстрированном Мстиславовом евангелии, об удачной архитектонике листов которого шла речь выше, на лл. 135 об.–136 находится всего один инициал, и притом почти в самом низу его, а на следующем развороте вообще нет ни одного инициала.

Для текстологии эта роль инициалов в качестве показателей начала чтений не так уж важна, поскольку она дублируется заголовками и иногда словесными указаниями «нач.», «кон.» (последнее относится к тетрам). Однако укажем на весьма выразительный пример рукописи из Научной библиотеки МГУ, № 2. Ag 80: ее деление на четыре части по характеру инициалов соответствует границам циклов чтений Евангелия апостолов (см. табл. 2 на с. 344–347). Так, еще раз убеждаемся, что текстологические критерии весьма полезны и для искусствоведческого анализа древних рукописей.

В заключение остановимся на крупном, с нашей точки зрения, недостатке искусствоведческих исследований: невнимании к типичному в художественных украшениях древних рукописей.

О внимании искусствоведов к раритетам за счет типичного свидетельствовал уже отбор материалов в известном альбоме В. В. Стасова¹⁵. Например, орнаменту Галичского евангелия 1357 года В. В. Стасов уделил немало внимания: кроме заставки он привел еще 14 инициалов, однако они представляют преимущественно примеры единичные. Так, из всей второй половины манускрипта, написанной особым писцом — лл. 116–177, Стасов привел только один инициал; из 61 инициала типа «византийская ветка» (43 случая для «В» и 18 для «Р») приведены два (№ 23 и 32 в альбоме). Из наиболее типичных 60 инициалов с мачтами, выполненными как «плетение косой», не приведено ни одного примера (в рукописи: «В» — 2б, 3а, 5а, 12б, 14а, 17г, 21в, 23в, 34а, 35б, 36б, 38б, 38в, 41б, 46г, 50а, 50в, 51г, 57а, 59а, 60б, 60в, 66в, 66г, 67в, 70г, 72а, 76а, 80а, 83в, 93а, 94в, 37в, 100б, 100в, 112г; «Р» — 7а, 21а, 26а, 28б, 30в, 31г, 37а, 43б, 46б, 52г, 53в, 62а, 63в, 69а, 73в, 78в, 89а,

¹⁵ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1884.

30б; 101г, 102в, 114а, 114г и, кроме того, 95а — без ветки). Зато единичные примеры с человеческим лицом в петле инициала (85а) и львиной (?) мордой (49а), а также инициал «Р», поддерживаемый рукою (42а), в альбоме приведены¹⁶.

Невнимание искусствоведов XIX века к типичному распространилось и на наше время. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять любую работу, в которой в той или иной степени рассматриваются инициалы древнерусских рукописей. Массовый материал не систематизируется и, как кажется, вообще продолжает проходить мимо глаз исследователей древнерусского орнамента. Так, если бы типичное в инициалах Евангелия МГУ (№ 2, Ag 80) заинтересовало Г. И. Вздорнова, он не мог бы не обратить внимания на своеобразие инициалов в разных частях этой рукописи (см. описание особенностей инициалов и их размещения в 3-м столбце, табл. 2, с. 346). Это позволило бы даже без анализа начертаний букв (что, естественно, не входит в обязанности искусствоведа) увидеть различие рисунка надстрочных знаков в этих частях рукописи, а следовательно, и писцов (может быть, некоторых писцов-художников). Тогда закономерно встал бы вопрос о том, кто же рисовал инициалы; иными словами: находился ли при каждом писце особый рисовальщик или же писцы сами рисовали инициалы. За этим тянется еще вереница вопросов, аналогичных тем, которые были объектом внимания Г. И. Вздорнова в его многотомной диссертации «Рукописные книги Северо-Восточной Руси XII — начала XV века как памятники искусства» (в ней выявлено около 300 рукописей названного периода и территории, из них 121 исследована и вошла в каталог, являющийся очень ценным приложением к диссертации).

Представляется не только недостаточным, но и принципиально неверным характеризовать художественные особенности рукописи в целом, если части оформлены разными мастерами, и это ясно исследователю. В названной диссертации содержится утверждение общего характера относительно всей рукописи: «Типологические инициалы Университетского Евангелия более разнообразны, чем инициалы Апостола (1220 года. — Л. Ж.) и новее

¹⁶ Стасов В. В. Указ. соч. №№ 20, 19, 27 на табл. 87.

последних. В Апостоле очень много старовизантийских инициалов; в Евангелии они встречаются реже, их нет у рисовальщиков III и IV частей, но много у рисовальщика второй части, причем у него они особенно примитивны по мастерству, зато количество плетеных и в особенности растительных мотивов резко возросло»¹⁷. Естественно встает вопрос, возросло ли бы количество растительных мотивов в орнаменте рукописи, если бы работа по написанию Университетского Евангелия полностью была осуществлена писцами (рисовальщиками?) первой и второй частей рукописи? Ответ может быть только отрицательным. Но в этом гипотетическом случае рукопись, видимо, надо было бы датировать как предшественницу Апостола 1220 года!

В связи со всем этим возникает вопрос об оригиналах, послуживших для написания разных частей этого Евангелия: вполне допустимо, что для разных частей был использован свой оригинал, но мы склоняемся к предварительной рабочей гипотезе, что для создания третьей и четвертой частей рукописи послужил один оригинал. Решение этого вопроса опять-таки невозможно без текстологического анализа этого списка полного апракоса в сопоставлении с другими ближайшими родственными списками этого памятника письменности.

Так мы еще раз подошли к заключению, что текстологический анализ должен быть поставлен и на службу искусствоведческим исследованиям древних и средневековых рукописей.

Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние»)*

Понятие о так называемом втором южнославянском влиянии на русскую письменность связано в славистике с мнением авторитетного ученого академика А. И. Соболевского. Около ста лет назад он написал: «Ясно, что между половиною XIV и половиною XV веков русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и, в конце концов, подчинилась этому влиянию. Это произошло благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном»¹. Мысль эта была высказана в период, когда мировая наука еще не имела фундаментальных пособий по филиграням, вышедшим в свет в конце XIX в. — трехтомный труд Н. П. Лихачева в России и в начале XX в. — четырехтомный труд Шарля Брике в Западной Европе (см. ниже). Опубликованные ранее первые филигранологические справочники, доступные А. И. Соболевскому², взятые вместе, со-

* Впервые опубликовано: Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 144–176.

¹ Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894. С. 8.

² Лантев И. П. Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи. СПб., 1824 (всего 170 водяных знаков); Тромонин К. Я. Знаки писчей бумаги. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844 (опубликовано 1827 вариантов филиграней).

¹⁷ Вздорнов Г. И. Указ. соч. С. 106.

держали менее 2000 изображений водяных знаков. Этого, разумеется, было недостаточно для точной датировки рукописей по филиграням в годы, когда возникла мысль о средневековом влиянии и когда А. И. Соболевский ее четко сформулировал.

Ниже остановимся на этом по данным записей писцов и вкладным. А. И. Соболевский указал такие нововведения в графике и орфографии, которые он ошибочно датировал временем с половины XIV по половину XV в.: отсутствие **к**, всеобщее употребление диграфа **оу** или **ѡ** (т. е. и после согласных, где уже более века писали только монограф **у**), наличие ижицы, употребление **ѣ** и **ѝ** с головкой, повернутой вправо, «зияние» (**своа, добраа, спасенїа** и подобные написания), **ъ** вместо **ь** в конце слов (позиции после тех или иных согласных А. И. Соболевский не расчленил, хотя это крайне важно; см. ниже), «написания вроде **врѣхъ, трѣгъ**»³.

Мнение об ошибочности датировки А. И. Соболевского и, следовательно, самой причины тех явлений, которые он называл, доказывалось уже нами в разных докладах в СССР и за рубежом и опубликовано в трех статьях⁴. Но все же приходится снова к этому вернуться.

Точка зрения А. И. Соболевского господствует в нашей науке до самого последнего времени. Причем изложение ее можно прочесть не только в разного рода компилятивных учебных пособиях для студентов филологических факультетов, где она иногда чуть

³ Соболевский А.И. Указ. соч. С. 5.

⁴ См.: Жуковская Л.П. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисы по спискам 1232–1632 гг.) // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 277–287; Она же. О южнославянском влиянии XIV–XV вв.: На материале проложного Жития Евгении // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 26–59. Сборник представляет собой «коллективный труд советских и болгарских авторов», выполненный «по плану научного сотрудничества между Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом болгарского языка Болгарской Академии наук» (цитата из статьи «От редактора», т. е. Е. И. Деминой, в названном сборнике). Этим и объясняется заголовок статьи, не отражающий нашего негативного решения поставленного в заголовке вопроса; Она же. О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Referate des I. Salzburgen Slawistengesprächs "Probleme der Bulgaristik". Wien, 1982. Т. 2. S. 131–144.

подправлена авторами этих пособий, естественно, без какой-либо аргументации материалом реально сохранившихся рукописных источников, но и в статьях исследовательского характера. Так, два советских автора недавно писали уже без ссылок на А. И. Соболевского: «Д а в н о и з в е с т н о, что древнерусская письменность в конце XIV в. испытывает влияние со стороны южнославянской письменной культуры и усваивает новые для русского языка г р а ф и к о - о р ф о г р а ф и ч е с к и е н о р м ы»⁵. Мы же показывали на реально сохранившемся материале и тем самым доказывали, что явления, которые по традиции принято называть «вторым южнославянским влиянием» на русскую письменность, в действительности не связаны с каким-либо воздействием южнославянских (болгарских и / или сербских) особенностей письма, поскольку появились, по крайней мере, на целый век позднее, когда сами южные славяне почти целое столетие находились под османским игмом, и должно было смениться несколько поколений книжников после тех, которые могли бы эмигрировать на Русь со своими книгами после завоевания Балкан турками.

Новые особенности русской письменной культуры, в том числе «графико-орфографические нормы», которые называют О. А. Князевская и Е. В. Чешко, складывались веком позднее, т. е. во 2-й половине не XIV, а XV в. и захватывали XVI век, а не завершались в 1-й половине XV, как полагал А. И. Соболевский. Следовательно, причины их были другими.

Так, уже в первой опубликованной в 1982 г. статье не умогнательно, а на материале, констатировалось, что даже «в первой трети XV в. русские рукописи переписывались с оригиналов русских редакций без какого бы то ни было южнославянского влияния на их орфографию»⁶, что «время распространения в русской письменности орфографических особенностей, сходных с орфографией южнославянских рукописей, определяется примерно на век позже, чем это принято в нашей литературе вопроса. Следовательно, ни

⁵ Князевская О.А., Чешко Е.В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической нормы Ефимия Тырновского // Ученици и последователи на Евтимий Тырновски. София, 1980. С. 291 (Разрядка наша. — Л. Ж.).

⁶ Жуковская Л.П. К вопросу о южнославянском влиянии... С. 50.

с завоеванием Балкан турками, ни с деятельностью Киприана это явление не может быть связано»⁷, что лишь в конце XV в. русские писцы «в центральных скрипториях перестают стремиться приспособить письмо к своему живому произношению, как это было в Древней Руси, но, наоборот, по крайней мере с XVI в., озабочены идеей общеславянского православного единства, во главе которого должна была оказаться “Москва — третий Рим”»⁸. В другой работе говорилось: «В текстах русского происхождения — как в случае с Словом о проявлении крещения русской земли по рукописи 1481 г. — некоторые отголоски южнославянских навыков в правописании и графике имели место преимущественно во второй половине XV в. В XVI в. они стали уже угасать. В тот же период, какой называл А. И. Соболевский, ни о каком южнославянском влиянии на русскую письменность говорить невозможно»⁹.

Годом позже аналогичное заключение сделал авторитетный американский славист Д. Ворт. В опубликованном в СССР на русском языке собственном резюме доклада, который Д. Ворт готовил для IX Международного съезда славистов, Д. Ворт писал: «При изучении т. н. “второго южнославянского влияния” следует различать явления, с одной стороны, стилистического (риторического) порядка, а с другой, чисто лингвистического; первые имеют значения, преимущественно, для развития языка художественной литературы... восходят не к болгарским или сербским источникам, а представляют собой скорее возобновление и интенсификацию риторических приемов древнерусской (киевской) поры. Подобным образом обстоит дело и с чисто лингвистическими явлениями исследуемого периода... Сам термин “второе южнославянское влияние” оказывается неправильным: лингвокультурные явления данного периода в истории русского литературного языка следует считать по происхождению не столько иноязычными (южнославянскими), сколько автохтонными (архаизирующими или псевдо-классическими)»¹⁰.

⁷ Жуковская Л. П. К вопросу о южнославянском влиянии... С. 50.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Жуковская Л. П. О втором южнославянском влиянии... С. 144.

¹⁰ Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов / Киев, сентябрь 1983. М., 1983. С. 222–223.

За прошедшие четыре года после публикации наших статей и три года после совершенно однозначных выводов Д. Ворта не появилось конкретных следов и, которые опровергали бы изложенные в них материалы и заключения по ним. Несмотря на это, наша высшая школа продолжает твердить о «втором южнославянском влиянии», на практических занятиях студенты продолжают выискивать старославянизмы в современном русском языке и повторять давно опровергнутые зады научных заключений. Последние же в силу специфики самого состояния науки конца XIX в. (отсутствие филологических пособий, позволяющих довольно точно датировать средневековые рукописи, написанные на бумаге) не могли быть хронологически точными.

Это заставляет нас снова обратиться к названной теме, что и делается ниже по материалам датированных записей на рукописных книгах — преимущественно на списках Пролога.

Однако прежде чем представить обзор дошедших до нас фактов, кратко напомним страницы истории и исторической географии, которые обычно остаются вне поля зрения историков восточнославянских языков, хотя исторические события и границы крайне важны не только для понимания явлений, ошибочно квалифицируемых как «второе южнославянское влияние», но и для становления и развития самих восточнославянских языков.

Феодальное дробление обширного и могучего Древнерусского государства началось после смерти Мстислава Великого в 1132 г. Междоусобицы князей и все более усиливавшаяся феодальная раздробленность привели к тому, что Русь стала объектом агрессии соседей как с Востока, так и с Запада. Постепенно страна потеряла большую часть своей территории и оказалась стиснутой между татарами и литовцами.

Агрессия с Востока сделала ее данником Золотой орды. Но монголо-татарское иго не приводило к утрате единым древнерусским народом своего языка и своей духовной культуры. Языком государственным и конфессиональным оставался родной восточнославянский язык, живший по собственным законам. Письменная культура продолжала существовать и совершенствоваться без существенных помех со стороны ордынцев, хотя, как свидетельствуют памятники письменности, требования насильственного отказа

от христианской культуры были (вспомним, например, трагическую гибель в Орде Черниговского князя Михаила и его боярина Федора).

На Западе все было сложнее. Ослабление восточнославянского по языку, единого Древнерусского государства привело к отторжению его западных земель. Так, к концу XIV в. Великое княжество Литовское распространилось далеко на восток и захватило даже Курск. В 1404 г. на 110 лет был отторгнут Смоленск, захвачено все верховье Днепра к северо-востоку от Смоленска. После этого весь бассейн Днепра, в том числе Сейм и Псел, отошли к Литве. В вассальной зависимости оказались также «верховские княжества», расположенные в верховьях Оки вплоть до Калуги: владения князей Новосильских, Одоевских, Воротынских, Перемышльских, Белевских... Но в 1413 г. само Великое княжество Литовское попадает в зависимость от Польши.

В начале XI в. восточная граница последней проходила в основном по 22 меридиану восточной долготы, лишь самый восточный выступ доходил до Западного Буга ниже впадения в него Припяти (зато на западе граница со Священной Римской империей проходила по Одре, т. е. Одере, Эльбе и далее по меридиональным притокам последней на юг от Магдебурга). Но к 1370 г. под нажимом тевтонского ордена обе польские границы переместились на восток. Если на западе пришлось отступить, то на востоке были захвачены у восточных славян не только Галицкое и Владимиро-Волынское княжества, но и Левобережье Днестра, Подолия, верхнее течение Южного Буга; в западном Поднестровье граница отторгнутых Речью Посполитой от Древней Руси земель стала проходить даже по 29 меридиану (т. е. передвинулась на семь градусов).

На западе специфика развития языка и культуры выразилась в том, что в княжествах Руси, искони населенных племенами, говорящими на древнерусском языке, общем для всех восточнославянских по своим языковым особенностям племен, захватчиками оказались христианские государства: Великое княжество Литовское и Речь Посполитая. К тому же, что немаловажно, в пределах последней языком государства и господствующего класса ока-

злся родственный славянский язык — польский. Этот язык без особого труда мог усваиваться древнерусскими феодалами и, как язык политический и приоритетный, мог входить какими-то своими элементами (прежде всего, разумеется, лексикой и словообразованием) в язык бюрократической письменности и даже в бытовой разговорный язык всех социальных групп.

Сдерживающим началом в этом отношении служила лишь традиционная богослужебная, богословская и так называемая учительная литература. Она была связана с византийским православием и собственной славянской кириллической письменностью, а не с католичеством, проводившим всю конфессиональную деятельность на латинском языке, который был одинаково чужд как восточным славянам, так и польским завоевателям.

Как это становится ясным, выпадение западных древнерусских княжеств из общего восточнославянского руслу языкового и культурного развития привело к обособлению западных и юго-западных диалектов восточных славян и к образованию в дальнейшем отдельных украинского и белорусского языков.

Что касается северо-восточных диалектов Древней Руси, носители которых жили в пределах Владимиро-Суздальского, Тверского, Новгородского и Рязанского княжеств, то они сохраняли свою самобытность и в период монголо-татарского ига.

Ситуация стала изменяться относительно существенно только во 2-й половине XV в. при внуке Дмитрия Донского Василии II (Василий Васильевич Темный; 1415–1462; великий князь с 1425 г.; назван Темным после того, как в 1446 г. во время междоусобных феодальных войн был ослеплен другим внуком героя Куликовской битвы Дмитрия Донского — Галицким князем Дмитрием Шемякой). Василий Темный в основном покончил с внутренним процессом феодального дробления Руси, а вместе с тем положил предел захватническим устремлениям соседних государственных образований. При нем были ликвидированы княжеские уделы внутри Московского княжества: Галицкий, Можайский, Серпуховской. В Пскове появился московский наместник, в вассальную зависимость попало Рязанское княжество. В 1456 г. Яжелбицкий мир ограничил самостоятельность Великого Новгорода. Все это

удалось осуществить Василию Темному потому, что интересы обороны восточных славян от нашествия монголо-татар, турок (складывавшейся в XV в. Османской империи) и западных агрессоров требовали объединения разрозненных в предшествующие века русских княжеств. В этой деятельности Василию II Темному содействовала московская церковь, стремившаяся к большей самостоятельности. В частности, это был митрополит Иона (1431–1461) — первый избранный без утверждения его константинопольским патриархом, первый после Киевского митрополита Илариона (1051–1052), назначенного Ярославом Мудрым. Добиваться этой самостоятельности было тем легче, что Флорентийская уния 1439 г. объединила греческую православную церковь агонизирующей Византии с римско-католической. Это объединение не могло быть поддержано общественным мнением на Руси, испытывавшей многолетнюю (а для славянства, если учесть времена Кирилла и Мефодия, то многовековую) постоянную агрессию со стороны латиноязычной католической церкви и католических государств Запада. В результате ряда мероприятий русская церковь в 1448 г. получила автокефалию, т. е. независимость от Константинопольского патриарха. Когда в 1453 г. Константинополь был захвачен и разграблен турками, а к 1461 г. была оккупирована остальная часть Византийской империи, окончательно созревает почва для появления идеи «Москва — Третий Рим», поскольку к этому времени северо-восточная Русь осталась вообще единственной православной страной, обладающей политической и государственной независимостью (вспомним, что самостоятельность славяноязычных стран на Балканах перестала существовать еще в конце XIV в., когда в 1389 г. сербы понесли тяжелейшее поражение в битве с турками на Косовом поле, а в 1393 г. пала столица болгар Тырново). Москва наследница Рима и Константинополя, Москва — спасительница духовного (т. е. для того времени — только христианского) мира славян, причем славян, имеющих свой алфавит, свою письменность, богослужение на своем языке, а не полулатынян католиков. Вот здесь-то и возникает идея преемственности наследия письменного, в том числе даже в его графико-орфографическом аспекте. В письмен-

ности появляются грецизированные начертания α , ϵ , восстанавливается диграф *ou*, который был изгнан из употребления после букв согласных еще в XIV в., когда он последовательно был заменен в этой позиции монографом *у*.

Еще более, чем княжение Василия II Темного, для нашей темы важно вспомнить эпоху его старшего сына Ивана III (1440–1505; великий князь с 1462 г.; супруг племянницы последнего византийского императора Зои-Софьи Палеолог с 1472 г.).

В успешной борьбе Ивана III с восточной агрессией очень важным событием было так называемое «стояние на Угре» в 1480 г., когда ордынские войска прекратили наступление и, не начав сражения, отошли и больше никогда не наступали.

На Западе противостояние агрессии привело к присоединению к Московскому великому княжеству в 1478 г. Великого Новгорода с его восточными землями и к успешной войне 1495–1496 г. со Швецией за возвращение старых владений Великого Новгорода. Иван III продолжал ликвидацию феодальной раздробленности, с которой, как мы видели, успешно боролся его отец Василий II Темный. В 1485 г. было присоединено Тверское княжество, в 1489 г. — Вятская земля. После успешной войны 1487–1494 г. с Великим княжеством Литовским к Москве присоединились «верховские княжества» (см. выше). В 1503 г. по завещанию рязанского князя Федора Васильевича большая часть Рязанского княжества была также присоединена к Московскому.

Ко времени княжения Ивана III относится оформление полного титула «великого князя всея Руси», которого в иностранных документах и некоторых литературных памятниках именовали уже царем. Ф. Энгельс констатировал, что «... в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III»¹¹.

В историческом труде «Секретная дипломатия XVIII в.» Маркс писал об эпохе Ивана III: «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стисну-

¹¹ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 416.

той между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвиты»¹².

Почва для объединения всех русских земель была подготовлена Василием II Темным. Иван III успешно продолжал это. Сын его и Софьи Палеолог Василий III Иванович (1479–1533; великий князь московский с 1505 г.) завершил объединение русских земель вокруг Москвы. Так, в 1510 г. без военных действий был присоединен Псков, затем Рязанское и Новгород-Северское княжества, Волоцкий удел. В 1514 г. был отвоеван у Литвы Смоленск. Даже на казанский стол Василий III смог посадить своего ставленника. При Василии III расширились международные связи страны.

Все эти успехи породили у Московского государства уверенность в своей руководящей роли как по отношению к украинскому и белорусскому народам, так и по отношению к другим православным славянским народам и Валахии.

Как уже говорилось, теория «Москва — третий Рим» начала складываться в середине XV в. В начале XVI в. она была уже окончательно сформулирована в посланиях псковского монаха Филофея к Василию III: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Как увидим ниже, именно между 2-й половиной XV в. и серединой XVI в. в русском правописании и графике проявились архаизирующие и грещизирующие тенденции, которые будут документированы ниже на датированном материале записей высокограмотных писцов, но писавших в данном случае свой более или менее оригинальный текст, а не переписывавших старые оригиналы памятников относительно устойчивого содержания.

Для нашей темы напомним еще имя митрополита Макария (1482–1563; митрополит с 1542 г.), который завершил объединительные государственные тенденции объединением конфессиональным, когда в 1542 г. и 1549 г. на церковных соборах провел ка-

¹² *Маркс К.* Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по кн.: БСЭ. 2-е изд. Т. 17. М., 1952. С. 266.

нонизацию новых «святых». Это не только поднимало внутренний и международный престиж русской церкви, но и способствовало уничтожению местных культов.

Макарием были составлены Минеи-Четьи, огромный рукописный сборник из 12 томов с текстами на каждый день года, начиная с 1 сентября. В них были объединены патристика и оригинальная литература, вплоть до статей из Летописи, причем произведения систематизированы для каждодневного чтения согласно тем или иным памятным датам; иногда в них представлены идущие подряд даже разные редакции одного произведения.

Макарий способствовал открытию первой русской типографии («Апостол» был начат Иваном Федоровым 19 апреля 1563 г.).

Существенно отметить, что явления в графике и орфографии, которые по традиции все еще неверно относят ко «второму южнославянскому влиянию», с середины XVI в. и во всяком случае во 2-й половине этого столетия изгоняются, и начинает складываться новая орфография, изучение которой представляет самостоятельную проблему и выходит за границы рассматриваемых нами в данной статье вопросов. Впрочем для лингвистов, не работающих самостоятельно над рукописными источниками, в конце этой статьи приводим материалы и некоторые наши наблюдения, относящиеся к новой орфографии.

Для того, чтобы точнее выявить время, когда в самостоятельном русском письме, преимущественно книжном полууставном, разрушаются четкие древнерусские орфографические нормы XIII–XIV вв. и появляются указанные А. И. Соболевским новые написания, ниже используются записи писцов и некоторые вкладные. Привлекаются записи, в которых содержатся даты написания рукописной книги, выполненные с а м м п и с ц о м ее. Что касается вкладных, то их принадлежность руке самого писца не обязательна, важна лишь дата вклада, указанная во вкладной записи. Используются записи на книгах Пролога, которых за последние годы нам удалось просмотреть свыше 600 списков. Рукописи осенне-зимней половины, осенней и зимней четвертой, а также годовые, содержащие осенние и зимние чтения, указаны с минимальной археографической характеристикой в нашем докладе на

күз^смодемьганѣ (о названии улицы), и даже часто употреблявшееся слово крѣтъяне в значении 'христиане' (отметим попутно, что по-древнерусски это слово постоянно писали через к-, производя его от слова крѣстъ, крѣщеник, а не Христость, как станет впоследствии, что можно видеть и в приводимых ниже материалах). Слова «высокой сферы», в которых писали букву и, передаем по алфавиту: архикппа и др. формы, бѣи, бѣиухъ, Василик (имя великого князя!), дмитриа, дмитриквичѣ, доброразумникъ, коуфимик, здравик (ср. выше здоровык), млтню, ѿпущеник, повелѣникъ, пособик, сна, строкникъ.

Отметим также икрѣга с начальным и, а не ї.

Нет в приведенных материалах ни одного написания ѡ после букв согласных, которыми станут пестрить некоторые поздние записи. После буквы гласного отмечено всего лишь одно написание ѡ в имени собственном лѣвнидъ Тип-163, что вполне закономерно для этого слова и характерно для древнейших рукописей. Написание предлога-приставки ѿ через ѡ — известная древнерусская закономерность. Аорист в 3 л. мн. числа пишется последовательно с окончанием -ша (не -шѧ, как станет позднее): быша Тип-163, Тип-172, Син-240.

Приведенные факты не характеризуют язык рукописей, но лишь графико-орфографические закономерности их. Далее для тех же рукописей укажем явления языка. Во всех записях представлены крайне выразительные восточнославянизмы. Начальное ро-: робѣга Тип-163; полногласие в именах собственных и бытовых словах: новгородскаго Тип-163; городьньскомъ, здо|ровѣа, городъ Тип-172; новгородстѣмъ, болозѣ (но: здравык) Син-240; (здравик Син-839); природѣ, новагорода, новгородѣмъ ФолП-48; написание е перед плавным между согласными на месте этимологического *ь: чернѣци Син-839; деепричастия на ч- вместо причастий на щ: исправливающе Тип-172, исправляючи Син-240, испральвающе Син-839; а чи Син-839 при аще Тип-163; диалектная черта цоканье: концаны, исправливающе Тип-172; аканье: тотари, масквѣ Тип-172 (слово манастырь с а в первом слогѣ сюда не относится, написание мана... было древнерусской орфографической нормой); в род. падеже ед. числа прилагательных муж. и ср. рода

встретились написания: грубого Син-240, веливо, оубовъ ФолП-48; местоимение в дат. совѣ Син-839. Приведем также отклонения от этимологических написаний гласных переднего ряда, хотя они из-за их единичности недостаточны для характеристики вокализма какой-либо записи: всихъ, чтете — повелит. накл. Син-240; при старосте, при попе, где Тип-172.

Для того, чтобы в дальнейшем вопросы, по традиции неверно связываемые со вторым южнославянским влиянием, рассматривать исключительно в плане графико-орфографическом, остановимся на одном важном явлении, отраженном в написаниях рассматриваемых ниже записей. В нем, наоборот, до сих пор видели графико-орфографическую мотивацию, тогда как его, на наш взгляд, следует квалифицировать лингвистически.

Это неэтимологическое употребление буквы ѡ вместо ѣ: его принято причислять к фактам южнославянского влияния. Так, в статье с тонкими наблюдениями над графическими вариантами начертаний букв в скорописи Р. В. Бахтурина, не рассмотрев фонетические позиции «неправильного» употребления букв ѣ и ѡ, рекомендует: «От случаев совпадения графических вариантов должно быть отграничено неправильное употребление букв ѣ и ѡ в рукописях XV–XVII вв., распространившееся в связи со вторым южнославянским влиянием. Как известно, следуя искусственной орфографии, в некоторых из русских рукописей употребляли только букву ѡ, в других — лишь букву ѣ. О таком бесспорно неправильном употреблении букв ѣ и ѡ известно из рукописей, написанных уставом и полууставом. Можно считать, что употребление буквы ѡ на месте ѣ в русских рукописях является до известной степени следствием этого влияния, буква ѡ приобретает здесь значение нейтрального знака конца слова»¹⁴. Каких-либо рукописей, написанных уставом и полууставом, с «искусственной орфографией» автор статьи не указывает, фонетические позиции не рассматривает.

¹⁴ Бахтурина Р. В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 56.

Осторожнее и строже поступает И. С. Филиппова, когда пишет, что в московских рукописях XVII в. «из 33 почерков только в 5 находим случаи немотивированного употребления букв **ь** и **ѣ** — всего 18 случаев (напомним, что мотивированных отмечено более 1000). Так, в шести примерах после **г**, **к**, **х** встретилось употребление буквы **ь**: в **тѣхъ**, **нхъ**, **бб**; **бѣ** 28б; **какъ**, **на срокъ**, **нхъ** 31б... Отмечено два написания с **ь** после **в** в суффиксе **-ев**: **Фаданасевъ** 32б, **Юрьевъ** 31б»¹⁵.

И. С. Филиппова близка к тому, чтобы объяснить это явление фонетически: «Задненёбные **з**, **к**, **х** в любой морфеме на конце слов, **в** в суффиксе **-ев** были исконно твердыми и сохраняли твердость во все периоды развития русского языка. Поэтому, возможно, и могли появиться на письме случаи употребления после соответствующих букв **ь** вместо **ѣ**. <...> Допустимо также, что некоторые случаи мены букв **ѣ** и **ь**, не находящие объяснения с точки зрения известных в настоящее время языковых процессов, являются описками»¹⁶. Как видим, никакого иноязычного влияния И. С. Филиппова здесь не находит.

Это же правописание представлено и в мусин-пушкинском списке «Слова о полку Игореве» (П-1800). «Буква **ь** вместо **ѣ** после **м** не в дательном падеже множественного числа: **умь** 2, 3, 19..., после **в**: **соколовь** 1, **велесовь** 4, **ярославь** 12, **святъславь** 17, 18, **бесщитовь** 20..., после **з** **к** (после **х** примеров нет): **святоплъкъ** 12, **женчугъ** 18... Приведенные написания на **-мь**, **-вь**, **-къ**, **-зъ** находят параллели в рукописи Пролога 1479 г.»¹⁷. В Хутынском прологе 1479 г. это: **слышавь** яко 14, **симовь** 53, **вставь** 70, **хвъ** 97; **в римь**; **из варягъ** 19, 55; **из грекъ** 20, **волокъ** 22, **въстокъ** 52, **великъ** 76; **верхъ** 21... «Наиболее интересны в Хут. вообще и для сопоставления с орфографией П-1800 написания *из варягъ*, *изь грекъ*, *волокъ*, *въстокъ*, *великъ*, *верхъ*.

¹⁵ Филиппова И. С. Об употреблении букв **ѣ** и **ь** в московских рукописях XVII века. // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 135.

¹⁶ Там же. С. 136.

¹⁷ Жуковская Л. П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 92–93.

Эти написания связаны с тем, что заднеязычные согласные **к**, **з**, **х** еще в недавнее время были непарными по твердости–мягкости..., так как в позиции перед гласными переднего ряда они еще в праславянскую эпоху изменились в **ч**, **ж**, **ш**, перед гласными заднего ряда всегда были твердыми, а перед **ы** (**кы**, **гы**, **хы**) лишь в XIV в. стали смягчаться (появляются написания **ки**, **ги**, **хи**) и в XV в., возможно, были еще полумягкими»¹⁸.

В записях на списках Пролога буква **ь** вместо этимологического (и ожидаемого) **ѣ** встречается нечасто. Но если написан такой **ь**, то исключительно в позиции после заднеязычных и губных. В иных позициях **ь** вместо **ѣ** нами пока не отмечен. Ввиду его вариативности, но важности (в частности и в целях обнаружения дополнительных данных для датировки мусин-пушкинского списка «Слова о полку Игореве», о чем кратко сказано выше), наблюдения эти надо бы продолжить всем, изучающим дошедшее средневековое русское рукописное наследие в древлехранилищах (не по изданиям!).

Имеющийся пока у нас материал таков: Фол-311, 1481 г., Пролог написан в Коломне: **къ | наза, московскихъ**; Ег-180, 1506 г. писец Пименец из Конев(ецкого) монастыря пишет **сѣхъ**, кроме того в словах **грѣховъ** и **въ слѣшаніи ѣ** написан по исправленному **ь**, что хорошо просматривается в рукописи; Ег-214, 1518 г., Пролог написан на западе Руси Антонием епископом Перемышльским и Самборским: **вѣдана**, [вѣ] лѣ.

Но рассмотрим несколько записей 2-й пол. XV в. и начала XVI в. Запись на рукописи из собрания Ленинградского отделения Института истории АН СССР относится к 1474 г. Ее писец Спирия уже вполне усвоил, что следует по моде его времени писать диграф **оу**, но писать после гласных **а** у него, как говорится, еще «рука не поднимается», нет у него и зияния. Но он понимает, что ввести архаичные написания — неплохо и пишет даже йотированный юс малый в слове **кнѣзѣи**. Букву «зело» он пишет по-новомодному, т. е. как латинское с головкой повернутой вправо. Он употребляет еще широкое **є** на своем месте. Запись можно охарактеризовать

¹⁸ Там же. С. 100, 101.

в целом как написанную по переходным нормам орфографии: уже не древнерусской, но еще и не совсем новой, нарочито архаизированной.

ЛИРК-126 (ЛОИИ, Колл. рукописных книг. ф. 115, N 126) 194вг; 1474 г.

ѡ ѡци и снѣ и стѣмъ | дѣѣ црѣтвоующю | гоу нашему ісоу | хоу. всею вселеною | ннѣ и присно | Зачало и конецъ тро|стнию и чернилѡ кнѣ | ги сега. ноудалюща | еже ко спнью наше | моу. лѣ. ѡ. ѡ. п. ѡ. (6982 – 5508 = 1474 г.) | при державѣ блго | вѣрнаго великаго | князѣ ивана васі | льевн и блговѣрна | го великаго князѣ | ивана ивановн. и бл | вѣрны князѣн анѣ | дрѣга вориса вндрѣ | га. во вбнтѣли стѣго | [а тронца: аг переделано из ы; буква а и слово тронца в начале строки зачеркнуты] великаго | архитратнга [Так! — Л. Ж.] миѣа | на. при паствѣ | хѣа стада словесны | хвещь. гна ѡца на | шего попа алексѣа | мѣа. мапа. кѣ. на | памѣ прѣбна ѡца | нашего симишна сто | пльна [Так! — Л. Ж.] чюдтворца и | [Далее на л. 390] на дивнѣ горѣ. ру | кою перваго во грѣ | шнѣцѣ доурного | глоупого спри. | ѡци и стѣни и братаѣа. зраще во кнн | зе сеи погрѣшеніе | или недооумѣніе | или неоудобрѣніе | ходѡства. прѣхо | даще книгѣ сню | га ради не порецѣ | те тѣлгости на дшю | мою. но помани | те ма в мѣтѣа | ваши к воу. да и | збавит ма жѡу | щн ма моукѣ. | гѣ со всими вами | и мѣтъ ѣ с дѣмъ | вашимъ амінъ.

В 1481 г. писал Семен Спасский из Коломны. Это опытный книжник, знающий способы тайнописи и гордящийся этим, пишущий название своего города через омегу, но в то же время употребивший деепричастие *прочитаючи* и отразивший свое акающее произношение в написании *акончена*. Он все еще употребляет «зело» древнерусское: с головкой, повернутой влево, пишет *манастырѣ*, но в орфографии он уже новатор: пишет только *оу* или *ѡ*, перед буквой гласного постоянно *ї*, буква *ѣ* у него только в привычном написанном тайнописью слове *дыаконѣ* — *цѣагопѣ*, обычно же зияние (*сіа*, *братѣа* и др.) или *ѣ* — *всѣа*.

Фол-311, 290вг; 1481 г.

В лѣ. ѡ. ѡ. п. ѡ. (6989 – 5508 = 1481 г.) написана бы | си книга прилогѣ. въ | грѣ кѣломнѣ кѣ стѡмѣ | спѣоу на посадѣ конецъ мо |

стоу пѣницького мана | стырь бѣгомль а велика | кнѣа архимандритомъ | инокентіемъ. а писа | сщѣнноерен фѣѡтѣ въ | скрнѣскыи. и многогрѣ | шны и рабѣ вѣжнн дѣаконѣ | лерепѣ [тайнопись: семенѣ] спѣскыи | |

Далее с нового столбца и после пропуска: а в сеи книзѣ [зѣ переделано из гѣ] воумаги по | девѣты дѣсти да четыри | лнсты. а тотратен . ѡ . | да одна, а кѣплена вѣ | мага по ѡсми денѣ дѣсть. | а ѡ писма давано по ѡ | сми же денѣ ѡ тотрати

После этого с л. 291 начинается другой почерк.

На л. 503аб другая запись, оформленная киноварным инициалом растительного типа: В лѣ. ѡ. ѡ. п. ѡ. индикѣ | та. дѣ. почѣта бы | сѣти книга сіа зо | во] ма [буквы во дописаны позднее] ѡ обою на . і. мѣ | прологѣ. мѣа апрѣ | ла. въ . г. при держа | вѣ великаго кнѣа и | вана васнѣвича, и | снѣа его великаго кѣ | назѣа иванна. ива | новича володимѣрь | скы и московскыѣ | и всеа роуси. и прѣсщѣ | нно архнепѣпѣ геро | нтнн всеа роуси. бла | гословеніемъ и желѣ | нѣемъ, и повелѣнѣ | сщѣнно инокентѣа | архимандрита спѣ | каго въ бѣгомъ спѣа | емомъ градѣ кѣло | мнѣ. а писали сщѣ | ннонерен рабѣ вѣжнн | фѣѡтѣ; и много | грѣшны и рабѣ вѣжнн | сщѣнноцѣагопѣ лирипѣ лѣколѣнн [тайнопись: сщѣнодыаконѣ симишнѣ стѡскыи] а ако | | нчена бы. мѣа авгоу | въ . ѣ. вы ѡ га ѡци | и братѣа прочитаю | чи сію книгоу слава | бѣа, въ славоу и по | клананіе. аще вѣ | демъ гѣѣ не исправили въ своемъ недо | мыслѣствѣ. и вы | о хѣ исправите собою. блгвѣте, а не клѣ | ните. а ва бѣ про | ститѣ а | ри | п | ѣ [т. е. амнн].

Еще запись: В лѣ. ѡ. ѡ. п. ѡ. индикѣ | дѣ. поставили вѣлѣ | на коломнѣ, именемъ | герасима, а про | мѣа авгоу. ѣ

Та же орфография представлена во вкладной записи из области Киева. В ней «зело» хотя и повернуто вправо, но лежит на строке. Остальное легко увидит сам читатель.

СинЛ-341, 171 об.: вкладная запись 1486 г.:

Мѣтнню вѣжіею и прѣчѣтые его мѣре. иже въ стѣхѣ ѡца | нашего чюдотворца великаго никола: — в лѣ. ѡ. ѡ. п. ѡ. [6994 – 5508 = 1486 г.] | Сню книгѣ глемѣю половицѣ пролога, поченши сѣтѣ | вѣр. мѣѣ. да иже до марта. да в до | стѡмѣ николѣ поу | стыскомѣ иже в кнѣвѣ,

мещени^н ки == евскы ивань. | волосовъ. тѣлоу своемъ на здр^дравне. и дшамъ на спсн^діе | а при игъмене матѣѣ. маломъ. и при всен бр^даи.

Запись написана очень мелким почерком, отличающимся от почерка рукописи, и, по-видимому, принадлежит самому вкладчику, а не писцу. Указание на срок от сентября до марта относится к содержанию Пролога (осенне-зимнего), а не ко времени его написания. Поскольку русский писец Син-839 без малого 600 лет назад рекомендовал всякому читающему «читать в разум», т. е. соображая, думая, вникая, приведем сразу же небольшую запись от времени расцвета в русской орфографии тех явлений, которые А. И. Соболевский называл «вторым южнославянским влиянием».

Запись сделана на Стиховом Прологе, т. е. имеющем Стостишие после Жития Евгении, южнославянское происхождение которого мы отмечали ранее¹⁹, и, видимо, не случайно, в ней оказались два явных болгаризма: самодръжце и ржсн, которые вероятнее всего ведут свое происхождение от каких-то образцов орфографии того небольшого числа книг личной библиотеки митрополита Киприана, которые он не мог не привезти с собой из Болгарии в Литву, а затем и на Русь.

Три-721, л. 450 об.; 1528–1529 г.

[в] лѣто. злѣ. [7036 – 5508 = 1528] [п]ри б^тговъ р^но. и х^ртолюбив^м [в]еликомъ кнзе. [в]асиліи ивановиче в'сеа ржсн. | самодръж'це. при сц^днн^м архієпкпѣ да | нилѣ митрополитѣ всеа ржсн. [п]овелѣ | ниемъ дх^в'наго настоител^а. [с]тѣпа | живонач^лныа тр^дца. и прч^тыа бѣа | и прпѣнаго игъмена сергіа чю^лтворца обители | ч^тнѣшаго игъмена. пастыремъ пастыря. | и оучителемъ оучител^а. и иноку^м наста | в'ника, глю, гна вѣа ншегв, Алеѣ | ан^дра. | и ч^тнаго собора егв, велики^х старцв'. | тоа же ч^тныа обители, почат^а бы | с^да книга писати, в тои же цр^тѣи обители | мѣа іюла .д. а совершена с^да книга | лѣта . злѣ, [7037 – 5508 = 1529 г.] мѣа окт^бря .лї. на | память стго апла. і еуалиста лоуки

Запись не была доведена до конца: в ней были оставлены места для начальных киноварных букв многих слов (см. выше начальные буквы, заключенные в квадратные скобки), но они так и не были вписаны. Возможно, это было связано с тем, что книга была закончена в октябре, по современному новому стилю — к ноябрю, и на зимний период надобность в книге практически отпала.

Следует обратить внимание на обилие грецизированных написаний: α, ε, ζ, ω причем последняя употребляется после букв согласных. Писец уже не придерживается норм древнерусской орфографии в употреблении букв ка — ѡ и пишет первую из них после согласных (этимологических мягких из сочетаний с ј): пастыря, оучител^а, іюла, окт^бря. Разумеется, при этом у него есть и написания ка после гласных (примеры очевидны). Букву ѡ он пишет после ч, что было не свойственно орфографии предшествующего периода (уже с XI в. древнерусские писцы часто писали здесь а): живонач^лныа, почат^а. Есть примеры зияния: с^да, сергіа. Писец не соблюдает различия ε узкого и ε широкого, передававшего сочетание је: всеа, Алеѣ | ан^дра, в одном слове они даже употреблены «наоборот»: повелѣ | ниемъ. Но слово обители написано с начальным «широким» о, т. е. по-древнерусски.

Приведенный текст имеет особо важное значение для нашей темы, поскольку Троице-Сергиева лавра, ближайшая к Москве, особенно почитаемая после Куликовской битвы, и посещаемая в летнее время великокняжеской семьей (и в тексте записи она названа «царской обителью»), имела особо важное духовное, политическое и культурное значение. Складывавшиеся в ней нормы правописания неизбежно становились авторитетными для всего Московского государства и даже за его пределами — у православных народов.

Следующая запись демонстрирует орфографию на западе Руси.

Ег-214, л. 423; 1518 г.

Книга книга нарицаема прел^лв с^тг^лбрь. списана бы в кв^т [костеле — ?] ман^ты^да слав^на превбра^ніа | га ншего іс х^а [в] лѣ з к^с. [7026 – 5508 = 1518] инд^к с. [индикт 6-й соответствует дате:

¹⁹ Жуковская Л. П. О южнославянском влиянии... С. 35, 42.

7026:15 = 468 и остаток 6] и въдана въ домѣ пр[ч]тыа бгомѣре чѣтнаго ел ѹспеніа | ідоунава [Так: оу!] монастырѣ. многогрѣшны грѣбы и [мало]потрѣбны и ѹничжены антѡе | еппо премы и са. [Антоний был епископом Перемышльским и Самборским] и да никакѡ не ѡлоучена боуде. выписано храма прчтыа.

Запись особенно интересна тем, что является одновременной вкладной записи новгородского пролога Влг-19, что написана она скорее всего самим епископом Перемышльским и Самборским Антонием, т. е. представителем высшей духовной иерархии и тем самым лицом, стоящим на гребне западно-русской образованности своего времени. Что же представляет его орфография? Можно ли считать, что она более «передовая», чем орфография вологжанина Прохора или какого-то безымянного новгородца? Посмотрим...

Из грецизированных начертаний Антоний Перемышльский употребляет только ε (как после гласного в функции е, так и после согласного) и ω (нарицаемаа, прелѡ, сѣтѡбрь, ѹспеніа; квѣт, антѡе, какѡ); для у позиции нет. «Зияние» отмечено трижды, причем все три раза в наименованиях конфессиональных (монастырія, превѡраііа, ѹспеніа), еще в одном слове такого же характера встречаем и древнерусское написание пр[ч]тыа и новомодную замену ѡ на ѡ (прчтыа — в конце записи); в нейтральной лексике употреблены также оба эти написания (снѡ, ел, нарицаемаа). В употреблении ε узкого и ε широкого Антоний придерживается древнерусской нормы: премы, но антѡе, еппо. Нетрудно заметить, что статистика хотя и невелика, но в отношении грецизации и новой орфографии не в пользу Антония.

Аналогию находим в противоположном конце страны: на территории к северо-востоку от Москвы, в культурном отношении весьма престижной для того времени. Это Кирилло-Белозерский монастырь.

Соф-1333, 510 об.; 1549 г.

В лѣт. нѣ. (7057 – 5508 = 1549 г.) мѣца. іюла. въ .нї. на па | ма стго мѣнка. емеліана. при блговрнѡ црн, великѡ кнзи, іванѣ василї | еви,

всѣа рѣсїи. и при архїепопѣ рѡ | стѡвскѡ. и белозерскѡ, никандрѣ. | блгвенїе гдѣна ѡца ншего. игѡмена. | аѡнасіа кирилѡва мннастырѣ. списа | на въ сїа книга, глѣмы пролѡ, въ обитѣ | прчтыа оуспенїа, и чюѡтворца кирила, | рѡкою грѣшнаго и хѣдаго дѣака. іѡаца.

В записи обращает на себя внимание чрезмерное наполнение ее грецизированными буквами. Это — ω, ε, только оу и ѡ, только і перед буквой гласного; здесь же видим разделительный знак запятую.

Приводимые ниже записи писцов характеризуются наличием паерков между буквами согласных при стечении последних: черта явной, притом сознательной архаизации письма: писец знает, что в старых текстах где-то стоят буквы ѣ, ѡ, которые для него уже не связаны ни с каким звуком речи. В своем стремлении показать, что он пишет со старых образцов или «по-старинному», т. е. как писали во времена «второго Рима», он включает паерки без какого-либо смысла.

Последняя черта в местностях, отдаленных от центра, задерживается даже до конца XVI столетия. Продемонстрируем ее на записи 1588 г. Она сделана на книге Пролога после окончания сентябрьской половины его; мартовская написана другим писцом.

Ув-139, 1^о, 339 об. — 340; 1588 г.

В лѣта, шѣстаго (7096 – 5508 = 1588 г.), мѣца, іюна въ | і, днѣ, списана бысть снѡ книга глѣ | маа, прилогѣ, при блговѣрномѣ црѣ | и великомѣ кнзѣ феѡдоре івановиче, | и при црце и великом кнѣне ирине, и при | митрополите иевѣ в ѡважскомѣ чет | верти в ромашевѣскомѣ станѡу, на | маркоуше рекѣ, оу никола чюдотворца | в новоначалнон, во гапитѡе поусты | не, роукою мнѡгогрѣшнаго, и неклѡ | чимаго раѡа, захарїи тимофѣѡва снѡ | глаіѡеѡ москвитина, и въ ѡци и вратнѡ | госпѡа мон, аще гдѣ боудет [ѣ н] е іспра | внлѣ. или не дописалѣ, или не расмѡтрѡ | переписалѣ, непотрѣбное слово, и въ гда ра | ди расмѡтрѡвал ісправитѣ своимѣ оумѡ | а мене не кленитѣ, но проклїнѡнтѣ ѡ | бщаго врага днѡвола, маѡущаго оумѡ | нашимѣ. а вгѣ мира да боуди е | вами, во | вѣкы аминѣ, + - слава свѣршителю [в] гоу | гоу, нашѡмоу, ісоу | хоу аминѣ, +

арх. Геронтия (1473–1489 г.) всея Руси, мѣсяца февраля»²¹ Приведем запись полностью:

Писк-92, ГБЛ, ф. 228, л. 410

В лѣтѣ ^тѣ ^ѣѡ ^ѣѡ ^ѣѡ (6862 – 5508 = 1354 г.) списани быша книги снѣ
въ ѡ | въ ^мѣ ^ѣманастири положеніе пояса сѣтѣн ^ѣбѣи въ | аврамъевѣ
пустыни, при ^ѣблговѣрнѣ ^ѣвелицѣ | ^ѣкнзѣ ^ѣиванѣ ^ѣиванови при архіеппѣ
горонтин. | всеа руси мѣца ^ѣфевра. на ^ѣпамѣ ^ѣсѣтѣ ^ѣѡца ^ѣмеле | ^ѣнтна. в ^ѣча. ^ѣг
дѣни. елци ^ѣсѣнцици. и причѣ ^ѣцрквны | ^ѣпочитаите ^ѣкниги ^ѣснѣ. ^ѣинѣхъ
понаоучаите. да | ^ѣсугубу ^ѣмзду ^ѣѡ ^ѣба ^ѣпримете. въздающе ^ѣкому | ^ѣждо
по ^ѣдѣломъ ^ѣѣ. а не ^ѣлѣните ^ѣслова ^ѣбѣи ^ѣпроповѣда | ^ѣти. ни ^ѣскрываете
таланта, и сѣтѣ ^ѣписанья. ^ѣле | ^ѣжащаго въ ^ѣкнига ^ѣснѣхъ. да не ^ѣи ^ѣвсужени
будете | ^ѣно ^ѣдрѣ ^ѣдрѣга ^ѣпонужающе ^ѣна ^ѣдобродѣтели. ^ѣбѣи | ^ѣго ^ѣписанья.
лежаща ^ѣвъ ^ѣкнига ^ѣснѣхъ. да ^ѣполучите | ^ѣматѣ ^ѣбѣно ^ѣи ^ѣцрѣтво ^ѣнѣное ^ѣѡ ^ѣхѣ
и ^ѣѡ ^ѣѣѣ. а ^ѣрукою | ^ѣмногѣрѣшнаго ^ѣгригорья ^ѣдыака. а ^ѣвы ^ѣсѣни | ^ѣѡци
прочитаите ^ѣснѣю ^ѣкнигу ^ѣисправивага | ^ѣсвоимъ ^ѣоумомъ ^ѣи ^ѣразумомъ.
а не ^ѣкленѣте ^ѣба | ^ѣра ^ѣгдѣ ^ѣсѣ ^ѣвѣ ^ѣвписалѣ. а ^ѣпроклинѣите [ѣ из а?]
ѡбща | ^ѣго ^ѣврага ^ѣнашего ^ѣдыавола ^ѣматѣщаго ^ѣмо | ^ѣимъ ^ѣоумомъ.
поминаите ^ѣже ^ѣи ^ѣмене | ^ѣгрѣ ^ѣнаго ^ѣгригорья ^ѣвъ ^ѣсѣхъ ^ѣвашнѣ ^ѣматѣвахъ
по | ^ѣтрѣдившагосѣ ^ѣѡ ^ѣкнизѣ ^ѣсѣи ^ѣбѣ | ^ѣнашемѣ ^ѣсла ^ѣв ^ѣѣ ^ѣаминь. ^ѣхѣсѣ |
зѣло ^ѣи ^ѣконецъ ^ѣвсѣкомѣ ^ѣдѣ | ^ѣлѣ ^ѣблгѣ ^ѣтомѣ ^ѣслава | ^ѣвъ ^ѣѣ ^ѣкнѣ ^ѣвѣ ^ѣкѣ ^ѣаминь. В слове *аминь* три последние буквы плохо сохранились.

В записи Писк-92 в настоящее время дата представлена такими буквами-числами. Тысячи — «зело лежачее» с головкой, повернутой влево, т. е. древнерусское, однако лежащее на строке, что отмечено нами только для списков Пролога XV в.; слева имеет обычный знак тысяч ъ, т. е. 6000. Сотни обозначены ѡ, т. е. 800 (а не *ѣ* или *ѣ* = 900, как мы ожидали бы), причем можно согласиться с А. Е. Викторовым, что *ѣ* написана по смыслу *ѣ*, так как середина *ѣ* очень высока, хотя и полусмыта, кроме того, прослеживается внизу посередине *ѣ* смытый хвост, видимо, при-

²¹ Викторов А. Е. Каталог славянорусских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями, в 1868 г., после Д. В. Пискарева. М., 1871. С. 19, N 92.

надлежавший первоначально написанной букве *ѣ*. Допускаю, что исправление сделано самим писцом, так как консистенция чернил сходна с чернилами жирных линий в самом тексте записи. Десятки теперь обозначены буквой «кси» (=60), написанной без отрыва пера. Исходя из дат архиепископа Геронтия, А. Е. Викторов, видимо, полагал, что «кси» написано по «получервю» или «коппе», обозначавших 90. Число единиц передано *ѣ* = 2. Таким образом дата в настоящее время читается: 6864 – 5508 = 1354 г. Содержания записи, в которой великим князем назван некий Иван Иванович, позволяло бы относить ее ко времени умершего в 1359 г. Ивана II Ивановича Красного («красивого»), сына Ивана Калиты и отца Дмитрия Донского. А. Е. Викторов считал, что «Ивановичем» вместо «Васильевичем» ошибочно назван Иван III Васильевич, умерший в 1505 г.

Обратимся к филиграням. К сожалению, рукопись — 4°, и все филигрании расположены в прикорешковой части книги так, что середина изображений не доступна не только для измерений, но даже и для обозрения. Больше всего листов бумаги с филигранью «Игрек», близкой к образцам Лихачев²², N 2519–2521, 1463–1466 гг. и Брике²³, N 9179, 1455 г.; N 9181, 1464 г.; N 9182, 1467 г., и с филигранью «Голова быка», средней величины с однолинейным прямым крестом и очень большими ноздрями (как очки — на листах рукописи с нижней частью этой филигрании, приближающейся к типам Лихачев, N 1160, 1477 г.; Брике, N 15025, 1452 г.; N 15026, 1463 г.; Пикар²⁴, N VII 61 и 63, 1462–1484 гг.

К счастью, есть исключение: выпавший двойной лист 160/159²⁵ с филигранью «Кувшин» (=Pot, Брике, N 12481, 1468 г.) — большой

²² Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1–111.

²³ Briquet C. M. Les filigranes. Amsterdam. 1968. Т. I–IV. (Факсимильное переиздание 1907 г.)

²⁴ Piccard G. Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Stuttgart, 1966. Bd. I–III.

²⁵ Два листа книги, составляющие один двойной, содержащий на сгибе одну филигрань, обозначаем в соответствии с данными ранее рекомендациями так, чтобы сначала шел номер листа с верхней частью филигрании (в данном случае 160/159, а не 159/160!). См.: Жуковская Л. П. Рекомендации для выявления водяных знаков (филиграней) в рукописях

простой кувшин с одной однолинейной ручкой и однолинейным крестом над крышкой.

Как видим, разброс достаточно велик, но все же он в пределах 3-й четверти XV (а не XIV!) в. Таким образом, по филиграням очевидно, что дата 1354 г. в Писк-92 не соответствует действительности.

С целью проверки времени написания необходимо отвести возможное предположение о том, что дата 6862 = 1354 г. могла быть механически, но при этом буквально точно, скопирована с более древнего переписываемого оригинала²⁶, графико-орфографические нормы которого не противоречили гипотезе А. И. Соболевского (со 2-й пол. XIV по 1-ю пол. XV в. — «влияние»). Для этого приведем три фрагмента основного текста книги из разных мест Писк-92. Цитируя их, руководствуемся следующими двумя критическими соображениями: 1) чтобы отрывки принадлежали к частям, возможно, написанным разными писцами (если книга написана двумя лицами, что небесспорно и требует дополнительного тщательного палеографического анализа, то приведенную выше запись оставил второй писец, которому принадлежит цитируемый ниже второй отрывок, с л. 399 об.), 2) чтобы все три отрывка относились к протографам разного времени т.е. имели разное происхождение. Так, 1-й отрывок взят из краткого Жития Евгении и мог быть в составе того краткого греческого Менология, который, согласно нашей гипотезе, должна была привезти с собой

^{4°} и датировки рукописей по филиграням // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. I. Расположение филиграней на формочных листах двух основных форматов средневековой бумаги см. на рис. 1 а–г в ст. Жуковская Л. П. О значении исследования понтюзо и некоторых других вопросах филиграноведения // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 67.

²⁶ Такой случай относится к рукописной книге ГИМ, собр. Барсова, N 90, написанной на бумаге 90-х гг. XV в., но датированной в ГИМе на основании даты, указанной в имеющейся в ней записи: 1414 г. Эта запись оказалась скопированной с более древнего оригинала. См.: Жуковская Л. П. Барсовский список грамматического сочинения «О восьми частях слова» // Східнослов'янські граматики XVI–XVII ст. Київ, 1982.

в Киев византийская царица Анна, выходя замуж за Владимира I Святославича²⁷; 2-й отрывок относится к «Словам», которые в состав Пролога вошли позднее²⁸; 3-й отрывок — о крещении Руси — внесен в Пролог из русской Летописи или из какого-то их общего источника.

1) Писк-92, отрывок из краткого проложного Жития Евгении, 24 декабря, л. 103 об.: ...ωϊϋο | еѡ послану вывшю въ олександрію | комодомъ. да и тамо будѣ епаѡхъ | с ним же иде жена ѣ и дѣти и иде сѡта | ѡ еѡгнниа. и тамо наоучисѡ всѡ | кому елинскому писанию, и крѡта | ньскому понѣ ^ж пыташе кни...

2) Писк-92, небольшой фрагмент из находящегося в конце рукописи Слова Ефрема Сирина О любви, л. 399 об.: ...ѡко имѣѡи любовь. вѣ законъ свершае. кончина бо закону ^ѣ ѡ си | ѡ непѡвѣдимѡи любовнаѡи. ничто же любве | чѡтнѣе. ни на нѣси ни на земли, си ^ѣ зѡло дѣте | лѣ си ^ѣ вина всему блгу. соль дѣтелѣ любви ^ѣ...

3) Писк-92, отрывок географического текста древнерусского происхождения из статьи Пролога под 30 ноября о якобы бывшем крещении Руси апостолом Андреем (I век н. э.), л. 71: ... и ѡ црѡграда притти | в поитъ море, в не же течѣ днѣпръ рѣ | ка. днѣпръ же потече изъ волховско ^ѣ | лѣса. и потече на подне а двина ис то | го ^ж лѣса потече на полунощѣе. и вниде ^ѣ | в море варешское. ис того ^ж лѣса по | тече волга на востѡ. и вниде ^ѣ в море | хвалиское ѡ жерель. тѣм же из рѣ | си можетъ ити в болгары, по волзѣ. [имелись в виду волжские болгары. — Л. Ж.]. | и въ хвалисы на востѡ донти во жревиѡ сѡмовъ. а по двинѣ в варлгы. | из варлгы и до рѡма. и до племѣнѣ ха | мова а днѣпръ потече в море понеть | ское. трѣмѣ жерлы. иже море словѣ рѣ | ское. по тому ^ж морю оучнѣ ^ѣ стѣн андрѣи. |

Графико-орфографические закономерности приведенных отрывков обнаруживают полное отсутствие каких бы то ни было особенностей, характерных для грецизированного и архаизированного письма конца XV в. Употребление букв вполне укладывается

²⁷ Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога... С. 111–112, 120.

²⁸ Фет Е. А. О Софийском прологе конца XII — начала XIII в. // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977.

в нормы, зафиксированные в многочисленных рукописях XIV — нач. XV в. Новшество в Писк-92 выражается в нескольких случаях употребления паерка: **понтъ морє, в варагы**. Они свидетельствуют, что писавший знал фонетическую роль (показывать остаточную слоговость сонанта в позиции перед глухим согласным²⁹) и разделительную функцию паерка (позиция между двумя одинаковыми буквами, обозначающими долгий согласный).

Эти примеры в Писк-92 требуют дальнейшего изучения путем, прежде всего накопления большого материала из этой и других рукописей. Можно полагать, что в ходе исследования откроются и собственно русские пути формирования определенных функций паерка в средневековом письме.

В целом же для нашей темы крайне важно лишь то, что в Писк-92 последовательно проведены древнерусские графико-орфографические нормы. Независимо от того, следует ли датировать Писк-92 1454 г. или 1484 г., ясно одно, что представленные в нем нормы правописания не принадлежат ко времени, указанному для них А. И. Соболевским: они заходят даже в пределы 2-й пол. XV (отнюдь не XIV!) в. Причем проведены они весьма последовательно как в текстах самого Пролога, возможно, написанных двумя разными писцами, так и в записи второго из них.

Хронология смены древнерусских орфографических норм, действовавших, по крайней мере, до середины XV в. (а если судить по Писк-92, то и дольше), ниже показана на таблице «Хронология смены древнерусской орфографии грецизированным и архаизированным письмом» (см. с. 404–407).

По таблице ясно видно, как древнерусские графико-орфографические особенности группируются в левых столбцах при более ранних рукописях и как перемещаются вправо под обобщающую графу «Грецизация, архаизация → разрушение норм» данные рукописей с последней трети XV в.

²⁹ В слове **понтъ** сонант не может примкнуть к слогу *по-*, поскольку конечное *т* не образует самостоятельного слога. См.: Жуковская Л. П. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке: По материалам Галичского евангелия 1357 года // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, С. 114 (литература вопроса); С. 112–116.

Однако при детальном рассмотрении таблицы следует иметь в виду необходимость анализа представленных в ней фактов не только по их сочетаемости, в какой они представлены в последовательности граф. Не менее важно рассматривать в сопоставлении факты, связанные между собой.

Таково, например, прежде всего употребление монографа **ѣ**, диграфа **оѣ** и «ука» в позиции после гласного, последний является дублетом **оѣ** и может быть квалифицирован как лигатура, употреблявшаяся в древнерусских рукописях издавна (с отъединенной верхней частью встречается уже в Остромировом евангелии, Изборнике Святослава 1073 года, в Мстиславовом евангелии рубежа XI–XII в. и др.). Но если «ук» начинает употребляться после согласных в средневековых рукописях, то это является приметой разрушения древнерусской орфографической нормы, требовавшей писать **оѣ** в начале слова и после гласных, но после согласных непременно **ѣ**. Таким образом, анализируя употребление этих букв, читатель должен сопоставлять данные четырех граф нашей таблицы: 9, 26, 27, 31. И в этом случае выясняется, что **ѣ** после букв согласных живет полнокровной жизнью до середины XV в.; правда, однажды у писца рукописи Пог-616 зафиксировано в конце XV в. Диграф **оѣ** и «ук» после согласных отмечены у одного писца в 1405 г.: Усп-3п, правописание которого во всем остальном хорошо укладывается в нормы древнерусской орфографии, но нормой **оѣ** и **ѣ** становятся в последней четверти XV в. Во всеобщем употреблении **ѣ** засвидетельствован по данным записей только в XVI в.

Аналогично для выявления характера процесса смены орфографических норм в употреблении букв **к**, **є** необходимо иметь в виду графы 10, 11, 21, 34. При этом выясняется, что **к** доживает до начала 30-х гг. XV в.

Употребление буквы **і** в положении перед гласным входит во всеобщее употребление с последней трети XV в., т. е. данные полностью совпадают с границей нормы употребления **ѣ**.

Буква **ш** после согласных появляется только с XVI в.

Крайне интересны данные, относящиеся к начертаниям «зело». Даже относительно немногочисленные факты записей наглядно показывают, что латинообразное «зело» (с головкой, повернутой вправо) **z** входит во всеобщее употребление с XVI в. Архаическое

Хронология смены древнерусской орфографии грецизированным
и архаизированным письмом
(по данным датированных записей писцов и вкладных)

Сведения о рукописи			Число строк в машинописи	Древнерусская орфография							
Дата	Шифр	Место написания		ша	ж	ер, ор, ол	оро	после			
								согл.	гласных		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1356	Тип-163	северо-запад	5	1	—	—	1	2	3	—	2
1373	Тип-172	северо-запад	10	2	—	—	3	11	1	—	9
1400	Син-240	Новгород	15	1	—	—	1	13	9	—	10
1405	Усп-3п	Москва?	9	2	—	—	—	—	4	6	2
1425	Син-839		10	—	—	1	—	7	4	1	6
1431	ФолП-48	Новгород	9	—	—	—	2	7	9	—	3
?1454?	Писк-92		18	1	2	—	—	23	—	5	13
1474	ЛИРК-126		16	—	—	1	—	—	—	6	5
1476	Мзс-790		5	1	—	—	—	3	—	1	2
1481	Фол-311.1		8	—	—	—	—	—	—	1	—
1481	” 2		14	—	—	1	1	—	—	.	1
1481	” 3		2	—	—	—	—	—	—	—	—
1486	СинЛ-341		6	—	—	1	—	—	—	5	—
1499	Пог-616		15	—	1	1	—	—	—	8	10
1501	Соф-1345	о. Валаам	17	—	—	1	—	13	—	.	3
1506	Ег-180		36	—	1	2	—	—	—	2	5
1510	Барс-681		3	—	—	—	—	—	1	.	.
1513	Соф-1374		4	—	—	—	—	—	—	1	—
1513	Ув-612		5	—	—	—	—	—	—	3	—
1516	Влг-19	Вологда	6	—	—	—	4	—	—	—	1
1518	Ег-214	запад	9	—	—	—	—	—	—	2	2
1518	Чуд-304	Москва?	4	—	—	—	—	—	—	.	2
1519	Рог-508		23	—	1	1	—	—	—	.	—
1520	Ег-816		11	—	—	1	1	—	—	3	—
1528	Трц-721		12	—	—	1	—	—	—	—	7
1530	Ув-562	Псков	6	—	—	—	—	—	—	—	—
1530	Чрт-242		7	—	—	—	—	—	—	—	5
1532	Соф-1327		20	—	—	1	3	—	—	6	2
1536	Барс-727	Ярославль	8	—	—	2	—	—	—	5	2
1547	Щук-100	Тверь	17	—	—	2	—	—	—	10	2
1549	Соф-1333	Кириллов	7	—	—	—	—	—	—	—	—
1550	Ув-298		33	—	—	3	—	—	1	3	3
1551	Пог-617	Каргополь	28	—	—	1	—	—	—	7	13
1556	Ув-879		4	—	—	1	—	—	—	—	—

Начертания «зело»			Написания			Грецизация					
ѣ	ѡ	ѣ	ью	ию	ію	ѕ	α	ε	ξ	θ	ν
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	2	4	—	—	—	—	—	—	1
—	1	—	6	10	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	3	2	3	1	.	.	—	—	—
1	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—
1	—	—	3	1	8	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	5	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	4	3	—	—	—	19	—	—	—
—	—	—	—	—	6	1	—	.	—	1	—
—	—	—	2	—	25	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	4	1	—	—	.	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
—	—	—	1	—	4	—	—	.	—	—	—
—	—	—	—	—	4	—	2	5	—	—	1
—	—	—	—	2	3	2	—	4	—	—	—
—	—	—	3	3	—	1	—	.	—	1	—
—	—	—	1	—	15	1	.	.	—	—	—
—	—	—	—	4	—	—	1	9	—	—	—
—	—	—	—	2	4	2	2	6	1	—	—
—	—	—	—	2	6	—	—	2	—	—	—
—	—	—	1	2	—	—	6	12	—	—	—
—	—	—	—	1	24	1	1	8	—	—	—
—	—	—	—	4	1	—	—	4	—	2	—
—	—	—	1	3	9	—	—	—	—	1	—
—	—	—	—	—	9	—	—	1	—	1	—
—	—	—	2	9	1	8	1	.	—	—	1
—	—	—	3	—	10	—	—	7	—	—	—
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—

левостороннее «зело», сходное по начертанию с современным скорописным *z*, доживает до начала 80-х гг. XV в. Но между этими двумя начертками были два лежащие «зело». В приведенных записях отмечено только по одному употреблению того и другого (графы 14 и 15): левостороннее лежащее в Писк-92 (на датировке этой рукописи мы специально останавливались выше), правостороннее лежащее отмечено в записи СинЛ-341, 1486 г. По многочисленным данным списков Пролога (в которых «зело», по крайней мере, представлено в значении 6 на каждые 6, 16 и 26 число каждого месяца, а нередко и в других датах, а в поздних средневековых даже в отдельных словах) с XVI в. (см. графу 19) последовательно пишется латинообразное *s*.

В целом же таблица ясно показывает, что-древнерусские нормы графики и орфографии отлично проявляются еще на протяжении всей 1-й пол. XV в. Модернизмы прослеживаются только с 70-х гг. XV в. и входят во всеобщее употребление в XVI в.

Наконец, обратим внимание на собственно южнославянизмы, скорее даже это болгаризмы, поскольку начинает встречаться юс большой, а написание *ь* вместо *ъ* укладывается в древнерусскую, а отнюдь не сербскую специфику (см. выше).

Южнославянизмы совершенно единичны и никак не свидетельствуют об «очень сильном» южнославянском влиянии, даже если выйти за хронологические рамки, указанные А. И. Соболевским (см. начало нашей статьи).

* * *

Особый интерес представляет проблема ликвидации излишеств архаизации. Последняя, возможно, связана с деятельностью митрополита Макария, но, может быть, осуществлялась позднее (XVII в. — ?).

Образец демонстрирует Пролог ЦГАДА Тип-327.

В этой рукописи исправлений очень много. Но это не исправления писца, которые он делал бы сам своим пером и чернилами. Здесь все исправления выполнены киноварью, очень отчетливо, так, чтобы использующий эту рукопись в дальнейшем мог безошибочно вносить выправленный текст в переписываемую им или набираемую (если исправление готовили для печати) новую книгу.

Даже в настоящее время выявление правки не составляет трудности. Исправления внесены уверенным в своей работе человеком и проведены, как кажется, весьма последовательно для каждой категории случаев. Впрочем, последнее нуждается в строго проведенном исчерпывающем просмотре материала исправлений по всей книге. Разумеется, это может быть (и должно стать!) только предметом специального, кропотливого сбора материала и его последующего анализа.

По нашему мнению, сложившемуся на основании выборочного исследования киноварной правки, но все же проведенного по нескольким десяткам чтений Пролога, исправления проводились с позиций орфографии складывающегося церковнославянского языка, освобождающегося от излишеств рассмотренной нами выше архаизации письма.

Здесь мы приведем один, но явно русский по своему происхождению текст.

Тип-327, л. 466–467 об.; 30 ноября

В передаваемом ниже тексте основное письмо писца XVI в. передается по принятым нами общим правилам, по которым в круглые скобки заключаются выносные буквы в сокращенно написанных словах и надписанные сверху тем же писцом отдельные слова или элементы слов. Новые киноварные исправления XVI(?) в. передаются в квадратных скобках, при этом:

а) в квадратные скобки помещаем букву, непосредственно следующую за зачеркнутой, например, *рѣ[ѣ]ка* означает, что первоначально было написано *река* и это написание исправлено на *рѣка*; обратный случай для употребления *ѣ—ѣ*: *днѣ[ѣ]пръ* — первоначальное *днѣпръ* исправлено на *днѣпръ*; *.[.]* первоначальная точка исправлена на запятую; вместо одной буквы может быть написано две буквы: *седмидесѣтъ[ію]* — первоначальное *седмидесѣтъ* исправлено на *седмидесѣтію*;

б) в случаях, когда правщик добавляет буквы в середине слова, в квадратных скобках повторяем букву первоначального оригинала и рядом (до или после) в тех же квадратных скобках помещаем добавленную букву: *рѣс[с']коѣ* — первоначально было *рѣс'коѣ*, исправлено на *рѣсс'коѣ*;

в) в случаях, когда в рукописи зачеркнута часть слова и ничего не дописывается на месте зачеркнутого, в квадратных скобках приходится повторять ту часть его, которая осталась незачеркнутой: **потечетъ [течетъ]** — зачеркнута приставка по-; **втечетъ [втече]** — зачеркнуто окончание -тъ; **избависте [избавите]** — зачеркнута буква с, изменена глагольная форма;

г) в случаях, когда вычеркнуто целое слово, отмечаем это пометой «зачеркнуто» и своими инициалами;

д) когда в слове более одного изменения и они разнотипны, приходится повторять все слово: **полъднѣ [полднѣ]** — изменена не только буква, но и зачеркнуто титло.

При передаче текста диакритику опускаем как представляющую специальный исследовательский интерес. Однако отметим появление у правщика буквы й из и: на л. 466 — **той, преиде**; на л. 466 об. — **андреи, поиде**; на л. 467 — **поиде, непрестай**. Если в дальнейшем в целях выявления времени проведенной в Тип-327 правки будет проводиться сопоставление выправленного текста с макарьевским XVI в. и старопечатным XVII в., надо будет для учета диакритики снова обратиться к самой этой интереснейшей рукописи.

Въ тѣ [той] ^ж[же] **днѣ** слово, о проявленіи креще|ніа[а] рѣска [рѣсскіа] **земля[и]**. [.] **стѣго** **апла** **андрѣ** | како приходилъ в рѣсь, и **блгословн** | мѣсто и крѣтъ поставилъ, и **дѣ** же **ннѣ** градъ кievъ; | **Стѣмъ** **аплъ** **андрею** [здесь и ниже в слове *андреи* может стоять над словом скорописная буква ѣ, но при этом сама буква е в слове не зачеркнута ни самим писцом, ни правщиком и не смыта; напомним, что древнерусское написание слова было через ѣ, а старославянское через е] живущъ в си|нопіи и оучащю[у] люди. [.] и **крѣщъ** | нарвды, и **ѡтѣдоу** **преидѣ[ε]** къ ко[хε]|рѣнню. и слыш[а] тако близъ есть | **оустн[а[ε]** **днѣ[ε]** **прѣ[ъ]ское**. [.] и **лзѣ** (слово зачеркнуто. — Л. Ж.) [(возможно)] **естъ** (слово сохранено. — Л. Ж.) [**ѡтѣдѣ**] | **тѣда** (слово зачеркнуто. — Л. Ж.) ити в римъ. и въ[о]схотѣ по|ити **стѣи** **андреи** по рѣце в римъ. | [i]из варягъ въ грекы[и]. из грекъ по ^днѣ[ε] **прѣ**. и **верхъ** **днѣ[ε]** **пра** волокъ до | ловоти. и по л[в]ов[л]оти **внити** во **ил'мер[и]** **ль** **ѡ[ε]** **зеро** велико[оε], из него же **о[ε]** **зера** | 466 об. **потечетъ [течетъ]** **волховъ**. и **течетъ** въ **ε** | **зеро** великое **нева[о]**. и того **ѡ[ε]** **зера** **ѡни** **детъ [вниде]** **оустіе** въ море **варяжское**. и | по

томъ **мору** ити даже и до **рима**. | а **ѡ** **рима** по **томъ** же **мору** **пріити** къ | **црѣ** **градъ**, а **ѡ** **црѣ** **града** **пріити** въ | **понтъ** **море**. [.] в **неи** [**не**] же **течетъ** **днѣ[ε]** | **прѣ** **рѣ[ѣ]** **ка**. **днѣ[ε]** **прѣ** же **течетъ** **изъ** **во** | **локовьского** **лѣса**. и **потечетъ [потече]** на | **полъднѣ** [**полднѣ**]. а **двина** **ис** того ^ж **лѣа**. и (зачеркнуто. — Л. Ж.) и **детъ** на **полънощіе**. [.] и **внидетъ [вниде]** въ | **море** **варяжское**. **ис** того же **лѣса** | **потечетъ [потече]** **во** **лга**. (точка зачеркнута. — Л. Ж.) на **въ[о]** **стокъ**, и | **втечетъ [втече]** **седмидесятъ [ію]** **жерелъ [жерлы]** | в **море** **хвалин[ш]ьское**. **тѣмъ** же **изъ** | **рѣси** **можетъ** ити по **во** **лзѣ** **ѡ** | **лгары**, и въ **хвалисы**. и на **востокъ** | **донти** въ **жребіи** **симовъ**. а по ^д **вн** | **нѣ** въ **варягы[и]**. [.] из **варя[а]** **гъ** и до **ри|ма**. [.] и до **племени** **хамова**, а **днѣ[ε]** **прѣ** | **потечетъ [потече]** въ **понтъское** **море**. [.] **трѣ** | **ми** **жерелы**. [.] **еже** **море** **словѣ** **рѣ[ε]** **ское**. | по **томъ** же **мору** **оучилъ** **естъ** **стѣи** | **андреи**, и **ѡтѣдоу** **поиде** в **римъ**. | и **пріиде** въ **во** **о[у]** **стѣи** **днѣ[ε]** **прѣ** **ское**, || л. 467 и **ѡ** того **поиде** по **днѣ[ε]** **прѣ** **горѣ**, и по | **прилчю** же **ѡ** **жїю** **пріидѣ[ε]** и **ста** по ^д | **горамн** на **резѣ**, **идѣ** же **естъ** **гра** | **киевъ**. и **заоутра** **въ[о]** **ста**, и **рече** къ | **соушнмъ** с **нимъ** **оучнкомъ**, **види** | **те** **ли** **горы** **сіа[а]** **тако** на **сн** **гора** **восилѣ** | **блгѣ** **ѡ** **жїа**. [**і**] **ниматъ [ь]** **гра** **великъ** | **зде[ѣ]** **быти**, и **цркви** **многы[и]** **има** | **бгъ** въ **о** **здвигнути**. [**і**] **стѣимъ** **кре** | **щеніемъ** **просвѣтити** **сію** **землю**. | и **вшѣ** на **горы** **сіа[а]**, и **блви** **а**. и **помо** | **лиса** **бгоу** [.] и **постави** **крѣтъ**. и **ѡ** | **тѣда** **иде** к **новъ** **градъ**, и **ѡ** **толѣ** | в **римъ**. **ѡ** **пѣ[ε]** **лопонѣ** же **ѡ** **стровѣ** | **распатъ** **выстъ** **за** **ха**. [.] **ѡ** **агата** [**ε** **геата**] | **антѣ** **и** **пата**. **тѣмъ** же **вси** **речемъ**. | **раѣнса** **апле** **стѣи** **андрею[ε]**. [.] **блгосло** | **внвыи** **землю** **ншю**. [.] и **прообрази** | **выи** **намъ** **стѣо** **крѣщеніе**, **еже** **мы** | **пріа[а]** **хомъ** **ѡ** **блгочтнваго** **влади** | **мира**. **раѣнса** **настѣавыи** **оученїа[а]** | **вселеи** **ншю** **всю**. **раѣнса** **оучнче** **хвѣ**, | **оучтлю** **ншѣ**. [.] **непрестан** **за** **ны** **мо** | **ласа** **стѣ** **бцею** и **стѣ[sw]** **аплы**. с **ними** же | **вса** **члкъ[и]** **ѡ** **льсти** **избависте [избавите]**, || л. 467 об. **прѣсто** **аще** **прѣглъ** **хвѣ**, да **извѣ** | **демъ** **ѡ** **золъ** **славаше** **стѣою** **трѣцѣ**, | **ѡ** **ца** и **сна** и **стѣго** **дѣа**, и (зачеркнуто. — Л. Ж.) **нынѣ** | и **присно**, и въ **[vw]** **вѣкы[и]** | **вѣкѣ**. **амнѣ** [**аминѣ**];

Работа правщика рукописи Тип-327 несомненно заслуживает самого тщательного самостоятельного исследования. Пока же укажем, что он изгоняет как некоторые древнерусские написания, проводившиеся в XIV в. как жесткая графико-орфографическая

норма, так и искусственно архаизированные во 2-й половине XV в. и позднее (см. выше таблицу, графы 18 и далее).

Правщик рукописи Тип-327 изгоняет многие излишества рассмотренной выше архаизации. Среди них следующие категории:

1) Устранение зияния: *крещеніа* — *крещеніа*, *рѣскыа* — *рѣскіа*, *пріахомъ* — *пріахомъ*, *оученіа* — *оученіа*, *сі* — *сіа*; однако слово *божіа* правщик оставил без изменения.

2) Он изгоняет сочетания *кы*, *гы*: *чѣкы* — *чѣки*, *рѣскыа* — *рѣскіа*, *вѣкы* — *вѣки*, *грекы* — *греки*, *мнѣгы* — *мнѣги*, *варагы* — *вараги*.

3) Сочетания *шѣ*, *шю* он заменяет на *ша*, *шѣ*: *слышѣ* — *слыша*, *оучащю* — *оучащѣ*. У самого писца рукописи эти написания сосуществовали: *живѣщѣ*, *оучащю*, *крѣщѣ*. Без изменения, естественно, остается написание *ча*: *оучащю*, но есть и *чѣ*: *пріаѣчѣю*.

4) Правщик ликвидирует *ѣ* в приставке *вѣс-*: *вѣ|схотѣ* — *во|схотѣ*, *вѣстокъ* — *востокъ*, *вѣста* — *воста*, *вѣзѣдвигнѣти* — *возѣдвигнѣти*.

5) При стечении одинаковых согласных *ѣ* в предлоге заменяет на *о*: *вѣ вѣкы* — *во вѣки*.

6) Вводит славянизм: *ѡзеро*, *озеро* — *езеро* (2 раза).

7) Вводит двойные согласные: *рѣскыа* — *рѣскіа*.

8) Выправляет употребление *ѣ* в основном в соответствии с этимологией (*река* — *рѣка*), и с древнерусской нормой, отличной от старославянской (*андрѣи* — *андрѣи*, *зде* — *здѣ*), но в топониме *днѣпръ* правильный *ѣ* заменяет на *ѣ* (несколько примеров). Скорее всего правщик жил в бассейне Оки, где вплоть до 50-х гг. XX в. *ѣ* было особой фонемой, а топоним *Днепр* был заимствованием, в котором *ѣ* не поддерживался живым произношением.

9) Правщик предпочитает избавиться от второго полногласия (следовательно, он не с северо-запада): *жерелѣ* — *жерлы*.

10) В существительных он вводит русскую форму вместо славянизма: *земла* — *земли* род. мн. числа.

11) Звательную форму для слов муж. рода по типу *сынѣ* ѥ-основ заменяет на форму о-основ: *андрѣю* — *андрѣѣ*.

12) Правщик очень любит глагольные формы 3 лица без конечного -т: *внидетѣ* — *вниде*, *потечетѣ* — *потече* и др.

13) Он по своему разумению исправляет словообразование: от слова *хвалисы* вводит исправление: *морѣ хвалиньское* — *хвалиньское*.

14) Правщик плохо знает топонимию северо-запада: в названии *Ловоть* во втором случае производит замену: *волокъ до ловоти и по ловоти внити во илмерь ѡзеро* — *до ловоти и по волоти внити во илмень ѡзеро*. Но, как видим, Ильмень он знает (может быть из былины?). Он правит *езеро великое нева на нево*. Отметим, что есть целый ряд списков Пролога, в которых встречаем названия *Волоть*, *Илмерь*, *Нево*.

15) Интересна замена названия Корсунь: *къ корсѣню* — *къ херсѣню*.

16) Писец и правщик неодинаково пользуются разделительными знаками, но вследствие их малого размера трудно различить исправления. Во всяком случае правщик вводит точку с запятой на концах текстов, т. е. считает их более «сильным», «двойным» знаком. Он же выделяет числа с обеих сторон запятыми, а не точками, как это было принято ранее.

Наконец, отметим, что у правщика нет желания упорядочить употребление дублетных букв³⁰, хотя, судя по материалу, вынесенному нами в первые пункты, он практически обращается к русской орфографии XIV в., которая отражала языковые изменения своего времени и древнейшие восточнославянские (исключение: *озеро* — *езеро*).

Приведенный материал Тип-327 показывает, что некоторая избыточность архаизации орфографии, возникшая на рубеже XV–XVI в., задержалась на недолгое время в Российском государстве.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ (НАШИ ШИФРЫ) ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

С целью сократить справочный аппарат, но в то же время дать возможность читателю при необходимости обратиться к использованным нами первоисточникам, в настоящей статье применяем условные обозначения (шифры) использованных рукописей. Наш шифр включает краткое буквенное название собрания или фонда

³⁰ Нет его и у первых печатников. См.: Жуковская Л. П. Некоторые замечания об орфографии Острожской библии // Федоровские чтения. 1981. М., 1985, с. 103–109.

рукописей в соответствующем хранилище и порядковый номер рукописи в этом собрании.

Барс — ГИМ, собр. Барсова.

Влг — ГБЛ, ф. N 354, собр. Вологодское.

Ег — ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова.

ЛИРК — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, Рукописная коллекция.

Мзс — ГИМ, собр. Музейское.

Писк — ГБЛ, ф. 228, собр. Пискарева.

Пог — ГПБ, собр. Погодина.

Рог — ГБЛ, ф. 247 собр. Рогожского кладбища.

Син — ГИМ, собр. Синодальное.

СинЛ — ГБЛ, ф. 272 собр. Синодальное.

СНА — Центральный государственный исторический архив, ф. 834, собр. рукописей Синода, опись N 2 для рукописей Пролога с N 1200 и далее, опись N 3 для рукописей с N 3300 и далее, опись N 4 для рукописей с N 1600 и далее.

Соф. — ГПБ, собр. Софийское.

Тип — ЦГАДА, ф. 381, собр. Библиотеки Синодальной Типографии.

Трц — ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевское.

Ув — ГИМ, собр. Уварова (прологи имеют формат 1°).

Усп — ГИМ, собр. Успенское.

Фол — ГПБ, собр. Основное, F («фолио»).

ФолП — ГПБ, то же, пергаменные рукописи.

Чрт — ГИМ, собр. Черткова.

Чуд — ГИМ, собр. Чудовское.

Щук — ГИМ, собр. Щукина.

Хронологический список трудов Л. П. Жуковской за 1951–1993 гг.

1951

1. Изучение русских говоров (Диалектологическая работа Института языкознания) // Вести АН СССР. 1951. № 10. С. 88–90.
2. Диалектологическая конференция в Институте языкознания // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1951. Т. X. Вып. 4. С. 428–434.

1953

3. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в.: (Палеографическое и фонетическое исследование рукописи Государственного Исторического музея: Патр. 68): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания АН СССР, 1953. 15 с.
4. Диалектологическое совещание в Институте языкознания Академии наук СССР // Русский язык в школе. 1953. № 6. С. 82–83.

1955

5. Палеография // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 13–78.
6. Тексты грамот и переводы с разночтениями // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 189–204.

1957

7. Типы лексических различий в диалектах русского языка // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 102–111.
8. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957. Т. VIII. С. 5–106.

9. Некоторые новые данные о русских народных говорах (По материалам диалектологических атласов) / [Совм. с др. сотр. сектора диалектологии] // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 82–92.
10. Лексика. [Теоретические положения] // Методические указания к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М., 1957. С. 97–112.
11. Лексика. [Конкретные методические указания к вопросам «Программы»] // Методические указания к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М., 1957. С. 112–155. — Совм. с А. И. Сологуб.
12. Юбилей Остромирова евангелия // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 154–156.
13. Качество долгого глухого шипящего согласного не на стыке морфем // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 41; Т. 2: Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. С. 530–545.
14. Произношение диалектных разновидностей слова *что* // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 42; Комментар. С. 546–547.
15. Качество долгого звонкого шипящего согласного не на стыке морфем // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 43; Комментар. С. 548–550.
16. Качество долгого звонкого шипящего согласного в словах с корнем *дожд'* // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 44; Комментар. С. 551.
17. Фонемы *ф, ф'* и их соответствия // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 45; Комментар. С. 552–555.
18. Звонкие согласные *б, д, з, ж* на конце слова // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 46; Комментар. С. 556–558.
19. Мягкие *т', д'* и их соответствия // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 61; Комментар. С. 607–611.
20. Согласный на месте *ч* в слове *пшеничный* и производных // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 69; Комментар. С. 631.
21. Согласный на месте *ч* в словах *молочный, ячница* и производных // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 70; Комментар. С. 632.

22. Произношение слова *кринка* // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 78; Комментар. С. 641–642.
23. Гласный конечного слога основы в слове *тенето* // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 93; Комментар. С. 659–661.
24. Названия постройки для хранения зерна // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 185; Комментар. С. 954–957.
25. Названия колыбели, подвешиваемой к потолку // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 186; Комментар. С. 958–961.
26. Названия кринки (глиняного сосуда с узким горлом для хранения молока) // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 189; Комментар. С. 966–971.
27. Распространение слова *махотка*, обозначающего сосуда разной формы // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 190; Комментар. С. 972–974.
28. Названия берестяного сосуда для жидкости // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 191; Комментар. С. 975–976.
29. Названия сковородника // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 193; Комментар. С. 978–979.
30. Названия деревянной части сохи, на которую насаживаются сошники // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 200; Комментар. С. 998–999.
31. Названия оглобель сохи // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 201; Комментар. С. 1000.
32. Названия цепа // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 202; Комментар. С. 1001–1002.
33. Названия ручки цепа // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 203; Комментар. С. 1003–1006.
34. Названия била у цепа // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 204; Комментар. С. 1007–1008.

35. Названия ремня, соединяющего ручку и било у цепа // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 205; Комментар. С. 1009–1010.
36. Названия деревянной части косы, на которую насаживается металлическая часть // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 206; Комментар. С. 1011–1013.
37. Названия рукоятки косы // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 207; Комментар. С. 1014–1015.
38. Диалектные названия брюквы // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 212; Комментар. С. 1028–1029.
39. Диалектные слова со значением «говорить», «разговаривать» // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 237; Комментар. С. 1074–1076.
40. Диалектные слова со значением «очень» // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 238; Комментар. С. 1077–1080.
41. Распространение слова *тенето* и его значения // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 240; Комментар. С. 1083–1084.

1958

42. [Об общеславянском лингвистическом атласе] // Сборник ответов на вопросы по языкознанию. (К IV Международному съезду славистов). М., 1958. С. 259–263.
43. Изучение лексики русских диалектов и вопросы этнографии // Краткие сообщения / Институт этнографии АН СССР. 1958. Т. 29. С. 23–29.
44. Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия // Труды Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1958. Т. V (8). С. 33–45.

1959

45. Новгородские берестяные грамоты. М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.
46. О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия // Славянское языкознание. М., 1959. С. 86–97.

1960

47. Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок). [О так называемой «Влесовой книге»] // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144.
48. О публикации памятников русского языка и письменности // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 134–140. — Совм. с С. И. Котковым.
49. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке: (По материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960. С. 59–117.
50. [Выступление] // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков [Материалы дискуссии] / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания / Отв. ред. М. М. Гухман и Е. А. Бокарев. М., 1960. С. 111–114.

1961

51. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия. (В связи с 900-летием памятника) // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 14–44.

1962

52. Берестяные грамоты // Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 559–560.
53. [Об общеславянском лингвистическом атласе] // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии 1962. Т. II: Проблемы славянского языкознания. С. 374–375.
54. [Об изучении древних славянских текстов Евангелия] // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. 1962. Т. II: Проблемы славянского языкознания. С. 148–149.
55. Лексические диалектные различия и их картографирование // Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962. С. 147–174. — Совм. с Р. И. Аванесовым.
56. Комментарии к картам // Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962. С. 218–231.
57. Рец. на кн.: Куйо Куев. Към въпроса за началото на славянската писменост. Годишник на Софийския университет, филологически факултет. София, 1960. Т. 54, 1. 108 с. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1962. Т. 21. Вып. 6. С. 541–545.

1963

58. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 142 с.
59. [1. Каким должен быть круг памятников (с их хронологическими и территориальными границами), который следует привлекать для восстановления языка кирилло-мефодиевского периода?] // Славянская филология. София, 1963. Т. 1: Отговоры на въпросите за научната анкета по езиковедение. С. 8.
60. [2. Каково было взаимоотношение между старейшими старославянскими центрами письменности (до XII в. включительно) и какова была их роль в возникновении и развитии старославянского языка?] // Славянская филология. София, 1963. Т. 1: Отговоры на въпросите за научната анкета по езиковедение. С. 12–13.
61. [4. Как соотносились между собой книжнославянский (церковнославянский) и древние славянские (русский, сербский, болгарский, чешский и др.) языки в разные периоды своего развития? Было ли это отношение двуязычия, или жанрово-стилистической дистрибуции, или заимствование отдельных элементов, взятых из общей системы?] // Славянская филология. София, 1963. Т. 1: Отговоры на въпросите за научната анкета по езиковедение. С. 18–19.
62. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языковедения. М., 1963. Вып. 7. С. 73–81.
63. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник. (Их значение и методика исследования) // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 20–35.

1964

64. Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 84–118.
65. К истории буквенной цифири и алфавитов у славян // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 37–43.
66. Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 6–17.

1965

67. О возможном родстве Юрьевского евангелия и галицко-волинских полных апракосов XII–XIII вв. // Проблемы современной

филологии: Сборник статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 136–141.

68. [О Енинском апостоле XI в.: Резюме выступ.] // Славянская филология: Материалы от V Международного конгресса на славистике. София, 1965. Т. VII. С. 66.

1966

69. Вопросы Н. П. Румянцеву к Вуку Караджичу и ответы на них // Советское славяноведение. 1966. № 5. С. 75–77.
70. От редакции // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 3–4. — Совм. с Н. И. Тарабасовой.
71. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 44–76.
72. Извод // Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. С. 66.
73. Кодекс // Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. С. 632.
74. Ред.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М.: Наука, 1966. 296 с. — Совм. с Н. И. Тарабасовой.

1967

75. Некоторые данные о группировке славянских рукописей полного апракоса XII–XIV вв. // Палестинский сборник. М., 1967. Вып. 17 (80). С. 176–184.

1968

76. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968. С. 196–332; схем., табл.
77. Пергаменная рукопись XIV в. из собрания Пушкинского дома: (Новое приобретение) // Труды отдела древнерусской литературы. 1968. Т. XXIII. С. 305–311; 1 л. факс.

1969

78. Памятники русской и славянской письменности XI–XIV вв. в книгохранилищах СССР // Советское славяноведение. 1969. № 1. С. 57–71.
79. Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей // Вопросы языковедения. 1969. № 1. С. 98–107.

80. Древние славянские переводы византийских и сирийских памятников в книгохранилищах СССР // Палестинский сборник. М., 1969. Вып. 19 (82). С. 171–176.
81. Пергаменные рукописи Пушкинского дома // Труды отдела древнерусской литературы. 1969. Т. XXIV. С. 375–379.
82. Лингвистические данные в текстологических исследованиях // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 3–26.
83. О текстологическом изучении разноязычных манускриптов традиционного содержания (VI–XV вв.) // Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей: Тезисы докладов. Тбилиси, 1969. С. 15–17.
84. [Комментарий] // Публикация одного памятника. Вып. 2. Лицевая рукопись Успенского собора: Евангелие нач. XV в. из Успенского собора Московского Кремля. Л., 1969. [Страницы не нумерованы].
85. Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник. (Археографическое, текстологическое и лингвистическое исследование). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л.: Ленингр. университет 1969. 30 с.

1970

86. Работы Б. А. Рыбакова в области вспомогательных исторических дисциплин: (К 60-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 291–299.
87. Графика, орфография и... палеография // Русская речь. 1970. № 4. С. 97–103.

1971

88. Сколько книг было в Древней Руси? // Русская речь. 1971. № 1. С. 73–80.
89. Два замечания о методике изучения «Слова о полку Игореве» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. Т. XXX. Вып. 3. С. 255–261.
90. Рукопись № 9 из собрания Григоровича // Советское славяноведение. 1971. № 3. С. 83–91.
91. К вопросу о классификации лексики в языках и диалектах // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов на 3-й лингвистической конференции, 3–7 мая 1971 г. 1. Терминология; 2. Системные связи в лексике / Новосибирский университет. 1971. С. 160–161.
92. Текстологическое исследование наследия Константина-Кирилла Философа // Константин-Кирилл Философ: Доклады от симпо-

- зиума, посветен 1100 годишнината от смъртта му. София, 1971. С. 31–40.
93. О глаголической традиции в славянском Евангелии-апракос // Slovo. Загреб, 1971. Т. 21. С. 351–358.
94. [Совещание по вопросам составления «Сводного каталога славяно-русских рукописей X–XIV вв.»] // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 144–145.

1972

95. Лексика распространенных на Руси памятников нач. XII в. и некоторые проблемы истории русского литературного языка // Актуальные проблемы лексикологии: Доклады III Межвузовской конференции, 3–7 мая 1971 г. / Новосибирский университет. 1972. С. 232–236.
96. Новая книга о походе Игоря // Русская речь. 1972. № 4. С. 93–98.
97. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода // Вопросы языкознания. 1972. № 5. С. 62–76.
98. Сербские пергаменные Евангелия в книгохранилищах СССР и их связи с южнославянскими рукописями // Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972. С. 208–239.
99. Ред.: Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М.: Наука, 1972. 135 с.

1973

100. Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI–XIV веков для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР»: Проект; Институт истории АН СССР. М., 1973. 20 с. — Совм. с Н. Б. Шеламановой.
101. Повторяющиеся чтения как лингвистический источник // Восточнославянские языки: источники для их изучения. 1973. М., 1973. С. 72–98.
102. О текстологическом изучении памятников традиционного содержания // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 183–193.
103. Рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Археогр. комис. при Отд-нии истории АН СССР и др. Вып. 1. М., 1973. С. 1–42.
104. Славяно-русские Евангелия XI–XIV вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Археогр. комис. при Отд-нии истории АН СССР и др. Вып. 1. М., 1973. С. 356–383.

105. От редакции // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Археогр. комис. при Отд-нии истории АН СССР и др. Вып. 1. М., 1973. С. I–III.
106. Что читали на Руси в XI–XII веках: Древнейшие сборники для чтения // Русская речь. 1973. № 4. С. 112–119.
107. О начальном этапе древнерусского литературного языка // Сопещение по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2–5 окт. 1973 г.). М., 1973. С. 171–174.
108. *Ред.*: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М.: Наука, 1973. 312 с. — Отв. ред. Л. П. Жуковская, Н. И. Тарабасова.
109. *Ред.*: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Археогр. комис. при Отд-нии истории АН СССР и др.; Вып. 1. М., 1973. 387 с. — Член редколлегии, отв. ред.

1974

110. Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI–XIV веков для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Институт истории АН СССР. 1974. 44 с. — Совм. с Н. Б. Шеламановой.
111. Об исследованиях по старославянскому языку // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33. Вып. 5. С. 465–471.
112. Инициалы в древнерусских рукописных книгах // Русская речь. 1974. № 3. С. 39–53.
113. Экслиттеральные способы определения разных почерков // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сборник 2. С. 28–37.
114. Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сборник 2. С. 58–69.
115. О правомерности «широких дат» для пергаменных рукописей. (На материале рукописей) IIIb 22 и IVd 12 Югославян. акад. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 39–53.
116. Работа над «Сводным каталогом славяно-русских рукописей» и некоторые вопросы методики их описания // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 243–247.
117. Рукописи полного апракоса милятинского класса // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 29–61.

118. Древнерусское *сѣ* при глаголах в издаваемом тексте и словоукателе // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 268–282. — Совм. с Н. П. Панкратовой.
119. Работа В. В. Виноградова по изучению языка древнерусских рукописей // Исследование по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. М., 1974. С. 87–100.
120. Типичное в украшении древнерусской пергаменной книги // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Секция рукописной книги: Тезисы докладов / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1974. С. 6–9.
121. *Ред.*: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания М.: Наука, 1974. 352 с. — Отв. ред. Л. П. Жуковская, Н. С. Коткова.
122. *Ред.*: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., Наука, 1974. — Ред. раздела Славяно-русская палеография. С. 8–183.

1975

123. Шахматов // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. С. 610–611.
124. Виктор Иванович Борковский: (К 75-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1975. Т. 34. Вып. 2. С. 189–190. — Совм. с Б. А. Серебренниковым и Г. В. Степановым.
125. Словарь памятника письменности в его списках // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы. М., 1975. Вып. 3: Теория и практика исторической лексикографии. С. 35–37.
126. Памятники письменности как источник ареальных исследований // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы Третьей конференции на тему «Методика лингво- и этнографических исследований. Межрегиональные и центральные ареалы», 10–12 февр. 1975 г. Л., 1975. С. 97–98.

1976

127. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.; табл., схем.
128. Работа по подготовке славяно-русского выпуска «Сводного каталога рукописей» и «Инструкции» по его составлению // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 24–27.

129. Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI–XIV веков для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». 2-е изд. без прим. // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 28–40.
130. От редакции // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Институт истории АН СССР. 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. I–III. — Совм. с другими.
131. Рекомендуемые наименования памятников письменности и рукописей для славянского выпуска «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Институт истории АН СССР. 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 1–32. — Совм. с Н. Б. Тихомировым и Н. Б. Шеламановой.
132. Рекомендации для выявления водяных знаков (филиграней) в рукописях форматом 4° и датировки рукописей по филиграням // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Институт истории АН СССР. 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 33–50.
133. К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 69–79. — Совм. с Н. Н. Ворониным.
134. Приближая столетия // Комсомольская правда. 1976. 6 апр. — Совм. с В. М. Василенко и Л. А. Гольдбергом.
135. *Ред.*: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Институт истории АН СССР. 1976. Вып. 2. Ч. 1. 256 с. — Отв. ред.
136. *Ред.*: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Институт истории АН СССР. 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 257–484. — Отв. ред.

1977

137. Мнимая древнейшая летопись. [О так называемой «Влесовой книге»] // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 202–205. — Совм. с В. И. Бугановым и Б. А. Рыбаковым.
138. «Русской речи» 10 лет // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. Вып. 1. С. 64–69. — Под псевдонимом Л. Петрова, совм. с Л. К. Граудиной.

139. От редколлегии // Изборник Святослава 1073 г.: Сборник статей. М., 1977. С. 3–4. — Совм. с другими.
140. Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святослава 1073 г.: Сборник статей. М., 1977. С. 5–31.
141. Лексика Изборника 1073 г. в «Описании рукописей Синодальной библиотеки» // Изборник Святослава 1073 г.: Сборник статей. М., 1977. С. 152–169.
142. *Ред.*: Изборник Святослава 1073 г.: Сборник статей. М.: Наука, 1977. 313 с. — Член редколлегии.

1978

143. Реймское евангелие. История его изучения и текст // Предварительные публикации / [Институт рус. яз. АН СССР]. 1978. Вып. 114. 64 с.
144. Постоянная и варьирующаяся лексика в списках памятника: (Вопросы изучения и лексикографирования) // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сент. 1978 г.: Доклады советской делегации. М., 1978. С. 172–195.
145. Фонемный состав обычно сокращаемых слов в Мстиславовом евангелии // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978. С. 3–15.
146. Ученый, исследователь, пропагандист // Русская речь. 1978. № 5. С. 132–134.
147. Stable and varying Vocabulary of Monument copies // VIII Međunarodni slavistički kongres. Zagreb. 3–9 IX 1978. Ljubljana. Knjiga referata. Sažeci. II. L–Y. Zagreb. Međunarodni slavistički centar SR Hrvatske. S. 993.
148. *Ред.*: Палестинский сборник. Филология и история. М.: Наука, 1978. 26 (89). 183 с. — Совм. с другими.

1979

149. Болховитинов // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 81–82.
150. Берестяные грамоты // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 31–32.
151. Палеография // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 191–193.
152. О факсимильных изданиях древних рукописей // Всесоюзная научная конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности»: Тезисы докладов. Б-ка АН СССР. Л., 1979. С. 16–18.

1980

153. «Влесова книга». Почему не Велесова? (Об одной подделке) // Русская речь. 1980. № 4. С. 111–118. — Совм. с Ф. П. Филиным.

1981

154. Научное факсимильное издание древних рукописей // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. (Материалы всесоюзной конференции). Л., 1981. С. 48–61.
155. Гіпотези й факти про давньоруську писемність до XII ст. // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. Київ, 1981. С. 9–35. [Содерж.: 1. Докирилівська писемність. 2. Писемність на Русі до офіційного прийняття християнства при Володимирі Святославичі і Володимиріві книги. 3. Слов'янська книга французької королеви Анни Ярославни. 4. Повний апракос Мстислава Великого і київські бібліотеки XI ст.]
156. Международный симпозиум по средневековым сборникам // Археологический ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 357.
157. Издания древних рукописных источников для исследовательских целей // Текстология средневековых южнославянских книжности. Научни скупови. Књ. X. Одељење језика и књижевности. Књ. 2. Београд, 1981. С. 21–31.
158. Текстология и лексикология памятников письменности // Текстология средневековых южнославянских книжности. Научни скупови. Књ. X. Одељење језика и књижевности. Књ. 2. Београд, 1981. С. 65–76.

1982

159. Славянские рукописные книги // Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 469–470.
160. Русская рукописная книга // Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 447–448.
161. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность. (Житие Аинсьи по спискам 1282–1632 гг.) // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 277–287.
162. О южнославянском влиянии XIV–XV вв.: (На материале проложного Жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 26–39.
163. О якобы датированных списках Стишного пролога: (Троицкое собрание ГБЛ) // История русского языка: Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 74–121.

164. О значении исследования понтюзо и некоторых других вопросах филиграноведения // Археологический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 64–76.
165. Письменность в древнейшем Киеве // Русская речь. 1982. № 2. С. 12–19.
166. Барсовский список грамматического сочинения «О восьми частях слова» // Східнослов'янські граматики XVI–XVII ст.: Матеріали симпозиуму. Київ, 1982. С. 29–51.
167. О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Salzburg — Wien, 1982. Bd. 2. S. 131–144.
168. Рубен Иванович Аванесов. (К 80-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. Вып. I. С. 72–77. — Совм. с С. В. Бромлей, В. В. Ивановым и Т. А. Сумниковой.
169. Ред.: Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века. Чебоксары: Изд-во Чебоксарского университета, 1982. 398 с. — Совм. с И. Г. Добродомовым.

1983

170. Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М.: Наука, 1983. 527 с.
171. Апракос Мстислава Великого — рукопись конца XI (рубежа XI–XII) века. // Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 3–28.
172. Назначение чтений и содержание текстов в их последовательности // Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 491–495.
173. Таблицы повторяющихся чтений // Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 496–523.
174. Приложения // Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 524–526.
175. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога: (Избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание: Доклады советской делегации: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. М., 1983. С. 110–120; табл.
176. Текстологічне і лінгвістичне дослідження Прологу: (Вибрані візантійські, руські і інослов'янські статті) // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. М., 1983. С. 444.
177. О составлении «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Доклады советской делегации: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. М., 1983. С. 270–282. — Совм. с Н. Б. Шеламановой и С. О. Шмидтом.

178. От редколлегии // Изборник Святослава 1073 года. М., 1983. С. 7–8.
179. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 года // Изборник Святослава 1073 года. М., 1983. С. 31–40.
180. Подстрочный перевод названий глав и пагинация Изборника Святослава // Изборник Святослава 1073 года М., 1983. С. 41–57. — Совм. с Л. М. Костюхиной и Э. В. Шульгиной.
181. A Composite Catalog of Slavo-russian Hand-written Books preserved in the USSR // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. М., 1983. С. 590–591. — Совм. с Н. Б. Шеламановой и С. О. Шмидтом.
182. Из глубины веков // Книжное обозрение. 1983. № 49. С. 10.
183. Факсимильное издание «Изборника»: [Запись беседы] // Книжное обозрение. 1983. № 27.
184. Рец. на кн.: Славяно-русские рукописи XV–XVI веков Научной библиотеки Московского университета / Сост. Н. А. Кобяк, И. В. Поздеева. Поступления 1964–1978 гг. М.: Изд-во МГУ, 1981. 224 с., илл.; Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1980. 360 с.; Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М. И. Чуванова. Каталог / Сост. И. В. Поздеева. М.: ГБЛ, 1981. 168 с. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. Вып. 3. С. 277–279.
185. Рец. на кн.: Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. — 200 с. // Вопросы языкознания. 1983. № 1. С. 133–137. — Совм. с Р. А. Симоновым.
186. *Ред.*: Апракос Мстислава Великого. М.: Наука, 1983. 527 с.
187. *Ред.*: Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание: Науч. аппарат. М.: Книга, 1983. 79 с. — Науч. ред.

1984

188. Первый Зальцбургский коллоквиум по славистике (25–28 нояб. 1982 г.) // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 138–140. — Совм. с Л. В. Куркиной.
189. От редакции книги // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. С. 8–15. — Совм. с Н. Б. Тихомировым и Н. Б. Шеламановой
190. Слово *титло* — среднего рода // Русская речь. 1984. № 6. С. 66–67.
191. Стостишие Евгении в Прилепском прологе конца XIV века // Прилози. IX. 2. / Македонска академија на науките и уметностите: Одделение за лингвистика и литературна наука. Скопје, 1984. С. 11–22.

192. *Ред.*: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 405 с. — В составе редколлегии.
193. *Ред.*: Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984. 240 с. — Совм. с В. Ю. Франчук.

1985

194. Несколько страничек из истории филологической науки: Русские академики и издание Мстиславова евангелия // Восточные славяне: Языки, история, культура. М., 1985. С. 249–252.
195. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 68–125.
196. Возраст Веры в Прологе // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 149–150.
197. Некоторые замечания об орфографии Острожской библии // Федоровские чтения. 1981. М., 1985. С. 103–109.
198. *Ред.*: «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. 415 с. — Совм. с другими.
199. *Ред.*: Восточные славяне: Языки, история, культура. М.: Наука. 1985. 300 с. — Член редколлегии.

1986

200. Изучение древних рукописей и машинный фонд русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М., 1986. С. 132–135.
201. Списки Пролога Государственного архива Калининской области и их использование для истории русского языка // Среднерусские говоры: Межвузовский тематический сборник научных трудов / Калининский университет. 1986. С. 96–116.
202. Задачи и принципы составления Сводного каталога рукописей // Проблеме де историе а лимбий. Проблемы истории языка: Исследования и тексты. Кишинев, 1986. С. 21–25.
203. М. В. Ломоносов о русском языке и письме // Русская речь. 1986. № 6. С. 11–27.
204. [Выступление по докладу D. Worth (USA) о втором южнославянском влиянии и русском литературном языке] // Языкознание: IX Международный съезд славистов: Материалы дискуссии: Киев, сентябрь 1983 г. Киев. 1986. С. 10–11.

1987

205. Еще раз о старославянском языке. (По поводу книг И. Тота и Р. М. Цейтлин) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. Вып. 1. С. 79–85.
206. Загадки Записи Изборника Святослава 1073 года // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 45–62.
207. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 144–176.
208. Предисловие // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 3–5.
209. Повторяющиеся статьи Пролога как лингвистический источник: (На материале статьи Василия Великого «О пьянстве» // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 93–108.
210. [Выступление по докладам А. А. Медынцевой и по докладу С. А. Высоцкого] // IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Материалы дискуссии. Фольклористика. Историческая проблематика. Круглые столы. Киев, 1987. С. 82–83.
211. [Выступление об изучении рукописных сборников] // IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Материалы дискуссии. Литературоведение и лингвистика: Круглые столы. Киев, 1987. С. 174–175.
212. *Ред.*: Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев: Наукова думка, 1987. 175 с. — Совм. с другими.
213. *Ред.*: Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому М.: Наука, 1987. 246 с. — Член редколлегии совм. с В. П. Вомперским и А. И. Горшковым. *Отв. ред.*

1988

214. Изборник Святослава 1073 года: некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации: София, сентябрь 1988 г. М., 1988. С. 3–16. — Совместно с др.
215. О лексическом составе славянского полного апракоса // X Международный конгресс на славистике. Резюме на докладите: София, 14–22 септември 1988 г. София, 1988. С. 29.

216. Наиболее важные особенности звучавшего древнерусского языка // Звучащее слово Древней Руси. Искусство звучащего слова. М., 1988. № 13. Вып. 37. С. 37–54.
217. Лингвотекстологию на службу лексикологии и лексикографии // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: Тезисы докладов: Днепропетровск, 12–14 окт. 1988 г. / Днепропетровский университет. Ч. 1. С. 7–8.
218. От редактора // Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд. М.: Наука, 1988. С. 3–6.
219. Комментарий специалиста [к ст.: Г. Гриневич. Племя рыси с острова Крит] // Техника-молодежи. 1988. № 8. С. 57.
220. «Влесова книга»: что же она такое? [Запись беседы] // Книжное обозрение. 1988. № 2. С. 3.
221. Тысячелетие русской книжности. [Запись беседы] // Книжное обозрение. 1988. № 24. С. 4, 14.
222. *Ред.*: Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд. М.: Наука, 1988.– 191 с. — *Отв. ред.*
223. *Ред.*: Панин Л. Г. Лингвотекстологическое исследование Минейного Торжественника: Рукописи XIV–XVI вв. Новосибирск: Наука. 1988. 264 с. — Совм. с А. И. Федоровым.

1989

224. Тихая катастрофа. [Из истории Института русского языка. АН СССР] // Молодая гвардия. 1989. № 5. С. 255–261.
225. Ранняя редакция древнерусского Пролога // Тезисы докладов и сообщений. Конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1988 г. (21 апр. 1989 г.) / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1989. С. 106–108.

1990

226. Палеография // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 358–359.
227. Славяно-русская палеография // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 359–360.
228. О необходимости филигранологического анализа рукописей при изучении проблемы так называемого «второго южнославянского влияния» // Филигранологические исследования. Теория, методика, практика. Сборник научных трудов. Л., 1990. С. 120–123.

229. Особенности лексики в повторяющихся текстах Архангельского евангелия 1092 г. // Тезисы докладов и сообщений Конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1999 г. (20 апр. 1990 г.) / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М. 1990. С. 107–109.
230. Конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1999 г. (20 апр. 1990 г.) / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М. 1990. С. 110.
231. Новая жизнь древней книги. [Запись беседы] // Библиотекарь, 1990. № 11. С. 70–71.
232. *Ред.*: Лукина Г. Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.: Наука, 1990. 180 с. — Отв. ред.
233. *Ред.*: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М. 1990. Вып. 3. Ч. 1. 200 с. — Отв. ред.
234. *Ред.*: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М. 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 201–405. — Отв. ред.
235. *Ред.*: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Вып. 5. Ч. 1 («Златая цепь») / Сост. и авт. ст. М. С. Крутова. Новосибирск, 1990. 184 с. — Член редколлегии.
236. *Ред.*: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Вып. 5. Ч. 2 («Златая цепь») / Сост. и авт. ст. М. С. Крутова. 1990. С. 185–352. — Член редколлегии.

1991

237. Проложное житие Афанасия и Кирилла Александрийских (Наблюдения над текстом и языком списков) // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М., 1991. С. 60–72.
238. Эволюция книжного письма в эпоху от митрополита Ионы до патриарха Иова // *Da Roma alla terza Roma. От Рима к Третьему Риму. IV Centenario dell' istituzione del Patriarcato in Russia.* 400-летие учреждения патриаршества в России. Roma. 1991. С. 253–256.
239. Евангелие Анны Ярославны — королевы Франции в текстологическом отношении // Тезисы докладов и сообщений. Конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1990 г. (23 апр. 1991 г.) / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1991. С. 84–87.
240. Древнейшие рукописи собрания В.И. Григоровича в ГБЛ // Профессор Виктор Иванович Григорович // Тезисы докладов Област-

- ных научных чтений, посвященных 175-летию со дня рождения ученого-слависта. Одесса, 1991. С. 42–45.
241. Великий славист. 210 лет со дня рождения А. Х. Востокова. 1781–1864 // Российский календарь знаменательных дат. 1991. Март. С. 41–42.
242. «Азь есмь всему миру светъ» // Советская Россия. № 101 (10552). 1991, 23 мая. С. 4.
243. Передел мировой культуры? Мнение специалиста // Русский вестник. № 22. 1991, 22 сент. С. 5.

1992

244. Старопечатные книги Апостол-Евангелие воскресный апракос // Тезисы конференции «Книга в меняющемся мире». Седьмая научная конференция по проблемам книговедения / Секция истории книги (до нач. XX в.). М., 1992. С. 18–20.
245. Фонетически не мотивированные дублетные графемы в Четвероевангелии царя Ивана Александра 1356 г. // Тезисы докладов научной конференции «Болгарская культура в веках». Москва, 26–27 мая 1992 г. М., 1992. С. 10–11.
246. Письмо и язык славянских рукописей XI–XV вв. // Описание рукописных книг. Методические рекомендации. Екатеринбург, 1992. С. 3–24.
247. Хлеб наш насущный: Русскому Архангельскому евангелию 1092 г. — 900 лет // Домострой. № 16, 1992, 21 апреля. С. 10–11.
248. Новый Завет из обители Чуда // Домострой. № 40, 1992, 6 октября. С. 13.
249. Архангельскому евангелию — 900 лет! // Русский вестник. № 39 [Октябрь 1992]. С. 13.
250. «Писал Мичка» // Правда Севера [Архангельск]. № 214 (21776), 1992, 8 декабря. С. 5.
251. Архангельское евангелие 900 лет спустя // Вечерняя Москва. № 247 (20888) 1992, 21 декабря. С. 7.
252. Возрождение духовной культуры в ваших руках // Волна [Архангельск]. № 149 (241), 1992, 26 декабря. С. 7.

1993

253. О необходимости преемственного исследования рукописных книг (На материале Евангелия Мзн–8762) // Тезисы докладов и сообщений. Конференция по итогам научной работы РГБ за 1992 г. (23 июня 1993 г.). М., 1993. С. 76–79.

254. К изучению письменной культуры Ростово-Суздальской земли (На материале Евангелий-апракосов) // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 54–62.
255. Еще о текстологии и месящеслове Евангелия (по датированным древнерусским апракосам XI–XII вв.) // Труды отдела древнерусской литературы. 1993. Т. 48. С. 81–87.
256. Хронология древнерусских Евангелий группы Хитрово-Кошки // Материалы Конференции по итогам научно-исследовательской работы РГБ за 1991 г. (29 июня 1992 г.) и Конференции молодых специалистов библиотеки (1 июля 1992 г.). М., 1993. С. 90–93.
257. Евангелия апракос Киевской Руси и католический Евангелистариий // Тези заповідей науково-практичної конференції «Писемні пам'ятки східнослов'янськими мовами XI–XVIII ст. ст. Київ–Слов'янськ, 4–6 травня 1993 р. Київ, 1993. С. 17–21.
258. Один язык — две книги // Домострой. № 1. 1993, 5 января. С. 12.
259. Единые, неделимые. Мысли и заметки о Херсонесском славянском празднике // Домострой. № 23, 1993, 8 июня. С. 11.

Работы Л. П. Жуковской, опубликованные посмертно

1995

260. Архангельское евангелие 1092 г. — уникальный памятник древнерусской и славянской письменности // Архангельскому евангелию 1092 года — 900 лет. М., 1995. С. 6–20.
261. Митрополит Алексей и его перевод Чудовской рукописи Нового завета 1354 г. // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 23–33.

1997

262. Архангельское евангелие. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. Отв. ред. Т. Л. Миронова. М.: Скрипторий, 1997. — 674 с.
263. Апракос Мстислава Великого // Мстиславово евангелие XII века. Исследования. М., 1997. С. 670–709.

1998

264. К датировке Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве». (По материалам «Сказания о новгородских еретиках» и обличительных на них слов) // Письменная культура. М., 1998. С. 17–21.

2006

265. Дважды написанная проложная статья на 9 мая о перенесении мощей святителя Николая Мирликийского // Святитель Николай Мирликийский в памятниках письменности и иконографии / Отв. ред.-сост. Г. С. Клокова, М. С. Крутова. Подг. публ. М. С. Крутовой. М., 2006. С. 7–14.
266. Душа и слово: Сборник статей Л. П. Жуковской / Ред.-сост. Г. В. Соколова. М.: ИХТИОС, 2006. 302 с.

2008

267. Волоковский лес на пути варяг в греки // Записки Отдела рукописей. Вып. 53 / Рос. гос. б-ка. М., 2008. С. 556–561. Подг. публ. М. С. Крутовой.
268. Еще о начальной редакции и о весенне-летней половине древнерусского Пролога // Записки Отдела рукописей. Вып. 53 / Рос. гос. б-ка. М., 2008. С. 562–566. Подг. публ. М. С. Крутовой.
269. К текстологии проложных статей об апостоле Андрее // Записки Отдела рукописей. Вып. 53 / Рос. гос. б-ка. М., 2008. С. 567–569. Подг. публ. М. С. Крутовой.

Литература о Л. П. Жуковской и ее трудах

Розов Н. Н. [Рец. на кн.]: Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР) / АН СССР, Ин-т рус. яз. Отв. ред. Б. В. Горнунг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 142 с. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 24. Вып. 6. С. 552–553.

Šimeček Z. [Рец. на кн.]: Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР) / АН СССР. Ин-т рус. яз. Отв. ред. Б. В. Горнунг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 142 с. // Slovanský přehled. Praha, 1966. № 1. S. 59–60.

*V.M. [Рец. на кн.]: Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР) / АН СССР. Ин-т рус. яз. Отв. ред. Б. В. Горнунг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 142 с. // Slovo. Zagreb, 1964. № 4. S. 132–137.

Даскалова А. Жуковская, Лидия Петровна (Жуковская Л. П.) // Кирило-Методиевская энциклопедия. София, 1985. Т. 1: А–З. С. 704–706.

Дерягин В. Я., Лёвочкин И. В. Лидия Петровна Жуковская: (К 70-летию со дня рождения) // Записки Отдела рукописей Государственной Библиотеки имени В. И. Ленина. М.: Гос. б-ка СССР имени В. И. Ленина, 1990. Т. 49. С. 249–253.

Список работ доктора филологических наук Л. П. Жуковской // Записки Отдела рукописей. Вып. 49. М., 1990. С. 253–262.

Черных В. А., Шеламанова Н. Б. К юбилею Л. П. Жуковской // Археологический ежегодник за 1990 г. 1992. С. 172.

Мошиньски Л. Л. П. Жуковская // Palaeobulgarica. 1995. № 4. С. 122–123.

Творогов О. В. Жуковская Лидия Петровна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Институт рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин год, 1995. Т. 2: Г–И. 334 с.

Аксёнова Г. В. Труды Л. П. Жуковской в области палеографии // Румянцевские чтения. Ч. 2. М.: Рос. гос. б-ка, 1996. С. 15–17.

Алексеев А. А. Лидия Петровна Жуковская (5 апреля 1920 — 7 января 1994). Некролог // Slovo. Zagreb, 1996. № 46. С. 205–210.

Богатова Г. А. Древнерусские библейские традиции в трудах Л. П. Жуковской // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 1996. С. 5–10.

Камчатнов А. М. Л. П. Жуковская как библеист // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 1996. С. 17–24.

Крутова М. С. Л. П. Жуковская как основатель лингвотекстологии // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 1996. С. 12–15.

Лёвочкин И. В. Лидия Петровна Жуковская // Археологический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 370–371, 308–309.

Крутова М. С. Лидия Петровна Жуковская как исследователь древнерусских письменных источников // Письменная культура: Источниковедческие аспекты истории книги. Сборник статей. М., 1998. С. 21–28.

Панин Л. Г. Лидия Петровна Жуковская (1920–1994) // Филолог. 2000. № 1.

Исаченко Т. А. Текстология Евангелия: (исследования Л. П. Жуковской в области истории русского литературного языка) // Библиотекосведение. 2005. № 4. С. 81–87.

Камчатнов А. М. Международная научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Л. П. Жуковской // Древняя Русь. № 4 (22). М., 2005. С. 133–137.

Крутова М. С. Научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Л. П. Жуковской [«Язык, текстология и история славянских памятников письменности», 19–20 мая 2005 г. в РГБ] // Книга: исследования. и материалы / Отд-ние ист.-филол. наук РАН [и др.]. М., 2006. Сб. 85. С. 558–563.

Крутова М. С. Научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Л. П. Жуковской // Археологический ежегодник за 2005 г. / Археологическая комиссия РАН. М., 2007. С. 558–563.

Жуковская Лидия Петровна // Чуждестранна българистика през XX в.: Энциклопедичен справочник. София, 2008. С. 196–197.

Турилов А. А. Жуковская Лидия Петровна // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 377–379.

Панин Л. Г. Лидия Петровна Жуковская // Филология и человек. 2010. № 2. Барнаул. С. 192–197.

Крутова М. Древнерусские письменные источники в научных трудах Лидии Петровны Жуковской // Новая книга России. 2014. № 8. С. 19–22.

Научное издание

Л. П. Жуковская

**РАЗВИТИЕ СЛАВЯНО-РУССКОЙ
ПАЛЕОГРАФИИ
(В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В СССР)
ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ**

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура: «Serif». Формат 60×88/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 27,5
Тираж 300 экз. Заказ №